

Елена Ротман

Когда нам будет 40 лет

роман

A romantic couple is shown in silhouette, embracing and kissing under a glowing umbrella in the rain. The scene is set against a dark background with a bright, warm light source behind the couple, creating a soft glow and long shadows on the ground. The rain is visible as a dense pattern of white streaks around them.

16+

Елена Игоревна Ротман

Когда нам будет 40 лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40145195

SelfPub; 2019

Аннотация

Говорят, выбор есть всегда. А что если ты уже выбрал и теперь терзаешься данным решением? Она не смогла отказаться от роскошного подарка судьбы, решив, что чувства – это глупость, которая со временем выветрится. Он же был рожден для трона, с намеченным планом на всю жизнь, от которого невозможно отказаться. Это в крови. Вот так они и живут, мучая себя и остальных, не давая себе сделать неверный шаг, что уничтожит множество судеб.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	48
Глава 5	65
Глава 6	79
Глава 7	94
Глава 8	109
Глава 9	122
Глава 10	143
Глава 11	168
Глава 12	194
Глава 13	216
Глава 14	240
Глава 15	266
Глава 16	295
Глава 17	325
Глава 18	345
Глава 19	367
Глава 20	384
Глава 21	406
Глава 22	431
Глава 23	452

Глава 24	484
Глава 25	538
Глава 26	636

Когда нам будет сорок лет

Глава 1

У каждого чувствующего человека есть любимая история любви. Будь то мультфильм о «Красавице и Чудовище», легенда о Тристане и Изольде, либо вечная драма о Ромео и Джульетте.

Прошлое невозможно описать, одним словом или парой предложений. Если вы не были последние сорок лет в коме, то на вашем надгробии уж точно не напишут сухие «Родился. Жил. Умер»

Моя жизнь с легкостью можно назвать сказкой, ибо так оно и было до определенного момента, пока она (некое подобие диснеевского мультика) не скатилась до простой банальной драмы, в которой как обычно виноват женский род. В моем случае это относится к существительному «монархия».

Мне было двадцать лет, когда началась эта довольно долгая история. Сколько прошло? Столько, наверное, и не любят. Во всяком случае, если ничто не препятствует чувствам.

Мой мир – это совершенно иное место, которое играет потрясающими красками, и пусть вам покажется, что он не слишком отличается от вашего – ведь это будет просто замечательно. Мой мир...

– Княгиня, – в комнату заглянула служанка Кейти, которая ни в коем случае не хотела тревожить хозяйку, что каждое утро начинала не в самом лучшем настроении. «Хочешь что-нибудь добыть у княгини – приходи вечером» – гласила шуточная поговорка, придуманная много лет назад. Может быть, именно поэтому министр Обороны всегда навещал ее после обеда?

– Что-то случилось? – княгиня была уже одета «при полном параде» и сидела за своим письменным столом из темного дуба. В ее руках нетерпеливо покачивалась обычная шариковая ручка: она всегда все начинала писать от руки, совершенно не замечая ехидных усмешек собственного мужа, что неумолимо шел в ногу с прогрессом. Нет... Она не была против новинок, но не понимала, как можно получить удовольствие от чтения книги на тонком куске металла и пластика. «Война и Мир», что тоньше столового ножа! В юности ей казалось, что время идет слишком медленно, но чем старше она становилось, тем быстрее бежали часы, не давая ей опомниться и осознать насколько все скоротечно.

– Мне было велено сказать, что в «Светлой гостиной» вас ждет сюрприз, – Кейти опустила глаза в пол и, ожидая раздраженной реакции, попятилась к двери.

– Его Святейшество решил впасть в детство? – княгиня захлопнула лежащий перед ней ежедневник, служивший черновиком для ее, так называемых произведений, и повернулась к Кейти в полный корпус. Она не собиралась сердить-

ся – ее сочинительство и так зашло в тупик, оставляя после себя лишь короткие зарисовки, неспособные добросовестно соединиться друг с другом. И вот это раздражало – столько много слов, мыслей, идей, накопилось в голове, а вылить на бумагу она способна лишь какие-то ошметки, не способные сравниться с образом, жившим рядом с ее музой.

– Нет, Ваше Святейшество, не он, – девушка наконец-то подняла голову и чуть заговорщицки улыбнувшись, скрылась за массивной дверью, оставив свою госпожу в некоторой неопределенности.

Женщина, которая на данный день в свои пятьдесят лет была главой крупнейшего княжества, резко вскочила с места и подлетела к зеркалу, что было непозволительно роскошным и во всю стену.

«Видела бы меня Хезер» усмехнувшись, подумала княгиня, даже спустя годы, живя одобрением этой молчаливой женщины, всего-то старше ее на пятнадцать лет.

Она скрупулезно осматривала себя со всех сторон, явно отмечая и пару лишних килограммов и новые морщинки, что появились у глаз. Ее не тревожила мысль, что все это довольно глупо и что ведет себя словно глупая влюбленная девчонка. Она, как и любая другая женщина, хотела быть идеальной как при встрече с почитателем, так и при встрече с врагом. И человек, ожидавший ее в гостиной на первом этаже старого поместья, мог смело носить оба этих понятия.

Каждая лестница этого дома была устлана зелеными или

темно – бордовыми коврами с длинным ворсом, в котором утопали ноги. И ничего не было изменено с того момента как чуть ли не бегущая княгиня впервые и немного испуганно вступила на порог этого дома с его почти каменными от времени главными деревянными створчатыми дверьми. Все те же духи умерших предков бродят по коридорам тихими длинными вечерами, все те же лица смотрят с полотен своим укоряющим взглядом, до сих пор не одобряя, что именно она стоит во главе страны. И эта немного запыхавшаяся женщина знала, что пройдет время, и ее портрет будет висеть рядом с прошлым правителем, так же снисходительно смотреть на своих приемников. Но сейчас она, словно юная двадцатилетняя девушка, старалась успокоить свое колотящееся сердце, прижимая руку к груди. Вдох. Выдох. Вдох.

Княгиня наконец-то повернула бронзовую ручку двери и чуть нажала на нее.

– Ты долго.

И этот насмешливый голос, словно воронка унес с собой в прошлое.

30 лет назад

Загородная резиденция Виндзор, конечно же, превосходила своими размерами и великолепием поместье Полиньяк, расположенного в некоем удалении от Галифора. А как иначе? Англия страна с многовековой историей, а Грепиль...

Начнем с того что Грeпиль пока лишь княжество, не прожившее столетий воин и мира, переворотов, голода и болезней, будучи самостоятельными государством. Этакое княжество – баловень судьбы, сумевшее без масштабных пашен и лесов, разбогатеть на том, что считается в своем роде грехом – азарт. Княжество Грeпиль было европейским Лас-Вегасом, только старше и более компактным, постоянно завоеванным и зависящим от Франции до Первой мировой войны. Чудное милое место для хорошего отдыха человека, у которого есть пара миллионов в кармане.

Она же стояла немного в стороне от собравшихся здесь отпрысков глав государств и дипломатов. Нервно сжимая в руках бокал с вишневым соком, боясь выпить что-нибудь покрепче и опозориться в первый полностью самостоятельный выход, где не было даже личного телохранителя. Девушка, которой через долгих одиннадцать дней исполнялось всего двадцать, мечтала о том, что бы все вокруг как минимум стали разговаривать немного помедленнее и без жаргонизмов. 20 октября 1999 года становилось ее личным маленьким апокалипсисом.

Пусть это не первый ее прием в иностранном обществе, но когда рядом совершенно нет знакомых людей, и все окружающие кажутся настолько далекими и непонятными, хочется просто сбежать. Вдох. Тебя же учили. Ты не должна опозориться. Выдох. Ты не хуже их. Играй свою роль.

– О, не скучайте, – сзади к ней бесшумно подкрался юно-

ша немногим старше и обворожительно улыбнулся, заметив ее замешательство. – В прошлый раз сын американского дипломата напился и стал приставать к принцессе из Малайзии. Вот только он быстро охладел к ней и, обняв скульптуру древнегреческой богини, стал распевать гимн США. Правда, мне показалось, что он немного фальшивил.

Наверняка он подошел к ней из – за скуки. Да и большинство историй начинаются из – за скуки. Девушка наконец-то спокойно улыбнулась, стараясь не так явно пожирать глазами своего собеседника, что в своем дорогом черном приталенном костюме походил на героя голливудского фильма. Впрочем, и остальные присутствующие ни на йоту не уступали ему в некой едва прикрытой помпезности одеяния, впрочем, так же как и она. Одно было лишь отличие – она до сих пор не могла поверить в сказку и сутулилась, походя на воробья под дождем. Будь тут мама или Альберт, ей бы мигом выпрямили спину.

В подошедшем она сразу узнала наследника императорского трона Упонию – было не сложно, вот только «в живую» он казался ей менее «упонистым»: чуть более раскрытые глаза, пусть и без европеоидных век, рост около метра восьмидесяти и еле тронутая восходящим солнцем кожа, без единого изъяна. Или это игра освещения? Ей-то понадобились услуги визажиста, дабы выглядеть «сносно», как выразились в одной из газет. Да, еще ее заниженная самооценка и завышенные ожидания ее окружения. Однажды это все ее «дове-

дет до ручки» и она прилюдно начнет психовать.

– Меня зовут Куроки, – произнес он, когда девушка соизволила вспомнить и подать ему руку, согласно этикету. – Как я полагаю, вы та самая Анна из Грепиль.

Упонец галантно коснулся губами ее руки и посмотрел темными глазами прямо в ее, словно надеясь на особый эффект. В фильмах, которые обожал этот двадцатитрехлетний упонец, такие моменты выглядели завораживающими и впечатляющими, так почему же не попробовать? Увы, он не учел того, что камеры все показывают со стороны, а ему достается лишь немного удивленный взгляд и соответствующее смущение.

– Да, – чуть задрав подбородок, подтвердила девушка и опустила руку. Он такой же, как ты. Не бог. Успокойся.

Вот уже полгода она официально считалась наследницей князя Грепиль, решившего мигом удочерить ее и ее брата. А ведь вся эта сказочная история начиналась с одного отпуска разведенной женщины, родом из Белкраны. Наверное, именно поэтому ее младший брат – Саша закатывает глаза, когда натывается на диснеевские мультфильмы, а позже на фильм «Дневники принцессы». В них сказка, что не показывает все трудности жизни в совершенно незнакомой стране. Хотя с французским им было намного легче, нежели с международным английским. Чертовы времена глаголов.

Но, так или иначе, однажды в девятнадцать лет простая белкранская студентка из Гилева стала наследницей круп-

нейшего и богатейшего княжества Европы. Что еще для счастья надо?

– И кстати, юная княгиня, – Куроки произнес это с неким пафосом, хоть на самом деле он забыл, как будет по – английски «милая» без пошлого оттенка. Анна лишь улыбнулась, каким-то неведомым чувством поняв, что он, как и она, немного чужие в этой гостиной.

– Советую не садиться с сыном канцлера Германии, – продолжил юноша, четко, словно марш, отбивая каждое отдельное слово, – Вы как раз в его вкусе. А поразговаривать он любит.

– Вы всегда так добры к новичкам? – вспомнив, Анна выпрямила спину и чуть приподняла подбородок, как учила Хезер, что была ее камеристкой, наставницей и тюремщиком, ведь так ее «второй подбородок» почти не виден на фото. Новый знакомый ей нравился и девушке хотелось понять правила «его игры», дабы продолжить общение, да и просто не опростоволоситься.

– Я добр? – картинно возмущился Куроки, пожав плечами. – Скажу по секрету. Я просто пытаюсь найти себе компанию. Устал от общения с Южной Кореей и, к сожалению никто, в этой комнате не понимает моего чувства юмора. Все такие скучные.

Юноша задумавшись, прикинул насколько правильно он произнес свою тираду и с легким трепетом ожидал реакции этой роскранки. Это позже он подучит географию и биогра-

фию своей новой знакомой, а сейчас его волновал лишь этот вечер.

Они оба разговаривали на чужом им языке и казались друг другу чуждыми существами и наверняка, поэтому в их неокрепших разумах вспыхнула искра интереса и озорства. Сидя за столом Куроки тихо, медленно и четко комментировал присутствующих, расширяя кругозор своей новой знакомой и балуя свое эго, радостно наблюдавшее за ее реакцией. Он был в восторге, окрыленный эйфорией от того, что никто не контролирует бессмысленный поток его речи и потом не перескажет весь разговор его родителям, как делали его так называемые друзья на родине.

– И наконец, – ужин уже был закончен и все, собравшись в малой гостиной, ждали традиционный чай, – упонский принц.

Анна играючи зажала рот рукой, изображая удивление. Ей было необыкновенно весело, так что где-то в глубине души она не хотела, чтобы этот вечер завершался. Да и на самом деле не верилось, что это происходило с ней: как-то все было волшеббно и немного наиграно.

– О, милая Княгиня, – казалось, он забыл ее имя. На самом деле – просто не мог нормально произнести. – Его отец упонец – принц по крови однажды влюбился в упонку, у которой отец был кореец, а мать европейкой. Вы только представьте, какой кошмар. Но будущая императрица была настолько красива и умна, что покорила чванливое сердце ста-

рого отца – императора. Годы шли и появились на свет двое детей: сын он же болтун и бездельник, а также красавица дочь, что называли прекрасным именем – Сакура. Вот такая история.

Анна, не смотря на юношу, улыбнулась. Наверное, она была просто немного смущена, как и любая другая девчонка, с которой завел озорной разговор довольно симпатичный юноша.

– С именем вашей сестры все понятно, – княжна чуть повернулась к собеседнику. – Вишня. Весна. Что же значит «Куроки»?

– Темный лес, – пожал плечами юноша и усмехнулся, чуть наклонившись вперед, Анна же сидела, выпрямив спину и сведя ноги в бок – именно так как написано в книге по этикету. Ему на доли секунды стало ее жаль – ведь почти все в этой комнате с рождения участвовали в политических играх, а она... Она была еще обычной простолюдинкой, хоть и с долей интеллекта.

– А мое обозначает «Благодать», – тихо заметила княжна и широко улыбнулась, отчего глаза на ее круглом лице стали милыми и забавными щелочками. Но улыбка-то была естественная – а это ценно. Его младшая сестренка бы ей сказала это в лицо, наверное, поэтому у этой малявки больше друзей, нежели у него.

Друзья... Друзей мы выбираем. Семью – нет. Друзья созданы для того, чтобы соприкасаться с нами и нашими ин-

тересами – порождая паутину. Интерес. Дружба. Доверие. В свои двадцать три он испытывал пока что интерес и еще немного азарт.

Как же он ограничен. Но зато принц старой, могущественной страны, расположенной на берегах Восточно – Китайского моря, гранича по суше с Китаем и Лаосом.

Куроки улыбнулся княжне, сам не зная почему, решив рассказать о своей младшей сестре и ее проделках. Так сразу поделиться личным? Впрочем, сейчас он не задумывался, будет ли он продолжать общение с этой чуть смущенной европейкой.

Глава 2

Вечерами было принято собираться в одной из гостиной и спокойно наслаждаться обществом семьи и особо приближенных персон. Чаще всего это были различные министры с семьями, еще реже Альберт выбирался куда-нибудь со своим загадочным лучшим другом, что в последнее время был слишком погружен в свои романы. И это несколько расстраивало князя, привыкшего к хорошей компании и бокалу вина.

– Мишель рассказал мне, что ты умудрилась сдружиться с упонским зазнайкой, – Альберт выпустил колечко сигаретного дыма и мигом разогнал его рукой, вспомнив, как жена относится к этому «затхлому запаху на подобии серы». Надо же! А ведь лет пять назад он и вообразить не мог, что будет уступать «какой-то женщине». Но тут... Тут было необыкновенное единение душ, подобно классическому фильму о любви, которые обожала его почившая мать. Не стало матери. Не стало семьи. Какой-то осколок, что спустя долгие годы, уже под закат его жизни, обрел все свои части. Это невероятно воодушевляло мужчину, даря силы и надежду.

– Я не считаю его зазнайкой, – пожала плечами Анна, задумчиво перебирая фиолетовые шторы. Она сидела на широком подоконнике, специально переделанном на некое подобие софы. Бабушка нынешнего князя от такого была в лег-

ком шоке. – Мы с ним не подружились. Он интересная личность, да, согласна. И тем более мой ровесник. Но вряд ли принц решит продолжить со мной общение за границами официальных встреч.

– Но ведь с Уильямом и Гарри было то же самое, – прервал ее Альберт и посмотрел в упор, словно пытаясь понять, что же творится в голове у его новоявленной дочери: то она была весела, то в секунду задумчива. Непостоянная, словно ветер. Всю жизнь во всех женщинах он искал черты своей матери, такой далекой и прекрасной, как ангел. И конечно идеальной. Уж, кто – кто, а она наверняка все делала правильно. Далекое, теплое и светлое воспоминание.

И вот в Марии он увидел образ своей матери Стефании-тонкий нос, цепкий, но ласковый взгляд, правда, темных глаз. А может быть он просто хотел это видеть? Отчаявшись на то, что сможет воспроизвести на свет своих кровных детей, мужчина просто напроосто окунулся в омут с головой. К счастью.

Альберт переписал законы, заручился поддержкой народа и однажды произнес «Моя наследница». Хоть и в душе князь хотел видеть на троне младшего светловолосого мальчика, похожего на него, но которому было всего четырнадцать и уж точно не до политики. Да и политическая элита, что еще недавно хваталась за голову, заручившись поддержкой католической церкви, игравшей довольно значимую роль, начала пропагандировать «прекрасную, умную, любящую, пре-

данную и трудолюбивую княжну». Потом уже и потянулись люди, а их будущая правительница робко, с открытым сердцем отвечала взаимностью и встречами, что одобрил Альберт. Завоевать любовь и доверие народа – тяжелый труд с хрупкой памятью. Один шаг в сторону и кто его знает последствия.

– И как видишь – немного общения и эти юные джентльмены поздравили тебя с днем рождения, – Альберт многозначительно на нее посмотрел. – Ты бы могла поздравить принца с Новым годом. Они ведь его празднуют?

– Я не хочу навязываться, – покачала головой девушка и отвернулась, почувствовав как странно краснеют ее щеки. Они с Альбертом еще ни разу не разговаривали на столь личные темы. – Я пыталась подружиться с Виолой и Сантой, но видимо для них я была слишком дешево, не модно одета.

Князь ожидал услышать от Анны зависть или упрек, за то что она все еще не получила свой личный банковский счет, личного водителя и пару слуг, хотя он уже приставил к ней Хезер, что почти исполняла данную функцию. Но нет. В словах его падчерицы была усмешка – эта девочка всегда будет ставить себя выше этих двух сестер дальних родственниц князя и ни за что не пойдет на мировую. Вот тебе и милое создание.

Мужчина хотел так много ей рассказать: о своей жизни, поступках и мыслях и верил, что после них она не будет допускать его глупых ошибок. Ума и расчетливости ей не за-

нимать, даже Альберт это понимал. Просто не хотел самостоятельно делать из нее робота или идеальную княжну. Боялся: ведь сам был довольно добродушным человеком и может быть благодаря жесткой руке Мишеля Левека княжество еще не развалилось, а наоборот с каждым годом увеличивало свой вес в мировой экономике. Политика и доброта несовместимые вещи и монархии, увы, с этим приходится мириться.

– Я же не могу выйти за Уильяма? – внезапно спросила Анна, улыбнувшись, посмотрев на Альберта. Нет, она что-то задумала, но точно ни с кем не поделится.

– Нет, – покачал головой князь, вторя улыбкой, хотя в свое время он бы сам был не прочь жениться на тихой Диане.

– Черт, – произнесла по – рокскрански она и резко встав, фыркнула. – А я-то надеялась.

Альберт рассмеялся, в глубине сердца отмечая, что его родная бы дочь не была столь живой – в природе его семьи все были спокойными. Мария, Александр и Анна были... Яркими, да, именно яркими, совершенно другими и заливали своим светом и характером старые, тусклые порой холодные комнаты дворца. Новая кровь и новый виток монаршей семьи дарил надежду хотя бы главе княжества. Жители же пока с некой опаской смотрели и узнавали их будущую княгиню, конечно же, уже гадая, кто же станет спутником ее жизни. А как иначе? Она, как и Уильям, была молода, мила и богата, вот только в отличие от британского принца Анне предстояло выучить свою роль и правила игры. Но у нее есть

он. А еще Мария и тот же Левек и конечно разум.

На другом конце света главный дворец императорской семьи был все еще окрашен в цвета траура. До сих пор никто не мог понять, почему никогда не жаловавшийся на здоровье император Акихимо в свои шестьдесят восемь погас словно свеча, оставленная в ураган на улице. В упонской монаршей семье все отличались крепким здоровьем и сохранностью разума в старости. По старой доброй традиции стали ходить слухи, что семью просто прокляли, а в этот же момент отец Куроки, в свои сорок один, стал императором, на которого навалилась вся ответственность и все долги. Но самым важным новый монарх считал то, что его сын, до сели находящейся в тени, не оправдает надежды страны.

Куроки был слишком резок и не сдержан временами, но так казалось лишь Нарухимо. Эта извечная проблема отцов и детей всегда будет иметь место в мире, но здесь же все было более масштабно, ибо нынешний император боялся не столько за сына, сколько за нелепую тенденцию младших братьев отбирать престол у старшего. Наверняка Нарухимо просто не догадывался насколько жестоким и дальновидным может быть его сын. Отчаянное умение есть в мире – ожидание.

– Вы звали меня, отец? – дверь без лишнего скрипа отворилась, и принц вошел в кабинет Нарухимо, что на пониженных тонах разговаривал с женой. Уши у стен еще никто не отрубал.

– Подойди, – мужчина мановением руки подозвал сына, сразу давая понять, что сегодня наследника будут хвалить.

– Наш посол из Англии сообщил нам. В докладной записке, – уточнила императрица Масамо, стараясь скрыть радость того, что ее сын не совсем потерян для общества. – Что ты весь вечер общался с гостями.

– Допустим, – Куроки инстинктивно отступил на шаг назад, внимательно рассматривая любое проявление эмоций на лице отца. Не всегда разговор, начатый с похвалы, ведет к счастливому эпилогу. Вот с княжной из Грепиль все прошло неплохо, а вот с сыном президента Кореи, днем позднее, не особо.

– Очень хорошо, – император переглянулся с женой, которая, как и положено служила ему опорой. – Нам рассказали о твоих успехах в учебе. Мы очень рады.

– Но больше всего мы рады, – Масамо выделила именно последние два слова. – Что тебя часто видят в компании Со-ры Ямада.

– Да, – Куроки рефлексивно потер шею, начиная понимать к чему идет этот разговор, хотя поначалу ему показалось, что его будут хвалить за знакомство, а далее и дружбу с наследницей довольно прибыльного княжества. Но не тут-то было. – Она, как и я получает степень магистра и руководит художественными выставками.

– Какая молодец, – императрица взяла мужа за руку, чуть ли не участливо улыбнувшись сыну. Но тот-то точно пони-

мал, что мать совершенно не волнует кто такая Сора, из какой семьи и на кого учится. Сора просто была. Была главным козырем в войне со сплетнями о предпочтениях юного принца. Ведь все задавались вопросом «почему к 23 годам этот привлекательный обеспеченный юноша не разбил ни одного девичьего сердца». Эта волна «голубого безумства» расстраивала не только мать, но и остальную семью, что с восхождением Нарухимо на трон находилась под непроницаемым колпаком общественного мнения. И вот в окружении принца появилась девушка, с которой, признаться, ему довольно комфортно. Комфортно, приятно, чуть более свободно, интересно. Она была просто рядом и пока этого хватало. В двадцать три Куроки хотелось иметь более узкий круг лиц, который, естественно, он сам выберет. Наивно.

Анне же пока было двадцать и ее сердце было открыто настежь для новых увлечений, что дальше ее бурной фантазии не заходили. К счастью приставленной к ней Хезер, наставницы с задатками отменного диктатора, на пятнадцать лет старше княжны. Иногда Анне казалось, что она просто – на просто ждет того «единственного», а временами, усмехаясь, обзывала саму себя меркантильной и ветреной. Вот только нелюбимыми зимними вечерами ей приходила мысль, что она просто не создана для всей этой великой «химии любви». «Сердце непостоянно» – как говорила Хезер, а еще всегда нужно отличать «влюбленность» от «любви» иначе мо-

жет произойти конфуз. Но пока что ее подопечная просто увлекалась знаменитыми людьми – например, Леонардо Ди-Каприо, так же как и миллионы по всему миру. И в своих предсонных мечтах Анна воображала их совместную жизнь, правда та была слишком банальна и совершенна. Сейчас девушке хотелось эмоций, что били бы через и край. И вот... И вот теперь все ее мысли занял упонский принц Куроки, в котором она увидела вызов и интерес. В тот вечер она жаждала его без стеснения поддеть и ждать когда же он сделает ответный выпад. А еще хотелось улыбаться, даже сейчас, вспоминая о нем. У нее внезапно возникла мысль организовать какой-нибудь званый вечер и будто бы случайно столкнуться лицом к лицу с принцем. И чтобы щеки не так горели, хотя это всего лишь временное смущение и не более – убеждала она себя.

– А в Гилеве уже снег, – княгиня Мария зашла в комнату дочери, шумно шелестя шелковым платьем в пол. – Я звонила Тане.

– И что она? – Анне было эгоистично наплевать на очередной развод тетки, которая так и не поняла, что на данный момент всем ее «возлюбленным» нужны лишь ее деньги. Сейчас княжна рылась в своих воспоминаниях, отыскивая самые снежные зимы своей жизни, не то, что сейчас. А ведь она и подумать не могла, что будет скучать по гололеду и замерзшим кончикам пальцев.

– У нее новый ухажер. И не смотри на меня так, – женщина с укором в глазах покачала головой. – Она просто ищет свое счастье.

Ее дочь лишь хмыкнула.

– Мы с Альбертом собираемся на прием, он хочет познакомиться меня с послом в Болгарии. Он чудесный собеседник. Ты могла бы пойти с нами.

Девушка закатила глаза и, подойдя к матери, поправила ее бриллиантовое кольцо. Кто бы мог подумать, что она так спокойно и непринужденно сможет носить на шее пару квартир в центре Кинска.

– Саша все еще с сыном министра экономики... Как его...

– Ты не боишься, что они что-нибудь да взорвут? – усмехнулась Анна, придирчиво осматривая прическу Марии, да им определено повезло, что в их владении есть парикмахеры и визажисты.

– У Саши хотя бы появились друзья, – эта фраза была очевидна и ожидаема.

– У меня есть ты, Левек и, конечно же, Хезер, которая жить мне спокойно не дает своими советами, – потянула княжна, уже одергивая подол материнского платья. Как же временами она завидовала худощавой конституции ее матери. Она же сама пошла в биологического отца.

– Очень смешно, – Мария не разделяла ее веселья, отлично зная тяжелый характер дочери, и чувствовала, как та держит людей на расстоянии, дергая за ниточки. – Ты на приеме

не познакомилась ни с кем из своих любимых стран?

Анна закатила глаза: до этого момента они говорили по – роскрански, но в последний момент ее татап решила перейти на государственный язык Грепиль.

– Познакомилась с упонским принцем, – у княжны знание разговорного французского было на порядок выше. Она чуть сжала плечо матери и медленно направилась к окну, за которым уже сгустились декабрьские сумерки. – Но ты это и так знаешь.

– Я надеялась, что ты сумеешь найти общий язык с другими девушками, не все же общаться, а потом и жаловаться на Хезер.

– Думаю, они просто не поняли мое чувство юмора, – слушавила Анна, бессмысленно рассматривая свое отражение в окне: ростом чуть выше среднего, совсем как ее мать, а вот Саша уже вымахал под метр семьдесят. Каштановые волосы, что под чутким руководством придворного парикмахера, приобрели чуть более светлый оттенок и блеск со структурой. Для самой себя Анна казалась обыкновенной, особенно со своим «L» и утягивающим бельем для выхода в свет. Ей бы больше заниматься спортом, но лень. А так она была обычной, не блистала неземной красотой, а по утрам, да еще в отвратительном настроении, методично выдавливала прыщи на своей мертвенно – белой коже. Но окружение, одурманенное прекрасной работой стилистов, не замечало ни ее нос чуть картошкой, ни маленького шрама у уха. Когда она чув-

ствовала себя неотразимой – остальные чувствовали власть и тянулись к ней.

Но для нее самой все эти моменты казались сказкой и поэтому воображала, что она Белль, ждущая своего Чудовища, хоть иногда обращала все до наоборот.

– Мадемуазель, держите спину прямо. Да, так. О, не стоит делать такое измученное лицо, – всплеснул руками Франк, один из ее учителей, постоянно пытавшийся сделать из нее хотя бы отдаленное подобие настоящей леди. – А теперь легкая улыбка и «Уважаемые жители».

Они репетировали это в сотый раз – ее первое официальное одиночное выступление по телевидению в поддержку малоимущих семей. Все так просто и легко с виду, но постоянно что-то шло не так: то голос дрожал, то пропадала улыбка, то вылезал из небытия ужаснейший акцент из – за которого Альберт, стоявший за оператором, комично кривил лицо, закрывая руками уши.

– Вот так намного лучше, – хлопнул в ладони Франк, когда она закончила свою речь легким поклоном головы, что так умилял ее учителя. Анна посмотрела на Альберта, в ожидании одобрения и тот подошел к ней, положил руку на плечо и улыбнулся.

– Ты хорошо справляешься, – произнес князь Грепиль. – Я в свое время ругался как сапожник, когда записывали мое первое обращение.

– Это когда вы начали Первую мировую? – усмехнулась Анна, глядя на этого высокого чуть полноватого мужчину с широкими плечами.

– Нет, когда объявил, что горжусь своей невероятной шевелюрой, – засмеялся Альберт и потер свою залысину, образовавшуюся лет так двадцать назад.

Интересно, мама полюбила его за неунывающий характер или все – таки из – за расчета? С чего-то подумала девушка и резко покачала головой, дабы избавиться от этой ненужной мысли. Они любят друг друга и все, придерживайся официальной версии.

– Думаю, на сегодня мы закончим, – сказал Альберт, обращаясь к Франку, тот лишь слегка поклонился и продолжил обсуждать что-то со своим нервным ассистентом.

– Я знаю, что ты стараешься, – начал разговор Альберт, выводя ее из комнаты. – Просто ты слишком зажата и по тебе видно, что ты постоянно вспоминаешь правила и всю эту прочую чепуху.

– Эту чепуху именно ты забивал мне в голову, – парировала девушка, чуть ошибившись в произношении «чепуха».

– Че – пу – ха, – по слогам произнес Альберт.

– Чепуха, – вторила ему Анна, в который раз радуясь, что ей так легко дался французский и ей не нужно было учить, например китайский или арабский. Альберт, как носитель языка был неплохим учителем вне стен ее учебной комнаты. Да и как не выучить язык, когда все вокруг тебя разговари-

вают по – французски и не дают ей поблажек? Но теперь это ее страна и она просто обязана ее полюбить, иначе жизнь будет невыносимой.

Альберт, молча, погладил ее по голове, совершенно не понимая, что портит укладку ее волос, над которой так трудились стилисты. Он бы все отдал лишь бы вот так пройтись со своей биологической дочерью, воспитывая ее с детства, а не устраивая интенсивные курсы и каждый день просматривая мнения граждан об их новой княжне. Все было бы проще, если бы он женился на женщине из Грепиль, даже с кучей детей от разных отцов. Она была бы для всех «своя», а не «приезжая разведенка, падкая на деньги». Народу все равно, что он полюбил ее с самого первого взгляда, дышать не мог, боясь, что Мария не согласится провести с ним вечер или еще хуже, окажется счастлива замужем. Такая прекрасная, мудрая, яркая и спокойная, напоминавшая его мать Стефанию, пока ту не отобрала болезнь от реальности бытия. Его отец не смог пережить это, топя свое горя в алкоголе. Тем самым поставив своего восемнадцатилетнего, почти неподготовленного и окрыленного, сына на место главы самого богатого княжества Европы.

Мария. Альберт улыбнулся и посмотрел на падчерицу. Нет, дочь, что еще недавно бывшую ему никем: она совершенно не походила на мать – в ней не было женственной мягкости и магнетизма, зато был задор и жесткость. Был Александр с ангельской внешностью и явным интересом ко все-

му, кроме управления государством. Если бы он мог иметь детей, если бы они с Марией были бы немного моложе.

– Ты знаешь, я все экзамены сдала на «отлично», даже историю княжества, – похвасталась Анна, выдернув его из раздумий.

– Конечно знаю, – улыбнулся князь. – Сначала все докладывают мне.

– Ну, да, логично, – согласилась девушка, почувствовав себя немного глупо.

– Я думаю, в честь этого можно дать тебе выходной. Прогуляетесь с Сашей и Тэмми по Греспублике – Виллю.

– Было бы неплохо, – натужно улыбнулась Анна, будучи не особо счастливо прогулки с всезнайкой, всеми любимицей и вездесущей Тэмми, дочкой каких-то старых друзей Альберта, на год старше княжны. Но с другой стороны это вполне неплохо бы смотрелось для имиджа. Посоветоваться бы с Хезер, что ей одеть и куда бы сходить, дабы папарацци увидели какая она милая и замечательная вне официальных камер. Анна на секунду запнулась: надо же – она хочет спросить совета у прислуги, а не собственной матери или отчима. Почему? Потому что первая ничего путного не посоветует, а перед вторым банально стыдно из – за своей корыстности?

Она хотела быть как принцесса Ди – всеми любима и восхваляема, вот только понимала, что той сердечности, кротости и доброты Дианы у нее в помине нет. Но ведь и она в отличие от бывшей принцессы Уэльской не жаждет любви,

а трона.

Глава 3

Огромную зеленую ель, воцарившуюся в главном зале, установили всего за день до католического Рождества, ведь все были немного смущены тем, что Мария с детьми в «прошлой жизни» были православными.

Но ели было все равно – она была прекрасна и величественно возвышалась над всеми, маня своим хвойным запахом. В изумрудных иглах притаились блестящие, подобно бриллиантам, игрушечные шары, нити с серебряными колокольчиками и настоящие свечи. По традиции их зажигали в тот момент, когда сумеречная тень рождественского декабряского вечера накроет первую ступень лестницы, ведущей на главный балкон дворца, расположенного в Грепиль – Вилле.

Саша, словно маленький ребенок, бегал по дому, гоня почти напуганного кота и счастливую до невозможности собаку, что виляя хвостом носилась по всем коридорам, мешая слугам наводить последние штрихи в украшении дома. Серый взъерошенный перс забежал в приоткрытую дверь спальни Анны и жалобно мяукнул, всем своим видом показывая свое несогласие с таким варварским отношением к нему.

– Да ладно тебе, Эш, – девушка подошла к животному и вяла его на руки. Этого представителя семейства кошачьих

ей подарил Альберт, как только они окончательно переселились в Грeпиль. В то время он был еще маленьким не вредным котенком, любившим спать у нее в ногах. – Ты же можешь накинуться на него. Он же трус. И это я не только о Саше.

Она всегда разговаривала с котом по – рокскрански, словно боясь забыть его, вот только питомцу было совершенно все равно на каком языке она зовет его поесть. Пусть будет это французский, что дался ей легче всего или английский, где она довольно часто путалась во временах. Главное была еда и внимание к его персоне.

– Княжна, вам письмо, – в дверь постучала Хезер, держа на специальном подносе одно единственное письмо. Ох, эти традиции. Конверт был из плотной кремовой бумаги, совершенно не подходящий для писем, отсылаемых обычной почтой. И это больше всего привлекало: Анна точно знала от кого оно, хоть с того приема прошло чуть больше двух месяцев, и в ее жизни появились новые люди и события, которые сумели потеснить того сверкающий образ из ее сознания. Она редко вспоминала об упонце, но однажды наткнувшись на очередную новость о его романе с «простой студенткой», что-то в мозгу Анны щелкнуло, и она решила непременно присутствовать в его «сказке». Может быть, она завидовала, а может ей, банально не хватало общения с этим довольно интересным человеком. Равным. Даже притом что ее по большей части сейчас мучила ответственность перед

народом, девушка прекрасно понимала – теперь она одна из «звезд», так же как и этот загадочный упонец, который, как и Уильям, да и она, продолжали обучение в своих университетах и могут просто общаться с обычными людьми, даже не думая о романтической подоплеке. Просто дружить.

Забрав письмо с улыбкой, Анна поблагодарила Хезер и отпустила уже вырывающегося кота. Тот, приземлившись на пол, недовольно вильнул хвостом, направился вслед за Хезер.

– Смотри, кто нам написал, – почти пропела девушка по – рокскрански, явно фальшивя, но зато с искренней радостью. Ей написали, проявили интерес и так же, как и немногие приятели, что остались на территории бывшего Советского Союза, скрасили ее самостоятельное затворничество.

Специальным ножиком девушка раскрыла конверт и достала оттуда открытку, которую явно приобрели не в Упонии: два снеговика расположились у маленькой темной церквушки, будто распевая гимн. Княжна была точно уверена, что это одна из песен, поющих в католических церквях и снова что-то дрогнуло в ней. Как один человек может привнести в ее жизнь столько эмоций одной только бумажкой? Это поздравление напомнило ей о решимости добровольно и добросердечно принять негласную государственную веру своего нового дома и чтить ее, как бы ее атеистические порывы не усложняли жизнь. Она правда собиралась это сделать, хоть и откладывала это, будто ожидая того самого момента,

когда ей ткнут носом в какой-нибудь из газетных статей.

«С Рождеством и Новым Годом!»

Неровные буквы выдавали написавшего, который слишком мало за свои двадцать три написал писем на английском языке.

«Желаю обрести равновесие и счастье»

И подпись, показавшаяся княжне неведомой закорючкой. И все же эта открытка заставила ее сердце биться сильнее и это глупо было отрицать. Так же как и то, что правильным был тот поступок, запрещающий ей мечтать о несбыточном и довольно романтическом будущем. Раз. Это легко заставить себя – нужна только сила воли, ведь ей сейчас нужен собеседник, который смог бы поделиться с ней опытом, смог бы понять ее, а не неразделенная любовь. Скорее всего, поэтому она так и не послала первой то поздравление. А может быть боялась, что сама все выдумала и никакой даже симпатией там и не пахло? Теперь уж кости брошены на стол.

Девушка открыла верхний ящик и достала оттуда шкатулку с различными открытками, пробежавшись пальчиками, вытащила подходящую новогоднюю, купленную еще в Гилеве. Позже, вооружившись словарем, Анна старательно вывела упонскими иероглифами:

«Уж двадцать раз дракон гласил «прошло сто лет» »

А потом, пообещав самой себе и народу Упии больше в жизни не мучить их язык, приписала перевод и краткое поздравление по – английски.

Она отправит ее сегодня же, заставив бедную Хезер поднять на ноги почтовую службу его Святейшества. Но, так или иначе, 31 декабря 1999 принц Куроки получит открытку. Усмехаясь, под бой курантов в деловом центре Томио, он поднимет бокал шампанского, загадывая нечто особенное и сокровенно, трогаящее его душу, подобно тому, что он видел в карих смеющихся глазах на том приеме у Винзоров.

Часы в гостиной пробили второй час ночи, а дом даже не думал засыпать после такого крупного благотворительного вечера, устроенного княжеской семьей. Анна, разрушая руками прическу, подошла к зеркалу в ванной и посмотрела в отражение. За спиной, в спальне Хезер укладывала в специальную коробку бриллиантовое ожерелье, что носила сегодня княжна. Наверняка у него была какая-нибудь история, но ей не хотелось ее знать.

– Ты кажешься усталой, – задумчиво произнесла девушка, обернувшись к Хезер. Кем же она была? Горничной, учителем, наставником, сообщником, стражником, сторонником, советником и кажется подругой, верно? Анне было настолько одиноко, что любую доброту она могла записать в дружбу или интерес. Вот она хрупкость человеческой души, что не может быть одной.

– Просто устала, – улыбнувшись, ответила Хезер и поправила свои светлые волосы, выбившиеся из пучка. Ее черное в пол платье оттеняло светлую кожу, делая ее похожей на

утопленницу. Но княжну это вдохновляло, и она завидовала этой хрупкости, тонкости талии, бесцветности бровей.

—тогда до завтра, — кивнула Анна, отпуская прислугу, дабы наконец-то остаться наедине сама с собой. А еще княжна до сих пор смущалась переодеваться перед Хезер. Хезер. Умная, добрая и проникательная. Хезер. Коренная жительница, человек с литературным образованием помогает какой-то малолетке застегивать платье. Об этом ли она мечтала?

О чем мы мечтали в детстве и что сбылось? Анна хотела быть врачом, чтобы все было как в американском сериале «Скорая помощь» — каждый день водоворот событий, крики, шумиха, адреналин и связанные человеческие судьбы. Потом археологом — бесстрашным и смелым, обязательно с кучей приключений в жизни на грани фантастики, вот только дальше этих идей в голове, действия никуда не шли. Она вообще до этих событий в сердце Греспиль, плыла по течению совершенно ничего не решая, не знакомясь первой, не удерживая людей, не привязываясь к ним, словно боясь, что те, как и ее биологический отец, обязательно покинут ее при первой же возможности. Возможно, именно поэтому она запрещала себе интересоваться у Хезер, что они с мужем делали в выходные или проводить время с тем самым необыкновенным, правда по рассказам других, приятелем Альберта. Анна запрещала себе думать о Куроки больше чем раз в день, но с каждым запретом любопытство все больше разза-

доривало ее. Наверное, потому что умом она понимала, что все это бессмысленно, и он не стоит времени и чувств. Если все было бы так просто и сложно одновременно. Если бы человеческая душа была так проста, то она бы в первую неделю выкинула его из головы. Спокойно бы общалась на светских раутах, даже сходила бы на пару неудачных свиданий. Вот с Джорджем они вполне нормально могут находиться в одной зале. «Люди рампы и софитов» приглашали ее, в надежде лишней раз засветиться на полосках газет, а она и не отказывалась, малодушно радуясь своему положению и то, что она, а не красавица – Катя из параллельной группы в университете, сфотографирована с Энрике под руку. А еще была та красивая упонская девушка с фото, о которой Анне пришлось узнать из газет, сплетен и слухов. Ее называли просто подругой, сокурсницей, никакой конкретики. Вот только почему сердце так бешено немного испуганно колотится?

Тщеславие. Альберт и Хезер постоянно опускали ее на грешную землю, и она была им благодарна, ведь один неловкий шаг и твой позор увидит весь мир. Даже если он у тебя под ногами, нужно вести себя подобающе. Ведь приятнее читать восхищенные комментарии, а не критикующие строки.

Юноша был готов окунуться в новые чувства и жизнь, но никогда не забывал, что рядом с ним Сора, успешно прошедшая императорскую проверку на «вшивость». Куроки явно понимал, что так Дворец так просто не оставит в по-

кое его личную жизнь и слабовольно, как казалось его родной сестре, начинал ступать по протоптанному родителями пути. С некоторой завистью в сердце он наблюдал за беспечно гуляющими влюбленными парочками. Его ни в коем разе не волновало, что возможно и у них есть проблемы, нужно лишь капнуть глубже. Нет, лишь один несчастнее всех в этой стране. А ведь когда он был помладше, то с легким непониманием относился ко всем этим любовным трагедиям в монаршей семье: вы поженились – так все живите дружно. Сейчас же в нем отчасти играло бунтарство.

Куроки искося посмотрел на Сору, сидевшую рядом и мирно общавшуюся с их однокурсниками. Сегодня был восьмой день января 2000 года и Сора Ямада умудрилась вытащить на день рожденья. А он считал, что лучше остался бы дома: сидел бы в библиотеке и перебирал трактаты о древних войнах, все – таки недаром он был назван в честь памяти генерала, участвовавшего в роскрано – упонской войне и бывшим дальним родственником его матери. Да и учебу никто не отменял.

Куроки усмехнулся: вчера он первым делом отправил письмо в Грепиль с сообщением о том, что Упония прекращает свою территориальную войну с Роскраной. Это должно было порадовать Анну, а ему дать повод написать и пусть он помнил, что она родом из другой страны, но дух единства СССР даже спустя девять лет никак не хотел выветриваться из сознания окружающего сообщества.

Повод – как банально, но ему хотелось написать ради некоторого азарта и интереса – что-то в груди заставляло сердце биться сильнее. «Хотелось» – одного желания никогда недостаточно для свершений, но оно может помочь найти выход и вот в письмах Куроки удовлетворял свою потребность в этой почти мистической связи с «европейкой». Не все же просматривать новости в поиске ее лица или имени. Письма – это оптимальный выход. Это личное.

– О чем задумался? – Сора решила обратить на себя внимание, немного неловко заправив за ухо прядь своих вечно подстриженных под каре черных с медным отливом волос. И красивый, миленький маленький носик и тонкие губы, что по меркам большинства модных журналов Упонии превозносили свою хозяйку до ранга первой красавицы страны. А еще она всегда и все прощала, хоть и чувствовала некую отдаленность своего принца.

– Я просто вспомнил шутку, – Куроки постарался, как можно более дружелюбно улыбнуться девушке, которая не была виновата в том, что влюбилась в юношу со странным сердцем и характером.

– Если тебе не интересно, то мы можем уйти, – прошептала Сора, вглядываясь в почти черные глаза принца. Она искала в них тот же огонек, что жил в нее. – Я могу соврать, что плохо чувствую себя.

– Не стоит, – Куроки накрыл своей ладонью ее. Она не достойна такого «счастья» как он, и все же он не думает осво-

бождать ее от этой доли. Если наконец-то признаться самому себе, то Куроки банально свыкся с мыслью провести с Сорой всю жизнь, раз уж она с такой легкостью прошла проверку на вшивость.

Юноша тряхнул головой, словно пытаюсь выбросить ненужную мысль из головы. Даже сами мысли могут иногда пугать. Он явно не должен был ждать встречи, это настораживало – впервые в жизни он ощутил, что внутри, где-то около сердца, образовался воздушный шар, что пытался парить над землей.

А ведь он был мужчиной и эти глупости для него по определению должны были быть чуждыми, вот только принц чувствовал себя героем бульварного романа и готов был подобно соловью броситься на шипы куста розы. Как же он молод и глуп.

12.01.2000

Если я попрошу вас украсть у Соры то серое платье (смотрите вырезку), вы осуществите мою просьбу?

И если нет, то я официально отказываюсь от своей поездки в Лиссабон на эту глупую конференцию, где мое присутствие кажется мне лишним. Я могу и в газетах прочитать о новых затратах на экспорт дерева. Что за чушь посылать туда людей, совершенно не компетентных в данной сфере?

Вы так не думаете? Или я одна настолько глупа?

A.P.

Он, конечно же, и не думал красть платье у Соры, просто обнял ее легко за талию, и спросил где же она приобрела это чудо. А после заказал новое, правда, немного помучившись с размерами княжны, но СМИ обожало печать ее снимки, так что портному не составило особого труда сотворить немного видоизмененное платье, идеально севшее на фигуру девушки. Неловкость все же возникла, когда Сора застала его за скрупулезным разглядываем полученного платья. Но Ямада, будучи умным человеком, лишь на секунду чуть поджала губы и переглянулась с принцессой Сакурой, шестнадцати лет отроду. Она должна быть сильной, ради себя, своей любви и своего будущего.

30.01.2000

Увы, моя почтовая служба запретила мне обсыпать данное платье стрихнином. Ничего они не понимают в отличной шутке.

В Лиссабон была отправлена милейшая Сакура, что в этом месяце провинилась больше, чем я. Так что именно от нее я узнал, что вы снова строили глазки Уильяму? Право, я от вас ожидал большего. Мне иногда становится за вас стыдно.

P.S. Жаль, что Сакура не набралась смелости познакомиться с тобой.

К.

Она же смеялась над данным заявлением, так же произвольно во всех газетах выискивала глазами новости об Упони, словно именно они могли служить мостиками между их комнатами.

– Ты сегодня сияешь, словно начищенное серебро, – заметил однажды за ужином Альберт, Саша фыркнул и ткнул сестру под столом.

– Какое интересное сравнение, – улыбнулась Анна, стукнув брата по ноге в ответ. – Но у меня просто хорошее настроение.

– У тебя всегда оно повышается, когда приходит почта из Упони, – заметила княгиня Мария, сидевшая напротив мужа и следившая за его рационом. Недавно врач прописал ему новую диету из – за сердечной недостаточности, что подкашивало всю главную ветвь данного семейства, но Альберт даже не думал ее соблюдать. Его жене же оставалось лишь хмурить брови и бросать сердитые взгляды на непослушного мужа. Мария не могла долго на него сердиться, может быть, потому что каждый раз, когда она на него смотрела в ней просыпалось чувство так похожее сонного человечка – такого милого, смешного и родного. На такого невозможно обижаться и злиться, только снисходительно смотреть. А ее дочери иногда так хотелось понять и узнать какие именно чувства испытывает к князю ее мать. Нет, она безоговорочно

верила в их ошеломительный курортный роман, но что дальше? Дальше она видела какую-то непонятную безликую милость. Но Мария больше не плакала и это успокаивало дочь – значит ее мать счастлива с этим полноватым публичным человеком с фантазерской душой.

– Я такая же счастливая, когда мы ходим в театр! – картинно возмутилась юная княжна. Неделю назад они всем семейством, в сопровождении Хезер и министра Образования, посетили Лондонский королевский театр, где Анна в очередной раз влюбилась в очередного британского актера. Она всегда чувствовала к ним слабость, взять того же Колина Ферта или Алана Рикмана.

– Кстати об искусстве, – встрял в разговор Саша. – К нам приезжает корейская поп – группа.

– Если я люблю корейские дорамы, это не значит, что я люблю корейскую музыку, – съязвила Анна. Закончив трапезу, она встала из – за стола и разгладила серое платье, что подарил ей Куроки. Она не думала выходить в нем в свет, но ей так хотелось радовать себя красотой мерцающих кристаллов Сваровски, вручную расшитые по груди и коротким рукавам. Она так падка на блестящие вещи. И как она только смогла позволить себе такую дерзость?

06.02.2000

Встретимся в Лондоне. Я все же решила взять у Джосан автограф. А вы можете получить уникальные фото

смущенной княжны. О, я уверена это будет еще-то шоу.

А.Р.

Очередная открытка с видом Биг – Бена и лишь пару строк, но ради них Куроки отменил обед с родственниками Соры, эгоистично в который раз наплевав на ее чувства. Их переписка с княжной заставляла кровь в его сердце бешено гнать по венам, не давая мозгу опомниться. Он жил – Сегодня, не думая ни о ком кроме себя, словно бунтующий подросток, которому в будущем не светит управлять страной. Не важно. Ничего не важно, лишь этот объект сумасшествия, которому он пишет ночами письма, не дает ему о себе забыть. Почему она так его интересуется? Что в ней такого, что его задевает? Как же это все глупо и излишне эмоционально. Но тем ни менее, он нашел в Лондоне официальное событие и к скупой радости отца, радующегося, что сын решил встать на путь истинный, вызвался его посетить. Раз ложь, два ложь, и вот он в самолете читает, кто же такая Джоан и почему эта европейка так ее боготворит.

Но строчки сливались в бессмысленную кашу, а в голове снова и снова возникал образ обиженной Соры, что не могла понять, что же с ним не так. Они были знакомы четыре года и за это время лишь немного узнали друг друга. Куроки отложил бумаги и откинул голову назад, закрывая глаза.

Они познакомились за обедом знакомых, но не сразу нашли общий язык. Потребовалось пару месяцев, прежде чем

Куроки начал первым подходить к компании Соры. Еще год, чтобы с ней вдвоем готовиться к занятиям в библиотеке и сидеть рядом на общих занятиях. Они не переписывались смс, редко звонили друг другу, предпочитая молчаливое нахождение рядом. Еще полгода, чтобы осознать, что эта определенно красивая и умная девушка влюблена в него и покорно ждет его ответа. А он... вел себя, как и любой своенравный мальчишка: брал ее за руку, прогуливался по парку университета, улыбался ей легко, почти мимолетно целовал ее, пока никто не видит. Но не говорил, что любит и что они теперь пара, оставляя все непроизнесенным, будто бы это само разумелось. А Сора. Сора не смела вот так просто и панибратски вести себя с самым наследником престола. Даже будучи незнакомым с Анной он иногда по – свински вел себя с этой великолепной девушкой, которую он не заслуживал. Не отпуская ее, но и не давая ничего существенного в ответ. И самое ужасное, что он это понимал, но ничего не делал.

Куроки нахмурился. Он должен радоваться и быть преисполненным вдохновением от ожидания встречи с Анной, но что-то внутри ныло. Неужели совесть? Обиженное лицо Соры снова предстало перед взором. Почему он так уверен, что она его не бросит? Вдруг это была последняя капля для ее хрупкого любящего сердца? Что бы он сделал на ее месте? Бросил. Разорвал все бы связи. А она? Она постоянно дает ему второй шанс. В надежде на что? Что станет принцессой Упонию? Разве это того стоит? А если не Сора, то

кто? Кто сможет его рассмешить? Мягко сделать замечание? Простить, наконец, ту холодность и невнимание? Да она сама настолько привык к Соре, что уже и не помнит когда был по – настоящему одинок.

– Мне так жаль, – она старается не заплакать. – Но ведь это государственные дела...

А еще если бы не газеты, мои бы родители не верили, что я встречаюсь с тобой. Почему ты так жесток со мной?

– Как же мне с тобой повезло, – Куроки поцеловал ее в лоб и посмотрел прямо в глаза. – Ты просто сокровище.

Сора смущенно улыбнулась, хотя в глубине души таила слезы. Он не знает, как она будет оправдываться перед родителями, что после запрета в своей квартире, откроет бутылку вина и, подпевая радио, допьет ее до дна, радуясь тому, что ее семья немного обеспеченная и может позволить ей отдельную квартиру. Почему она все это терпит? Потому что любит.

Стюардесса подошла к принцу и осторожно разбудила, сообщив, что самолет скоро будет заходить на посадку.

– Спасибо, – автоматически улыбнулся Куроки и потер глаза. Ему снилась Анна, что смеясь, играла в шахматы с Сорой. Станный сон. Нужно что-нибудь купить Соре. Ей будет приятно и может на его душе станет менее гадко? Господи, насколько же он наивен и эгоистичен.

Глава 4

Аэропорт «Хитроу» провожал ее протяжным воем взлетающих в тусклое небо самолетов.

– По – моему, это самое банально прощание, которое мы могли придумать, – Анна поправила воротник черного пальто Куроки и украдкой посмотрела по сторонам. Она наконец-то начала осознавать, что играет не в ту игру: они уже разговаривали с Хезер о невозможности хеппи – энда, но все же надежда эта глупая и странная надежда почему-то не хотела покидать уголок ее сердца. Девушка снова посмотрела по сторонам, правда, улыбаясь, той мысли, что она переживает из – за него – его родители явно не схожи с Альбертом, они не станут снисходительно качать головой глядя на безумства своего чада. Эта огласка, эта личная жизнь напоказ, эта красивая девушка, что ждет его в Упони, ее не волновали. И это была чистая правда. Ее интересовал конкретный человек, и остальное переходило на второй план. Она ужасно глупа или просто влюблена?

Ей внезапно захотелось, чтобы он ее поцеловал. С одной стороны такой странный и резкий порыв, а с другой совершенно искренний и естественный. Милые юноши сопровождали ее на вечерах, но никто даже не смел думать касаться губами ее щеки. Все происходило по правилам, озвученным Хезер: невесомый поцелуй руки, предложить свою ру-

ку как опору, пиджак, осторожно поправить подол платья и все. Дальше проходила невидимая граница, которую все ощущали. Тут же обоюдный интерес раскалял обоих – возможно они оба хотели узнать до чего они смогут дойти. Как же сложно идти по этому тонкому лезвию.

Куроки взял ее лицо в свои руки и легонько поцеловал в лоб, полностью повторяя один из моментов – клише многочисленных фильмах. Волшебно, сказочно и скромно. Жаль, сказки так быстро заканчиваются. Он отстранился и увидел ее закрытые глаза и немного наивное выражение лица. Забавное, но почему-то щемящее сердце. Может потому что это все искренне?

– Я от сей мелодраматичности сейчас умру, – тихо произнесла Анна и глупо хихикнув, уткнулась носом в застегнутое наглухо пальто юноши. Ей было немного стыдно за произошедшее, она должна была держать себя в руках, ведь прекрасно понимала, что с каждой минутой все больше влюбляется в данного человека. А дальше будет больше и виновата будет лишь она сама. Но сейчас, стоя почти посреди зала ожидания, она ничего иного не придумала, как резко приподняв голову, поцеловать Куроки в его заостренный подбородок, а затем словно заправская химчистка стирать следы своего тонального крема с его черной одежды. А еще хотелось улыбаться, да так чтобы болели щеки.

16.04.2000

Кто бы мог подумать, но сегодня я проснулась с мыслью о вас. Наверное, потому что в последние дни в новостях то и говорят, что девятилетняя Мэмо Акэсимо впервые предстала перед публикой. Я, конечно, понимаю, что в некотором роде это целое событие, но не пытаются ли ваши СМИ данным «явлением» задавить новость о том, что госпожа Хаями пыталась совершить покушение на вашего отца.

Тем не менее, я надеюсь, что великий император Нару-химо не пострадал и здоровствует. Этот поступок просто ужасен, ведь мы живем в современном мире!

У нас совсем ничего не изменилось: Патрик Пруст заменил Леклера на его посту, и я еще не имела возможности с ним встретиться. Это так волнительно. Ощущаю себя, словно молодая Елизавета Вторая.

Мы всей семьей прошли обследование у кардиолога т.к. бытует страх о сердечном проклятье, нависшем над семейством Полиньяк. Результаты не дали ничего особенного: Альберту снова прописали диету, у меня что-то с клапаном, но это мы и знали еще лет с пяти. Ничего серьезного и ты сможешь меня лицезреть еще лет сорок.

Сорок лет? Ого, какой срок! Мне будет шестьдесят. Ого! Ты когда-нибудь думал, каким ты будешь через сорок лет?
А.Р.

Она написала этот имейл и сразу отправила. Просто чтобы не передумать и не погрузится в пучину размышлений, что

все больше и больше накатывали на нее. Она начала скучать без общения с ним, без того чтобы не поделиться новостью или заметкой. Странно, княжна ведь почти не знала его, но так тянулась, что это начало ее пугать.

Вдох. Выдох. Если она не будет думать о нем, если заполнит свою жизнь иными событиями, то перестанет так остро реагировать. Расстояние. Ее спасало расстояние. Иначе бы княжна как героиня глупых фильмов искала с ним встречи, гуляла по его паркам и улицам, обеспокоенно искала в многолюдном мегаполисе лишь его одного. О! Был еще Разум и вот он останавливал ее, подсказывая правильные действия и шептал, перефразируя Хезер «Хватит в твоей жизни сказки, пусть будет и драма».

Анна откинулась на спинку стула и посмотрела на строку «Письмо успешно отправлено», светящуюся на экране компьютера. Сейчас она глубоко вдохнет, закроет почту и будет ждать ответ, вплоть до того момента, как все новостные каналы мира взорвутся новостью о внезапной женитьбе принца. И она будет одной из первых кто поздравит его. Во всяком случае, именно это она себе и планировала, прежде чем, полностью выключив злосчастный компьютер, спустится в гостиную, где обнаружит Альберта в компании его любимого загадочного друга. Это даст ей шанс хоть на несколько часов отвлечься от собственных глупых мыслей и побыть объектом колких насмешек со стороны князя. Но они будут отражены с легкостью и юмором, подпитанными словно отече-

ской защитой гостя.

– Жаль ты не присутствовала на прошлых дебатах, – Альберт снова потянулся за сигарой. Второй же мужчина уклонился от предложения. – Виктор прекрасно себя проявил.

– Альберт, мне кажется или я слышу в твоём голосе одобрительные нотки? – засмеялся Виктор Руже и заговорщицки подмигнул княжне. – Мне уже тридцать и я довольно сформировавшая личность.

– Одинокая сформировавшаяся личность, – уточнил Альберт.

– Кто бы говорил, – по – роскрански парировала Анна и закатила глаза. Ее умиляло это общение старых двух друзей, что вели себя словно дети. Она уже давно привыкла к так часто гостившему у них Виктору, что даже спокойно оставалась с ним наедине. Он поражал ее с каждым днем, представляясь великолепным рассказчиком и обладателем хорошего чувства юмора. Виктор был умен и что греха таить, красив и хорошо сложен, значительно выделяясь своим подкаченным торсом на фоне намечающегося пивного животика Альберта. Анна была уверена: он с легкостью мог сниматься в кино и быть обожаемым большей частью женской аудитории. Да за одну его белозубую улыбку можно отдать жизнь, а что уж говорить о зелено – карих глазах и темных вихрах волос. В этого красавца, метр девяносто, можно было без зазрения влюбиться, что и сделала какая-то бизнесвумен из Австралии. Но ответил ли он ей взаимностью было неизвестно даже

Альберту – был у Виктора такой порок.

– Говорят, вы снова собираетесь в Англию, – обратился к ней Виктор, подлив себе и ей чай, принесенный прислугой. Раз уж они не думали присоединиться в курении к Альберту, то пусть уж будут уничтожать листья с личной чайной плантации князя.

– Да, думала, – Анна улыбнулась гостю. – Правда после того как посету свой университет в Гилеве.

– Осталось совсем немного, и вы будете свободной птицей? – Руже изобразил руками голубку, что взмахнув крыльями, улетела прочь.

– Виктор, – снисходительно покачала головой девушка. – Я наследница престола, какая я вольная птица?

Мужчина резко посмотрел на князя, что продолжал любоваться сигарным дымом. Эта девчушка была права и Руже ничего не мог сказать в ответ, лишь перевести разговор в другое русло, изредка бросая взгляд от одного представителя монаршей семьи к другому.

Возможно, ему хотелось сказать, что все это неправильно, но перед глазами вставал пример Винзоров и Полиньяк. «Это просто такая работа – быть главой государства» однажды ему сказал Альберт, правда тогда он еще не знал, что спустя годы будет все так же сидеть в кресле напротив Виктора ощущая некую нежность восхищаться следующей наследницей престола.

Все в этом мире довольно странно.

– А теперь на чистоту, – произнес Альберт, когда Виктор покинул их, сидящих в креслах друг напротив друга, оставив после себя улыбки на лицах домочадцев и очарованной прислуги. – Какая реальная причина твоей поездки? Мы с мамой видим, что что-то не так. Но ты же знаешь ее. Она боится спросить.

– У меня все хорошо. Это не наркотики или что-то нелегальное, – заверила Анна, начиная краснеть. – Просто я встречаюсь с парнем из другой страны.

Она понимала, что ему стоит сказать хотя бы часть правды, ведь в первую очередь это важно для ее безопасности. Да и ведь летает она за его счет, хоть и бюджетными авиалиниями, и хорошо, что он просто напросто не приставил к ней постоянных телохранителей. И как же замечательно, что ее лицо не растиражировано, как британских наследников, и за рубежом она может позволить себе выглядеть как нормальный человек. Есть гамбургер в Макдональдсе, чихать на улице и собирать волосы в отвратительный кривой хвостик.

– Это тот упонец, – вздохнул Альберт и чуть подался вперед. – Ты влюблена.

– Мне кажется, да, – девушка отвела взгляд, готовая расплакаться от этой простой правды.

– Ты понимаешь, что сказки с красивой свадьбой в конце не будет? – грустно произнес мужчина. Как же он ненавидел это чувство первой любви, что разбивает сердце вдребезги.

– Да. Поэтому мы и встречаемся в других городах и стра-

нах, – она не хотела видеть этот понимающий взгляд. Лучше бы он накричал на нее за растрату денег или за безрассудство. Как же больно признаваться в своих неудачах. Ей почему-то стало стыдно за свои отношения с Куроки. Хотя разве это отношения? Игра. Игра в которой не будет победителя. Они оба проиграют, ведь никто не сделает решающего шага в бездну. Слишком страшно потерять то, что имеешь. Никто не хочет рисковать ради каких-то глупых чувств. И может это правильно? Не всем же быть безрассудными от любви. Хотя откуда она точно знает, что Куроки ее любит? Она вполне могла быть игрушкой или временным увлечением, дабы развеять скуку, экзотикой, что не отдается ему только потому, что он принц.

– Мне жаль, – Альберт потянулся и положил руку ей на колено. – Жаль, что это разобьет твое сердце, но спустя год или два, ты будешь вспоминать об этом с улыбкой. Ты еще влюбишься ни раз, я точно знаю. Ты же у меня такая умница и красавица. Тем более богата. Да за тобой и так табунами ходят.

– Вот только я не отвечаю тем же, – Анна наконец-то посмотрела на Альберта. – Да ты и сам женился не на актрисе.

– Зато у меня было столько романов. Веселое время, – засмеялся мужчина, а потом резко сделал серьезное лицо. – Но лучше бы я раньше встретил бы твою маму. Был бы намного счастливее в этой тихой гавани, где не нужно притворяться лучше, чем ты есть. Я об этом и Виктору постоянно говорю.

– Ты остепенился в сорок, – возмутилась Анна. – У Виктора еще есть лет десять. Не ставь на нем крест.

– Хорошо, – улыбнулся Альберт и откинулся обратно в кресло. – Я просто боюсь, что он не найдет ту, что выдержит его опеку, постоянно понимание Он даже не умеет ревновать.

– У него вообще есть хотя бы один недостаток? – засмеялась девушка. Оказывается, от разговоров по душам и вправду бывает легче. Почему они не делали это раньше?

– Поверь, без капли ревности, отношения, даже отношениями нельзя назвать, – решил изречь мудрость князь Греспиль. – Пресно и начинает закрадываться мысль, что твой партнер просто тебя не любит.

Анна задумалась над этим изречением. Ревнует ли ее Куроки к тем парням – на – вечер? А она? Пока он срываясь, мчится к ней, ей не хотелось даже думать о том, что кроме нее такой яркой и замечательной, у упонца в сердце и разуме кто-то есть. Да, он не был ее хеппи – эндом. Но сейчас. В это мгновение он был ее. Только ее. Почему же от этих мыслей становится на душе больно и немного страшно?

30.04.2000

С отцом все хорошо, но нам пришлось увеличить охрану. Так что будь добра не присылай мне в конвертах Сибирскую язву. Очень сильно прошу.

Мэмо очень была рада к проявлению интереса к своей пер-

соны. Но она еще мала, чтобы осознано понять всю ужасность такого создания как СМИ. Мне временами так ее жаль, хотя я и должен ее ненавидеть. Ведь она отличный претендент на трон.

Сорок лет довольно приличный срок для европейцев, но не для нас. Во всяком случае, моя семья считает все полувеками.

Каким я вижу себя через сорок лет? Шестидесятилетним принцем. Скорее всего, к тому времени у меня уже будут внуки. Но если честно, то я не хочу заглядывать вперед. Это не радует и даже немного пугает. И пусть мой разум подсказывает мне, что случится в ближайшие годы, но я всеми силами хочу оттянуть наступление этих событий. Мне они не нужны.

Вас недавно видели в компании с каким-то британским актером. Новое увлечение, дабы забыть старое? Не тешишь себя надеждой, что это так, но все же...

А еще я тут задумался, почему мы так часто пишем, друг другу именно обычные бумажные письма, ведь так долго ожидать ответ, но потом сам нашел ответ. В таких письмах больше эмоций и чувств. И их, конечно же, приятнее получать – ведь по почерку видно какое настроение у человека и что он чувствует.

Завтра мы с Сакурой поедem в один из беднейших городов нашей страны. Наверняка это будут использовать как отличный пиар императорской семьи, но для нас это будет

отличный опыт. Вот только я немного нервничаю, боюсь сделать что-то неправильно. Банально: скривить нос от вони или вздрогнуть от прикосновения бедняка. Я ужасен.

К.

От ламп, что казалось, расставлены здесь повсюду, исходил не только свет, но и манящее тепло. Это особенно ценилось, когда на дворе гостил глубокий вечер и лил дождь. Они решили выбраться всей семьей, при минимальной охране, сидящей за столом, позади Альберта, как – никак цели «номер один».

Этот ресторанчик был стар и престижен, но находился в тупике и без рекомендаций и координат они бы никогда не узнали о нем. Казалось, он для местных, правда, с чуть более высокими доходами. Впрочем, кто еще будет жить в центральной части города?

– Я уже привык, что люди смотрят, как я ем, – прервал затянувшуюся паузу Александр и убрал с глаз челку светлых волос. – Но дома они следят, чтобы я не подавился, а тут прямо жаждут этого

– Ну, что ты, – постаралась успокоить его Мария, одетая в серое платье, купленное в масс – маркете. Ее светлые волосы были собраны в чуть растрепанный пучок, будто бы небрежно и в спешке собранный, словно она не готовилась целый час к выходу.

Этот выход в «нижний свет», как называла его Хезер, был

неплох для имиджа и для самой семьи, что в последнее время так редко собиралась в полном составе. Мария постоянно была занята своим благотворительным фондом «унаследованным» от матери Альберта; Саша учился и играл в школьной футбольной команде; Анна изображала из себя ответственного человека, посещающего выставки и политические рауты; Альберт же сопровождал ее, иногда спихивая данную ответственность на послов и дипломатов, а иногда даже на Виктора, что умудрился пройти в парламент княжества со второй попытки. И что ему на своем месте не сиделось? Правда Анна в полной мере не знала, кем до этого работал друг Альберта.

– Кстати, настолько терпеть не могу рыбу, – княжна вилокй отделила кусочек золотистой, приготовленной в кляре, морской рыбы. – Но здесь она просто великолепна.

Она сказала это чуть громче, чем положено, дабы отвлечь внимание гостей от молчаливой трапезы остального семейства. Они должны веселиться, смеяться и шутить, показывая окружению насколько они счастливы и дружны.

– Ты просто еще не пробовала стейк, – принял подачу Альберт, отпив вина и потянувшись к Марии, погладил ее по щеке. За окном ресторана заработали фотовспышки. Мужчина чуть нахмурился, зная нелюбовь супруги к показным чувствам. Была бы ее воля, она вообще бы дальше лужайки у дворца не выходила.

Из ниоткуда рядом с окнами возникли официанты и за-

крыли их тяжелыми зелеными шторами. Папарацци и так уже прорекламировали их заведение, теперь нужно было оставить гостей в покое, дабы те после рассказали о данном вечере своим друзьям.

– Ну, наконец-то можно нормально поесть, – вздохнул Саша и отложил нож в сторону. – Сижу как аристократ фигов.

Последнюю фразу он произнес по – рокскански, что немного смутило Альберта, что узнал лишь «сижу».

– Может быть, поговорим о чем-нибудь приятном? – предложила княгиня, поправив на платье салфетку.

– Я предлагаю в следующем месяце сходить вместе в оперу в Париже, – воодушевленно произнесла Анна, тоже отложив столовые приборы и поедая картошку – фри, гарнир к рыбе, с помощью пальцев.

– О, наконец-то выплюсь, – согласился Альберт и засмеялся, не обращая внимания на укоряющий взгляд жены. – Может, лучше сходим на игру к Саше? Возьмем Виктора...

– О, да, – закатила глаза Анна. Иногда ее нервировала эта маниакальная привязанность Альберта к другу. Впрочем, как она может винить его, если сама страдает от невнимания Куроки. – В прошлый раз, наш визит на стадион, чуть не сорвал игру. И дело не в твоей красоте...

Они дружно засмеялись, вед я себя как нормальная семья, не обращая внимания на заинтересованные взгляды других посетителей, что все же не желали покидать данное заведение.

Они встретились с Сорой у входа в один из центральных торговых центров Мокио, он хотел вместе с ней побродить по художественному магазину. Куроки всей своей кожей чувствовал, что вокруг полно скрывающихся репортеров, готовых загрызть друг друга ради удачного снимка «главной пары страны». Юноша усмехнулся: хорошо хоть перестали обсуждать его ориентацию.

Сора. Он считал ее хорошей, умной и талантливой девушкой, которая уж точно была достойна большего. Вот только мы считаем вправе указывать себе кого мы достойны. Любовь временами бывает эгоистична, но это ее ничуть не портит. А вот увлечение... Увлечение может быть стремительным, захватывающим, сладким и опасным. От него может вскружить голову и подтолкнуть к пропасти. Нестабильно и прекрасно. Именно на него Куроки списывал все свое безумное помутнение. А как еще объяснить то, что ни в одной девушке Упони он не мог найти той искры, что притягивала его к Анне?

– Особый сдвиг мозга, – неожиданного для самого себя вслух произнес Куроки и, оглянувшись по сторонам, с облегчением обнаружил стоящую рядом удивленную Сору.

– Прости что? – встав на цыпочки, девушка легко коснулась губами его губ.

– Ничего, – уклончиво ответил принц, приобняв ее за плечи, повел в сторону одного из брендовых магазинов. Он по-

что научился уводить разговор в иное русло. Ямаде лишь оставалось промолчать: она прекрасно понимала, что даже то, что она официально является почти невестой наследного принца не дает ей права возражать ему или критиковать, а тем более устраивать сцен. И что-то ей подсказывало, что и в будущем такой свободы ей не предвидеться. Какое-то женское чутье подсказывало Соре об опасности и запертой комнате, расположенной в сердце Куроки и она, проведя столько ночей без сна, решила, что не будет открывать эту и дверь и узнавать, кто же там живет. Нет. Она умна. Она будет потихоньку собирать у той двери баррикады, состоящие из счастливых моментов связанных с ней, с лаской, смехом, нежностью и заботой. Ему нужно внимание? Она тут как тут и обязательно поддержит, даже если он не прав. Вот только почему ей это нужно?

Она просто его любит. Такое простое осознание, что дальше не видишь жизни без этого человека, чтобы там не говорили окружающие.

Сора чуть сильнее сжала руку Куроки и улыбнулась: ее народ пережил две атомные бомбы, а тут какие-то химические реакции в человеческом организме. Какая нелепица.

Их народ к счастью не переживал ни атомные бомбы, ни холокост. Их землю не вспахивали минометами или конницами. Но почему-то временами народ вел себя как старый вояка, вечно недовольный и ворчливый. Анна понимала, что будь она на месте грепильцев, то так же скептически отно-

силась к чужестранке, хоть и белокожей, как и 84 % населения, и довольно неплохо разговаривающей на государственном языке, и к тому же не влезаящая в скандалы. Вся такая милая, добрая и замечательная на фото и видео. Но. Но она родилась не в Грепиль. И это перечеркивало все. Иногда ей хотелось бросить все, расплакаться и уехать обратно в Гилев, чтобы потом эти злые людишки осознали насколько совершенной была она. Да, княжна знала историю государства лучше большинства сограждан. Да, она... Впрочем, не важно. Что же им нужно еще? Когда же они привыкнут к ней? Когда смирятся с неизбежным?

Анна отложила газеты и подошла к окну, разглядывая кольцо из белого золота с россыпью рубинов, подаренное Альбертом, когда она соизволила дать благословение на их брак с Марией. Потрясающее, яркое и переливающееся, притягивающее взгляд, но довольно миниатюрное – один крупный рубин, в обрамлении нескольких мелких. Хезер призналась, что Альберт заказал его специально для нее, вдохновившись детской фотографией Анны в красном платье на утреннике в саду. Девушка любила прокручивать кольцо на среднем пальце левой руки, когда о чем-то задумывалась. Забавно, но оно кажется, стало ее талисманом. Саша получил шикарный горный велосипед, о котором мечтал.

– Зря, ты переживаешь, – раздался голос позади. Анна обернулась и увидела Виктора, стоявшего у столика с газетами. Как он умудряется так бесшумно подходить? И насколько

ко ему все дозволено: просто так, без прислуги, бродить по дворцу бессовестно заходя во все комнаты, исключая конечно спальни. Десятилетняя дружба с князем дает такие привилегии?

– Думаешь? – Анна наблюдала, как мужчина неспешно подошел к ней и по – доброму улыбнулся.

– Поверь, все эти газетные истории и сплетни живут максимум неделю. Потом случится какой-нибудь скандал и все забудут. Поверь, – Виктор склонил голову в бок, разглядывая раздосадованную княжну. – Когда Альберт решит передать тебе трон, СМИ заполнит информация, возносящая тебя до небес. Дворец постарается. Даже если ты убьешь человека, они обставят это, будто бы ты защищала стран от врага. Нужно просто потерпеть, поверь. Знала бы ты, сколько грязи вылилось на меня, когда я пришел на благотворительный ужин Альберта и тот при всех назвал меня своим другом. Как давно это было? Семь лет назад? Да, точно. А сейчас я просто ангел, которому просто не везет в любви.

– Знаешь, твои семь лет, – вздохнула Анна. – Меня совсем не радуют.

Виктор засмеялся, положила руку ей на плечо. Славная милая девочка, которая просто боится.

Глава 5

Они лежали на диване в маленькой гостиной, единственной где был телевизор с видеомagnитофоном, и смотрели «Сабрину» с Харрисоном Фордом. Каждый второй четверг месяца они устраивали «парные» вечера: Альберт проводил время с Сашей, а Анна с Марией. Первые чаще всего ездили куда-нибудь в Грeпилъ – Вилле разгонять тоску вкусно и вредно поесть, а вторые чаще всего оставались дома для просмотра фильма или спа – процедур. Эти вечера помогали им не терять друг друга, ведь Альберт столько времени проводил с Анной, занимаясь государственными делами, что времени на успехи Саши у него почти не оставалось. Поэтому Мария решила проблему этими вечерами.

– Я видимо все же люблю его, – произнесла Анна, смотря, как персонаж Джулии Ормонд, возвращается из Парижа домой.

– Кого? – не поняв, спросила Мария и посмотрела на дочь. Иногда ей казалось, что со всеми этими переменами в жизни они невероятно отдалились. Теперь вместо нее у Анны была Хезер, что полностью соответствовала всем желаниям княжны. Часто княгиня Мария думала, что просто перестала быть нужной своей дочери. От этого немного колело в сердце.

– Куроки. Я люблю его. Мне так кажется, – пояснила княжна, не смотря на мать. Ей уже не было стыдно своих

чувств, только горько и хотелось, чтобы ее пожалели. Лучше. Лучше бы она влюбилась в какого-нибудь актера. Еще лучше родом из княжества. О, это было бы совсем идеально.

– Что тебя тревожит? – спросила ее мать, погладив по голове. – Как я вижу, чувства взаимны.

– И что с этого? – вздохнула Анна. – Впервые я по – настоящему увлеклась человеком, да еще взаимно. А быть вместе мы с ним не сможем. Какая ирония. Он не отступится от трона. Он же рожден для этого. А я не дура, чтобы упустить свой.

– Но ведь чувство влюбленности само по себе прекрасно. Твое сердце трепещет. Живет.

– А потом умирает мучительно долго, – закончила за нее дочь, натянув на себя плед.

– Ты хочешь все и сразу, – усмехнулась женщина, поцеловав ее в лоб. – Никогда не знаешь, что будет дальше.

– Я знаю, – возмутилась Анна, отодвинувшись от матери и посмотрев на нее своим фирменным укоряющим взглядом. – В следующий раз я добьюсь своего. Он будет моим и я буду счастлива.

Мария с улыбкой покачала головой, решив не обращать внимания на ее юношеский максимализм и нетерпение. Хотя в упертости по достижению цели, с недавних пор, у Анны не было равных. Она зубами вгрызалась в «нелюбовь» жителей княжества, заставляя их менять свое отношение. Выходя из своей комнаты, она становилась доброй и дружелюб-

ной, была внимательна к прислуге, сдружилась со священником из придворной церкви. Всегда останавливалась, если с ней хотели пообщаться жители. Улыбалась, цвела и освещала княжество. Апогеем доброты, по мнению Марии, служил случай, когда маленькая девочка лет шести в торговом центре попросила у нее собаку. Анна, учтиво спросив разрешения родителей, за ручку с девочкой, под пристальным взглядом камер пошла в зоомагазин, где в течение двадцати минут выбирала и консультировалась с продавцами насчет собаки и что ей нужно в первое время.

– А вы тоже любите собак? – спросила малышка, прижимая к себе счастливого щенка терьера.

– Нет, милая, я люблю котов, – под смех фотографов ответила княжна, поглаживая девочку по голове с двумя милыми косичками каштановых волос. Наверное, именно с этого момента стало модным говорить про княжну не только гадости. Помнится, последняя, узнав о волне любви, вызванной не работой дворца, скакала на кровати, не обращая внимания на снисходительный взгляд Хезер. В тот момент она была действительно счастлива.

Он позволил себе совершать глупости вплоть до момента как Дворец официально представит Сору Ямада его невестой. Эгоистично и жестоко, но до этого момента он и не собирался «вести правильный образ жизни» – негласно ему даже позволили это. Какие-то жалкие последние месяцы чи-

стого безумства в рамках закона. Вот только расписывая свои планы, Куроки постоянно не задумывался о чувствах Соры. Да и Анне было на них глубоко наплевать, хоть где-то в глубине души совесть легко царапала сердце.

– И что это за хмырь на фото? – спросил Куроки, откинувшись на спинку пластикового стула. Был обычный знойный полдень, в котором солнце уже было разогрето до предела, одаривая гостей и жителей своим теплом, заставляя прятаться в тени и у кондиционеров.

Анна отобрала газету и всмотрелась в фото, к ее удивлению, расположенное на первой странице местной прессы. У нее с утра болела голова, так что очередная игра в «уколи меня словами», ей была не интересна.

– Какой именно? – девушка, подняв солнечные очки на голову и закрепив их в волосах, посмотрела на упонца, довольно забавно выглядевшего в своих хлопковых штанах цвета морской волны и белой рубашке. – Если ты о том, что справа, то это, мой милый, бой брат.

В ее голосе явно звучала легкая позволительная усмешка и укор, что он так просто позволил своим чувствам вылезти наружу.

– Я о другом, – Куроки даже не удостоил ее взгляда, продолжая рассматривать окружающий местный колорит, состоящий из поляков и краинцев. Он хотел побыть с ней там, где их никто не узнает и не догадается искать и вот они в Польше. В крохотном городке, почти на границе с Краиной.

В самом начале их маленького путешествия, ради которого ему еще дома пришлось найти карту мира, дабы понять, куда же его тянет эта безумная европейка. Но не в этом суть. Главное, что они с княжной походили на туристов, пусть юноша все же чувствовал, что за ними наблюдает чья-то охрана. Вот только он почему-то не спешил делиться этим ощущением с Анной. Хрупкий маленький мирок, полученный благодаря вранью и самостоятельному устроенному светскому рауту.

– Это Виктор, – Анна посмотрела на принца, как на неразумное дитя. Она просто забыла, что в остальном мире Руже просто не имел политического веса. – Его смело можно назвать другом семьи. Впрочем, он довольно интересный собеседник.

– Так же как и твой... Джаред? – усмехнулся Куроки, взяв бокал с ледяным вишневым соком. – Или я не прав?

– Мне кажется, у кого начались критические дни? – девушка резко отложила газету и посмотрела на собеседника. Она никак не могла понять, что же с ними творится весь день. Может тому виной ее головная боль, что обожала ее преследовать?

Они лишь вчера утром прилетели сюда разными рейсами, заказали один номер с двумя спальнями, оплатив специальной кредиткой Хезер, гуляли всю ночь по ярко освещенному неоновыми лампами городу. Но сегодня утром их словно подменили. Появилась какая-то нервозность. А завтра они улетали в Рим.

– Что-то не так? – Анна протянула руку и коснулась его руки. – Что-то случилось?

Был еще вариант спросить «это из – за твоего «хвоста»?», но она не стала. Зачем рушить это равновесие?

Он непроизвольно вздрогнул от ее немного встревоженного тона – она еще ни разу не была настолько ласковой. В его странных мечтах она всегда язвила и упрекала, и возможно именно это оставляла его на плаву, не давая с головой нырнуть в любовный омут. Куроки глубоко вздохнул, как учат в книгах и на бесполезных тренингах в университете, но не помогло. Его впервые мучила осознанная ревность к этому тридцатилетнему старику. Какое странное открытие до дрожи в коленях и нетерпения. И как смешно, ведь когда ему будет тридцать, он поймет, что старость это когда твои дети говорят «но в вашем веке все было иначе».

– Прости, – принц легко перегнулся через весь столик и поцеловал ее в губы. Их «хвост» наверное, уже с ума сошел, но большего они себе не позволяли, даже за закрытыми дверями номера в отеле.

Анна кончиками пальцев, почти невесомо, провела по перегородке его носа и как-то по особенному, не поддающемуся описанию улыбнулась, опустив взгляд. Смущенно? Господи, иногда она была настолько невинной!

Куроки минут десять разглядывал ее, словно замороженный, пытался запомнить каждую черточку ее лица, но постоянно останавливался на ее глазах, в которых сейчас играл

смех.

Он словно сходил с ума, но это чрезмерно – эмоциональное состояние ему нравилось, придавало сил и идей.

– Мне понравился твой подарок, – Анна подняла свои карие глаза и посмотрела на принца. Эти моменты стали для нее привычными, но все же каждый раз, когда она касалась его руки, ей хотелось рассыпаться на несколько миллионов осколков счастья. Она не могла нормально описать все эти чувства, как бы ей не хотелось поделиться этим с бумагой.

– Я рад, – уголки губ Куроки едва заметно дернулись вверх, но и этого хватило. – Посмотрим перед сном фильм?

Этот невинный со стороны вопрос породил немного иные действия: они расположатся на разобранном гостиничном диване в темноте комнаты, освещенной одним лишь светом экрана телевизора. Ее голова будет покоиться на его плече, а их руки будут сплетены. Он осторожно будет вдыхать запах ее шампуня, от еще не высохших до конца волос и думать, что именно эта романтика достойна экранизации.

Фильм окончится и с некоторым сожалением он поцелует ее в висок, вот только она никуда не уйдет, устало улыбнувшись, удобнее уляжется на этом невообразимом диване и через несколько секунд уснет. А Куроки впервые почувствует себя по – настоящему счастливым, укрывая ее одеялом и осторожно укладываясь рядом, боясь разбудить ее.

Однажды он скажет, что это было самое идеальное свидание во всем мире, вот только посмеет это сказать лишь са-

мому себе.

Она терпеть не могла такие дни: когда встаешь уже с головной болью. Точнее открываешь глаза и понимаешь, что передняя часть лица сосредотачивает в себе какую-то непонятную тяжесть, сдавливая в висках. Иногда такого не было месяцами и забывалась, словно ночной кошмар.

В такие «приступы» Анна была нервной, озлобленной, агрессивной и даже не старалась особо себя контролировать. Конечно же, она принимала прописанные лекарства, но иногда даже их не хватало. Ей легче было переносить эти «приливы» в одиночестве и в полной тишине. Читая книгу, что отвлекала, либо банально лежать в постели и бессмысленно смотреть в одну точку, пока глаза не устанут и сами не закроются, унося ее в царство Морфея. Так и сегодня. Хорошо, что никаких мероприятий не назначено, иначе было бы как в прошлый раз: у нее очередная тупая головная боль, а она в океане бегающих звонких детишек младшего школьного возраста. Ей хотелось расплакаться от боли и безысходности, но приходилось улыбаться и не искренне интересоваться у ребятни их планами на будущее. Нет, княжна любила детей, и если бы боль не была настолько невыносимой, она бы вместе с детьми прыгала и сеялась, подобно юному кузнечику.

Дверь в спальню тихо отворилась и в комнату с подносом вошла Хезер.

– Вам нужно поесть, – почти шепотом произнесла женщи-

на и положила обед на постель, где лежала Анна. Хезер поменяла воду в графине, что стоял на прикроватной тумбочке, затем плотнее зашторила бархатные шторы, дабы лишь тусклый свет освещал обиталище княжны, ничем ее не раздражая.

– Спасибо тебе. Я ужасно беспомощна, – произнесла из – под одеяла княжна. – Это отвратительно. И мне даже стыдно, что тебе приходится носить мне еду.

– Я получаю за это деньги, – пожалала плечами Хезер и присела на корточки у кровати княжны, дабы посмотреть на ее измученное лицо с опухшими глазами. – Может еще аспирин?

– Я пила час назад, – вздохнула та, медленно-то открывая, то закрывая глаза. – Врач говорил, что больше нельзя.

– Могу принести мороженого, – предложила Хезер, которой действительно было жалко хозяйку. – Жан как раз вернулся от поставщиков.

Ей правда было ее жаль, в отличие от остальных жителей княжества, она была с ней почти весь день. С 8:00 до 20:00, а иногда и позже, раньше, неделями без выходных, или наоборот с постоянным отдыхом. Ненормированная работа с иногда капризным ребенком. Но Хезер любила эту должность: она была в восторге от своего статуса, денежного довольствия, от того что именно она подготавливает одно из главных лиц княжества. Это воодушевляло и окрыляло, но неизбежно уничтожало ее свободное время. Хорошо, что ее муж

тоже работал во дворце – в пункте охраны. Великолепная эталонная семья: Хезер высокая и худощавая, широкоплечий муж и дочка, что спрятана в одной из лучших школ – интернатов княжества. Сам Альберт учился там.

– Ты просто волшебница, – Анна слабо улыбнулась. – Ванильного и шоколадного. Посыпь лесными орехами.

– И кофе на молоке, – кивнула Хезер, и направилась к двери. – Но это после того, как вы съедите обед.

– Хорошо, – беспрекословно согласилась княжна. Уже перестав удивляться тому, как хорошо ее знает Хезер.

20.10.2000

Поздравляю с годовщиной!

P.S. Я все еще в восторге от твоего подарка на двадцатиоднолетие!

Ты хотел узнать, как я его отметила? Так вот: мне лишь было позволено пригласить своих подруг из Гилева и мы, под присмотром Хезер, отправились в Лас-Вегас. Где... Ооо! Дальше я не буду тебе рассказывать, иначе ты перестанешь меня уважать. Скажу лишь то, что та поездка преподнесла мне неоценимый жизненный урок.

Я, правда, очень надеюсь, что твое отмечание 24 прошло ничуть не хуже.

P.S.S. Мой второй так называемый подарок ты сможешь

обнаружить в ближайших газетах. Ты был прав. Доволен? Он не мой тип, хоть он и очарователен, талантлив и красив. Нет... Что-то в нем есть, что меня отталкивает. Пока сама не разобралась с этим, но ... Надеюсь. Мы сможем нормально поговорить, если умудримся встретиться на каком-нибудь приеме.

И, конечно же, я надеюсь на нашу встречу в декабре.

А.Р.

Ее письма были до невозможности открытыми и счастливыми. Она, обретя свою сказку, со всей своей непосредственностью окуналась в новую главу с головой, пусть и, зная, что всему есть логичный конец.

– Он рассказывал тебе о ней? – Альберт внимательно посмотрел на падчерицу, что в сотый раз с показным безразличием смотрела новости из Упони, где телевизионщики и газетчики чуть ли не с остервенением делали ставки и прогнозы, когда же именно Дворец закует в кандалы брака своего наследника.

– Мы предпочли не говорить о ней, – легко соврала Анна и постаралась улыбнуться. Она, словно затаившийся в кустах хищник, ждала, когда же Куроки сам признается ей о Соре. Княжна всегда чего-то выжидала, и это качество порой оборачивалось против нее. – Мне всего двадцать один и Куроки не единственный мужчина на Земле.

– Интересно кого ты больше пытаешься сейчас убедить

меня или себя? – устало усмехнулся Альберт и потянулся за позволенной ему сигарой. – Мой отец всю жизнь любил лишь Стефанию, но водился со многими. Человек не в силах остановиться на ком-то одном, поверь. И все эти истории про вечную любовь лишь к одному и только одному человеку лишь попытки образумить человечество в его страшном непостоянстве.

– Ты вычитал это где-то? – иронично поинтересовалась девушка и взяла в руки первую попавшуюся книгу. Как же не расплакаться при нем. Почему же сердце так колотиться, а рукам холодно?

– Нет, – покачал головой Альберт. – Это однажды сказал мне Виктор.

Князь поймал удивленный взгляд подопечной и продолжил.

– Мой друг не всегда был таким смирным. Во времена его молодости, он покорило столько сердец, что ДиКаприо не снилось. Он влюблял и влюблялся, но больше чем на два года его не хватало, а может быть он просто искал ту, что переплюнет его своим стервозным характером и подарит семью и детей?

– Я сейчас умру от мелодраматичности, – протянула девушка, размышляя о том, что бы ей прочитать из этой огромной библиотеки. Хотя признаться, Анна не ожидала, что Виктор мог быть таким прожигателем жизни: уж больно сильно он напоминал ей американского актера Ноя Уайли,

чей образ Джона Картера, доброго и искреннего, переключал на ни в чем не повинного уроженца Греспубли.

Она видела его таким, каким хотела, создавая полноправную иллюстрацию умного и серьезного человека. Впрочем, на фоне Альберта он таким и являлся.

– С тобой невозможно, – вздохнул притворно князь. Он одним из первых заметил изменения в ней. Уже не было тех честных, добрых глаз с искренним восторгом сейчас они были уставшие и почему-то обиженные. Сейчас. На официальных приемах она носила чудесную выученную маску, но на тех снимках, где она с этим упонским принцем, Анна выглядела реалистично живой, немного похожей на саму себя в кругу Саши и Виктора. Они так часто проводили время вместе... Мужчина тряхнул головой, словно выбивая ненужные мысли из своей головы. Виктор слишком стар для нее. И он имел в виду лишь физическую сторону. Уже не то время и уж точно не то место и ситуация для подобных союзов.

– О чем задумался? – спросила девушка, поставив очередную книгу на место. Она немного успокоилась, сообразив, что легче все пережить – не смотреть новости.

– Я представил тебя женой Руже, – честно ответил Альберт и взглянул на падчерицу в надежде увидеть хоть какую-то реакцию. Эта внезапно пришедшая мысль холодила его разум, но в то же время он не мог сказать категоричного «нет».

Анна заулыбалась так сильно, что глаза стали щелочками

и, подавшись чуть вперед произнесла тоном заговорщика:

– Ты смотри, когда мне исполнится двадцать пять я возьму и выйду за него замуж. Если конечно не сумею окрутить очередного актера.

Альберт понимал, что она шутит, но все же в каждой шутке всегда есть доля правды. Князь иногда боялся ее слов – они имели способность становиться реальностью.

– Я боюсь, – мужчина поправил галстук и улыбнулся ей. – Виктор умрет от этой благодати.

– Нет, – покачала головой девушка, всерьез не обращая внимания на эту сумасбродную мысль, – Мы будем жить долго и счастливо, пока мой характер не разлучит нас.

16.12.2000

А должно 24.12.2000

С Рождеством и Новым Годом!

Теперь, как истинная католичка, ты должна отлично отпраздновать Рождество. Надеюсь, мой подарок придется тебе по душе.

Все будет хорошо.

К.

31.12.2000

С Новым годом.

Ничего уже не будет хорошо.

А.Р.

Глава 6

Промозглый ветер умудрялся приносить с леса, расположенного неподалеку, запах хвои напоминая о прошедших праздниках и мешая его с морским бризом.

– Ничего безумнее они не могли придумать, – вздохнула Хезер, обращаясь к камердинеру Саши, и кутаясь плотнее в свое пальто без капюшона, о чем она уже жалела, час, прогуливаясь по холодному первому дню января. Да еще и у кромки воды. В резиденции сейчас наверняка хорошо и тепло, все начинают готовиться к четырехчасовому чаепитию, радуются жизни и праздникам. Впрочем, она сама пошла на эту каторгу, решив показать всем свою значимость и приближенность к княжеским детям. А ведь могла, как княгиня в уюте сидеть на балконе второго этажа деревянно – каменного дома, укутанная в плед и наблюдать издалека.

– На их родине такая погода считается теплой, – сообщил камердинер Саши Луис, мужчина лет пятидесяти с пивным животиком и усами, больше похожий на баварского пивовара, и исполнявший, как и Хезер кучу должностей. Скрывался ли за этой добродушной внешностью диктатор? Нет. Скрывался еще больший добряк, знающий четыре языка, в том числе и роскранский, позволяющий мальчишке и его друзьям совершать безумства локального характера: взрыв в учебной комнате, при выполнении домашней работы по

химии, приведенные вечно голодные котята и щенки. А что она? Хезер старалась быть строгой, но справедливой к Анне, как и просил ее князь Альберт, когда пригласил к себе, через неделю после того, как сделал предложение княгине Марии. Она была обычной старшей горничной, просто с суровым лицом. Так забавно выразился князь. На фоне Луиса Хезер явно проигрывала: зная немного лишь английский и, как она подозревала, пару нецензурных выражений по – роскрански, а так же имея диплом бакалавра по литературе. Зато она умела контролировать и направлять в нужное русло энергию своей подопечной – именно этого и требовали от нее. Точные знания об этикете и прочей политической чепухе пришли позже, после нескольких книг, опыта работы во дворце, консультаций у того же Луиса, да и без собственного шестого чувства не обошлось.

У ее работы было множество плюсов, и она не жаловалась. Зарплата, бесплатные перелеты по всему миру, статус и множество нужных знакомств, благодаря тому, что она тенью следовала повсюду за своей воспитанницей, учтиво «подбирая» за Анной карточки, визитки и «приветы». Княжне они были не нужны, а вот Хезер такого подхода не сторонилась.

Женщина посмотрела на наследников престола, что бежали друг за другом. Смеясь, плеская друг друга прохладной водой. Желала ли она такой участи своей дочери? Не иметь возможности учиться на кого хочешь, носить странные ве-

щи, самовыражаться, выпивать с друзьями по пятницам в баре, жить без возможности оступиться. Ходить с криво накрашенными губами, участвовать в митингах, голосовать. Выходить замуж, не оглядываясь на общественное мнение, не следовать традициям и правилам.

– Твоя Хезер не спускает с нас глаз, – Саша почерпнул воду руками и бросил в сторону сестры. Между собой они разговаривали по – роскрански, особенно если разговор не касался окружающих. При Луисе они использовали остатки своего словарного запаса белкранских слов. Никто их не понимал и это было восхитительно, словно они шпионы, прямо в центре государство, бродят себе никем не замеченные. Забавно: в царской Роскране аристократы выделялись разговаривая по – французски, но вот прошло время и все переменялось.

Вы были когда-нибудь за границей, там где никто не понимает вашего языка? Где вы можете свободно, сидя напротив человека в метро, открыто обсуждать его идиотскую шляпу, осознавая, что он не поймет о чем речь, если конечно вы не кивнете на него во время разговора.

– Это ее работа. Следить за мной, – пожал плечами, ответила Анна, мимолетно глянув в сторону слуг.

– Чтобы я не утопил тебя, дабы завладеть тронем? – смеясь, спросил Саша, откидывая назад челку своих светлых волос. Какими же они были разными: светловолосый, легкий и высокий Александр, почему-то дивно похожий на Стефа-

нию Полиньяк, мать Альберта. И его старшая сестра немного грузная, или плотная, как говорил придворный портной, со светло – каштановыми волосами, ровно подстриженными по лопатки, как и полагается приличным девушкам высшего общества, что еще не вышли замуж.

– А ты хочешь трон? – серьезно спросила сестра, отряхивая свои джины от мокрого песка.

– Нет уж, спасибо, отмахнулся Саша, помогая ей очистить одежду на спине. – Чтобы меня упрятали под замок, постоянно поучали и заставляли зубрить столько глупой чепухи?

– то есть мне не ожидать повторения «Короля Льва»?

– Нет, – засмеялся ее брат и побежал в сторону Луиса, крича во все горло, – Can you feel this love..

Анна согнулась пополам от смеха, совершенно не обращая внимания на то, как ужасно выглядит ее лицо – со щечками вместо глаз. Она часто боялась, что совершенно отдалиться от своего брата, ведь даже живя в Гилеве, они не были особо близки – разница в возрасте и пол давали о себе знать. Но сейчас этот страх немного отошел. Она начала понимать, что Саша как минимум не завидует ее положению, а значит еще на один пункт в шкале «отдаления» меньше.

Впервые в жизни ему хотелось напиться, одурманить свой разум и уйти от реальности. Он не хотел. Он упустил время. Заигрался. Все было неправильно. До истерики внутри, а на публике он со спокойной вежливой улыбкой принимал

поздравления в честь помолвки, держал Сору под руку и терялся в своем внутреннем мире. А еще Куроки впервые испугался того, что подумает Анна. Но быстро сам себя успокоил: она точно знала о Соре заранее, она ж не слепая, они не клялись друг другу в любви, все было простым легким флиртом. Вот только почему же ему так тоскливо и хочется сжать до боли свое сердце руками. Ему хотелось ненавидеть всех подряд, ведь злость придает больше сил, нежели отчаянье, но никто не был виноват кроме его самого. И была жертва – Сора, что искренне его любила.

– Смотри, пришла новая почта, – девушка присела рядом и расположила поднос с письмами у них на коленях. – О, это из Великобритании...

Ямада изо всех сил старалась не обращать внимания на его сегодняшнюю отдаленность. Как же ей хотелось его ударить, привести в чувства, получить в ответ хотя бы какую-то реакцию. Ей было больно от недомолвок.

– А это, – внезапно она замолчала, Куроки медленно повернул свою склоненную голову и посмотрел на раскрытый конверт, уже проверенный почтовой службой Дворца.

– Патрик Пруст, – с льдинкой в голосе продолжила Сора, – от имени его Святейшества Альберта, князя Грепиль, и его семьи поздравляю...

Внезапно он понял, что значит в книгах «упало сердце и похолодело на душе»: она теперь точно знает. Он не успел первым рассказать ей. Упустил момент. И этого хватило для

того чтобы он резко вскочил с дивана и направился в себе в спальню, где на прикроватном столике лежало маленькое запечатанное письмо, благо она воспользовалась дипломатической почтой.

16.01.2001

Я ненавижу тебя за то, что ты струсил и не сказал мне об этом лично!

Это возмутительно (тут была зачеркнута пара нелитературных слов), что я мнила себя как минимум твоим другом и вот что получила. Это...

Я даже не могу это охарактеризовать.

Мне просто обидно и.. (несколько раз зачеркнутое и почти зарисованное слово, что невозможно было прочесть)

А.Р.

Ему было всего двадцать четыре года, а он уже успел натворить бед. Как же иногда хотелось вернуться в прошлое и... И что? Единственный выход из сложившейся ситуации был прост – не подходить на том приеме к Анне. Не знать ее. Никогда не обнимать за талию и забавно ощущать, как она вытягивает живот. Как старается прикрывать рот, когда смеется, как любит проводить кончиками пальцев по переносице его носа, едва дотрагиваясь и чуть дрожа. Молча идти рядом с ней, ощущая присутствие. Нет, он просто не способен отказаться от всего этого – слишком многое она значила для

него спустя какой-то год.

Утренние лучи солнца настойчиво пробивались сквозь занавешенные тяжелые шторы его комнаты. Куроки любил ночное время суток и полумрак дворцовых закоулков, где можно спрятаться и побыть наедине с собой. Но почти через год он будет лишен и этого благодаря настойчивой мягкости Соры. Юноша подошел к прикроватной тумбочке, открыл ключом верхний ящик. Пару лет назад он собственноручно собрал этот замок, что несколько озадачило его отца. Но даже эта глупость в прошлом – получить внимание отца. Куроки как-то по – особенному улыбнулся и достал конверт из коричневой бумаги, из которого вытащил несколько фотографий.

А ведь до прошлого года он не был столь романтичным и сентиментальным. Что с людьми делает первая влюбленность?

Анна любила фотографировать их вместе, словно консервируя воспоминания: отведенная ее левая рука, приближенные смешные их лица и почти никакого заднего фона, но именно эти фотографии будут самыми чистыми и искренними.

У него в руках осталась последняя фотография, кто ее сделал он не знал. На ней была изображена Анна, сидящая чуть в профиль на деревянной скамье у одного из аббатства Грепиль. Смотрела куда-то вдаль, совершенно не замечая окружающих, смытых движением людей. Ее каштановые во-

лосы распушены и освещены разноцветным светом, отскакивающим от витражей здания. Сейчас он бы руку отдал лишь бы сесть рядом с ней и посмотреть прямо в глаза.

– С тобой все хорошо? – Сора словно приведение вошла в спальню и остановилась, облокотившись о столбик его кровати с темным балдахинном, служившим завесой от всего мира.

– Я переживу, – усмехнувшись, ответил принц и убрал фото обратно в запирающийся ящик, даже не думая скрывать свои движения. Когда эта девушка рядом с ним, станет его женой и окончательно переедет во дворец – именно он будет спать с этой стороны кровати, иногда задумчиво касаясь кончиками пальцев этой тумбочки из темного полированного дерева. И Сора ничего не сможет с этим поделать.

Они сидели на ковре друг напротив друга и смотрели уже со злобой.

– Anticonstitutionnellement, – с остервенением произнесла Анна, но Альберт покачал головой. Они бились над этим словом битый час, в надежде, что она произнесет его без запинки и акцента.

– Anticonstitutionnellement, – вздохнул Альберт, совершенно не понимая, что может быть сложного, ведь она так хорошо со всем справлялась. Мужчина посмотрел на дочь, что обиженно всматривалась в учебник перед собой. Черт, как он не понял, что она все еще переживает из – за этого

несчастливого упонца? Первая любовь самая яркая, болезненно колющая юное, еще не окрепшее сердце. Ей бы отпустить его, увлечься новым кавалером и тогда все намного легче и быстрее проходит. Или возненавидеть – от этого было бы проще избавиться от надежды на совместное будущее. Ненависть сильное чувство, сопровождающееся болью, что не дает простить.

– Иногда мне кажется, что это никогда не закончится, – гробовым голосом произнесла княжна, раздосадованная своей неудачей. Все валилось из рук, и она не могла сконцентрироваться, постоянно мысленно возвращаясь в тот день, когда она благодаря новостям, не Куроки, черт его подери, узнала о его помолвке. Княжна стояла пораженная и не могла отвести взгляд от смущенной и счастливой Соры, представляя на ее месте себя. Она бы не была такой зажатой и скромной, она бы делилась своим счастьем со всем миром. Анна перевела взгляд на семью, что настороженно следила за ее поведением. Еще бы, в Грепиль, за неимением других новостей, будущая свадьба этого ужасного мерзкого принца стала событием месяца, так что Анна задумалась насколько грандиозно СМИ будут реагировать, когда она решит связать свою судьбу. У нее был шанс научиться на примере Куроки, у нее было время сделать все как подобает, и показать своим будущим подданным сказку, в которой все, до тошноты, будет правильно и ванильно – сахарно.

Она найдет того человека, что не будет ее разочаровывать

своим страхом сказать правду в лицо, насколько бы она ни была ужасной. И обязательно расскажет ему о Куроки, о тех актерах, с которыми она пыталась встречаться, об одиночестве и страхе, что останется совсем одна. Без любви. Нет, не правильно. Без взаимной любви.

– Учеба никогда не кончится, – прервал ее мысли Альберт и слабо улыбнулся. – Таков твой удел. Постоянно узнавать что-то новое. Сейчас это сложно, но в будущем обучение будет подобно воздуху. Может быть, однажды ты проснешься посреди ночи и решишь до конца выучить уголовный кодекс.

– И часто с тобой такое бывает? – смеясь, спросила княжна, задумавшись над тем, что через двадцать лет она должна будет наставлять своего ребенка, заучивать с ним Конституцию, помогать понять, зачем все это нужно. Она будет Альбертом. Двадцать лет. Какими вы себя представляете через двадцать лет?

23.02.2001

Здравствуй.

Мне искренне жаль твою бабушку Митико. Это просто уму непостижимо. Ведь еще неделю назад она прилетала в Париж на выставку Ван Гога. Я перекидывалась с ней пару слов. Такая величественная и грациозная.

Мои соболезнования, Куроки.

И как у нас говорят:

Пусть земля ей будет пухом.

Я всегда с тобой. И прости, что была резка.

Мне без тебя...

А.Р.

Сора молча, передала ему раскрытое письмо: она, конечно, поняла общий смысл, но все же искоса наблюдала за реакцией жениха. Тот же лишь пробежал глазами по строчкам, написанными обычной черной гелиевой ручкой и произнес неестественно сухим голосом:

– Нужно написать благодарственную.

Это значит, что ответить своей незнакомой лично сопернице должна она сама. Сколько же у нее мыслей крутилось в голове, резких ответов, насмешек, двусмысленных фраз. Но собравшись, Сора лишь написала стандартный текст.

29.02.2001

Наследный принц Куроки и его невеста Сора Ямада благодарят вас за оказанное внимание и сочувствие.

Она давно догадывалась о той другой и мучилась не от того, что она где-то есть, а от того, что не знает даже как она выглядит. Но Сора Ямала умела выжидать и получила имя, причем от первоисточника, что, так и не заметив, упомянул его. Она была... симпатичной. Титулованной и наверняка интересной. Иначе бы он не влюбился в нее. И Сору

это бесило больше всего – не знать своего врага лично. Отрывки, фразы, газеты и теленовости со сплетнями не могут открыть полную картину. Узнать человека можно лишь лично. Ей было достаточно лишь слова. Посмотреть ей в глаза, почувствовать исходящие от нее волны. Вдруг она на самом деле потрясающий человек? Вдруг. Поговорить с ней. Найти слабости, те черты, что не нравятся Куроки и излечить себя от них. Стать идеалом на фоне той княжны. Ведь как ни грустно, но он совершенно не ценит человека, что заботиться о нем и любит, не смотря ни на что.

Анна смотрела в окно на зеленеющую рощу деревьев, расположившуюся вокруг их главного дворца. Ей впервые за последнее время захотелось просто улыбаться. То пришедшее из Упонии письмо, словно вернуло ей крылья. Оно будто освободило ее. Ей всего двадцать один и она должна влюбляться, кружить головы юношам, а не сидеть в библиотеке за книгами по истории. Хотя может оно и лучше? Временами она писала рассказы. Чаще всего на скучных парах в университете, делая вид, что записывает лекции. И вот ее новое произведение наконец-то будет завершено и не уложено «в стол» как многие другие до него. Анне хотелось оживить свои старые наброски, сделанные еще в Гилеве. Вот он толчок – она снова одна. Ее голова постепенно очищается от этих постоянных мыслей о Куроки, учится жить без них. И как-то странно, но появилось больше времени.

Девушка отошла от окна к своему письменному столу, стоявшему сейчас посреди спальни и явно нарушавшему все законы дизайна. Сколько прошло времени, а она так и не смогла написать ни одной нормальной романтической истории. Ее герои были слишком пресны, нелогичны и похожи на нее – ни один адекватный человек не захочет тратить время на чтение сей бессмыслицы. Но больше всего убивало Анну осознание того, что она действительно ничего не значит в этой жизни, ничего не достигла. Княгиней она станет благодаря матери и Альберту. Женой и матерью станет благодаря приличиям. Оставалось лишь писать и надеяться, что хоть кого-то ее записульки не заставят написать ей гневный отзыв. Эх, жаль природа не наделила ее талантом петь – хотя бы скрашивала вечера гостям. Но впрочем, Хезер, зная об ее увлечении, верила в нее и подбадривала.

Анна резко открыла папку с исписанными листами: вот – вот ее недоперсонажи должны улизнуть в свой мир бесконечной любви. Они-то смогут, а она? Как она может нормально описать то, что не чувствовала. Какая-то неискренность и ложь. Как же становятся хорошими писателями? Дар? Искра свыше? Или все же терпение, которым она наделена?

– Там Виктор приехал, – в комнату заглянула княгиня Мария, что как всегда выглядела, словно на фото для обложки журнала. – Спустишься к нам?

– Он так часто бывает у нас, что временами мне кажется,

что он либо хочет увести тебя, либо подкатывает ко мне, — она не хотела дерзить матери, но именно эти слова довольно нахальным тоном сорвались с ее губ.

— Мне кажется он не достоин такого несчастья, как ты, — Мария, склонив голову в бок, посмотрела на свою внезапно повзрослевшую и ставшую немного нервной дочь. — Если ты думаешь, что этот упонский принц единственная твоя любовь. То это полная чушь. Да, первая влюбленность это всегда потрясающий фейерверк. Слова «навсегда» и «только ты». Это остается навсегда с тобой. Но проходит время. Много или мало и ты внезапно встречаешься глазами с человеком, которого будешь уважать. Он станет для тебя центром тишины. Умиротворения. Ты выйдешь за него замуж. Родишь ребенка и будешь его любить так сильно, что будешь со снисходительной улыбкой вспоминать об этих страданиях, что живут с тобой сейчас. Так говорила моя мама.

— Бабуля всегда была права, — чуть улыбнувшись, произнесла девушка, понимая, что сглупила и сорвалась. — Сейчас я крашусь и спущусь.

Темно — бордовый высокий ворс ковров, что лежали на всем пути ее в гостиную, заглушал ее шаги, словно давая ей шанс не встретить никого. Что же она будет делать? Перестанет думать о Куроки? Это было понятно и ясно с того самого момента, когда она узнала об обручении. Она будет ему писать максимум одно письмо в месяц, не звонить и не искать новостей. Меньше информации о нем. Нужно начать ве-

селиться, вдохнуть воздух поглубже в легкие, ощутить легкость и новую жизнь.

– О, вы тоже довольно симпатичны, – сказала она вслух своему невидимому собеседнику и улыбнулась, начав уже тренироваться очаровывать мужчин.

– Польщен, – позади раздался немного насмешливый тон. Анна резко развернулась и увидела Виктора. Он точно не работал на разведку?

– Нехорошо подкрадываться к девушкам сзади, – она старалась не покраснеть, представляя как она оконфузилась перед гостем. Надо же, а он еще и усмехается, глядя на нее сверху вниз. Какой же она душой временами предстает перед ним.

Виктор, молча, открыл перед ней дверь, стараясь не рассмеяться, глядя на ее чуть покрасневшие щеки и насупленное выражение лица. Анна, чуть присев в реверанс, зашла в гостиную с приподнятой головой, но все же косясь на мужчину. Она почему-то вспомнила все свои шуточки насчет намеренья выйти за него замуж: они же так просто не могли родиться в ее безумной голове? Он был статен, определено, красив и обаятелен, умеючи смешил ее, но возраст был иногда таким минусом. Интересно, а она ему нравится?

Глава 7

5.05.2001

«День Детей»

Я просто вспомнила, как в прошлом году мы гуляли по той улочке, что привела нас к огромному костелу. Иногда я замечаю, что воспоминания покрываются как-то теплой пленкой: в них все настолько радужно, спокойно и счастливо, что даже не верится. У тебя такое было?

А.Р.

Она все не могла понять какой идиот придумал организовывать этот форум, посвященный правам женщин, в этом душном, стоящем в вечных пробках городе с многомиллионным населением. Да, она терпеть не могла Пекин всей своей душой. Лишь ночью, выходя на балкон своего номера княжна с наслаждением вдыхала прохладный воздух, рассматривая небоскребы вокруг. Ночной Пекин был красивой сестрой.

Сегодня княжна познакомилась с принцессой Сакурой и до сих пор была в легком оцепенении от столь радикальной разницы между братом и сестрой. Внешней они были очень похожи: худощавые, о эти гадкие вечно стройные азиаты, темные как смоль волосы, заплетенные в хитрую прическу и ангельское круглое личико. Пока... Пока она не открыла рот

и не начала сообщать миру все, что она думает о притеснениях женщин. Сакура своим поведением вдребезги разбивала все мифы, устои и традиции, рассказывающие о том, как должна вести себя венценосная особа. Этот маленький ураган не стыдясь говорил правду, и Анна была удивлена, как такие довольно строгие и консервативные родители Куроки выпускают ее в свет. Быть может это такая гениальная стратегия? На фоне своей взбалмошной сестры принц казался образцовым наследником.

– Ходят слухи о довольно специфичных личных предпочтениях принцессы, – прошептала стоящая рядом Хезер, когда они вместе с остальными членами форума, выслушивали пламенную, полную эмоций речь Сакуры.

– Мы не церковь, что бы судить ее, – отшутилась Анна. – Я бы с удовольствием с ней познакомилась.

– Стоит ли? – чуть ли не обреченно вздохнула Хезер, заботясь о репутации княжны. – Ее благочестивый брат это одно, а его сестра...

– Бисексуалка, совершенно другое, – небрежно закончила Анна и улыбнулась. Она поправила платье и втянула живот. Ну, почему она согласилась на это обтягивающее платье? Почему настолько ленива, что не может заняться своим телом? Эти вопросы помогли ей дождаться завершения довольно острого доклада упонской принцессы, с которой она не была согласна по многим пунктам, и от этого ей еще больше хотелось познакомиться ближе. Потомок древнего рода

пытается рушить устои, как пройти мимо такого?

– Княжна, – Сакура первой подала руку и широко улыбнулась, ведя себя совершенно не прилично для упонского общества. – Я очень рада нашей встречи. Мой брат после встречи с вами стал просто «золотом».

– Вы надеетесь, что я совершу такое же чудо и во второй раз? – парировала Анна, предлагая расположиться в одном из закоулков зала за чашкой чая.

– А жаль, мои родители были бы очень благодарны, – усмехнулась Сакура, рассматривая собеседницу. Ей было семнадцать и до дрожи хотелось узнать, станет ли она в двадцать один такой же скучной и рассудительной. И что вообще понравилось ее брату в этой европейке? Ни лица, ни фигуры. Она была обычная, милая. Что же? Что такое неведомое и неосязаемое притягивает нас к другим? Соединяет судьбы невидимыми и неосязаемыми нитями.

– Мне кажется, вся эта ваша бравада лишь для того чтобы привлечь внимание родителей. Они же по большей части сосредоточены на Куроки, да? И так с самого рождения, – улыбаясь и довольно жестко произнесла княжна, даже не думавшая щадить чувства этой юной птички, что так хочет выбраться из клетки.

– Мне кажется, я поняла, почему мой брат дружит с тобой, – медленно произнесла Сакура, отбросив назад хвост своих черных волос. Ей говорили, что не стоит судить человека по внешнему виду. И вот она получила доказательство.

Анну же резануло слово «дружит». Почему-то стало обидно и даже сейчас спустя пару часов после их довольно продолжительной встречи с принцессой, она прокручивала в голове эту фразу. Это не отпускало ее, давя и нашептывая ужасно глупые импульсивные идеи вроде «найди себе парня, выйди первой замуж, покажи ему что ты счастливее». Глупость и безрассудство хотели действовать, но разум, что уже давно говорил голосом Хезер, не давал ей спуститься вниз в бар и клеить остановившихся там посетителей.

– Пора спать, – на балкон зашла Хезер, кутавшаяся в шаль, подаренную княжной на Рождество.

– Хорошая идея, – покорно согласилась Анна и последовала за ней. А позже еще полчаса ворочалась в постели, в надежде уснуть и провести эту ночь без дуратских сновидений.

30.06.2001

«Светлости милость»

В этом году мы с Сорой посетим Англию и прием у Уильяма. Просто хотел сказать.

К.

16.08.2001

В сентябре я поеду в Нью – Йорк на всемирную выставку. Говорят, там будет Сакура. Надеюсь. Она мне нравится – для меня сейчас так редко: найти человека, что говорит правду в лицо и не страшится этого.

А.Р.

Виктор все же решился сопровождать Анну в эту поездку, пусть это и стоило ему разборок с очередной пассией – моделью, что была крайне недовольна его последними выходами. А он просто увлекся новой актрисой – старлеткой и ничего серьезного, просто выпили, потанцевали, но Мэршал просто изводилась от ненависти и ревности. Он был ужасным и признавал это.

Снова вспышка фотообъектива, а они еще даже не покинули здание аэропорта.

– Как я вижу, вы не слишком привыкли к столь массовой фотосессии, – усмехнулась княжна, одетая в черное легкое пальто и широкополосную шляпу. Ее глаза были защищены солнечными очками в толстой темно – серой оправе. Уж лучше бы она согласилась на телохранителя, а не готовилась к столь жаркому приему журналистов. Хотя наверняка именно из – за них Анна и больше любила Британию и прочую Европу, где никто не смел настолько нахально вести себя с членами высшего общества, что не успели замарать свою репутацию.

– О, я больше люблю пресс – конференции, – бодро заявил Виктор и сильнее сжал руку княжны, уж очень он не хотел потерять ее из виду и плевал на то, что могут придумать эти писаки. Руже должен был следить за ней – он обещал Альберту, что в последнее время стал немного тревожным и

нервным. Интересно, она знает, что вместе с ними прилетели два агента в штатском?

– Я учту, – повысив голос, произнесла девушка и, поправив шляпку свободной рукой, улыбнулась очередному фотографу. Благо она додумалась заранее нанять носильщиков.

– Сегодня десятое? – спросил Виктор, когда они уже сели в присланную посольством машину.

– Да, – ответила княжна и заглянула в свой ежедневник, чтобы проверить ближайшие праздники и дни рождения.

Следующий раз он будет почти истеричным тоном задавать ей лишь один вопрос «С тобой все хорошо?», спустя годы проигрывающийся словно сломанная пластинка.

Прокатиться на метро была большая идея Анны: она хотела проверить так ли все это, как и в фильмах, но, увы, там ехали довольно хорошо одетые люди и на радость агентов, тенью следовавших за ними, не было всякой шпаны.

Виктор исподтишка наблюдал за княжной, что, почти не отрываясь, разглядывала окружающих людей, словно запоминая.

Они уже подъехали станции, и поезд покачнулся от неведомого толчка, свет на секунду погас и мужчина уловил на лице своей подопечной какую-то рождающуюся идею. Он уже хотел спросить у нее насчет дальнейших планов или объяснить, что это обычный случай, как она, опередив его, улыбнулась и, дотронувшись до плеча произнесла:

– Давай зайдем в какое-нибудь кафе. Я настаиваю.

«Отлично, она снова включила решим хаотичности», – подумал один из агентов, убирая газету в кожаный портфель. Его напарник лишь улыбнулся.

Данное заведение находилось всего в двух кварталах от деловых центров: маленький зал с очаровательным стилем Техаса.

– Куроки говорил, что здесь самый лучше кофе во всем Нью – Йорке, – произнесла она почти без заминки, совершенно позабыв с кем и где находится. – Это мой знакомый из Упони.

– Да что же это такое? – возмутился хозяин кафе, когда со вторым толчком посуда на кухне опасно заходила ходуном.

– Может в метро работы? – предположил кто-то из официантов, подавая Виктору и Анне меню.

– Ты знаешь, что мы отстаем от графика на целых полчаса, – Руже сосредоточенно рассматривал названия блюд.

– Я еще утром позвонила и перенесла встречу на три часа дня. Затем в девять нас ждут на приеме по случаю открытия выставки, – горделиво подняв подбородок, произнесла княжна, не увидев усмешки одно из агентов. – Я хорошо вела себя последние месяцы, поэтому могу хоть немного расслабиться.

– Нас? – картинно возмутился мужчина и посмотрел на нее своим привычным лисьим взглядом.

– Да, нас, – пожала плечами девушка. – Вы сами ... Что-

то случилось.

Последнюю фразу она произнесла на английском и, нахмутив лоб, молча, вышла из – за стола и направилась к стеклянной двери кафе, за которой уже стояло множество людей с высокоподнятыми головами. На их лицах читался естественный страх и полное непонимание происходящего, и лишь выйдя на улицу и посмотрев в ту же сторону, Анна поняла что произошло.

Она, молча прошла вправо на середину дороги, что застыла в пробке и неотрывно смотрела вперед, туда, где виднелись два огромных небоскреба.

Телефон в ее кармане неожиданно запиликал.

11.09.2001 К.

ТЫ ГДЕ?

Анна, наконец, оторвав взгляд от серого дыма, что вился у зданий торгового центра быстро набрала:

МЫ С ВИКТОРОМ ЖИВЫ.

Дрожащими руками она отправила это же сообщение и Альберту, и маме, и Хезер с Сашей. Совершенно бессознательно пялясь в экран телефона в ожидании отклика, девушка и не заметила, как первый клочок белого пепла упал ей на плечо. Княжна, сунув телефон обратно в карман, растерянным взглядом смотрела на то, как улицу осыпает серо – белый пепел.

– С тобой все хорошо? – к ней подскочил Виктор и обнял.

Он чуть наклонился, дабы увидеть ее лицо, на котором застыло выражения слепого отрицания в происходящее. Мужчина, не дождавшись ответа, стряхнул в ее каштановых волос пепел и инстинктивно поцеловал в макушку, ища взглядом агентов. Его сердце бешено колотилось от страха, от того, что он мог сегодня уже не увидеть вечерние сумерки, потерять это юное создание, и ведь он еще не понимал, что ее маленькая глупая прихоть спасла ему и людям из посольства жизни. Судьба? Предвиденье?

– Я написала всем, что мы живы, – бесчувственным голосом произнесла Анна, уткнувшись носом в пиджак Виктора.

– Умница, – прошептал мужчина, чувствуя как подкашиваются ноги, но адреналин все еще дает силы. Ему хотелось успокоить свое бешено бьющееся от страха сердце, что не давало услышать биение ее сердца.

– Нам нужно уйти. Мы будем мешать спасателям.

16.09.2001

Я впервые в жизни так сильно испугался. Мое сердце бешено колотилось и я не мог нормально двигаться. Не мог дозвониться до тебя, а руки так дрожали, что еле набрал смс.

Это были самые ужасные десять минут моей жизни.

Ожидание. Именно оно мучительнее всего. Мы было не важно, что там с Виктором, нашим посольством или еще с кем-то, что погибают обычные люди. Я хотел лишь знать,

что ты жива.

С Сакурой все в порядке – в этот момент она опустошала кредитку в одном из магазинов Шанель. Мама просто плакала, когда нам пришел звонок о снятии довольно внушительной суммы со счета.

Я счастлив, что с тобой все хорошо.

К.

Аэропорт был пуст и закрыт уже пятые сутки, лишь самолеты иностранных компаний использовали его для дозаправки. Террористическая угроза как никогда витала в воздухе давя на всех своим страхом и ожиданием боли.

Самолет, который ожидал князь Грепиль, летел из Финикса с дозаправкой в Стокгольме всего с шестью пассажирами на борту. Альберту впервые было наплевать, сколько этот перелет будет стоить и как посмотрит на это общественность – его наследница должна быть дома, особенно в такое темное время. Все эти дни они не могли спокойно смотреть новости, постоянно прокручивая в голове те ужасные часы, пока они не знали, что их девочка жива и каким-то чудом не попала в пункт назначения. Никто не мог дозвониться, отправить сообщение, выйти на связь с агентами – в этой тихой панике страшно холодели руки и в голове рождались самые трагичные варианты событий.

Сообщение пришло на телефон Хезер, спустя два часа по-

сле трагедии: женщина влетела в кабинет князя, забыв обо всех приличиях, неся перед собой на вытянутой руке телефон с открытым сообщением. Мария, что сидела в кресле у книжного шкафа, поджала колени к груди и тихо заплакала. Саша отвернулся от всех, дабы скрыть свои слезы из – за накопленных переживаний. Какая странная секунда и всем стало намного легче.

– Спасибо, – глухим голосом произнес Альберт, возвращая телефон прислуге. – Спасибо.

Он встал из – за стола и, подойдя в жене, опустился на колени и положил голову на ручку кресла.

– Ну, что ты, все хорошо, – шептал он, поглаживая жену по ноге. – Хезер, я думаю, нам всем стоит наконец-то поесть.

– Да, как скажите, – кивнула та и уже подойдя к двери остановилась. – Ваше Святейшество, нужно передать эту информацию в СМИ.

– Хорошо, – кивнул князь и посмотрел на выключенный телевизор. – Нужно убрать эту ужасную желтую строку.

Пятый день мир находился в трауре, сражаясь с неизвестным до этого момента страхом мирового масштаба. Пятый день жители Греспублики видели поднятую по тревоге армию и полицейских, но не видели свою княжну. Пятый день «нового времени».

Вдалеке слышались голоса и звуки быстрых шагов. Альберт присмотрелся, на долю секунды подумав, что не стоило ему ехать одному с охраной, нужно было взять всю се-

мью, дабы хоть как-то заполнить эту пугающую пустоту зала. Идущая к нему делегация расступилась и теперь впереди шел Виктор, держа Анну за руку. Эти двое были одеты строго, в темные тона, с профессионально скорбящим выражением лиц. Они оба молчали, что было очень странно – Альберт постоянно видел их общающимися, смеющимися, воодушевленными. Неужели эта скорбь на лице настоящая?

– Альберт, – подойдя к нему, Анна бросилась в объятия, не скрывая своей радости встречи.

– Я так рад, что вы наконец-то вернулись, – сказал князь, обнимая ее и уложив подбородок поверх ее головы. Он вдохнул запах ее постоянно вымытых волос и попытался осознать, что все кончено. Мужчина выпустил дочь из объятий и приобнял друга. – Как ты?

– Терпеть не могу Финикс, – ответил Виктор, снова взяв за руку княжну и направляясь в сторону выхода, где их уже ожидали местные журналисты. – Там чертовски жарко, а купальники как назло мы не взяли.

Его спутница лишь закатила глаза, благодарная тому, что наконец-то дома в безопасности и с семьей. Ей до сих пор мерещился этот белый пепел, покрывавший кварталы у Всемирного торгового центра. Пепел, больше похожий на снег. Она, наверное, теперь не сможет спокойно смотреть на белоснежные подарки зимы.

– Не будет никаких официальных заявлений, – сказал Альберт, когда они уже сели в бронированный автомобиль,

предназначенный для перевозки князя. Остальные члены семьи так не шикавали.

– Нужно положить цветы к консульству США, – небрежно произнес Виктор, разглядывая вид за окном. – Это будет отличная пиар – акция, да и американцам подсластим.

Анна удивленно посмотрела на него, совершенно не ожидая от такого принципиального человека, столь расчетливого хода. И ведь идея была отличной. Как она сама до такого не додумалась, будучи еще в Америке? Ее настолько поразила трагедия, что она позабыла о собственных интересах? Тем более раз она произошла в другой стране. Анна посмотрела на князя, осознал ли он, что был прав насчет этих мусульман? Злорадствовал ли, над всеми теми, кто критиковал его за жестокость? Обсуждал ли это со своим любимым священником?

– Хорошая идея, – в голосе князя звучало явное одобрение, он посмотрел на Виктора, сидящего напротив Анны. Сколько лет они дружат, а так и не узнали друг друга до конца. Человеческая душа неизведанный океан.

Он уже не заламывал руки от безысходности. Он верил в безграничную дружбу двух монархов, которую потом так славно опишут в исторических трактатах. Так и должно быть. Так правильно.

Куроки подошел и нежно поцеловал свою невесту в щеку – она на этой неделе была просто идеальной: помогла

выбрать официальный подарок для княжны Грепиль, выступить с речью на встрече родного университета и с уверенной улыбкой объявить по телевидению, что их свадьба намечена на март, и она очень волнуется перед этим событием.

Куроки был крайне доволен ее поведением. Все было довольно неплохо, а самое главное его родители и общественность были просто в диком восхищении.

1.11.2001

Спасибо тебе за подарок. Я была очень счастлива, получить его, надеюсь, мой тебя тоже не разочарует.

Вот и стали мы на год старше, а ума как я поняла, не прибавилось. Очередной роман с кинозвездой не принес мне счастья. Видно я не найду своего «Стефанию», что станет для меня идеальным спутником, как она была для своего мужа. Вот мне в очередной раз и грустно.

Но самое главное, что я больше не злюсь на тебя. Мы все пленники своих судеб и монархии. Я собственноручно выбрала этот путь, а ты родился нести это знамя и ничего не изменить.

Мы должны дальше идти по жизни с высокоподнятой головой. Я люблю тебя, поверь, но с каждым новым годом мы будем взрослеть, и это ветреное чувство будет перерастать в нежность более присущей дружбе. И это замечательно. А пока...

Мне кажется Сора одна из самых красивых девушек Упо-

*ниш. Мне бы ее фигуру и я бы тот час охмурила Уильяма.
Ох, Уильям, любовь моя.*

Не будь с ней строг. Отдай полностью ей свое сердце.

У нас было время, что пронеслось словно вихрь, но я не жалею. Высокопарно. Но надеюсь, ты тоже. И грядет новое время. Нет, эпоха. Эпоха императора Куроки и его верной и любящей императрицы Соры.

Иногда мне кажется, что я люблю тебя настолько сильно, что способна приехать и украсть тебя. Смешно. Безумно. Почему я это пишу. Почему пишу и не стыжусь? Почему так уверена, что не надумала себе это?

Думай о Соре, когда тебе хорошо. Думай о ней, когда тебе смешно и радостно. Думай о ней.

Люблю тебя.

А.Р.

8.11.2001

Не смей мне такое писать! Надумала она!

К.

Глава 8

Есть дни, что пробегают, словно тень перед глазами, такие неосязаемые и неуловимые. Нет мыслей, расстройств и чувств – есть лишь константа, за которую ты по привычке, выработанной годами, держишься.

Все размерено и спокойно – как и должно быть в их идеальном для посторонних глаз мире. Он принял все, что считал правильным, допустил к сердцу, постарался прекратить намеренно делать больно своей невесте. И пусть поначалу он все же заставлял себя, контролировал, напоминал о решении, но время так медленно текло, словно не желая расставаться с тем призраком Анны, что неустанно шел по его стопам. Но призрак исчезал. Становился еле заметной дымкой, уступая яркому образу Соры. Близкому и осязаемому. Сора. Живая и любящая. Почему же он раньше так сторонился ее прикосновений? Он наконец-то почувствовал, что такое быть любимым, просто за то, что ты есть и это несказанно подкупало самолюбие. Маленький семейный мирок, созданный благодаря стараниям Соры, окутал его и пленил. Куроки внезапно осознал, что и сам стал добрее. Эта мягкость, исходившая от его невесты, передалась и ему. Интересное, совсем не чуждое чувство.

24.12.2001

С Новым Годом и Рождеством!

Всех благ и счастья.

К. и С.

30.12.2001

С Новым Годом!

Везения и мира.

A.P. of P.

Отрывки поразительно были похожи друг на друга, столько разительно отличались подписи на них. Куроки позволил себе поделиться с невестой самым сокровенным, честно рассказав ей всю историю его отношений с Анной. И тут же отдал должное Соре, что положив руку на его плечо, тихо прошептала «Спасибо, что рассказал». Это уже потом в одиночестве, тихо всхлипывала сама не зная почему. Может быть потому что это свершилось? Страх отошел?

Он же мечтал быть с ней искренним, видя в этом основополагающие кирпичики долговечного брака. Упонский принц был уже научен ярким и горьким опытом леди Дианы и своей матери. Вот только последняя не вырвалась из «клетки», оставшись внутри и тихо продолжив бороться за себя.

Куроки купил эту открытку в одну из последних поездок в Лондон – это был словно последний вдох его прошлой холостяцкой жизни: впереди несколько месяцев подготовки и

свадьбы, что затмит все предыдущие торжества. А дальше будет то, что закрыто пеленой тумана будущего. Но он не боялся, лишь изредка, предавая себе сил и уверенности, повторял еле слышно «Все будет хорошо».

Но все же когда в заголовках он видел имя княжны Греспиль – сердце сбивалось с ритма. Это никогда не изменится, нужно просто научиться с этим жить, и со временем он должен перестать так остро реагировать.

Все будет хорошо.

– Все будет хорошо, – нараспев и по – рокрански произнесла Анна, немного ожесточенно подписывая открытку, купленную в Нидерландах. Девушка корила себя за то, что так резко реагирует на чужое счастье. Нет. Именно на Его. Ей было больно и обидно, но она старалась заставить себя думать, что все эти чувства, чаще всего гнев – это горечь за то, что она не может получить то, что хочет.

Ребенок и Луна. Притча, рассказанная однажды Виктором, и его слова, вместе с обволакивающим голосом вновь и вновь возвращались в ее голову.

«Ребенок плачет, потому что не может получить Луну», – Виктор задумчиво посмотрел на свой перстень на мизинце. Он сидел в кресле напротив княжны, что словно одурманенная гипнозом произнесла самые сокровенные слова:

– Может и мне больно, потому что я не могу получить Куроки?

Виктор, нужно отдать ему должное, лишь пожал плечами. Он догадывался, что она страдает от несчастной любви, но не знал имени этого упрямца, что устоял перед натиском этой торпеды.

– Может быть, – мужчина привстал и легонько щелкнул ее по кончику носа. Он так часто проводит у них вечера, что без его присутствия в гостиной после ужина Анна чувствовала себя... Неловко. А еще ей его немного не хватало, потому что она поняла, что же Альберт нашел в нем – Виктор умел быть другом, что почти всегда находился рядом, советником, что искренне сопереживал и мудро оценивал. Вот только он еще не знал, что каждый вечер, сразу после его ухода, Анна писала письма одному и тому же человеку. А утром сжигала их в камине своей комнаты.

И временами ей казалось, что этот мужчина читает ее как открытую книгу. С ним она не чувствовала себя скучной или банально толстой. Он умудрялся смешить ее на светских раутах, обсуждать темы не допустимые для лиц ее круга. Умел заводить ее в дебри своих разговоров, что Анна самостоятельно выбалтывала ему все свои мысли и печали. И Виктор их слушал. Ценное и дорогое умение. Ей начало казаться, что этот умный и красивый, да глупо было бы это отрицать, мужчина становился ей хорошим другом. Ведь с ним так легко и интересно. А еще хотелось его прикосновений и это немного пугало княжну. Эти вспышки чувств были странными. Вдруг это от банального отчаянья?

– Временами мне кажется, что ты живешь у нас, – смеясь, заметила Анна, когда они с Виктором снова остались одни в гостиной. В этот январский вечер Альберт собирал министров с семьями и проводил тихое чаепитие. Очень доброе и домашнее. Анна считала это отличной идеей: ведь можно было легко подобраться к этим мужланам через их близких и в будущем, при необходимости, разыграть свои козыри.

– Жить во дворце, – скривился Виктор и подсел к Анне на диванчик. Где-то в коридоре слуги заканчивали уборку и собирались отправиться отдыхать. Иногда княжна и вправду задумывалась насколько сложна их жизнь и работа – ведь они не могли позволить тебе проспать до десяти утра. – Лучше убей меня. Это же ужасно. Нельзя встать ночью и в одних трусах сходить на кухню, чтобы выпить молока с шоколадкой.

Анна звонко засмеялась, подавшись вперед.

– Так вот что ты делаешь по ночам.

– А чем занимаешься ты?

– Пишу письма Куроки, – внезапно ответила она и испуганно захлопнула рот рукой, отвернувшись от мужчины. – Черт.

– Ты помнишь, я могила и клялся на Библии? – осторожно начал Виктор, в уме вспоминая, где же он слышал это имя.

– Это упонский принц, – вздохнула Анна и повернулась обратно к нему. Не слишком ли это был личный разговор? Да, она призналась своей семье и Хезер, но может ли она доверять, кричать о своем разодранном сердце остальным лю-

дям? Ведь ей действительно этого хотелось – чтобы все видели ее окровавленное сердце, жалели ее, пытались помочь. Что бы Куроки это видел. Она не сильная. Слабая и впервые влюбленная. Прошло уже время, а ей все еще хочется кричать и плакать.

– Как я понимаю, любовь? – тихо и понимающе спросил Виктор, на секунду задумавшись над тем, что раз она рассказывает ему об этом, значит, не воспринимает, как потенциальный объект для любви. Как мужчину. Почему его это так всполошилось?

– Первая, – Анна встала и отошла к не зашторенному окну. На улице царствовала ночь, и лишь подсвеченные дорожки у дворца освещали местность.

– Она часто трагична, – начал Виктор и медленно подошел к княжне. – Ты не должна заикливаться на этом. Просто переживи. Пройдет время, и ты вновь влюбишься.

– Я хочу взаимности, – глухо произнесла девушка, стараясь не смотреть в его такие теплые карие глаза. Чертов понимающий взрослый!

– И в чем проблема? – усмехнулся мужчина и положил руки ей на плечи. – Ты довольно привлекательная и не вешишь 160 килограмм. Тебе просто нужно больше уверенности. Не жди первых шагов. Действуй. Ты же все – таки княжна. Да и на дворе не восемнадцатый век.

Анна слабо улыбнулась и, склонив голову в бок, потерлась ухом о его руку. Виктор умел быть убедительным и вооду-

шевляющим. А еще он сказал, что она привлекательная и это заставляло ее щеки краснеть. Куроки никогда не говорил ей такого. Да они вообще не обсуждали внешность, негласно считая, что это ничтожный критерий. А ведь временами ей, как и любой другой девушке, хотелось внимания, комплиментов, что повышали бы самооценку и настроение. От этого трепетало и радовалось сердце.

– Ты слишком много надумываешь себе, – Виктор с улыбкой смотрел на нее. – Да, ты в него влюблена. Но это чувство, а не убийство. Оно пройдет, либо уступит место чувствам к другому человеку.

– И я не буду больше разводить трагедию? – задала риторический вопрос Анна. – Когда я найду того самого человека, с которым захочу связать свою жизнь, должна ли я буду рассказать ему о Куроки? Он ведь принц, известная личность.

– Я думаю, когда придет время, ты сама поймешь. Возможно к этому моменту, ты будешь вспоминать все с улыбкой или вообще недостойным внимания.

– Просто подождать, – медленно проговорила княжна. – А ты бы хотел узнать о первой и любви своей жены?

– Да, – просто ответил Виктор, убирая руки с ее плеч. – И даже временами подшучивал бы над ней.

– Ты будешь отвратительным мужем, – наигранно вздохнула Анна, почувствовав как ее накрывает умиротворенная усталость.

– Я не уверен, что тебя кто-то вообще добровольно возьмет в жены, – не остался в долгу Виктор. Часто ему казалось, что он переходит черту с этой девочкой, которая как-то незаметно быстро выросла у него прямо под носом. Настораживало и пугало. Руже боялся, что заиграется в друга и нарушит правила, хотя те не были оговорены. Она дочка Альберта, его лучшего друга. Будущая правительница родного княжества. Ей не нужен будет муж старше ее на десять лет. Он просто должен прекратить себя накручивать и становиться ближе, уменьшить общение, пока не упал в эту розовую яму страстей. К чему ему в тридцать лет неразделенная влюбленность с девчушкой, что годится ему в младшие сестры? Но иногда он ничего не мог поделать с собой: чуть ли не заморожено рассматривая ее профиль, нахмуренный лоб, радуясь, что она смеется над его шуткой, спорит с ним, чуть дрожа рукой, касается его предплечья, дабы привлечь внимание.

Она была умна, точно осознавала свою цель в жизни, хотела быть любимой, семью, детей, с хорошей репутацией и прекрасным будущим – по большей части идеальная. Но был возраст и то, что Анна дочь Альберта. О чем он только думает?! Виктор даже не знал, что из этого самый большой стоп – сигнал. Забавно, но он даже не задумывался, о том, что в ее сердце уже есть юноша и раз она так переживает, то это серьезно, отбросив этого принца, как уже использованный товар.

– Новое платье? – Куроки посмотрел на Сору поверх раскрытой газеты. Сегодня они завтракали с ее родителями, на радость последних. Недавно принц узнал, что они до последнего не верили, что их дочь реально встречается с наследником престола. И ведь в этом был виновен он, напомнила ему совесть.

– Да, – улыбнулась девушка, рассматривая в отражении полированного шкафа свою прическу. Специально к свадьбе она отрачивала свои до зависти темные блестящие волосы. – Решила войти в февраль в новой одежде.

Принц усмехнулся: чем меньше оставалось времени до знаменательного события, тем раскрепощение и романтичнее становилась его половинка. Это несказанно радовало, ведь иногда мимолетно она напоминала ему Анну.

– Оно... милое, – соврал Куроки и изобразил довольно правдивую улыбку. – Тебе идет.

– Спасибо, – Сора обняла его за плечи и поцеловала в макушку черных как смоль волос. – Ты помнишь, что сегодня...

– Вечером мы вновь будем подписывать приглашения, – прервал ее юноша и легко потянув за руку, поцеловал в щеку. – Такое точно не забудешь.

Девушка, молча, посмотрела на него, словно ожидая подвоха: маленькая частичка ее души все еще боялась, что он может сорваться, сбежать к той далекой и непостижимой. Пусть в газетах каждую новую неделю описывали ее новый

роман, но Сора знала – это ложь. Попытки забыть его или развлечь себя. А еще она часто молилась, что бы тот улыбающийся мужчина, в последнее время часто появляющийся позади княжны, словно телохранитель, удержал Анну от необдуманных поступков. И при всей этой дуратской ситуации Сора искренне желала юной княжне снова влюбиться и может тогда она перестанет так бояться внезапного ее визита. Знала бы она, что тяга к власти этих двух сильнее чувств.

– О чем-то задумалась? – вежливо поинтересовался Куроки у невесты.

– Ничего серьезного, – Сора вновь стала изображать счастливую и радостную девушку. Будущую супругу принца Упони.

Солнечные лучи последнего февральского дня освещали остекленный зимний сад резиденции Полиньяк, что располагалось у Грепиль – Вилля. Ярко – красные кустовые розы, привезенные из далекого Гилева, начинали пылать своим буйством красок, высокомерно выделялись из общей зелени растений и стоявшей здесь белоснежности мебели стилизованной под готику.

– Признавайся, ты что-то натворила и решила сбежать? – впервые за последнее время на губах Анны играла настоящая улыбка. Она, одетая в легкое серое платье, сидела напротив нахохлившейся принцессы Сакуры и потчевала ее чаем, привезенным Сашей из Ирландии. Было где-то еще и пиво,

но это уж было слишком.

Упонская гостья, почесав свой коротко стриженный затылок, посмотрела на утонченную, по ее мнению, одетую княжну. Она-то сидела в футболке и дырявых джинсах, пусть и купленных за приличные деньги в дизайнерском магазине.

– Я просто устала от всей этой беготни, – нелепо взмахнула Сакура. – Представляешь, они даже думают надеть на меня парик! Лишь бы я выглядела совершенно нормальной. И почему Куроки и вправду не оказался геем?

– Принцесса! – засмеялась Анна, сделав замечание девушке. – Вам уже восемнадцать, а вы все мелите такую чушь!

– Ты прекрасно меня поняла, – ничуть не обиделась Сакура взяла в руки чашку с черным чаем. – Я просто не могу... Она слишком... Добрая... Пытается сдружиться. Мне даже стыдно за то, что в своих мыслях я подкалываю ее. Чего вы улыбаетесь, княжна?

– Ничего, – Анна же пила чай с молоком. – От тебя я узнаю, что твориться в жизни Куроки.

– Прости, – вдруг понурила голосу Сакура. – Я не подумала.

Она знала княжну уже несколько долгих месяцев, что однажды сама, единственная из императорской семьи, догадалась о чувствах своего брата. Но выбрала молчание, ведь даже за свой малый опыт, она прекрасно понимала, в отличие от Соры, что ни один из этих несчастных влюбленных не откажется от такого манящего трона, ради любви. И пусть со

стороны это было эгоистично, но если вдуматься, то Анна сама выбрала этот путь, также заключив «сделку» с церковью, что приняла ее в свое лоно: теперь она не могла подвести маленькую страну с шести миллионами населения, или Альберта, что в последнее время сдавал позиции. Куроки же с самого раннего детства готовился к этому: его так воспитали и у него даже в мыслях не было отступить. Так что, наверное, каждый из них эгоистично ждал до бесконечности, когда другой сделает решающий шаг в «пропасть». Именно так считала Сакура, в своих мечтах представляла брата и Анну неким подобием новых «Ромео и Джульетты» – вот только первые уже не были детьми.

– Милая, – княжна не хотела смущать гостью своими проблемами. Чувство гордости и этикет не позволяли ей. – Не бери в голову. Все хорошо.

– Но на свадьбу ты не поедешь?

– Нет, – покачала головой старшая из девушек и откинула назад свои каштановые волосы. – Наверное пока... Это сильнее меня. Но Альберт и мама передадут мой подарок, и может быть мы все вместе встретимся на дне рождения принца Гарри.

Упонская принцесса фыркнула и отвела взгляд, она не верила во все эти слова княжны. Все не может так кончаться! Ей было всего восемнадцать и иногда даже четыре года разницы бывают пропастью в суждениях и поступках.

– Зато я вернулась в шумиху общественной жизни, – по-

пыталась перевести разговор Анна. – Давненько у меня не было столько много новых знакомых.

– Уж лучше бы ты романы писала, – буркнула Сакура, отодвинув от себя пустую чашку.

– И напишу! – воодушевленно воскликнула княжна. – Напишу. Вот влюблюсь и опишу это в книге. Будет бестселлер.

– Но в жизни ты вновь остаешься одна, – упонка почувствовала грусть и жалость.

– Не бойся, – ей так хотелось потрепать принцессу по макушке, словно младшую сестру. – В двадцать четыре я найду себе жениха. Проведу кастинг. В двадцать пять выйду замуж. Все будет хорошо.

– Все будет хорошо, – словно эхо произнесла Сакура. – Куроки постоянно это повторяет.

Глава 9

За последние два года Анна поняла лишь одно точно и ясно – ее новая жизнь совершенно чужда для ее друзей из Белкрании. Между ней и теми, кто остался в прошлом, с каждым новым днем расширялась все больше та глубокая пропасть, через которую никто не в силах был проложить даже самый шаткий мостик. Сказать что княжна тосковала без друзей? Нет. У нее появились новые знакомства, круг которых не ограничивался одним Куроки. Были Сакура, Полина – одноклассница, что переехала во Францию по обмену, Натали, Саша, Кэмерон, ее редактор, также Хезер и череда ее бывших ухажеров. Еще был Виктор, что в последнее время немного отделился. Анна винила в этом очередной роман, в душе обижаясь на него.

– Красивая была церемония, – княгиня Мария уселась в глубокое серое кресло. Прошло уже два месяца, но женщина каждый раз, когда приходили новости из Упони, вспоминала бракосочетание принца. Она была просто поражена великолепием и грандиозностью прошедшего события и порой не замечала, как едва заметно хмуриться их постоянный гость Виктор. Ведь ее дочь даже не подавала признаков заинтересованности: она просто абстрагировалась от происходящего и плыла в лодке по реке Жизни. Казалось расстояние победило влечение. Именно влечение, а не любовь, – констати-

ривала сама себе Анна, пусть иногда и теряясь в дымке мечтаний об альтернативном ходе ее жизни.

– Альберт, мне придется разорить казну, – засмеявшись, произнесла Анна и поставила чашку с чаем на стол, как всегда мимо специальной подставки. Семья полным составом, Виктор с новой подругой, Патрик Пруст с женой и какая-то знатная дама сидели за одним шикарным сервированным столом и мирно беседовали.

Князь Грепиль закашлявшись, рассмеялся – в эту весну он что-то сильно простыл, да и слабые легкие его всегда беспокоили. Семейное.

– Просто перестань скупать книги вагонами, – шуточно указала Мария. Никто в семье не мог обвинить ее в излишнем расточительстве. Страстью юной княжны были кино и книги, в которые она вкладывала душу и деньги. И вот последние обретали свой последний приют на полках общественных библиотек, что курировала Анна, с каждым днем она все больше и больше вливалась в политическую жизнь своего нового государства, преодолевая страх перед той ответственностью, что ждет ее впереди.

– Я одолжу вам, княжна, – подал голос Виктор, а его спутница несдержанно хихикнула, за что получила снисходительный взгляд своей половинки и восторженную соседку знатную даму, чье имя так никто и не запомнил. Мужчина уже точно знал, что эта красавица очередная страница в его любовных похождениях и это охладило сердце. Ему было

тридцать два и нормальные люди в этом возрасте уже своих детей собираются вести в детский сад. Виктор поймал одобряющий взгляд Анна и легко кивнул головой: иногда ему так хотелось, чтобы она была хотя бы на пять лет старше. И тогда он не мучился бы от странного неприятного чувства, будто он какой-то педофил. В тоже время он не смог бы помогать ей в борьбе с первой влюбленностью, не вспоминая бы так часто свою.

Авелин, соседская девочка на год старше его: он так пылко был влюблен в нее, что врал родителям и друзьям где пропадал вечерами, но спустя какой-то год после переезда в Германию, он даже о ней не вспоминал. Его любовь, прежде казавшаяся вечной и нерушимой, оказалась обычным печным дымом, что гоняет ветер. И может быть Руже искренне и по-человечески надеялся, что и влюбленность княжны в упонского принца окажется такой же легковесной, иначе девочке придется туго.

Альберт помог ему найти себя, подтолкнув в политической карьере и Виктор поначалу хотел просто отблагодарить друга – хотя немного помогая его наследнице. Впрочем, и министр с советником этим занимались, вот только Виктор единственный знал, что самое большое внимание на нее оказывает Хезер – ее помощница, и поэтому работал с ней в тандеме.

– Княжна, когда вы собираетесь замуж? – добродушно улыбаясь, спросила мадам Пруст, в этом году выдавшая за-

муж вторую дочь из трех.

– В двадцать пять, – на автомате ответил за нее Виктор и тут же спохватился. – Простите.

– Ничего, – махнул рукой Саша. – Она нас тут всех выдрессировала.

– Но вы ни разу нам не представили своего избранника, – чуть взмахнула руками жена Министра, будучи уверенная, что для нормального брака нужны официальные длительные отношения, вот как у ее дочерей.

– Я думаю через год, – довольно серьезно начала княжна, рассчитывая свою жизнь, подобно бизнес – плану, – в двадцать три. Я постараюсь отобрать несколько кандидатур. После чего выберу одного единственного, с кем обручусь в двадцать четыре, и выйду в двадцать пять.

– А как же любовь? – непонимающе спросила спутница Виктора, что на критичный взгляд Марии, была намного глупее всех его предыдущих пассий. Анну и Сашу она забавляла и умиляла.

– Любовь – это дело наживное, – неожиданно произнес Саша и встал из – за стола. – Прошу прощения, но меня ждут друзья.

Александр все еще дружил с детьми министров, но все чаще проводил время со своими школьными друзьями, ходившими в обычную государственную школу. Впрочем, некоторые из высшего политического сословия тоже туда сплавляли своих детей. Саше было всего шестнадцать и до конца

учебы оставалось два года, а потом он собирался уезжать в Роскрану поступать в университет, отказывая себе в привилегиях, что ожидали его во Франции или в Англии. Мальчик не хотел навечно оставаться в этой золотой клетке монархии как его сестра. Он хотел путешествовать, открывать новые горизонты и быть свободным от всех этих дворцовых интриг и правил. Его сестра была другой. По мнению Саша Анна была просто рождена для того чтобы носить спокойные утонченные наряды, кукольно улыбаться и просчитывать свои шаги наперед. Лишь через год он узнает, что марионеткой в этом мире должен был быть он.

20.04.2002

Наследный принц Куроки и наследная принцесса Сора от имени императорского дома Упониши поздравляют ее Святейшество Марию с Днем рождения.

К.

26.04.2002

Надо ли полагать, что прошлое письмо служило некоторым мостиком дружбы?

А.Р.

30.04.2002

Надо бы полагать.

К.

Раз в месяц они с Хезер выбирались вдвоем, без охраны, в город на целый день побродить по магазинам и посетить по записи, что важно, к проверенному парикмахеру и косметологу. Два часа обожания и льстивых комплиментов и она снова выглядит как нормальный человек. Пока они проводили время в салоне, Анна осторожно разглядывала окружающих, что непринужденно общались между собой, сверкая белоснежными зубами, торчащими костями ключиц и идеальными размерами ног. Она не задумывалась над тем, что они, как и она добивались этой красоты, следя за собой ежедневно, и то, что вся эта зависть основана только на ее лени. Ведь при всех своих расширенных возможностях она могла бы выглядеть так же шикарно. Конечно, некоторые недочеты, по ее личному мнению, могли исправить лишь хирурги.

– Вы тоже красивы, – прошептала ей на ухо наклонившаяся Хезер, заставившая посмотреть ее в зеркало перед собой. – Вы просто должны принять свою внешность и то, что до культового идеала Стефании вы некогда не дотяните. Это же не ваш типаж. Вы красивы, просто не в рамках худощавых аристократов. И вы можете совершить революцию. Принести в моду здоровых людей с формами.

– Спасибо, – Анна слабо улыбнулась, рассматривая себя в зеркале. Умом она понимала, что временами сильно утрирует свой внешний вид. Да, она не была иконой стиля и красоты, но и страшилищем тоже. Временами Анна умела быть

эффектной, а вне светских раутов и без помощи профессионалов – княжна была обычной милостивой девушкой.

– Вам просто никто это не говорит, – улыбнулась Хезер, разглядывая княжну в зеркале. – Все полагают, что вы самодостаточны и красота для вас дело десятое.

– Никто не знает, что эта маленькая девочка плачет по ночам в подушку, потому что любит поесть и толстеет, – отшутилась Анна. – Со мной невероятно сложно, да.

– Совсем нет, – усмехнулась Хезер. – Вы не пьете, не наркоманка, я не ловлю вас у ночных клубов, нет kleптомании и беспорядочных половых связей, не транжирите деньги и не режете себе вены. Я счастлива.

– Получается, у меня нет собственной изюминки, – задумалась Анна. – Я прямо пай – девочка для близких. Может быть алкоголизм?

– Сказывается на внешнем виде, так же как и наркотики.

– Беспорядочная...

– Жжение в причинном месте.

– Kleптомания. Нет, это же не весело, – вздохнула Анна. – Как же сложно быть индивидуальностью.

Хезер рассмеявшись, чуть сжала плечо девушки. Ей ведь на самом деле повезло с ней: Анна не капризничала по пустякам, не была излишне избалованной, свято уважала мнение своей наставницы и не относилась к ней как к прислуге. О чем можно еще мечтать? Разве только о том, чтобы ее подопечная обрела личное счастье. И у Хезер на этот счет

уже была идея, но раз вопрос пока настолько остро не стоял, она отмалчивалась. Вдруг все само разрешиться?

Вторая неделя мая утомляла своим бесконечным жаром, будто природа решила пошутить над хладолобивым Куроки. Немного скрипя зубами от злости, он прятался от жары во дворце, построенном в начале прошлого века. Словно придирчивый покупатель юноша обходил свои владения, прежде чем дать окончательное согласие Дворцу на переезд.

Даже кипарисы вышитые вручную на занавесках спальни раздражали его в этот день. Полупрозрачные солнечные лучи тускло освещали кабинет принца, что расположился на втором этаже огромного необычного каменного дворца, расположенного к северу от Акиры.

Куроки вырос в нем, оставив здесь свои счастливые детские воспоминания, сейчас словно призраки нагонявшие его вновь и вновь. Но из старой обстановки этой комнаты остались лишь пейзажи, написанные императором в молодости. Яркие, сочные краски со временем не потускнели и остались радовать своей зеленью непривычных пихт и сакур. О чем думал его отец когда рисовал это? Был ли он влюблен? Счастлив? Наверняка радость подарила ему вдохновение. Жаль, что они не так близки как раньше.

Они с Сорой будут здесь жить после того, как он наконец-то полностью примет свою судьбу и перестанет походить на свою сестру в глазах родителей. Осталось немного: ведь из

императорского дворца сюда были уже перевезены все личные вещи и переведены слуги. Он же будет жить здесь, так же как и многие предки до него – с высоко поднятой головой и чинно и всецело предано своей будущей «профессии».

– Ваше высочество наследный принц, – со стуком в кабинет вошел личный камердинер Куроки. – Наследная принцесса Сора прибыла.

– Хорошо, – машинально кивнул юноша и отпустил слугу. Значит Сора решила не оставлять его наедине с прошлым. Умный ход. И, конечно же, он не догадывался, что во все минуты их единения бедная девушка ожидала услышать от своего драгоценного мужа, произнесенное на выдохе имя другой. Она любила, ревновала и боялась. Была самым обычным и нормальным человеком, что хотел счастья. И вот ее муж пока что ни разу ее не подводил. Не оговаривался, не вспоминал, не искал встреч – словно стер из своей памяти княжну, оставив лишь ее призрак в ее ревнующем беспокойном разуме. А он просто убедил себя, что расстояние победило его любовь. И вправду: если долго не видеть человека, то начинаешь забывать некогда столь любимое лицо. Цвет глаз, улыбку, голос. Пытаешься сфокусироваться, но получаешь расплывчатый портрет в дымке и перестаешь стараться, считая это бессмысленным.

Юноша усмехнулся, вспомнив, как прочел, похожие строки в печатной версии рассказа Анны. Как она, нахмутив брови, пообещала в жизни не обставлять его наедине со своими

рукописями. Но он-то знал, что вечерами, где бы она не была, она садилась за стол и писала в ежедневник свои новые произведения. И Куроки искренне надеялся, что она не бросит это занятие, иначе у нее останется еще меньше ниточек, что будут связывать ее с прошлым.

Он тосковал по ней и с привычной грустью вспоминал, как они планировали свои встречи, как ходили на совершенно бесполезные выставки и приемы лишь ради того, что бы увидев друг друга в другом конце зала улыбнуться и украдкой соприкоснуться руками. Или же встретиться в одной из местных дешевых забегаловок и разговаривать часами о какой-то чепухе. Они планировали и у них было время. Время – одна из самых главных ценностей в этом мире.

Сора, стуча каблуками по старому паркету, зашла в кабинет и, улыбнувшись, села на резной стул у письменного стола из такого же темного дуба. Она вновь подстригла свои волосы под каре и напоминала своему мужу сказочное создание, сошедшее с иллюстраций книг. Куроки непроизвольно вспомнил последнее фото Анны в газетах: она на несколько тонов осветлила волосы, сделала челку, но в остальном все тот же призрачный образ с распущенными волосами по лопатки, уложенные заботливыми парикмахерами. Забавно, он помнит ее волосы и совсем не может припомнить о родинке на шее. Память – странная избирательная штука.

Сегодня вечером он напишет ей: расскажет об успехах Сакуры, опишет новый старый дом, передаст мнимый привет

от Соры, о своих планах на выходные и что думает о внешней политике своего соседа. И будет уверен, что в размашистых строках не будет глупой горечи.

– Мы поедem в Люксембург? – спросила Сора, как всегда вглядываясь в почти непроницаемое лицо мужа. Может со временем она научиться «читать» его лучше? Сейчас же оставалось гадать, что ж у него на уме в этот раз.

– А ты хочешь? – вежливо осведомился Куроки, присев напротив и чуть подавшись вперед.

– Было бы неплохо, – пожала плечами девушка, что до сих пор неосознанно стремилась встретиться лицом к лицу с главной проблемой ее семейного благополучия и спокойствия. Она ждала увидеть ее на свадьбе – в день своего триумфа, посмотреть свысока и снисходительно улыбнуться как учитель на ученицу. Может быть самодовольно и пафосно, но ей так этого хотелось. Это принесло бы ей... Успокоения.

– тогда поедem, – улыбнулся Куроки и заключил ее руки в свои, вновь отмечая, что подхватил этот прием из фильмов.

Каждое лето они с Сашей ездили в лагерь отдыхать, теперь же они ездили работать на благо общества и имиджа семьи. Саша целый месяц был помощником вожатого, а Анна каждый месяц на неделю прибывала, дабы пообщаться с юными жителями Грeпилъ в неформальной обстановке. Для нее уже было необычно на людях показываться в футболке и в шортах или штанах, да еще и с собранными волосами в

хвостик. А вот маркетологи видели в этом золотую жилу – каждый раз за неделю до отъезда в лагерь, присылали во дворец новые партии своих футболок. Ведь счастливчик получал бесплатную рекламу во всех газетах Греспублики, и при особой удаче, в иностранных изданиях. Хотя с прошлого лета хитом бы все еще являлась футболка, в которой княжна свалилась за борт, участвуя в гонках на байдарках. Этим летом, к огорчению всех журналистов, она решила не участвовать в соревновании, передав эстафету подростку Саше. А тот и не жаловался, будучи избавленным тем самым от присмотра за самыми младшими.

Приехавшая строго по расписанию, сестра выдернула его с тренировки и предложила пройтись, одновременно очищая пляж.

– Ты какая-то хмурая, – подал голос брат.

– Альберт приболел, – отозвалась Анна. – Виктор говорит, что я себя накручиваю. А Хезер, что просто боюсь ответственности.

– И на самом деле? – в кои-то веки волосы Саши были коротко подстрижены, но сила привычки все равно поднимала руку вверх.

– На самом деле я просто понимаю, что не готова. Ты представляешь, я должна вникать в каждую бумажку, что приносят мне на подпись. Планировать на будущее, просчитывать ходы, управлять деньгами, армией. Одно неверное решение и мы – банкроты.

– Ты слишком утрируешь, – вздохнул ее брат, потирая напеченную солнцем шею. Иногда это его убивало, как – никак большую часть жизни он жил в другом климате. – Посмотри на Альберта. Вокруг него столько советников, министров. Какие-то странные люди, как Виктор. Они все рассчитывают и продумывают. Твоя обязанность выбрать один из вариантов.

– И ответственность буду нести я, а не министр экономики, – возразила ему сестра. – Не так я представляла свою жизнь в твоём возрасте.

– А о чем ты мечтаешь сейчас? – спросил Саша, оглядываясь по сторонам. Вон хорошенькая девочка строит ему глазки, и еще одна, еще. Чего еще от жизни можно мечтать желать? Да, он понимал, что 90 % внимания из – за его статуса и это все – таки льстило. Интересно, если бы он был жирным под 150 кг, они так же бы искали с ним общения?

– О спокойной жизни, чтобы возвращаться домой и знать, что тебя в аэропорте ждет любимый муж, дома спят трое детей. Всегда теплый июльский вечер, – с улыбкой закончила Анна. – Видишь, как все банально. Раньше я хотела денег и не экономить, есть мороженное каждый день.

– И теперь ты это получила.

– Да, галочка стоит, – она у мечтательной улыбкой смотрела вдаль. – Сменились цели и приоритеты.

– Возраст сказался? – шутливо спросил Саша.

– Возможно, – Анна также посмотрела в сторону щебечу-

щих девчат. – А о чем мечтаешь ты?

– Для начала о поездке в Диснейленд, – отмахнулся ее брат, начиная осознавать, что так таковых планов на будущее и не имеет. Он точно знал, что поступит в университет, правда не знает на какую специальность, у него будет работа и жилье, потом он женится, будет заниматься общественной деятельностью, путешествовать. Все так размыто и неопределенно. Ему бы для начала решить насчет специализации. К чем душа лежит и начать готовиться. Ведь он банально не может оплошать и огорчить семью.

– А если серьезно?

– Я хочу, чтобы у меня был выбор. Не хочу быть политиком или военным. Хотя я знаю, что как и любой гражданин Грепиль я должен, но...

– Это все возможно, – Анна обняла брата за плечи и прижала к себе. – Главное чтобы ты возразил, когда придет время. Я поддержу тебя. Всегда буду на твоей стороне.

– Даже если я пойду против тебя? – хотелось спросить Саше, но он лишь развернулся, чтобы обнять сестру в ответ, немного покачивая из стороны в сторону, как это делал при объятиях Альберт.

Она впервые была на столь масштабном приеме проходившим за пределами ее родины. Повсюду сновали официанты, медленно и грациозно прохаживались нарядные высокопоставленные люди и их приближенные.

– Знаете, – с легким сарказмом начала Сакура, в кои-то веки одевшаяся для высшего общества. – Мне это напоминает кадр из «Титаника».

Сора неодобрительно посмотрела на нее, а Куроки наоборот, не выдержав, прыснул. Признаться, он временами обожал этот дурманящий бунтарский характер сестры со всеми вытекающими последствиями.

– Прошу прощения, – принцесса избавилась от захвата брата. – Я вижу Сашу Полиньяк и мне срочно нужно признаться ему в своих чувствах.

Сора недоуменно посмотрела на мужа, явно рассчитывающая, что он тот прекратит весь этот фарс, но тот лишь покачал головой и предложил пройтись. Его же сестра, словно ураган, удрав от невестки и брата, в сторону мирно разговаривающего Александра, настигла его врасплох. Рядом с ним стоял сын какого-то министра и школьная подруга юного Полиньяк, выигравшая недавно какой-то значимый творческий конкурс. Сакура этим не особо интересовалась. А Саша, нужно отдать ему должное, ни на минуту не оставлял смущенную девочку, знакомя ее с нужными людьми.

– А вот и я, – произнесла на коверканном французском Сакура и чуть отдышалась. Корсеты явно не для нее.

– Лиз, познакомься, это принцесса Сакура из Упонии, – Саша галантно представил своей подопечной, подошедшую девушку, на чистом французском. – Сакура, это Лиз Элберфорд. Победительница творческого конкурса по фортепиано.

но. Гордость Грепиль.

– Приятно познакомиться, – не очень культурно кивнула принцесса, а затем перешла на английский, – Где ваша сестра?

– А вам зачем? – в том же тоне, но уже удивленно переспросил юноша, все же оглядевшись в поиске таковой.

– Я здесь с Куроки и Сорой, – пояснила Сакура, понизив тон. – Думаешь, хорошая идея свести их вместе в одном зале?

– Ничего страшного не вижу, – Саша улыбнулся непонимающей Лиз. – Моя сестра сейчас с Виктором и Натали разговаривают с каким-то продюсером из Голливуда.

Юноша кивнул в противоположную сторону от четы японских наследников трона.

– Думаешь, они ничего друг другу не сделают? – Сакура чуть придвинулась к Саше и серьезно посмотрела на Анну и ее знакомую.

– Единственное, что моя сестра может совершить, это на людях поцеловать Натали. Или Виктора. И первый вариант мне кажется намного интереснее.

– Ты так уверен в ней?

– Я с ней живу. Сестричка прекрасная актриса и на людях она весела и счастлива, ведь никто никогда не увидит, как она в печали плачет ночью в подушку, – он чуть скривил лицо, словно что-то почувствовал. – Прости, но нам с Лиз нужно еще много успеть.

Он оставил ее совершенно беззащитно стоявшую и смотревшую, как Анна не дрогнув ни одним мускулом лица, счастливо улыбалась Соре делая перед ней легкий ненужный реверанс. Правда в этот момент она почти сжимала руку мужчины по имени Виктор. Принцесса присмотрелась к нему: он был выше ее брата, старше и будто бы у него было больше власти. Да, именно власти, его спокойствие показывало именно это.

31.10.2002

Поздравляю тебя с Днем Рождения.

*Смотри: тебе уже двадцать три и ты взрослый человек.
(формально)*

*Прошу: будь счастлива и дари свою улыбку лишь тем,
кто ее достоин.*

Продолжай быть моим солнцем.

К.

6.11.2002

Я желаю тебе основательно ступить на дорогу долгой и счастливой жизни. Ты уже прошел четверть века и теперь просто обязан задуматься о будущем.

Продолжай растить свой лес, ограждающий твою счастье и семью.

А.Р.

Им обоим хотелось написать намного больше, но разум останавливал, не давая начать полное разрушение. Анна хотела написать ему, что впервые серьезно задумалась о браке, наконец-то заметив как трогательно Альберт придерживает за руку ее мать. Как министр Пруст слегка смущенно целует в щеку свою жену. Ей хотелось так же, и она была намерена это получить.

Куроки же хотел рассказать ей о своих страхах, связанных с ненавязчивыми намеками старшего поколения о внуках. Он видел, как Сора немного теряется, когда его мать начинает говорить на эту довольно щекотливую тему и тогда Куроки, чувствуя какую-то злобу, непроизвольно начал защищать свою жену перед остальным народом во дворце.

Никто ничего не писал, боясь вновь выйти за рамки и разворошить едва потухшие угли.

25.12.2002

С Рождеством и Новым Годом!

K. & S.

25.12.2002

С Рождеством!

ее высочество Сакура.

Стоя посреди этой наряженной веселой толпы, так ис-

креннее радующейся подготовке к Новому году он впервые задумался о детях. Своих. Глядя на родителей, воркующих со своими детьми, слыша их смех и звонкие голоса, он ощутил легкий укол страха. А вдруг он не сможет стать хорошим добрым и любящим отцом? Вдруг будет таким же холодным и отстраненным, как его собственный?

– О чем ты задумался? – к нему подошла как всегда великолепная и прекрасная Сора и поцеловала в щеку. Они вместе с остальными членами семьи участвовали в благотворительном вечере при спортивной школе для особо одаренных детей.

– О детях, – чуть пожав плечами, ответила Куроки.

– Да, они невероятные. Ты видел ту девочку с лентой? – Сора восхищенно осматривалась вокруг.

– Я имел в виду наших, – пояснил принц и внимательно посмотрел на лицо жены, по которому пробежалась волна удивления вприпрыжку со смущением. До этого момента они еще ни разу не заговаривала о будущих детях без «помощи» посторонних. Готовы ли они к ним? Хочет ли их Сора? Анна хотела, он это четко знал и видел, как она почти голодным взглядом провожает малышей. Забавно, он знал желания другой женщины, а не своей жены.

– Я думаю, стоит еще немного подождать, – с теплой улыбкой произнесла Сора и взяла его за руку. – Мы еще не до конца узнали друг друга, так мало времени прошло после свадьбы. И ты же хотел еще немного попутешествовать.

Он поцеловал ее в макушку, в которой раз осознавая насколько она, дорожит им, любит, ставит его интересы, выше своих. Как ему необычайно повезло. Еще бы перестать быть ничтожеством и сравнивать и гадать какая бы была жизнь у него с Анной. Захотела бы она подождать, пока он созреет для отцовства? Стояла бы рядом, посреди этой беснующейся толпы, спокойно и мило улыбаясь? Смогла бы вновь сменить свою «окраску»? Все ради него. А смог бы он? Куроки непроизвольно усмехнулся: во всех своих планах он оставался верным трону. Нечестно и эгоистично. Он же не должен так себя вести.

– Мы должны идти дальше, – Сора аккуратно вернула его на грешную землю и потянула за руку в сторону огромной зеленой ели, что искрилась разноцветными фонариками. Вокруг веселились дети: смеялись, болтали и ели мороженное, совершенно не предполагая, что детство это самая лучшая часть жизни человека. В ней нет рамок морали, любовного выбора, планирования и печали будущего. Детство – это восход человека, когда все невинно и чисто, не омрачено душевными переживаниями и ворохом ошибок прошлого.

31.12.2002

Я поздравляю Вас с Новым Годом и желаю счастья и добра!

А.Р.

31.12.2002

С Новым Годом!

ее святейшество княжна Грeпиль Анна

его святейшество Грeпиль Александр Полиньяк

Глава 10

В здании парламента, находящегося в самом центре столицы, специально отводили кабинет для князя, каждый год, перемещая его по этажам. Анна шутила, что таким образом они пытаются сделать ремонт во всем здании, что было старше дворца.

– Не сочтут ли это ущемлением прав? Демократии? – наследница сидела напротив Альберта, что расположился за своим рабочим письменным столом, заваленным горой бумаг. Каждую среду они вместе приезжали в здание парламента и работали, часто до поздней ночи, на благо Грепиль.

– Какая демократия? У нас конституционная монархия, – возмутился Альберт. – И если бы не мой отец, то была бы старая добрая абсолютная монархия. И ни с кем из этих клоунов, мне бы не пришлось договариваться.

– Казнить. Значит, казнить? – с усмешкой перебила его княжна, внимательно наблюдая за тем, как Альберт принимает прописанные ему врачом лекарства. Под Новый Год, что они праздновали в тесном семейном кругу, у него в очередной раз сильно подскочило давление и Мария не выдержав, самостоятельно вызвала врача. Шумиха была еще: все были крайне удивлены, что княгиня умеет повышать голос, тем более на мужа.

– Ты слишком категорична, – устало вздохнул мужчина,

он хотел жить во времена Наполеона, Елизаветы, когда никто не перечил монархам, и слепо следовали прочерченному пути.

– Я? – изумилась княжна и чуть наклонилась к столу. – И это говорит человек, что собирается начать новый Крестовый поход?

– Это не Крестовый поход, – отмахнулся Альберт. – Мы просто перестанем давать виды на жительство приезжим из мусульманских стран, сократим выдачу туристических.

– Проведем рейды по зачистке от нелегалов, – вальяжно добавила девушка.

– И идея довольно неплохая, – чуть повысив голос, произнес князь. – Наше княжество испокон веков было католическим. Мы даже чуждых протестантов прогнали в свое время, а тут эта чума, что не собирается приспособливаться к нашим основам и правилам жизни.

– Но ведь и ты не женился на католичке, – мягко напомнила ему Анна.

– Но и не на мусульманке. Православие и католичество ветви одного дерева. А мусульманство совершенно другой сад, – Альберт откинулся в кресло. – Наше население слишком мало, для увеличения процента иноверцев. Мы выращены консерваторами благодаря моему отцу, деду, прадеду, Господу нашему. И я не дам загубить эту...

– Чистоту крови? – перебила его наследница. – Временами ты говоришь, как Адольф.

– Временами ты говоришь, будто испытываешь симпатию к ним. Ты же борешься за равенство женщин. Назови хотя бы одну мусульманку, что сумела бы добиться высот? Хотя бы актрису, писателя, политика?

– Я не защищаю их, – возмутилась девушка, словно от оскорбления. – Просто, я боюсь...

– Чего? – непонимающе спросил мужчина.

– того что тебе снова начнут припоминать мезальянс. То что твоя наследница не рождена католичкой.

Альберт посмотрел на нее с мягкой улыбкой родителя, а ведь вправду, он и позабыл, сколько грязи вылилось на них в свое время.

– Не будут, – он наклонился вперед и протянул ей руку. – Сейчас самое время таких законов. Никто и слова не скажет.

– Аль – Каида от всего сердца помогает тебе в исполнении твоих планов, – она все же тоже протянулась и взяла его за руку.

– Можно сказать и так, – пожал плечами Альберт. – Может цветы им отослать?

Анна покачала головой. В душе она понимала стремления Альберта огородить свою родину от чужеземцев. Сколько раз их захватывали в прошлом, продавали, отдавали в аренду. В прибывающих в Европу мусульманах он видел новых захватчиков. Тихих и медленных. Да, его можно было смело назвать расистом, и он бы с этим с легкостью согласился, в тайне мечтая жить где-нибудь в белоснежных странах Скандинавии.

динавии. Альберт не хотел новшеств и прогиба перед новыми жителями и Анна это прекрасно осознавала. Она видела, как группы людей, не желающих ассимилироваться, заставляют государства меняться под себя. Она, как и Альберт, не собиралась в будущем давать послабления. Но до сих пор в ней, все еще жил страх, что жители взбунтуются именно против нее, как бы она не старалась выдаться себя на настоящую жительницу Грепиль.

Первый месяц нового 2003 года пролетел словно стрела, что точно вонзалась в намеченную цель. Но ничего не изменилось: жизнь продолжала свое шествие по замкнутому кругу, что с каждым годом становился лишь шире. В жизни появлялись новые люди, уходили прочь старые обиды. Все было, как и должно было быть – с грустными и счастливыми днями, все реже напоминавшими о прошлом.

Февральский ветер играл с легкими зелеными занавесками, ограждавшими эту спальню от остального мира. Уже горела люстра и по старой – доброй традиции потрескивал камин, хоть в его тепле никто совершенно не нуждался. На бумаге, лежавшей на столе из темного дуба с резными ножками, рождались новые строчки, словно видения оживали в голове автора и послушно открывались миру.

Лживые рассказы о чистой и искренней любви были соседями с точными описаниями расчленения трупа в очередном повествовании о тяжелой судьбе маньяка. И описывать

последнее ей нравилось куда больше, ибо ее психопаты были оригинальными и неповторимыми, совершающие такие поступки о которых она даже боялась подумать в реальной жизни. Они были искренними, живыми и с душой, с романтическими персонажами ей так не везло.

Позже почти все свои рукописные творения она переносила в компьютер, что бы после, когда созреет и еще раз все исправит, отправит в какое-нибудь издательство под очередным псевдонимом, получит отказ. Но это была ее отдушина.

Нет, Анна не умирала от грусти: у нее было творчество, были уроки управления княжеством, проходившие все с тем же первородным трепетом и страхом ответственности; новые и старые знакомые, семья и очередная подходящая к концу влюбленность, которая не знала что была объектом ее. Ну, как еще, если ты актер, живущих на другом конце мира, и ни разу не встречавшийся с ней вживую? Но не было Куроки и его магнетизма, и от этого, в моменты, когда княжна оставалась одна, словно льдинки всплывали воспоминания с глубин океана. Но кто бы, что не говорил потом: она жила полной жизнью, правда без той странной, почти сказочной страсти к принцу Куроки. Хороший был бы сюжет для ее книги, если бы она осмелилась об этом написать.

– Жаль Память все хранила в своем ларце, – произнесла вслух княжна последние строки своего нового романа о раскаивающемся так яростно и подкупно серийном убийце. А ведь вначале она хотела сделать его невинной жертвой же-

стокого и корыстного правосудия. Но часы за столом складывались в дни и всего за два месяца она сумела из обычного человека, живущего среди нас, создать жестокого и изощренного убийцу, чья история по ее мнению, сумела бы завлечь читателя в свой мир. Ах, если бы ей чуть больше везло с ответами из издательств.

В комнату без стука заглянул Саша и, увидев, что его сестра ничего не пишет, вошел, прикрыв за собой дверь. Он прошелся по длинношерстному ковру, лежавшему на отполированном паркете и уселся в кресло, стоявшее у окна.

– Что-то случилось? – девушка так и не отводила взгляда с только что законченной рукописи. Она гадала, за сколько она сможет перепечатать и насколько видоизменит текст. Сколько времени на это уйдет.

– Ничего, – пожал плечами Александр и стряхнул с лацкана пиджака несуществующую пылинку. – Пруст обеспокоен.

– Тем, что Альберт снова показывался врачу? – Анна посмотрела на брата, чуть склонив голову вбок. Конечно, самочувствие отчима ее беспокоило, но она, как и Альберт, были упрямо уверены, что все это пустяки и они вечны. – Главное, что мама заставила его обратиться к хорошему специалисту, а не просто сгоняла прислугу в аптеку за «димедролом». Ты же знаешь, какой он упрямый.

– Ты такая же. Но слишком часто все это, – Саше скоро должно было исполниться семнадцать и через год он уже планировал расправить крылья, вдохнув свободу. Но эта

нервная неизвестность с Альбертом его пугала больше чем неизведанная Злата – столица Роскраны. Он полюбил этого мужчину всем сердцем лишь из – за того, что тот сделал счастливым его мать. Дал им проснуться в сказке и ничего не требовал взамен. За такой короткий срок – Альберт заменил ему отца, каким-то образом даже стерев воспоминания о том далеком человеке, из Гилева.

– Не волнуйся, – Анна постаралась улыбнуться как можно увереннее. – Все будет хорошо. По крайней мере, мы живем уже не в Средневековье.

Они, молча посмотрели друг на друга, в какой-то миг, подумав, что безбожно отдалились. У них не было больше общих тем для разговоров и в обычные дни они мало пересекались. Наверное, всему виной большая площадь дома – в Гилеве в их трехкомнатной квартире потеряться было сложно. Конечно, был возраст и пол, и то, что они оба постоянно заняты, но что-то неправильно во всем этом было.

– Как я поняла вы подружились с Сакурой? – девушка решила прервать затянувшуюся тишину.

– Есть немного, – непривычно по – роскрански ответил Саша. – Она забавная и открытая, не то, что мы. И как ее выдерживают император с женой? Ведь она настолько радикально мыслит и все это говорит вслух, кошмар.

– Наверное, поэтому ее и сослали в Англию, – усмехнулась княжна и, подойдя к брату, взъерошила светлые волосы у него на макушке. – Можем и тебя туда отправить. Деньги

есть.

– Нет, – протянул тот, резко вставая с места. – Эти деньги мы бережем на подкуп твоему суженому.

– Ах, ты гаденыш! – воскликнула на весь свой кабинет Анна и кинула в брата маленькой подушечкой, до этого лежавшей мирно на подоконнике.

– Прошу прощения, ваше Святейшество, – они и не заметили, как в кабинет вошла Хезер с неодобрительным взглядом, ей никогда не нравилось это безрассудное поведение младшего отпрыска князя. И куда только смотрит его губернёр. – Месье Руже наносит визит.

– Спасибо, – кивнула княжна, отпуская ее, затем поправив причёску, повернулась к Саше. – Месье Руже... Визит...

Она довольно неплохо спародировала немного помпезный тон своей помощницы. Юноша прыснул в кулак, а затем начал приводить себя в порядок – за три с половиной года в высшем обществе, они привыкли всегда и везде хорошо выглядеть и стараться соблюдать правила этикета.

– Мне кажется, в глубине души ты ему нравишься, – прошептал ей на ухо Саша, когда они уже подошли к двери гостиной, где их должен был дожидаться Виктор, наверняка уже в компании своего любимого друга Альберта.

– Может – может, – усмехнулась княжна. – А ведь на данный момент он единственный мужчина в моем окружении.

– Стоп! А как же я? – возмутился Александр и легко толкнул сестру в плечо.

– Инцест? – скривилась та. – Уж прости, но я пас. Лучше за Виктора замуж.

– Мне приятно об этом узнать, – двое наследников князя Альберта услышали насмешливый голос Руже, что открыл им дверь, впуская.

– Черт, – простонала Анна, начиная краснеть.

– И вот одной тайной меньше, – по – роскрански произнес Саша, пожимая гостью руку.

1.03.2003

Судя по всему, Сакура произвела неизгладимое впечатление на ваших родителей, появившись со мной, а еще в одинаковой одежде, на Неделе Моды, в то время как должна была сидеть в библиотеке Кембриджа за книгами по праву и психологии. Но не бойся. По психологии я ее понатаскала, ведь сама сейчас ее изучаю в университете Грепиль. Только тсссс Я там как слушатель. То есть диплома мне не светит.

Мы выкупили соседние территории (да ты уже знаешь об этом) и полностью утвердили свой план по насыпам в океан, дабы еще больше увеличить пляжную территорию княжества.

До сих пор не верю, что стала его законной наследницей. Представляешь: пройдет время и я буду управлять территорией, что всего вполовину меньше моей родной страны! Но я люблю. Люблю уже каждое дерево, камень и жителя, хочу им добра.

Наверное, на данный момент это все что я хочу тебе написать.

Все будет хорошо.

А.Р.

16.03.2003

Поздравляю тебя с рождением семимиллионного гражданина Грепиль! (в дополнении идет открытка от Соры, которую она сама нарисовала, и я буду признателен, если ты не выбросишь ее в огонь)

На Сакуре платье сидело лучше, признай это. Хотя вся моя семья считает иначе, чуть ли не собираясь писать тебе коллективное извинение от всей семьи. Позор-то какой!

Поздравляю с новым газетным расставанием. Знаешь, я их совсем не понимаю: в Грепиль столько мужчин, а тебе приписывают постоянно американцев. И пусть это ужасно звучит, но я болел за того светло – рыжего британца с отвратительной фамилией.

Все будет хорошо и я в это верю. В этом году мне стукнет двадцать семь и может с этой датой ко мне придет мудрость предков. А так...

Пока что самый адекватный человек в нашей паре, да и семье, Сора, которая... Которой все же нужна моя поддержка в этой сумасшедшей семье. И я так рад, что могу говорить тебе об этом открыто. Спасибо тебе.

Будь счастлива и свободна, словно ветер над равниной.
К.

– С тобой все хорошо? – Куроки зашел в личную гостиную жены и внимательно посмотрел на нее. Она только что вернулась со встречи со своей властной свекровью и теперь пыталась прийти в себя после этого неравного боя, в котором она с самого начала была проигравшей.

– Все хорошо, – неожиданно жизнерадостно отозвалась девушка, подняв на него глаза. – Ваша мама была слишком обеспокоена поведением Сакуры, но затем из Грепиль пришло письмо, где княгиня Мария и княжна Анна сердечно благодарили Сакуру за помощь в каком-то странном и несуразном деле.

Куроки усмехнулся и присел на ручку кресла, на котором расположилась его супруга.

– Но я-то знаю, что Сакура с тот день болталась в одном из клубов Ирландии, – девушка тихо засмеялась, прикрыв рукой рот, стесняясь этого порыва чувств. Она, конечно, не одобряла подобного поведения золовки, но все же со щеко-чущим душу восторгом следила за ней и завидовала.

– Иногда я завидую Анне, – задумчиво произнес Куроки, медленно перебирая темные пряди волос на голове жены. – Александр сама воспитанность.

– Для наследника это хорошо, – не согласившись, пожала плечами Сора, радуясь проявлению ласки со стороны му-

жа. – Но, для второго ребенка совершенно не подходит. Второй ребенок должен оттенять первого, быть с недостатками, пороками, дабы люди любили именно наследника и благодарили бога, что он, а не младших взойдет на престол.

– И этому тебя явно не учили в университете, – немного ошарашено сказал принц.

– Но я знаю, что глупая, да лучше быть глупой, нежели тупой, – бормотала себе под нос Сакура, заканчивая длиннущее письмо. Всего два клика компьютерной мышью, и через десять минут в далекой Упонии, можно будет закачивать в императрицу пачками успокоительное. А ведь лучше было написать простое письмо от руки, с простецкими и забавными ошибками – на это было бы честнее и искреннее. Иногда Сакура жалела, что ее семья взяла свой исток в императорском роду: она наблюдала за обычными жителями своей страны и завидовала их свободе, эмоциональной и физической. Да, конечно понимала, что не все так просто у обычных людей или то, что ее брату еще хуже в этой невидимой клетке, и она бы так не смогла. Истерично билась бы о правила, резала себя о прутья, словно самоубийца и не сдалась бы легко своим родителям.

Куроки же видно с детства привык к тому, что всю свою жизнь проведет при дворце, она же росла сорняком. Ее брат лишь однажды взбунтовался и тот раз, никто кроме сестры, не заметил. Ведь чувства – это не всегда слезы, их можно и

скрыть.

Сакуре было девятнадцать, и она являлась поистине невообразимой личностью, для своего окружения, способная на минуту из состояния многомесячной депрессии перейти в полную эйфорию и безграничное счастье. Это ее спасало от тяжелых старых стен дома. «Жаль меня психиатрам не показывали», – обычно говорила принцесса – бунтарка. У нее была куча друзей из совершенно разных стран и к каждому из них она чувствовала нежность и привязанность. Ее сердца хватало на всех, но оно никого не оставляло надолго или насовсем.

Сакура лишь ступила на холодную плитку кухонного пола, как ее домашний телефон начал разрываться от истошного звона.

– Алло, – хриплым голосом, предчувствуя беду, ответила девушка, присев на столик для аппарата.

– Мама только что прочла письмо, – сообщил ей брат. Она явно представила, как он, скрывшись в другой комнате, ехидно улыбается, прикрывая трубку рукой. Может быть если Сора была рядом с ним, он был бы ... вежливее?

– И? – более осторожно спросила принцесса, мысленно и морально приготовившись к гневу отца и матери.

– Лучше бы ты не комментировала ту щекотливую ситуацию, – задумчиво ответил ей Куроки.

– Я всего лишь пояснила произошедшее, – Сакура говорила правду, защищаясь. Да, она глупила. Да. Она, поддав-

шись какому-то безумному, порывы публично поцеловалась в губы с какой-то совершенно проходной моделью, чье имя стало ей известно уже из заголовков газет. Это был кураж, воздух свободы, неверие в свое счастье.

– Даже не знаю, – пробормотал Куроки. – Не думаю, что твое пятничное появление на благотворительной акции успокоит все это. Сора предложила тебе выступить с каким-нибудь научным докладом в университете в одном из твоих кружков.

– Анна предложила поработать мне день в хосписе, а в следующую субботу присоединиться к Саше в его раздаче помощи бедным. – Сакура крутила, свои длинные темные волосы на палец и смотрела в висящее напротив огромное зеркало. Она ожидала ответа от брата и догадывалась, что его промедление связано с тем, что Сора теперь находится рядом.

– Она права, – выдохнул Куроки. Видно его жена одобрила этот план. – Я надеюсь, ты прислушаешься ко всем советам. Нашей семье не нужны столь личные скандалы.

– Хорошо. И Куроки...

– Что?

– Я не лесбиянка.

– А жаль, – усмехнулся в трубку юноша. Как же он гордился и восхищался своей сестрой. Но эта ее дружба с младшими в семействе Полиньяк его заставляла... Завидовать? Да. Ревновать? Отчасти. Сакура могла себе позволить, то что

не мог он. Но все же в ее дружбе был огромный плюс – мостик из историй и происшествий, рассказанный его сестрой, незримо все больше спланивал его прошлое и их будущее. Волновала ли его ориентация сестры? На данный момент – нет, ибо она была молода и находилась за территорией государства. Может быть в будущем, когда они оба станут старше...

13.04.2003

Надеюсь, Император и императрица простили Сакуру. Ведь собственно она не в чем и не виновата. Да и в последнее время газеты лишь о ее добродетели и пишут.

В моей жизни ничего сильно не изменилось. Грепиль до сих пор чуть больше 2 тысячи км², нас семь миллионов и что-то недобро поглядывает на нас Франция из – за закрытых наших границ для не европейцев. Конечно, попахивает расизмом, но увы и ах, после проведенного референдума мы с министрами узнали, что около 80% (тут даже Альберт удивился) наших подданных не особо жалуют выходцев из арабских стран. Хотя среди них, конечно же, встречаются и великолепно – одаренные личности. Но либо эта страна слишком католична. (Какая новость, подумаешь ты) Либо в связи с последними терактами мы стали все более мнительными. Ох, знали бы наши соседи, о наших планах относительно трудовых эмигрантов.

Но знаешь... Больше всего меня волнует Альберт. Он сдал

за последнее время. Они с мамой в постоянных разъездах по врачам, а Патрик злобно хмыкает и причитает, что стоило меньше курить.

Как же вы мужчины меня бесите...

А еще я хочу... Я не знаю, Куроки!

Мне, наверное, нужно простое человеческое внимание, именно ко мне, а не к короне, деньгами и связям.

Мне нужно срочно влюбиться.

Да.

Прости.

Но ведь мы же договорились говорить все начистоту.

А.Р.

Помни, что ты все еще занимаешь отдельное место в моем сердце.

Куроки действительно понимал, что Анна не должна быть одна. Но он не мог представить ее с тем самым мужчиной, что сделает ее по – настоящему счастливой. Это может только он. Только он. Иначе. Иначе просто быть не может.

1.05.2003

Вчера по новостям рассказывали, что Альберта срочно госпитализировали. У него правда осложнение после воспаления легких? Я не хочу думать, что это завеса для чего – либо более серьезного.

Все будет хорошо. Поверь мне. Все будет хорошо.

Альберт выздоровеет, а ты влюбишься. Но помни, что влюбленность и любовь это совершенно разные вещи. Можно любить человека, искренне. Всепоглощающе, но мимолетно увлекаться другим, зацепившим тебя какой-то искрой. Но искры тухнут. Пройдет время и второго память забудет, словно строчку из дешевого романа, а любимый человек навсегда останется в сердце, в каждой секунде разума.

У меня есть ты и Сора, и вы сильнее глупой привязанности или увлеченности. Вы существуете неразрывно от моего сердца.

Нужно дорожить человеком, способным любить тебя, чувствовать, что без него, в твоей жизни невозможно спокойно существовать.

И пусть это покажется высокопарно, но переступив через себя, я хочу, чтобы ты огляделась по сторонам и нашла достойного человека, способного занять место рядом с тобой. Ты не должна быть одинока, иначе это будет моя вина.

К.

Он уверял себя, что правильно поступает, что именно это – проявление настоящей любви. Нужно желать друг другу добра и мира и тогда в их будущем будет смысл. Но все же вся эта «правильность» бесила его своей безысходностью и абсурдностью ситуации.

Эту неделю всей семьей они проводили в загородной ре-

зиденции, наслаждаясь тишиной, отсутствием контроля общест­венности приятным общением с друзьями и близкими, ради которых не нужно было наряжаться и строить из себя не пойми что.

Анна изнывала от скуки и отсчитывала дни до окончания отпуска Хезер, в который она и сама отправила, узнав, что дочь хочет посетить Египет. Ей действительно не хватало на­ставницы, которую уже можно было с уверенностью назвать личным психологом со стажем. Княжна действительно в по­следнее время отсчитывала даже часы до приезда Хезер, что должна была прибыть в резиденцию поздно вечером. Поэто­му Анна не ложилась спать, решив дождаться ее, располо­жившись в гостиной.

Дверь негромко скрипнула, отвлекая от книги. Анна под­няла голову и увидела в дверях Хезер, как всегда одетую с иго­лочки.

– Добрый вечер, княжна, – женщина вошла в комнату и села на диван, рядом со своей подо­печной, зная, что та весь день ожидала ее появления.

– Добрый, – радостно произнесла Анна, разглядывая по­чти шоколадный загар собеседницы. Ей же такой по статусу был не положен. – Как прошел отпуск?

– Довольно жарко, – вздохнула Хезер, откинувшись на спинку дивана. – Ужасно жарко. Не знаю, как от такой пого­ды можно быть в восторге? Но пирамиды восхитительны, с трудом верится, что их построили предки этих неучей – бе-

дуинов. Такое совершенство и могущество.

– Ты тоже придерживаешься, теории о помощи инопланетян? – усмехнулась девушка, откусывая яблоко. – Или есть еще какие-нибудь идеи?

– На самом деле есть. Но не по пирамидам, – Хезер повернула голову к подопечной. – Не уверена, что она вам понравится. Да и она довольно логичная.

– Ты меня заинтриговала, – сощурилась Анна и поудобнее устроилась на диван. Она не помнила ни одной идеи Хезер, которая бы не понравилась ей. Ну, кроме той про «неделю в месяце быть вегетарианкой».

– Мы часто разговариваем с вами о замужестве, о романтических отношениях, – не свойственно начала издали Хезер.

– И к чему ты ведешь? – с подозрением спросила девушка.

Дом уже спал, оставив их наедине друг с другом. За окном лишь работали садовники и дворники, что подобно работникам Диснейленда, за ночь меняли цветы в клумбах, корректировали кусты. Вот это работа на имидж.

– Мне кажется, что у меня есть хорошая, логичная идея, но я боюсь, что вам она покажется совершенно больной и нереальной, – Хезер задержала дыхание, в последний раз решая поделиться или нет с княжной своей мыслью, что так давно глумилась в ее мозгу. – Я предлагаю вам выйти замуж за Виктора Руже.

Анна поперхнулась и выплюнув пережеванное яблоко в

руку, посмотрела на женщину. Она что заметила ее внезапный интерес к нему? Или она сама слишком часто упоминала его имя, шутила. Вот и досмеялась.

– Виктор? – переспросила княжна, собирая выпавшие кусочки яблока в салфетку. – Наш Виктор. Друг Альберта, что старше меня на десять лет?

– Возраст это меньшая из бед, – наставница внимательно рассматривала, как быстро менялось выражение лица юной княжны. Конечно, она прекрасно замечала их обоюдную симпатию, и только даже на этом моменте можно было разыграть удачную партию. То было время для политических союзов не требовалось ничего, кроме статуса.

– И как тебя осенило-то? – сглотнув, произнесла девушка, начиная осознавать, что если не брать в расчет ее чувства, то расклад совершенно потрясающий.

– Приблизительно год назад я видела фотографию в одной из газет, – задумавшись, начала Хезер, она все еще смотрела на подопечную в надежде точно понять нравится ли той идея или нет. – Вы с месье Руже стояли на фоне костела, что в Галифоре, и улыбались, смотря друг на друга. Я еще подумала «какая идеальная постановка кадра. Принц, склонив голову, с улыбкой смотрит на чуть смущенную принцессу». Меня это фото воодушевило, я хотела открыток с ним, плакатов, напечатать на банкнотах и кружках.

– Да, – чуть нахмурившись согласилась Анна, но она не разделяла энтузиазм своей наставницы, ибо ей определен-

но казалось, что она явно не пара Виктору. Ниже его, полнее, без такой же открытой улыбки, что не портит лицо. Даже то, что он старше уходило на второй план. Руже был красив. Умен и опытен. А еще он никогда не видел в ней девушку. Она не дура, видела же его снисходительный взгляд и это попечительское поглаживание по плечу, знала его пассий, которым в подметки не годилась. Если только интеллектуально выигрывая у них. – Мысль интересная...

– Ты ему нравишься, – Хезер положила ей руку на колено. – Вы дружите с ним. Все видят эту безоговорочную симпатию. Даже искру. Разве нет?

Анна молча отвернулась.

– Он чистокровный житель Грепиль, – снова начала Хезер. – Этот плюс уже перебивает все остальные. Он красив, умен, остроумен и находчив. Спортсмен и работает на благо княжества. Нет грандиозных скандалов и за годы дружбы с Альбертом пресса не смогла очернить его.

– Я не могу, – покачала головой Анна. – Мне страшно. И я говорю тебе об этом прямо. А вдруг он меня отвергнет?

– Этот вопрос будет обсуждаться. Виктор будет в курсе того, что это будет политический брак, – заверила ее женщина, радуясь тому, что княжна не восприняла все в штыки.

– А вдруг я не люблю его? – девушка повернулась с обеспокоенным выражением лица. – Я так не смогу. Не выдержу жить, рожать детей, человеку, к которому у меня не будет хотя бы капли любви. И так в клетке. Да, сейчас к Вик-

тору я ощущаю... я не знаю... интерес. Но нет, того чувства, мысли... что я не смогу прожить без него и дня. Мне нужно это.

Анна глубоко вдохнула и встав, подошла к окну. Ее сердце почему-то бешено колотилось, хотя это был всего лишь разговор, ни к чему не обязывающий. Но почему же ей так волнительно и немного страшно?

– Я понимаю, что он идеальная кандидатура, – княжна рассматривала освещенные дорожки у дома. – Но если бы он был незнакомым человеком, то было бы легче. Может... Может, я просто боюсь не взаимности не только с моей стороны, но и с его?

– А если собраться и подумать об этом, потом просто попробовать? – Хезер подошла к ней и взяла за руки, смотря прямо в глаза. – Я же не приказываю вам. Просто предлагаю все обдумать. Вдруг вас осенит более гениальной идеей.

– Знаю, – Анна склонила голову вбок. – Не понимаю, почему так резко отреагировала. Наверное, осознала, что мне и вправду пора начать строить серьезные отношения. А еще все должны быть довольными ими. Ведь я...

– На этой ноте разбредемся по спальням? – с улыбкой предложила Хезер, ласково коснувшись щеки своей воспитанницы. Ее реакция была интересной и неожиданной. Вместо того чтобы рассмеяться и обсудить эту идею с шутками и подколками, она словно испугалась. Неужели что-то есть больше чем симпатия или это очередной приступ занижен-

ной самооценки? Хезер видела в Викторе умного мужчину, что уже готов к «тихой гавани», стабильности и уверенности в будущем. По всем критериям Анна ему идеально подходила, ей нужна была опека и все понимание, от которых так сбегали его подружки. Княжна жаждала постоянного внимания и при удачном раскладе получила бы его сполна. Вот как бы свести эти две прямые?

Княжна тоже размышляла, ворочаясь в постели от невозможности заснуть. Она старалась представить себе жизнь с Куроки, дабы выбить из головы эту навязчивую идею, подаренную Хезер. Господи, да она банально не подходит ему. Он же видит в ней девочку с несчастной влюбленностью, а не любовницу. У нее нет опыта, нет умения флиртовать, быть соблазнительной. Ему станет скучно с ней, устанет от ее детского лепета и начнет отдаляться. И повезет, если все это случится до брака, ибо развод.... Только не в этой стране.

Анна закрыла глаза и наконец-то позволила себе сдаться: представила, что все хорошо, она замужем за Виктором, у них трое детей, что вот – вот проснуться. Они спят в одной постели, заниматься перед сном любовью, просыпаясь, он убирает волосы с ее лица. И почему так покраснели ее щеки? Интересно у него есть волосы на груди? Господи, о чем она думает? Анна со вздохом уткнулась носом в подушку, прекрасно осознавая, что еще долго не заснет от размышлений и просчета вариантов. Умом она понимала, что всегда стоит попробовать, сделать первый шаг, она же сама се-

бе внушала не так давно, что нужно быть решительной. Но с другой стороны прекрасно поживала ее сомневающаяся девичья натура. Как же сложно быть девушкой.

6.07.2003

У нас с Сорой будет ребенок.

К.

15.07.2003

Вам пишет призрак княжны Грешиль, которая умерла от зависти.

КУРОКИ! Поздравляю! Это невероятно!

Пожалуйста, передай Соре мои самые искренние пожелания, улыбки и здоровья.

А.Р.

Она правда была счастлива – иначе быть не могло, хоть все же в ее сердце и закрадывалась зависть. Пока что она и мечтать не смела о ребенке. Ее маленький секрет знали лишь приближенные: с девятнадцати лет она лечила свои гормональные сбои, постоянно проходя новые и новые курсы лекарств. Врачи убеждали, что благодаря медикаментам она сможет родить наследника престола. Но они не понимали как это страшно, быть окруженной неизвестностью. Уже любить своих будущих детей и бояться, что никогда не почувствуешь толчок его маленькой ножки внутри живота.

Умело скрывая ото всех свои проблемы, Анна дарила своим героиням счастье и радость, перенося свои надежды на бумагу. Все будет хорошо. Она найдет того самого человека, что сможет ее поддержать, пройдет с ней весь этот путь.

– Все будет хорошо, – изо дня в день повторяла Анна это их с Куроки маленькое заклинание, и может быть когда-нибудь оно проявит свою силу.

Глава 11

– Он уверен, что хочет ехать? – Альберт не хотел отпускать пасынка в Роскрану, словно боялся, что потеряет его. В последнее время князь значительно ослаб: его злостное неповиновение врачебным предписаниям давало о себе знать, и вот наконец-то сильно испугавшись, он начал ежедневно посещать больничные процедуры, прописанные для его легких. Конечно же, под беспрекословным взглядом своей дрожащей супруги. И в эти минуты он чувствовал себя счастливым и несчастным одновременно: у него была семья, что поддерживала и волновалась, но и именно это волнение и делало его в ту же минуту несчастным – он видел с какой тревогой они слушают врачей, как стараются на собственном примере следовать их наставлениям, как упорно заставляют и его.

– Давай съездим на запад Краины, – прошептала Мария, держа его за руку, при очередном заборе крови. – Я была там, в студенческое время. Чудесное озеро Зорявир, леса и горы. Видел бы ты те леса... А воздух... И никто не в жизни нас не узнает.

Альберт внимательно посмотрел на нее, замечая все мелкие морщинки на лице, глаза в которых так ужасно плескались боль и отчаянье и это, так эгоистично, разливалось по телу странное тепло – он окончательно осознал, что эта заме-

чательная женщина действительно любит его. Мужчина поцеловал ее ладонь и, не отпуская руку произнес:

– Я обсужу это с Патриком. Но сначала отправим Сашу в Злату.

24.09.2003

Все еще не могу поверить, что Саша уже месяц как в Злате на курсах. Но первого октября он вернется обратно, ведь выпускной класс никто не отменял. Как же быстро он вырос: а ведь еще недавно мама готовила ему на кухне молочную смесь, или он дрался с сыном министра финансов. Как же давно это было.

Неделю назад встретила с Сакурой – эта вертихвостка снова закрутила очередной роман. Да какой! На ее фоне я выгляжу старой консервативной девой. А это, знаешь ли, обидно. Мне всего двадцать три! Правда в этом возрасте мама познакомилась с моим биологическим отцом... Кстати. Он недавно писал. Снова. И снова с моей стороны молчание, я до сих пор не могу простить ему тех алиментов, что он так и не выплатил маме.

Но не буду о грустном. Мне больше всего хочется похвастать тебе, что меня напечатали в сборнике «Новой фантастики» (это тот, что выпускается в Париже), так что если увидишь «Гейл Райвз» – это я. Только никому не говори! Это наш с тобой секрет! Для меня это огромный прорыв, о котором я и не смела мечтать.

Последнее фото с Сорой просто восхитительное. Я искренне завидую вам, мой друг.

А.Р.

Она, молча, зашла в гостиную, где работал включенный почти на полную громкость телевизор, с каналом, передававшим новости со всего мира.

– Альберт еще не спустился? – Анна заметила сидящего в кресле напротив экрана, Виктора. Он словно не уходил после вчерашнего празднования возвращения Саши домой. Еще та была гулянка – словно не было его лет так десять.

– Нет, – откликнулся мужчина, потер чуть тронутый темной щетиной подбородок, и сделал звук потише. Девушка усмехнулась – он снова стал ей напоминать героя из американского сериала про медиков: тот же тонкий орлиный нос и усталый взгляд карих глаз. Какой романтический образ...

– Вчера наследный принц Куроки и его жена... – раздался голос телерепортера. Анна обернулась к экрану лицом и подошла ближе к сидящему гостю, что бы лучше видеть.

На экране под светом фотовспышек улыбающиеся Куроки и Сора посещали очередное благотворительное мероприятие. Но Анна не слушала репортера. Заворожено рассматривая округлившийся живот упонской принцессы и инстинктивно прижала руку к своему. Пусто. Она чувствовала, как страх снова засасывал ее в пустоту, что убивала изнутри. Губы княжны немного дрогнули, когда Сора так нежно и неве-

сомо провела по своему красивому животу.

Виктор перевел взгляд с экрана на девушку, так обреченно, по его мнению, смотревшую перед собой, и молча, дотронулся до ее руки на животе.

– Однажды это случится и с тобой, – его голос был нежен и заботлив, словно успокаивающий ветер, гуляющий в ее далеком детстве. Девушка посмотрела на него сверху вниз и грустно улыбнулась – ему показалось, что в этот миг она словно была лет на двадцать старше, чем есть на самом деле.

– Я тоже на это надеюсь, – она сжала пальцы его руки. Он был так ей... привычен. Она чувствовала себя рядом с ним спокойной, интересной и ей хотелось разговаривать с ним. Смеяться и узнавать. А он давно уже перестал называть ее про себя «девочкой» и замечать разницу в возрасте, дистанцироваться и очерчивать рамки дозволенных разговоров. Альберт его убьет, если узнает что в свои тридцать три он, кажется, влюбился в это создание, что последние два года постоянно одаривало его своим вниманием. Глупо, глупо, глупо. Он будет ей хорошим наставником и советником. Ему просто давно не улыбалась удача на личном фронте.

– Ты встретишь с нами Рождество? – она все еще не выпускала его руку, будто наслаждаясь ее теплом. – Альберт обещал грандиозный салют.

– Так значит, на ваш День Рождения я не приглашен? – Виктор изобразил обиженное изумление и осторожно освободил свою руку. Он встал перед ней и уже он сверху вниз

рассматривал ее хитрое лицо с чертами ехидства в глазах. Как же это его забавляло и интриговало.

– Я вышлю вам официальное приглашение на свое двадцатипятилетие, – губы княжны растянулись в улыбке. Она не понимала, что заигрывает с ним. Ей казалось, что это обычная словесная баталия как у них с Куроки. Виктор фыркнул и отошел на шаг назад – он не имел права настолько заигрывать и терять контроль. Слишком близко. Непозволительно.

– Разве тебе нужно особо приглашение на наш скромный семейный ужин? – неожиданно из озорного тона, ее голос перепрыгнул в меланхолический. Вот она метающаяся женская душа. – Ты же знаешь... Будет множество гостей, из которых я буду знать лишь единицы и буду ждать, когда же всех позовут в зал для танцев.

– Смею занять первый танец? – спросил Руже, поддавшись слабости.

– Я надеялась на все, – честно призналась девушка, удивив его. Впрочем, как и всегда.

31.10.2003

Пусть все, что ты загадала обязательно сбудется.

Пусть звезды на небосклоне освещают твой путь.

Желаю тебе попутный ветер в страну Открытий, где живет твое Счастье.

Ты прекрасна и оставайся такой же.

К.

6.11.2003

Вот и кому-то двадцать семь! Невероятно, но это факт: тот мальчик, что знакомил меня с окружающим обществом, вырос в прекрасного умного мужчину, знакомством с которым я горжусь.

Куроки, пусть в твоей жизни все будет хорошо.

С любовью А.Р.

24.12.2003

С Рождеством и Новым Годом!

К. and S.

Этот год в цветнике княгини Марии был ознаменован в честь китайской розы, что не поддавалась на все ухаживания и не собиралась приживаться, тем более цвести. Цветник был гордостью женщины, хобби и младшим капризным ребенком. Он находился в удалении от дворца, так что бы школьные экскурсии, что так часто бывали тут, не мешали размеренной и закрытой жизни вельмож.

Именно тут Анна нашла свою мать. Княгиня, стоя на коленях, в рабочей одежде, обрабатывала землю у белоснежных лилий, что в отличие от вышеупомянутых роз прекрасно поживали, давая своим тяжелым запахом ближайшим метром пять.

– Ты снова здесь? – спросила Анна, присев на корточки рядом с ней. Она тоже была одета в какие-то штаны, странную кофту с капюшоном и кеды.

– В доме как-то тихо стало, – вздохнула Мария и оторвала у цветка повядший лист. – Сколько вокруг людей, но так непривычно пусто.

– Никто ничего не разбивает, не носится с собакой за котом и не ворует из кухни сладкое? – улыбнулась девушка, подавая матери совочек для удобрений.

– Да, – чуть поджала губы женщина. – Я не заметила, как вы выросли. Ты постоянно занята, Саша снова уехал. Все упорхнули. Я уже начинаю жалеть, что мы с Альбертом даже не пытались завести ребенка.

Анна невольно отодвинулась, ошарашенная этими словами. А что если бы они и вправду попробовали и у них получилось? Она бы не стала официальной наследницей, с ней бы не возилось полдворца, Альберт бы не тратил на нее время, и скорее всего она не встретила бы Куроки. Определенно не встретила – к Винзорам она ехала именно как наследница. Нет престола – не было бы приглашения. Но с другой стороны: она была бы свободна от всех этих рамок, путешествовала бы, помогала ООН, месяцами отдыхала на пляже или уехала учиться в Лондон. Но общалась бы она с Виктором? Стал бы он обращать на нее внимание и проводить бесконечные часы за чашкой чая? А Хезер? Приставили бы к ней Хезер или отдали бы кому-нибудь простодушнее как Луис у

Саши? И ведь без великолепной Хезер она не стала бы даже в журналы отправлять свои рассказы и получать конструктивную критику, что в первое время серьезно доводила ее до слез. Что если бы? Лично она уже не видела себя без «короны на голове».

– Может быть, ты начнешь курировать какой-нибудь отдельный интернат? Для начала один, а потом переделаешь структуру Стефании под себя? – возможно, это было жестоким предложением, после такого откровения, но иного княжна придумать не могла. – Столько неблагоприятных пластов есть. Ты потихоньку сможешь все объединить. А потом...

– Потом вернется Саша и будет мне помогать, – воодушевилась княгиня Мария и обняла дочь.

– Ты говоришь о нем, словно он отбывает пожизненное в тюрьме строгого режима, – вздохнула Анна. – Саша уехал на неделю. А когда будет учиться в университете, то сможет каждый день звонить тебе. Писать, прилетать на каникулах. Просто вдолби себе в голову, что он в Грепиль, просто в закрытой школе.

– Я никогда бы не отправила вас с закрытую школу, – прошептала Мария. – Как можно не видеть своего ребенка каждый день? Когда ты станешь матерью, ты поймешь меня.

Анна улыбнулась и поцеловала ее в щеку. Они все. Все вокруг уверены, что она найдет мужа, что у них будут дети, что у нее будет настоящая сказка, как у отца Альберта и

Стефании. Почему же она в последнее время сгущает краски сильнее, чем обычно? Может потому что боится приближения той самой даты, которую сама себе установила? Вдруг придет тот день, а она будет все еще одна со своим туманным будущим и шаткими планами? Одиночество – страшнее всего.

24.12.2003

С Рождеством!

P.S. Вылетаю на Новый год в Акиру. Просто жажду увидеть огромный живот Соры. Интересно, она ходит или все – таки перекачивается?

pr. S.

Яркие, разноцветные гирлянды украшали не только ели, стоящие в гостиной, но и лестницы, а так же дверные проемы.

Чуть первые сумеречные тени опустились на первую ступень главного балкона дворца, по всему княжеству начали загораться разноцветные огоньки, освещающие своими разноцветными отблесками здания и статуи.

Снег, чаще всего окропленный синим светом лапочек, лежал повсюду мелким ровным слоем, помогая людям создавать некое подобие сказки.

На огромном балконе дворца, стоявшего в центре Греспиль – Вилля, уже собрались все гости, пришедшие сего-

дня на празднование Рождества, совместно с августейшей семьей. Все они рассматривали темное, почти беззвездное ночное небо, над своими головами.

– Вы все – таки пришли, – к Виктору, что стоял немного в отдалении от прочей толпы, подошла Анна, конечно же, не накинувшая ничего теплого на свои оголенные плечи, в который раз наступая на грабли «и – это – по – вашему – холодно?». Это Рождество она решила встретить в темно – синем шелковом платье, по цвету схожем с водой океана, омывавшего берега княжества: оно словно подразумевало смирение и холодность, предавая своей хозяйке еще немного серьезности.

– Да. Пришел, – мужчина обернулся к ней и неодобрительно покачал головой. – Ваше Святейшество, что ни Рождество, а вы стремитесь заболеть.

Девушка фыркнула, но машинально потерла плечи: она внезапно вспомнила, что видела похожую сцену в одном из рекомендованных фильмов Куроки. Правда, тот заканчивался не лучшим образом.

Виктор, молча, снял свой пиджак и набросил его ей на плечи. Сегодня он здесь был без пары, в очередной раз, не сумев удержать свои отношения. Его постоянно винили в том, что он слишком опекает, внимателен и не конфликтен. Да, ему нравились свободные птицы, что могли бросить вызов, но больше ему подходили те, что умели находить компромисс и желали, как и он тихой старости на берегу океана.

– Спасибо, – улыбнулась Анна и посмотрела ему прямо в глаза. Чуть – чуть прищурившись от улыбки с пляшущими чертиками в глазах.

«Ах!» Послышался вздох толпы: все горящие огни Греспиль – Вилле погасли. Значит, через десять секунд наступит полночь и наступит грандиозный салют, задуманный Альбертом.

За секунду до первого залпа, словно это было запланировано и многочисленно обдумано заранее, Анна привстала на носочки и легко коснулась губ Виктора.

– С Рождеством, – все еще улыбаясь, произнесла она, и чуть повернув голову начала наблюдать за тем, как на темно – синем бархате неба рождаются и умирают всплески разноцветных огней.

Второй залп. И девушка почувствовала, наконец, как немного неловко пытается ее приобнять за плечи Руже. Она нисколько не корила себя за этот секундный порыв – ее сердце трепетало, хотелось смеяться и бежать, веселя остальных. Так хорошо, радостно и спокойно. Почему она не совершила это безумие раньше? Как приятно он ее обнимает.

– С Рождеством, – прошептал между залпами Виктор и поцеловал макушку ее осветленных каштановых волос, чуть крепче ее, прижав к себе. Мужчина старался успокоить свое беснующееся сердце, что колотилось в груди. Он словно вернулся на пятнадцать лет назад в тот день, когда впервые влю-

бился. И в этот раз это незабываемое чувство Виктор не желал отпускать.

31.12.2003

С Новым годом!

A.P.

31.12.2003

С Новым годом, маленькая безбашенная девчонка.

A.P. and A.P.

Часы уже давно пробили полночь и наступило первое января. Этот новый год она встретила в новом месте и с новыми ощущениями внутри. Ей хотелось смеяться, сжимать себя руками, бегать с криком и все это одновременно. Как возможно это ощущать и не разрываться на части? Впервые за долгое время она не вспомнила о Куроки целую неделю. Предала она его или просто наконец-то отпустила?

Впервые. Впервые. Впервые ночевала в Грeпиль – Вилле не во дворце, впервые у мужчины, впервые покраснела просто от самой мысли. Анна потянулась в пустой кровати. Видно Виктор уже встал. Черт, он видел ее не накрашенной, спящей и без укладки на волосах.

Девушка встала и направилась в ванную к зеркалу – как хорошо, что Хезер додумалась вложить ей косметичку. Почистив зубы, умывшись, попробовав привести волосы в по-

рядок и поправив довольно короткую шелковую ночную сорочку голубого цвета, приобретенную однажды по настоянию той же Хезер с фразой «на всякий случай». Что она делала без нее? Металась бы по комнате в поиске спасения? Или бы этого всего просто не случилось, потому что сама бы, без поддержки, побоялась рискнуть. Не было бы поцелуя, следующих объятий, смущения и вопроса «ты уверена?». Сейчас, утром первого января, она была полностью уверена в своем поступке. Он был правильным, как и Виктор. Виктор. Виктор. Виктор. Надо перестать краснеть и наконец-то найти его. В этой трехкомнатной квартире, что была в центре города в одном из зданий, построенных по проекту бабки Альберта. Да, женщины их рода были творческими личностями. Квартира была с высокими потолками, большими окнами, паркетом и белоснежными стенами гостиной, каминном в кабинете и темная уютная спальня. На кухне, что была соединена с гостиной, она обнаружила Виктора, пытавшегося что соорудить что-нибудь на завтрак.

– Доброе утро, – хрипло ото сна произнесла Анна, подойдя к стойке, что разделяла кухню и гостиную.

– И тебе, – мужчина легко перегнулся через столешницу и поцеловал девушку в губы. – Я тут пытаюсь нас накормить.

– Вижу, – княжна, улыбнувшись, отвела взгляд, дабы не рассматривать в упор Виктора, одетого лишь в одни пижамные штаны. Как же ей повезло ухватить спортивного подтянутого человека с редкими волосками на груди? И почему

она сейчас об этом думает, вместо того чтобы помочь ему готовить?

– Хватит, – привлек ее внимание Руже. – Я начинаю нервничать от того, что ты молчаливо краснеешь и смотришь куда-то вдаль.

Улыбнувшись, Анна подошла к нему и посмотрела на подгоревшие тосты.

– Я смотрю, ты тоже замечтался, – с легким ехидством заметила она. – Нам нужны яйца, помидоры, бекон. И новый хлеб.

– Да, Ваше Святейшество, – Виктор, чуть дернул ее за прядь все еще кучерявых светло каштановых волос и открыл холодильник.

Он все еще не мог поверить, что все это происходит между ними. Виктора немного коробило чувство обиды на самого себя, что не он сделал первый шаг. Не рискнул. А смотря как она ежесекундно краснеет, и вовсе решил, что Анна в тот вечер была изрядно пьяна. Княжна смущалась, заговаривалась, краснела и иногда просто глупо молчала, смотря на него наивным взглядом, полным восхищения. Он и не предполагал, что после всех этих романов, после принца, она будет столь невинна. Это страшило и удивляло одновременно.

Он обнимал ее, прижимаясь голым торсом к спине, так же как и она, смотря как за окном рождается рассвет первого дня года.

– Просто чтобы ты знал, – ее голос был тих и расслаблен. –

Я никогда не спала с ним. Никогда не тянуло. Да я вообще лишь раз и с...

– Мне не важно, – Виктор поцеловал ее в шею. Просто не хотел знать дальше, раз самое важное она сообщила. Да и он не дурак – опыт всегда и во всем виден.

– Когда Альберт узнает, он казнит меня? – они уже приступили к завтраку. Где-то на фоне работал телевизор, показывающих празднования нового года со всех уголков Земного шара.

– Я рассказала ему на следующий день после Рождества, – просто ответила княжна и отпила апельсинового сока. Она сидела укутанная в плед, ибо в этой не особо функциональной ночнушке было прохладно.

– Он знает? – удивился Виктор, ожидавший бурную реакцию своего друга на посягательство на честь наследницы престола. Разборок, криков, лишения гражданства, расстрела, как минимум. – И как он отреагировал?

– Альберт посоветовал не играть с тобой, – усмехнулась Анна, вспоминая, как ее отчим – отец – князь поперхнулся кофе, когда она за завтраком, двадцать шестого декабря, сообщила, что первая поцеловала Руже. Мария ошарашено смотрела на дочь и молчала.

– Как приятно, что он беспокоится обо мне, – задумчиво произнес мужчина.

– Ожидаете подвоха? – чуть нахмурилась Анна. – Думал, что Альберт все воспримет в штыки?

– Просто, – Виктор потер переносицу и взял сидящую перед собой княжну за руку. – Не думаю, что он особо рад. Я старше тебя на десять лет, у меня есть прошлое и я его друг.

– Теперь вы не сможете обсуждать ваши амурные дела, – засмеялась Анна. Она была очарована тем, что Руже, как и она, не был уверен в себе, немного страшился будущего. Наверное, лучше пока ему не знать, какую роль приготовила ему Хезер. Хотя он не дурак, и возможно сам в скором времени поймет, если уже не догадался.

Сейчас нужно жить настоящим, наслаждаться этим комочком счастья внутри, что так греет и окрыляет. До этого момента она никогда не испытывала настолько сильного чувства эйфории.

– Никогда не думал, что отцы могут бояться родов, – Куроки наконец-то уселся и посмотрел на свою усмехающуюся сестру. Сакура специально вылетела из Лондона, дабы одной из первых увидеть своего новорожденного племянника. Но вот только схватки оказались мнимые и смущенная Сора просила прощения у императорской семьи и медицинского персонала, словно она в этом виновата, но таковы были традиции этого государства.

– Эй!-толкнула его в плечо сестра. – Рожает все равно не ты. Так что все будет хорошо.

Девушка зашла в палату, оставив своего брата наедине с мыслями.

Ему было уже двадцать семь. Вроде незначительный возраст, вот только с каждым новым днем у него складывалось впечатление, что все окружающие жаждут от него великих свершений, на которые он был не способен. Он боялся оступиться, сделать неправильный политический шаг и насмешить всех этих ненавистников монархии. Куроки понимал, что все его знания, полученные за время многолетней учебы, ничтожны в борьбе за место в истории родной страны.

Его отец уже в двадцать занимался политикой, а он был на семь лет старше и совершенно не был приучен к реальным интригам министров.

– Куроки, зайди, – императрица Масамо выглянула из – за двери палаты Соры. Тот, кивнув головой, последовал за ней, стараясь оставить свои тревожные мысли за этой белой дверью.

– Мама! – Виктор еще ни разу не слышал, что Анна может так повышать голос, причем крича по – роскрански.

В этот февральский день они вдвоем сидели на маленьком диванчике в Светлой гостиной и спокойно пили чай. Руже уже несколько часов рассказывал княжне о своем детстве, а она, как и подобает воспитанному человеку, слушала его, иногда задавая вопросы и лишь за минуту до начала нового часа просила у него прощения и возможность посмотреть новости. Мужчина знал о ее привычке и поэтому лишь кивал, давая своим голосовым связкам покой. Поворачиваясь к

экрану лицом, он привычно положил свою руку на ее плечо и легко притянул к себе, четко осознавая, что продолжительный разговор с Альбертом так и остался незавершенным, но ничего поделать со своими желаниями он не мог.

– Мам! – Анна вскочила с диванчика и подошла ближе к экрану, лихорадочно переключая каналы, пока не нашла полностью роскранский информационный канал.

– Смотри, – почти жалобно произнесла девушка, когда княгиня вошла в комнату. Женщина лишь взглянув на экран, в испуге прижала руку ко рту.

– Саша! Нужно позвонить, – княгиня Мария чуть ли не бежав покинула комнату, оставив Виктора с непониманием смотреть на желтую полоску, внизу телеэкрана. Но мужчина не стал ничего спрашивать, осознав, что все действие на экране, вся пыль, люди, кровь – это по – настоящему. Он вдруг понял, почему случилась такая паника – все происходило в Злате, столице Роскраны, где сейчас учился Саша. Его сердце пропустило один удар.

– Нужно передать наши соболезнования, – княжна наконец-то обрела голос и повернулась лицом к нему. Руже видел ее покрасневшие глаза и чуть дрожащие искривленные губы. Она не могла дать себе слабину, зная, что вскоре станет регентом Альберта.

Держать лицо. Она не должна плакать. От страха, от жалости, от злобы и беспомощности.

– Обязательно предложить помощь криминалистов, –

мужчина подошел к ней и вытер блестящую на щеке слезинку. Его маленькая девочка, вновь ступала на новую ступень. Ему хотелось ее обнять, прижать к себе, прошептав, что поможет ей всегда. Вот только Анна не желала быть хрупкой, самостоятельно решив стоять их отношения на равных, без всякого «принцесса и защитник». – И к посольству положить цветы, проверить наших граждан в Злате.

Иногда ему казалось, что он все еще на стадии старого друга и что его прикосновения не разливают в ней тепло и желания большего. Господи, о чем он сейчас думает?

–точно, нужно. Спасибо, – почти бесцветно произнесла Анна и сжала его левую руку за предплечье, словно боясь упасть. – Я пойду к Прусту.

Она, словно сломанная кукла, медленно вышла из гостиной, оставив Руже одно с его неоспоримым желанием помочь ей. Но кем он был? Для нее, семьи, общественности? Какое право он имел взваливать на себя ее печали? Нужно время и решимость, чтобы сделать следующий шаг.

16.02.2004

Рождение собственного ребенка – одно из самых величавших событий в жизни человека. Это новая точка отсчета. И я надеюсь, ты в полной мере понимаешь, что тебя ждет впереди.

Я уверена, он будет похож на тебя, и надеюсь, благоразумие достанется ему от матери.

*Пусть он будет таким же борцом. Пусть у него все всегда будет получаться. Твой сын – пока еще чистое полотно. Постарайся раскрасить его множеством правильных красок, полученных любовью и нежностью
И все будет хорошо.*

Мои поздравления Соре. Она – героиня.

А.Р.

Сора и не знала, что ожидать от письма княжны Грепиль, особенно после того как сам Куроки дал ей его. Не выискивать, не поджидать, не надумывать себе, а потом втихую выпивать стаканчик бренди, дабы успокоиться.

Почти безликие строчки, а ведь принцесса ожидала страсти и слез. Неправильное письмо. Какие-то философские высказывания и нет претензий. Неужели все прошло? Да быть не может! Не уж-то она, законная жена, наконец-то единственная женщина в его сердце? Хотя... У нее ведь с самого начала и не было особых доказательств. Может она сама все надумала? Было увлечение и все. Пшик и испарилось? А может Сору мучила вера, что первая любовь длиться вечно? Ведь Куроки был для нее первым во всем, а она для него вечно второй. «И последней», – почти ледяным голосом оборвал ее крик муж, при их единственной серьезной ссоре, дошедшей до битья мебели. А может, быть она просто не знала своего мужа? Может быть, он просто не умеет лю-

бить, используя и ее и княжну? Но почему же и она теперь тянется к этой европейской зазнайке?

Нужно прекратить этот пустой монолог. Глупости.

– Можно? – спросила принцесса, протянув руки к своему сыну, что уснул в объятиях императрицы Масамо. Женщина, молча, передала внука, двух месяцев от рождения, в немного дрожащие руки матери.

– Такэо, – тихо и чуть пропев, произнесла Сора, осторожно укачивая ребенка. За одно лишь мгновение для нее он стал центром вселенной.

– Куроки заходил, когда ты спала, – императрица с уловимой гордостью в глазах смотрела на невестку. Это девушка, в отличие от ее собственной дочери, всегда придерживалась дворцового этикета и еще ни разу не опозорила императорскую семью. Сора словно с самого рождения готовила себя для роли будущей правительницы Упони. Да, они не показывали с мужем свою любовь или нежность к ней или Куроки, но изо всех сил пытались словами и поступками доказать свое расположение. Их культура не располагала к открытости чувств и может быть в этом причина того, что их сын и дочь, с каждым годом, так отдалялись от них, греша на «нелюбовь» родителей.

– Он мог бы меня разбудить, – чуть возмутилась девушка, подняв глаза на свекровь. В меру. В меру возмущения, в меру прощения.

– Сын видел, как ты устала, – Масамо нежно поглади-

ла внука по головке. Этот ребенок был надеждой всей Упо-
нии. – Такэо всю ночь не давал вам спать. Зря вы отказались
от няни.

– Куроки решил, что это лишнее, – возразила Сора, хоть и
была отчасти согласна с императрицей. Помощь в этом отда-
ленном и огромном дворце ей бы не помешала. Но муж ре-
шил иначе: он хотел воспитать сына без привлечения чужих
и Сора ясно понимала, что именно так он хочет исправить
ошибки своих родителей, что так мало проводили времени
с ним и его сестрой.

Они пару минут помолчали, любясь маленьким мальчи-
ком и перебирая в голове нейтральные темы, но подходящей
почему-то не находилось.

– На юге снова волнения? – решила спросить невест-
ка, в последнее время отошедшая от политики. Она уложи-
ла малыша в колыбель, щедро украшенную всевозможными
игрушками, висящими сверху. А вот колыбель, что стояла
в рабочем кабинете, довольно странно смотрелась, но окру-
жающие умилялись – думая, что отец хочет больше времени
проводить с сыном, но Сора знала правильный ответ – кро-
ватка пришла из Грепиль.

– Да, – подтвердила императрица и подошла к каминной
полке, на которой расположилось множество фотографий:
Сора со своими подругами, Куроки с Сакурой в детстве, Ку-
роки с Сорой и своей любимой певицей, групповые сним-
ки семьи для прессы. Множество. Но из всего многообразия

выбивался лишь один полароидный снимок, вставленный в тонкую серебряную рамку, явно сделанную на заказ. Именно на этом снимке ее сын необычно широко улыбался, положив голову на плечо темноволосой девушки.

– Это княжна Грепиль, – пояснила Сора, с отточенной безразличностью в голосе. – Ему года четыре или пять...

– Я помню, – немного нахмурилась Масамо. – Они с княжной познакомились на приеме в ... Девяносто девятом. Точно. Мы с мужем тогда были рады, тому что Куроки наконец-то начал общаться с людьми. Но я не знала, что они настолько дружны.

Последнее слово было произнесено со скепсисом и будто обвинением, что Сора не уследила за Куроки. Милочка, а приструнен ли твой скакун? Справляешься ли ты со своей задачей? Или ей это просто показалось?

Вторая спальня князя больше напоминала больничную палату, нежели место для сна. Несколько экстренных кнопок, разбросанных по всей комнате, специальный закрытый шкаф с медикаментами и оборудованием – не придавали комнате уюта.

Альберт отдыхал после сеанса физиотерапии, на которых настаивали врачи и Мария.

– Подойди ко мне, сын мой, – Альберт, лежавший в постели, потянул вошедшему Руже руку. Временами всем казалось, что князя на самом деле все его передряги со здоровьем

забавляют и вовсе не тревожат. Постоянные визиты врачей и кашель, он бессовестно ставил в конец своего списка «забот». Да, князь Грепиль был одним из самых дружелюбных и добрых людей, но вся эта веселость и попустительское отношение к своему здоровью беспокоило не только близких.

– Это совершенно не смешно, Альберт, – Руже сел на край кровати у бедра друга и принялся рассматривать его бледное, немного опухшее лицо. – Что ты делаешь с собой? Княгиня Мария сама не своя. А Анна...

– О ней я и хотел поговорить, – прервал его князь, приподняв чуть дрожащую руку. – Давно пора.

– Я не играю с ней, – начал отпираться Виктор. – Она все – таки княжна.

– А еще моя дочь, – Альберт слабо улыбнулся. – Я знаю, что инициатором была она и что если бы ваши чувства не были бы взаимны, ты бы не посмел пудрить ей мозги.

– Хорошо, – с недоверием произнес Руже, не особо понимая куда дальше заведет разговор его друг.

– Ты понимаешь, что она может начать строить планы. Долгосрочные планы.

– Намекаешь, что Анна планирует брак со мной? – Виктор мимолетно посмотрел на свою левую руку. – Я не глуп и довольно много времени провел с ней. Она бы не стала рушить нашу дружбу, если бы не надеялась на нечто большее.

– И что ты думаешь обо всем этом? – Альберт чуть закашлялся и потянулся за кислородной маской.

– Даже если рассматривать это как брак по расчету, то это хороший расчет, – усмехнулся Виктор. – Но... но... Господи, знал бы ты как дико обсуждать это с тобой! Но нам хорошо вместе. Всегда так было. Просто она повзрослела, и я однажды увидел в ней женщину. А она... поддалась моему природному обаянию.

– Что ты хочешь сказать?

– то, что у нас есть большой шанс быть счастливыми. Я не загадываю на будущее, оставляю это Анне. Будь что будет. Подожду, ибо она должна созреть и все понять. И если брак, то пусть брак. А что? Я стану князем.

Альберт засмеялся закашлявшись. Часть его была рада такому выбору Анны: умный, расчетливый и верный. Он бы сам до такого не додумался. Но другая часть нашептывала о разнице в возрасте, похождениях Виктора, о том, что его девочка банально хочет отомстить этому чертовому упонцу. И что она в нем нашла? Ни лица. Ни идей. Упонец был серым и блеклым, особенно на фоне своей сестры. Или же упор делали на стабильность?

– Все будет хорошо, – Виктор взял друга за руку и чуть сжал. – Мы не собираемся торопиться, не бойся. Все будет, как положено. Я так хочу. Анна так заслуживает. Мы не можем быть на сто процентов уверены в будущем, вдруг она завтра встретит другого и бросит меня – старика? Все будет хорошо.

– Все будет хорошо, – повторил за ним Альберт, задумав-

шись о правильности не торопить коней. – Анна часто это повторяет.

31.03.2004

Мне не верить, что в двадцать четыре ты стала регентом. Хотя и при таких серьезных обстоятельствах. Но я уверен, что после отдыха Альберту станет легче. Свежий воздух всем приносит сил.

Теперь моя юная подруга – ее Святейшество княжна Анна Полиньяк. Звучит помпезно до безобразия. Но я счастлив за тебя. Безумно счастлив, ты сумеешь продержаться все это время с высокоподнятой головой. Я верю в тебя! И Такэо тоже.

Знаешь, я и не знал, что они так быстро растут. Ведь еще вчера он издал свой первый крик, а сегодня я спокойно беру его на руки и рассматриваю часами его беззаботную, самую честную улыбку. И эти ощущения не передать словами – это маленькое чудо заменяет тебе воду, еду и солнце. Невероятно и непостижимо.

С любовью, К.

Глава 12

– Что это? – Анна влетела в гардеробную, где Хезер наводила порядок. Женщина обернулась, на секунду показалась удивленной, потом как ни в чем не бывало, продолжила свою работу.

– Судя по всему письмо, – коротко с долей иронии ответила Хезер.

– Очень смешно, – княжна села на пуфик посреди гардеробной и с возмущением посмотрела на прислугу. – Зачем?

В руках девушка держала письмо одного из издательства, что предлагало ей сотрудничество. Она уже догадалась, что Хезер не только отправила ее рукописи, но и оформила все на свой домашний адрес, дабы никто во дворце ничего не прознал. Умно, она не спорила. Но была испугана ответом. В особенности положительным ведь раньше она писала «в стол» и не задумывалась об обнародовании. Никто не редактировал ее, кроме тех статей и маленьких рассказов, что принимали специальные журналы. А тут... Тут от нее будут ждать продуктивности, а ведь она и месяцами может не садиться за перо. А друг все раскроется и жители Греспублики узнают, что она занимается ерундой вместо нормальной работы, будут смотреть на нее с осуждением, высмеивать попытки излить все лишнее, что скопилось на душе.

– Чтобы вы узнали, что не настолько отвратительно пиши-

те, как думаете, – пожалала плечам Хезер. На самом-то деле, отчасти, ей надоело выслушивать вздохи и причитания своей княжны, что она бездарность. Ее творения не были шедеврами мировой литературы, но и не были так ужасны, как описывала их автор. Они заслуживали хотя бы шанса оказаться на книжной полке.

– Что дальше? Я поеду в Париж в это издательство?

– Представитель издательства приедет к нам, встретимся на нейтральной территории, подпишем документы о неразглашении, – буднично ответила Хезер, не смотря на княжну, что с недовольным лицом взирала на ее всегда идеальную укладку. – Или вы действительно этого не хотите?

– Мне нужно время, чтобы все обдумать, – вздохнула девушка и встав, подошла к двери.

– Если вы думаете, что разочаруете семью, если все раскроется, то это не так, – Хезер как всегда улавливала ее мысли. – Стефания временами писала стихи, выпускала их, декламировала на публике. Но они были настолько ужасны, что школьная программа Грепиль не включила их в курс. Но никто не вспоминает о них. Все помнят ее за деятельность и доброту.

– Спасибо, – улыбнулась Анна и покинула гардеробную. Ей нужно было подумать, прогуляться в одиночестве, чтобы все ее мысли, раздиравшие ее голову, уложились и дали ей точный ответ. Ведь она и мечтать не могла, что издательство заинтересуется ее романом. Это было похоже на волшебство,

словно она вновь была названа наследницей Альберта. Как она могла сказать «нет», если ее сердце так счастливо колотилось?

– Тем временем регент князя Альберта, княжна Грепиль, Анна в эфире центрального телеканала призналась в своем новом любовном увлечении.

– Он близкий друг семьи и долгое время мы общались лишь как хорошие знакомые. Но знаете, годы идут и мне уже нужно задуматься о замужестве, – было произнесено в самом освещаемом отрывке интервью.

На экране Анна светилась словно гирлянда на рождественской ели. Никто и предположить не мог, что она может врать. Да и должна ли она? Куроки в сотый раз пересматривал этот разговор и видел, как оживают ее глаза, как она немного смущенно поправляет свои вновь каштановые волосы. Ясно было одно: Анна хоть и играла на публику, но действительно была счастлива, как бы это не резало сердце Куроки. Эгоизм – дело святое. Он задумывался – почему она решила сделать свои отношения публичными? Ведь раньше такого не было. Она решила, что это ее «happy end» или что-то более страшное стоит за всем этим пиаром?

– Ты просил газету, – Сора подала ему глянцевого журнал, в котором была статья об этой новой эпохальной истории любви. Он же знал, что рано или поздно Анна, его любимый идеализированный призрак, найдет себе избранника.

Но видел его Куроки лишь расплывчатым фантомом далекого будущего. Принц просто не хотел делиться.

В нем вновь проснулось старое и чуть позабытое чувство. Теперь оно подстегивало бессмысленную ненависть к избраннику княжны.

– Спасибо, – кивнул Куроки и углубился в чтение, не замечая как его жена, покачав головой, стала убирать со стола кусочки разорванной бумаги. Письма, что так и не дойдет до адресата.

Эта история любви столь неожиданного союза точно сможет занять первые строки не только газетных полос. Но долго ли продлится все это очарование?

Виктор Руже родился в княжестве Грешиль в 1970 году, в семье тренера по плаванию и секретаря в посольстве США. Все свое детство и юность Руже занимался плаванием, заняв несколько раз пьедестал чемпионата Европы. И лишь получив травму, в двадцать три года он стал интересоваться политикой, благо база была. Через два года, будучи одним из приглашенных гостей, он был представлен Альберту, нынешнему князю Грешиль, с которым после приема и продолжил общение. Такой же юный Альберт помог своему новому другу получить юридическое образование и довольно неплохое знание нескольких иностранных языков – все это Виктор получил в государственном университете княжества. И вот тут началась новая глава жизни Викто-

ра Руже, наполненная романами, успехами в работе и светскими раутами.

В двадцать девять Руже, будучи на посту в министерстве иностранных дел Грепиль, присутствовал на свадьбе своего друга. Но по признанию княжны их знакомство произошло несколько раньше. И вот спустя четыре года сердце юной девушки дрогнуло под объятиями коренного грепильца, что старше ее на добрых десять лет.

Но что самое интересное: начало этого романа мы все проглядели, надеясь на поимку более крупной рыбы сетями Анны. Наша редакция несколько суток перебирала всевозможные фото папарацци и вот что – на 60% снимков присутствует Виктор, пусть и под прикрытием дипломатической миссии. Ясно одно – они должны были сойтись рано или поздно...

***

Княжна все же выглядит довольно смущенной, признаваясь в том, что в ее сердце наконец-то появился достойный человек.

– Мы слишком долго друг друга знаем, – поясняет княжна Анна на вопрос о неловкости в их отношениях. – Мы с Виктором много ездили по миру, работая на благо Грепиль. Он был со мной в Нью – Йорке одиннадцатого сентября, столько лет дружит с моим отцом, что дало мне ясно понять – Виктор очень надежный человек, который заставляет меня чувствовать себя особенной.

14.04.2004 15:39

Просто промо – тур к новому фильму. Тошнит.

14.04.2004 15:43

Это и есть промо – тур. Завидууй молча. Такой чуши в газетах я еще не читала. И где они взяли эту информацию?

Так вот что такое ревность. Совершенно не то, что описано в книгах – у каждого человека проявляется по – разному.

Куроки чувствовал слабость, не то дрожь в левой руке и странный неприятный комок где-то в районе трахеи. Удивительное чувство, которое он раньше не ощущал. И разум был совершенно подвластен ему, видно правы были романисты – разум и душа существуют по раздельности друг от друга.

– Ревность согревает душу. Она заставляет кровь с невероятной скоростью бежать по венам, принуждая человека жить, – закончил читать Куроки. Он посмотрел на своего мирно спящего сына и вздохнул: он все еще не мог избавиться от этого ненужного чувства ревности. И каждый день боязливо просматривал новости в поисках весточки из Грепиль. Либо просто остаться без ответа на свое эксцентричное, излишне эмоциональное письмо. А ведь он мог позвонить. Просто взять трубку и позвонить ей лично. Поздравить. Попросить сразу сжечь пришедшее письмо, что было ужасным и детским. Так не поступают друзья.

Друзья.

– А я не знала, что юным наследникам трона перед сном читают Космополитен, да еще на английском, – Сакура насмешливо произнесла эту заранее подготовленную фразу и села на ручку кресла Куроки. Такэо как лежал в своей кровати, все еще стоявшей в кабинете отца, так и продолжал спать, мирно сопя.

– А я и не знал, что ты любишь праздновать эти майские праздники, – усмехнулся принц, закрывая журнал. Он любил читать своему сыну перед сном, осознавая, что тот ничего не понимает и не запомнит, но эти минуты просто обязаны были их связать. И Куроки в это верил, пусть и читая сегодня рассказ некой Гейл Райвз, напечатанный в глянце. Была бы его воля – он скупил бы все книги, коллекционировал, но, увы – пока он лишь мог складировать вырезки в специальной папке, спрятанной под ключ в его любимой тумбочке.

– Мама беспокоиться о южных беспорядках, – Сакура дотронулась до немного отросших темных волос брата. Нужно было начать с чего-нибудь разговор, раз она так умирала от желания поговорить о другом.

– Я тоже, – Куроки захватил ее руку и прижал к своей щеке. – Отец надеется, что север не станет бунтовать, иначе придется вводить войска.

– Но ведь они просто хотят повышения зарплат, – возразила девушка и выдернула руку. Ее брат удивленно посмотрел на нее, затем склонив голову, покачал ей.

– Нет, нет. Эти люди движимые другими, более влиятельными людьми, что хотят перемен в нашем политическом строе. Ты же изучала историю монарших семей. Скажи, хоть одна страна при военном положении смогла нормально и быстро «встать на ноги»?

– Ты думаешь, они хотят свергнуть отца?

– Мне кажется, после смерти Императора они просто ожидали немного иного. Иную политику. А получили именно это, – вздохнул Куроки и поправил одеяльце у сына. – Они несчастливы и винят в своих бедах власть.

– А ты? – неожиданно спросила сестра, наконец-то посмотрев в темные глаза брата. – Ты счастлив?

– А как иначе? – усмехнулся принц. – У меня жена, сын и я точно знаю, что меня ждет в будущем.

Сакура фыркнула, почти то же самое две недели назад произнесла Анна, пусть и с усталыми глазами, пусть не улыбаясь, но твердо, будто доказывая всему остальному миру, что она сможет построить свою любовь.

– Как Анна? – он словно прочел ее мысли.

– Виктор ее любит, – Сакура замолчала и несколько секунд. – Знаешь, за ним она будет словно за непобедимым войском. Тем более она давно его знает.

– Но любит ли она его? Собираться ли за него замуж? Уверенна ли?

– Какой ты... наивный, – девушка пересела на письменный стол. – Ей никогда не была нужна любовь. Ты и сам дол-

жен это знать. Монархии нужен надежный тыл, ты что историю не изучал? Больше я ничего не скажу. Но... Но она счастлива. По – своему.

Ее брат резко вздохнул. Нет. Нет, он еще не готов отпустить Анну. Невыносимо осознавать и представлять, как этот противный старый Виктор касается ее. Целует.

Интересно они уже спят вместе?

– Ей больше идет темненькой, – Куроки вспомнил одну из последних фотографий княжны. Длинные волосы, ставшие чуть ли не золотистыми, снова появилась челка.

– Просто выгорели. Она слишком много проводит времени в поездках. Открытая местность. Даже Виктор, – Сакура резко захлопнула рот, ругая себя за оброненные слова. – Давай не будем говорить о ней. Давай поговорим о...

– О мятеже в родной стране? – резко оборвал ее брат. Он все же рассердился и не смог сдержать этот гнев. Не на себя или сестру, а на Анну, что решила бросить свою жизнь к ногам другого мужчины. Любит ли она его? Сумеет ли этот взрослый коварный Руже удержать ее нрав?

14.05.2004

НЕ СМЕЙ! Не смей! Ты просто не имеешь права быть настолько резким и жестоким по отношению к Виктору. Иногда он намного лучше тебя. Во всяком случае, Виктор заставляет меня чувствовать нужной и счастливой. Он любит меня (я так думаю) и главное! Уважает, а последнее

поверь, очень важно для брака.

У меня все будет хорошо, потому что у Виктора лишь единственный минус. Он не ты. Но это просто глупость, мой друг. Давай не будем из – за этого разрушать мосты.

Мой поклон Соре.

А.Р.

Новомодный телефон тихо начал исполнять мелодию имперского марша из американского фильма, что обожал Альберт и терпеть не могла Мария.

– У тебя была возможность сохранить свободу, но ты выбрала брак и собственноручно одела на себя оковы, – глухой голос нетерпеливо тараторил из трубки, словно боясь позабыть текст или вовсе, что его отключат.

– Или глупец или пьян, – такой же глухой голос в ответ, но уже с различимой усмешкой, – Должно быть, долго сочинял эту тираду.

– Нет, – он чуть промедлил. – Я скучаю по тебе

– Я тоже.

– Знаешь, сегодня я чуть не кинула папкой в Патрика, – голова Анны покоилась на плече Виктора, что почти незаметно разглядывал ее, стараясь не тревожить. – Не знаю, что на меня нашло.

– Это просто стресс, – мужчина поцеловал кончики пальцев ее правой руки. – Не каждая девушка в свои двадцать

четыре является главой княжества.

– Не каждая тщетно пытается завести ребенка, – хмуро передразнила его княжна. Она до сих пор не могла понять, как ей так легко и беззаботно, удалось затянуть его в сети под названием «даже если у нас ничего не получится, давай попробуем завести общего ребенка». Это было не по – католически, ужасно самонадеянно и не логично. Так нормальные люди не делают, но так как они оба в душе понимали, что навряд ли уже избавятся друг от друга, стоило попробовать соорудить добрачного ребенка, раз об этом так мечтала Анна.

– Тссс, – Виктор повернул голову и поцеловал ее в губы, одновременно еще сильнее прижимая ее к себе. – Мы только начали пытаться...

– У нас отличные врачи, ты молода, – чуть ли не истеричным голосом продолжила девушка, но затем, резко вздохнув, успокоилась. – Я просто боюсь. Прости.

– Ничего, – Руже любил ее и такой. Беспокойной, вечно озабоченной и обиженной – он знал, что она в такие минуты слабости нуждается в нем как в защитнике и друге. – У нас все будет хорошо.

– Спасибо тебе, – прошептала Анна, начиная засыпать. Как же она была благодарна этому потрясающему человеку, за то, что он откликнулся на ее симпатию, за то, что поддерживал ее и сдерживал от глупых и опрометчивых поступков и слов. Виктор был идеальным: привлекательным физиче-

ски, разумным, с чувством юмора и такта, и Анну совершенно уже не волновала их разница в возрасте или его прошлое. Руже сейчас был рядом с ней и ей ничего не было больше нужно. Ну, ладно, еще бы с сорок восьмого до сорок шестого похудеть и перестать постоянно носить утягивающее белье. Впрочем, судя по всему, Виктору было совершенно на это наплевать и это льстило.

16.07.2004

Мне жаль, что не смогли встретиться на дне Рождения Сакуры. А может оно и лучше: слишком сложная обстановка в нашей стране. Люди сами толком не понимают что им нужно, но требуют перемен.

Каких? Почему они не ответят каких? Лишь молчаливые шествия за своими названными вождями. Словно какая-то непонятная эпидемия безумия захватывает мою страну. Это глупо. Невыносимо видеть как толпы людей, незнающих настоящих причин, идут митинговать против моего отца. Но если они идут против него, значит и против меня.

Может быть мы и вправду стали слишком далеки от народа?

К.

– Он уже приземлился, – княгиня Мария зашла в гостиную, где расположились ее домочадцы. Альберт с Виктором, по своей дружеской традиции играли в шахматы, Анна си-

дела за компьютером и искала что-то в интернете, ее старый кот, словно телохранитель, лежал у ее ног, иногда алчно поглядывая в сторону шахматной доски.

– Его уже встретили представители? – спросил князь, наконец-то переставив фигуру. Он полулежал в кресле, рядом с которым располагался специальный медицинский баллон с кислородом. Пока лечение ему никак не помогало: мертвые частички легкого опали и откладывались на дне органа, словно слой песка. Альберт отказывался от операции, одновременно боясь ее и надеясь, что лечение наконец-то даст результаты. Но, увы, с каждым новым месяцем становилось только хуже: он худел, пугая этим жену, становился все упрямее и рассеяннее.

– Да, – ответила Мария и села на ручку кресла мужа. – Может ему стоило раньше улететь? Всего десять дней до начала учебного года.

– Мам, – протянула Анна, спрятавшись за монитором. – Ты слишком себя накручиваешь. Разве я не права?

Девушка вопросительно посмотрела на Руже.

– Мне определенно нужно быть согласным с тобой, любовь моя, – последние слова тот произнес с еще большим ехидством. Они уже оба привыкли к своему новому статусу. У них почти не было секретов друг от друга, но все же каждый из них молча, готовил пути к отступлению, хоть их пара и была идеальной для глаз жителей княжества, но они вступали на новую ступень своих отношений. А жизнь ино-

гда бывает лишком непредсказуемой.

30.08.2004 16:42

Боже! Скажи что эти фото по пьяни.

30.08.2004 17:41

Эти-то по пьяни. А так. Я еще не знаю.

30.08.2004 18:15

Удачи, мой друг. Твоя сестра вновь играет с огнем.

30.08.2004 19:55

Спасибо. Сора посоветовала искать политическое убежище.

30.08.2004 20:11

Хоть кто-то адекватен.

– И весь наш народ скорбит вместе с вами, – ее голос дрогнул там, где нужно. Идеальнее не придумаешь, но сейчас она не играла. Первые три дня сентября были окрашены в темные цвета скорби по погибшим детям. Пусть Анна и являлась главой Грепиль, рожденной в Белкране, но кто бы что ни говорил, она всегда будет считать своей кровной родиной три страны бывшего СССР. Ей хотелось рвать и метать: убить, нет, сначала измучить до потери пульса, потом оживить и повторить все заново. Как такие люди могут жить?

И, наверное, именно эти события стали основной отправной точкой в снятии моратория на смертную казнь на территории княжества, что был введен лишь двадцать лет назад.

Вот так просто – росчерком пера – она непринужденно плюнула в лицо Европе. Смерть за терроризм и массовые убийства людей. В руках двадцати четырехлетней девушки были жизни семи миллионов людей, что с некой опаской смотрели на ее реформы, хоть множество из них и начало поддерживать начало нового этапа истории Грeпиль. Спасибо католической церкви, что возносила ее на пьедестал, почти наравне с Иисусом.

Власть давала ей силу и пробуждала маленького диктатора, она хотела сплотить жителей, огородить их от бед, своеобразное мини СССР, созданное лично для себя и способное поднять значимость княжества в мировом рейтинге.

Анна, как и любой другой человек, стремилась к совершенству, мечтая войти в историю, как прогрессивный правитель.

31.10.2004

Вот и настал тот день, когда тебе исполнилось четверть века. Смотри: перед тобой вновь открываются множество дверей и путей. Выбери ту, что подскажет тебе сердце.

Будь счастлива.

С днем рождения,

К.

31.10.2004

С днем рождения, старушка.

S.

Анна с неохотой открыла глаза, щурясь и рыская рукой по постели, что была пуста.

– Уже час дня, так что ты навряд ли найдешь его, – голос матери звучал откуда-то сбоку. В этом смутном состоянии девушка не могла понять чего в ее голосе больше ехидства или раздражения. Да, она вчера довольно сильно выпила, но ведь дома и в кругу семьи. И ведь не каждый день тебе исполняется двадцать пять, и у тебя есть все что пожелаешь. Девушка села в постели и внимательно посмотрела на недовольное лицо княгини Марии. Она смутно помнила вчерашние домашние посиделки и что-то начинало ей подсказывать, что делов-то она натворила. Неужели вспомнила о Куроки? Хотя она давно по нему не страдала, отдав себя власти Виктора.

– Что я наделала? – она наконец-то решила спросить, устав гадать. Да еще и в желудке было гадко, словно там происходила революция. Нужно попросить у Хезер какое-нибудь лекарства, а то ее, кажется, все – таки стошнит.

– Совсем не помнишь? – цокнула языком ее мать и присела на край кровати, которую последние полгода ее дочь спокойно и в открытую делила с Руже. Даже в гардеробной появился шкаф, специально отведенный для него. Анна с Хезер уже присмотрели новую спальню, в которую они пере-

едут как только кто-то из них решится сделать предложение.

– Смутно. И твое выражение лица меня пугает. Я кому-то нагубила? Что-то сломала? Танцевала голой?

– Ты рассказала всем, что вы с Виктором пытаетесь завести ребенка, но ничего не получается. Виктор пытался тебя успокоить, но ты расплакалась, начала бормотать, что ничтожество, ужасный регент, что даже банально не может залезть от красивого мужика. Это я цитирую дословно.

– Черт, – прошептала по – роскрански Анна, схватившись за голову.

– Альберт, мягко говоря, был в шоке, но больше всего были поражены родители Руже. Кажется, они не так представляли себе знакомство с тобой, – Мария подседа ближе и положила руку на колено дочери. – Почему ты не рассказывала мне? Почему? Все будет хорошо. Я бы постаралась тебя успокоить. Вы же стараетесь пару месяцев. Может пустить все на самотек, по крайней мере до свадьбы? Не забывай, какой у тебя сейчас стресс, организм просто предупреждает, что ребенку сейчас не время. Подумай об этом с другой стороны, а не вини себя.

– Виктор сильно расстроился? – понуриив голову, спросила княжна, начиная осознавать, насколько опозорилась перед мадам и месье Руже. А ведь она надеялась и для них быть идеальной, особенно, раз они живут в другом конце княжества занимаясь сельским хозяйством, после выхода на пенсию.

– Он... Он был озабочен. И он переживает из – за того, что ты накручиваешь себя, – задумчиво ответила Мария. Она давно приняла Руже в семью, но полюбила тогда, когда увидела на лице своей дочери счастливую мечтательную улыбку и румянец. С тем упонским мальчиком такого не было.

– Он бросит меня. С такими выходками он бросит меня, – пробормотала себе под нос Анна, давая себе зарок в будущем не пить больше двух бокалов вина за вечер. Ей нужно как-нибудь исправить эту неловкую ситуацию с родителями Виктора. Спросить у Хезер совет, разработать стратегию. На неделю уехать в их глухомань и пожить, изображая солнечный подсолнух. Черт, какая же она идиотка! Как же можно было так опростоволоситься?

– Я вижу кое-то все же проснулся, – в дверь заглянул Руже, держа перед собой поднос с легкой закуской и парой стаканов чистой воды с лимоном. Княжна посмотрела на него и улыбнулась: она точно, определенно, совершенно ясно не заслуживала его. Но ее сердце говорило ей обратно, радостно трепеща каждый раз, когда он касался ее или просто смотрел такими добрыми карими глазами.

6.11.2004

Двадцать восемь! И не вериться! А ведь еще вчера тебе было двадцать три и ты, словно маленький мальчик, недолюбливал окружающих. Теперь ты иной. Стал старше и мудрее.

С днем рождения!

A.P.

24.12.2004

С Рождеством!

S.

P.S. Боюсь ехать домой.

24.12.2004

Поздравляем с Рождеством и Новым Годом!

Пусть ваш дом наполнит счастье!

K., S., T.

В этом году княжество все – таки посетила зима, принесшая на пару дней тонкий слой белоснежного снега, так трогательно укрывшего тонким слоем газоны и клумбы. Анна запретила их очищать у дворца, каждое утро любясь белым покрывалом и ностальгируя о нормальной зиме. Впрочем, рождественские каникулы они с Виктором и Сашей планировали провести в горах Аспена, где их не застанут вездесущие папарацци.

Рождественский ужин уже подошел к концу, и все гости потихоньку начали выходить на главный балкон дворца, дабы насладиться традиционным фейерверком, а после разойтись по домам, оставив семью князя спокойно пить кофе в малой гостиной, обсуждая планы на будущие празднич-

ные выходные.

– Альберт обещал, что салют в этом году, будет особенным, – Анна приняла от Виктора черную шерстяную накидку, подаренную Сакурой, что так оттеняла ее алое платье. Они стояли позади толпы, греясь теплом исходящим от незакрытой двери балкона. Где-то впереди князь Грепиль с женой развлекал гостей шутками и веселыми историями из жизни, позже отсчитывая хором до начала салюта.

– Один, – выдохнул со всеми Виктор и встал на одно колено перед княжной. Он держал ее за руку, восторженно смотря прямо в глаза, так стараясь, чтобы его голос предательски не дрожал. – Ваша Светлость, Анна Стефания Полиньяк, княжна Грепиль, вы выйдете за меня?

– Да, – кивая, прошептала Анна, даже не сделав для приличия секундной паузы, и старалась перебороть это щиплющее чувство в носу, заставляющее ее глаза слезиться. Она потянула его вверх и, взяв лицо в руки поцеловала, трепещущими губами. – Да. Да. Да.

Виктор засмеялся, вытащил из кармана брюк кольцо и трясущимися от волнения руками одел на безымянный палец ее левой руки. Все самое страшное, волнительное и невероятное позади. Теперь он может спокойно вздохнуть. И может в скором времени колени перестанут шататься, а улыбка разрывать лицо.

Под вспышками залпов салюта, Анна украдкой рассматривала свое обручальное кольцо из белого золота с огром-

ным, по ее меркам, бриллиантом, на который ушла явно два зарплаты Виктора. Но оно было совершенным, великолепным, царским, подходя ей, и подстать человеку, что обнимал и целовал в макушку.

– Смотри – ка Альберт оказался прав, – прошептала Анна. – Салют в этом году и вправду незабываемый.

Виктор лишь рассмеялся и поцеловал ее. Теперь она его. Только его, никуда не денется, не покинет до скончания веков. Они замрут, словно в янтаре, в этом мгновении, на всю оставшуюся жизнь, ведь он не допустит, чтобы она разочаровалась в собственном выборе.

Ей же хотелось бегать по всему балкону, радостно крича и подбегая к каждому хвастаться своим кольцом и своим счастьем, что переполняло сердце и не давало разумно думать. Ей было все равно, что дальше, главное сейчас как можно крепче обнимать Виктора, целовать его. Доказывать, что она достойна титула его жены. Господи, как же ей хотелось прокричать об этом во весь голос, а этикет заставлял, молча улыбаться и прятать окрыленный взгляд, прижимаясь лицом к черному пиджаку Руже. Как же вынести весь этот фонтан эмоций и не перегореть?

31.12.2004

С Новым Годом!

А.Р.

P.S. Я смотрю, ты вроде еще жива.

31.12.2004

Поздравляем вас с Новым годом!

Маленькому Такэо желаем много здоровья и игрушек.

Великолепной Соре продолжать радовать нас своим умом и красотой.

Принцу Куроки, хотя бы ума.

A.P. и V.D.

Глава 13

– Семь демонов наблюдают за мной. Семь демонов слушают меня. Семь демонов, – бубнила себе под нос Анна, что-то быстро печатая на компьютере.

– Я могу дать в газету объявление, что княжна сошла с ума? – с усмешкой поинтересовался Виктор, битый час, наблюдая за своей невестой, что увлеченно перепечатывала очередной текст из ежедневника на электронный носитель.

– Сегодня последний день января и я хочу именно сегодня закончить эту ахинею, – Анна почти исподлобья посмотрела на мужчину. – И этот взгляд называется «снисходительным», а не «я что тебе снова мешаю?!» .

– Хорошо – хорошо, – подняв руки, произнес Виктор. Встав с кресла, он подошел к Анне, поцеловал ее в висок и прошептал. – Я тобой горжусь, моя упорная.

– Спасибо, – так же еле слышно ответила она, чуть повернув голову и проведя рукой, провела рукой по его чуть заросшей щетиной щеке – он только утром вернулся из командировки.

Как же она хвалила себя за тот первый поцелуй. Благодаря этому всепоглощающему вниманию и нежности Виктора, она почти и не вспоминала о Куроки. Лишь когда приходили короткие письма из Упонии, что-то светлое и немного грустное всколыхало у нее ненадолго в груди и исчезало, покорив-

шись объятьям близкого и ставшим почти родным Виктора. Она с улыбкой вспоминала, как сжигала в камине написанные любовные письма и благодарила свой разум, а может и страх, за то, что так и не отправила ни одно из них. Конечно же, ей не хватало Куроки, его усмешки и разговора, больше похожего на спираль. Но в ее жизни появилось огромное множество других людей и дел, что она осознала, как он мог так спокойно обходиться без нее. А еще у него был Такэо – богатство, о котором Анна уже начала молиться, ежедневно приходя в дворцовую церковь. А ведь до двадцати она была яркой атеисткой, но, увы, природа решила, что княжне нужно почаще посещать врачей и церковь. Она все еще чувствовала ту пустоту внизу живота и страстное желание украсть первого попавшегося ребенка, и прекратить мучить свое тело таблетками и уколами.

Сакура же не задумывалась о детях – она лишь хотела вырваться из клетки правил Дворца. Но зачем ей это? Ее брат считал, что это все юношеский максимализм и судорожно вздыхал, видя очередные пикантные фото сестры в желтой прессе. Лично он бы посадил свою дочь в тюрьму за такой бессмысленный позор семьи – в особенности в виду очередного романа Сакуры. Даже Анна, в свое время, постоянно выходявшая в свет каждый раз с новым кавалером, умудрялась следить за приличиями. А тут...

Куроки с отвращением на лице закрыл газету: последний

день февраля не принес ничего хорошего.

– Думаешь, это правда? – к нему подошла Сора, державшая в руках годовалого Такэо. Пока что сын его лишь только радовал и заполнял жизнь смыслом.

– Я не знаю, – пожал плечами принц и вновь взглянул на фото своей сестрицы, расположенной на первой полосе. – Надеюсь, это просто ее глупая шутка. Но она даже Анне ничего не говорила о своем...

– Показном лесбиянстве? – горько усмехнулась девушка и чуть подкинула сына, что своими ручками играл с ее волосами. – Эта девушка слишком на нее плохо влияет. Смотри, Сакура отказалась приехать на Рождество в Грепиль. Она же влюблена в княжество.

– Может они с Анной тогда были в соре?

– Уверена, княжна бы тебе написала, – Сора и сама не могла поверить, что так легко может отправить бестолковую золовку к «той другой» и так же легко говорить о плюсах общения Сакуры с княжной Грепиль.

– Ваше Высочество! – в комнату залетел камердинер Куроки с перепуганным выражением лица, забыв обо всех правилах приличия. – На ваших родителей было совершено покушение.

Уже давно не случалось таких внезапных приступов головной боли. Врачи предполагали, что это из – за стрессов и нервов, но ведь в Гилеве она не особо нервничала и пережи-

вала, а приступы были. Да, сейчас она согласна: целый день следить за новостями в надежде, что родители Куроки выкарабкаются, и без возможности помочь им. Невыносимо. Ей хотелось утешить упонского принца, обнять его в том большом коридоре, сказать, что все будет хорошо и самой поверить в это. Она пыталась поставить себя на место Куроки, но даже смоделировать не могла тот мир, в котором она может потерять брата или мать. Как это потерять тех, кто был с тобой всю жизнь?

Шторы в комнате были зашторены, а телевизор, включенный вторые сутки, работал на беззвучном режиме. Виктор уже был на работе и не тревожил ее, прекрасно понимая ее как физическое, так и эмоциональное состояние. Анна с головной болью часто была на взводе, а ему не хотелось ругаться и выслушивать гневные беспочвенные обвинения и упреки. Для этого были уши Хезер, она же получала зарплату.

– Обед, – в комнату зашла вышеупомянутая, держа в руках поднос. С каждым годом она становилась все раскованнее с княжной, временами перенося на нее образ дочери и уже без всякой границы поучая ее.

– Как я понимаю, завтрака не будет, – хмыкнула Анна, поудобнее усаживаясь в постели.

– Если бы кое – кто проснулся бы раньше, был бы завтрак, – парировала Хезер, устанавливая перед ней поднос с едой. Ей правда было жаль княжну, в такие дни, но ей уже было не пятнадцать и она должна была себя контролировать

свое настроение.

– Прости, – успокоилась девушка и потянулась к тарелочке с густым супом – пюре, что так любила. – Что нового?

– Звонил ваш брат, княгиня Мария, вместе с князем, отправились на процедуры. У них было приподнятое настроение. Месье Руже по расписанию отправился в парламент. Просил передать, что вы сегодня ужинаете с членами комитета по этике.

– А нельзя их всех усыпить и чтобы они сами не пришли на ужин? – Анна доела суп и потянулась за творожной запеканкой, что просто обожал Альберт и всей душой ненавидел Руже.

– Думаю, если начать сейчас, то к вечеру вам станет намного легче. Для начала стоит выключить телевизор и принять душ, – Хезер увидела обеспокоенное лицо княжны. – За ситуацией уже давно следят, все знают о дружбе наследников Грепиль с наследниками Упони.

– Спасибо, – Анна вернула ей поднос и, повернувшись, опустила ноги на пол. От резкого движения голова болела еще больше. Сейчас она примет первое лекарство, снова перекусит, уложит волосы с Хезер, нанесет натуральный тон на лицо. Снова выпьет выписанное лекарство и поедет на работу к Виктору, откуда они уже отправятся на ужин. Вот такая она ее расписанная по минутам идеальная жизнь, где боль – лишь головная. Как же ей повезло.

– Здравствуй.

– Здравствуй, – его голос хмурый, словно из его тела вся жизнь исчезла.

– Хочешь, я завтра прилечу? Заскочу в самолет и через несколько часов буду у тебя, – затараторила она, словно боясь потерять эту тонкую нить.

– Не стоит, – Куроки замолчал и переложил трубку к другому уху. – Я не хочу, чтобы ты видела меня таким.

– Но я хочу помочь.

– Знаю, но вокруг и так слишком много людей и каждый из них норовит что-то сказать, наставить на путь истинный, дать совет. Мне кажется, я скоро взорвусь. Я устал.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала?

– После похорон и до моей коронации присмотри за Сакурой. Пусть она поживет у тебя. Я боюсь, как бы она не натворила бед.

– Хорошо, – согласилась она, понимая, что больше не вправе требовать. А ведь ей хотелось обнять его, прижаться к черной макушке и шептать о том, что он справится, все будет хорошо.

– Спасибо тебе, – он так старался скрыть слезы.

– Пустяки, милый, – теперь уже она старалась не заплакать. – Держись.

– Сегодня двадцать первого марта принц Упонии Куроки и его супруга принцесса Сора станут императором и импе-

ратрицей Упоини, – счастливая американская ведущая улыбалась во все тридцать два зуба и старалась как можно ближе подобраться к августейшим гостям.

– Знаешь, он явно затмит твою коронацию, – произнес Саша, что сидел по левую руку от Анны. По правую сидел как всегда прекрасный Виктор, полностью поглощенный действием. Лишь они втроем смогли посетить эту шикарную церемонию, ибо Альберт готовился к своей апрельской операции, а с новым министром Жан – Полем Роше Анна все еще не нашла общий язык.

– Заткнись, – улыбаясь, шикнула на брата княжна. За этот маленький промежуток в Злате Саша стал совершенно невыносимым.

– Мы уедем сразу после церемонии? – Виктор решил подключиться к их разговору.

– Да, – кивнула Анна, послав очередную счастливую улыбку фотографу. – У нас слишком плотный график. Я уверена, что наше отсутствие и не заметят.

– Думаю, Куроки заметит, – прошептал ей на ухо Виктор, немного сжав ее руку, привлекая ее рассеянное внимание.

– У него и так слишком много проблем, – почти бесчувственно сказала Анна и посмотрела своему жениху в глаза. – Мы снова разыгрываем ревность?

– Нет, – отшутился тот. – Всего лишь здравый смысл и такт.

20.04.2005

Операция прошла с осложнениями, но вроде Альберт потихонечку выкарабкивается. На какой-то моменты мы потеряли надежду и даже молитвы перестали спасать наши души от полного отчаянья.

Граждане Грепиль стали приносить свечи к больнице, к дворцу к министерствам в своих городах – в ночной кромешной темноте, казалось, что ли эти капли света от свечей спасают нас от страха.

Я боюсь. Боюсь его потерять. Я не готова стать хорошей правительницей для всех этих чудесных людей. Я не готова вести их. Мне страшно.

Как же я рада, что ты можешь меня понять.

Твоя А.Р.

02.05.2005

Лично я не помню который сейчас день. Все время посвящаю этой стране: постепенно прекращаются восстания и люди начинают привыкать ко мне. Но я все равно ощущаю спиной это злобное сравнение меня с моими предками. Но у меня есть надежный тыл – семья, в которой Сора потрясающе играет роль императрицы Столетия, ступая со мной по одному пути.

Я счастлив, что у меня есть ты. Ты и Сора. Без вас я бы рассыпался на тысячу кусочков от страха и неуверенности.

Надеюсь, те благовония, что отослала моя жена, при-

несли спокойствия Альберту. Рад, что его выписали.

Твой страх – это не глупость. Это естественно. Я так же боялся в первое время. Сейчас спокойнее, но все же...

Вчера в Упонии вышла твоя первая книга – прости, что еще не сел за ее чтение, но уверен, что тираж ее уже раскуплен – книгу видели в руках императрицы.

С любовью К.

– Просто улыбайся, – сквозь стиснутые зубы прошептала Сора Сакуре. Они, как и положено данному событию, встречали гостей. Шестнадцатого июня Сакура принимала поздравления в честь того, что получила свой драгоценный диплом бакалавра по геополитике и экономике. Так что в этот солнечный летний день посольство Упонии в Лондоне пыталось удивить гостей своим радушием. Хотя большинство из последних пришло поглазеть на отношения между императрицей и принцессой, что в очередной раз была замечена в лейзбийских отношениях.

– Куроки зол на меня? – спросила принцесса, немного повернув голову в сторону золовки, что стояла, словно заводная кукла, улыбаясь и здороваясь со всеми.

– Нет, он считает это проявлением бунтарства, – Сора приняла очередной подарочный букет. – Куроки настолько устал, что твои эксцентричные поступки, кажется, его совершенно не волнуют. Он даже меньше пишет в Грепиль, они отправляют друг другу смс. Словно отдалились друг от дру-

га.

– И почему я не вижу в твоих глазах радости? – Сакура действительно не понимала этой грусти Соры. Ее, так называемая соперница еще больше сдала свои позиции, упускает нити – тут нужно пить шампанское!

– Понимаешь, – новая императрица кивнула очередному гостю. – Раньше я боялась, что она украдет у меня Куроки. А сейчас я понимаю, что им просто нужно общение друг с другом.

– Эмоциональный секс? – Сакура чуть толкнула ее локтем.

– Возможно, – призналась Сора и постаралась скрыть свою улыбку. Она считала такие разговоры неуместными везде и всегда. Спустя четыре года после замужества Сора наконец-то могла себе позволить не бояться мнимой угрозы со стороны Анны. Тем более если та, меньше чем через месяц собиралась выйти замуж. А письма? Ну, пусть пишут друг другу. Даже в суде не докажешь что это измена. Да эта княжна с каждым месяцем, упоминанием, статьей, воспоминанием становилась все ближе и милее. Боже, кажется, она тоже влюбляется в нее. Ей бы только перестать в тихую читать ее рассказы в поиске правды.

– Ваше Высочество, – из ниоткуда появился Александр Полиньяк и поклонился Соре, та улыбаясь, приняла букет красивых белоснежных лилий.

– Ты разбила мне сердце! – чуть повысив голос, произнес

Саша, обняв виновницу торжества. – Я думал ты понимала те страстные намеки в моих письмах.

– Милый, прости. Я не знала, что настолько глубоко задела твои чувства! – Сакура спешно поцеловала юношу в щеку, оставив на ней кроваво – красный след от помады.

Сора с неким восхищением смотрела на них и гадала вели ли так себя Куроки и Анна, когда были еще свободны.

– Моя сестра до сих пор в шоке от твоего банального выбора, – продолжил издеваться Саша, как же он любил подтрунивать над Сакурой, зная что та ответит ему в еще большем размере. Не то, что большинство его одноклассников, толпами лезущие ему в душу и постель. Это его немного пугало и угнетало – он привык совершенно к другому отношению к своей персоне. Хоть и были те, что ставили его на место.

– Анна хотя бы не пьет успокоительные галлонами, как мой бедный брат, – засмеялась Сакура и принялась стирать свою помаду с его щеки, еще больше делая ее красной.

– Ваше Величество, – дернувшись, Саша, повернулся к Соре. – Я желаю вам неиссякаемого здоровья и спокойствия с этой не совсем нормальной барышней.

– Спасибо, – улыбнулась та и чуть поклонилась. – Могу поинтересоваться новостями о вашей семье?

– Конечно, – пожал плечами парень и отобрал салфетку у Сакуры. – Альберт все еще дома под круглосуточным приглядом врачей. Мы надеемся, что этот кризис скоро пой-

дет на убыль. Мама очень благодарна за ваши подарки. Аня хотела отложить торжество, но отчим пригрозил выдернуть капельницу, если она тридцать первого июля не пойдет к алтарю. Мне кажется, что он просто хочет от нее избавиться и ему жалко тех денег, что уже потрачены на подготовку.

– Ты жесток к ней, – картинно возмутилась Сакура и взяла золовку под руку.

– Я? – удивился Саша, подмигнув проходившей официантке. – Никогда! И Виктор просто ангел. Терпит все ее прихоти. «Я не поеду в Гватемалу; Мне нужно провести благотворительную уборку; Я не надену это серое платье – в похожем была актриса какая-то». Пффф

Сора сдержанно улыбнулась: она никак не могла представить, что та, к которой она неосознанно стремилась, может быть просто человеком со своими причудами.

– Я, как и все жители княжества Грепиль, искренне сочувствую гражданам Соединенного Королевства. И все наши молитвы сегодня обращены к погибшим и пострадавшим, – Анна, одетая во все черное, стояла на фоне главного католического собора Грепиль. Вчера седьмого июля терроризм снова пошатнул мировое сообщество, заставляя мирных граждан с надеждой и страхом следить за действиями своих политиков. И всем была известна некая жестокость и бескомпромиссность княжны, когда дело касалось терроризма и детей. За последний год, немного реформировав уго-

ловный кодекс княжества, она стала держать в ежовых рукавицах преступное население и остальная часть жителей Грe-пиль была ей благодарна. Да, что-то диктаторское было в ней.

– Как ты? – спросил ее Виктор, когда они наконец-то прибыли во дворец. Он помог ей снять нелюбимые туфли на высоком каблуке и теперь сидел у ее ног.

– Все хорошо, – слабо улыбнулась она. – Но знаешь, мне немного стыдно. Когда мы узнали о трагедии, я в первую очередь подумала о Сакуре, а не о своих подданных в Лондоне или его простых жителях.

– Это нормально, – Руже встал и обнял ее за талию. – Упонскую принцессу ты знаешь лично, поэтому и испугалась за нее. Не стоит корить себя по таким пустякам.

– Спасибо, – девушка обняла его в ответ и поцеловала в подбородок. – Ты у меня самый лучший. Что я бы без тебя делала?

– Писала бы новую книгу и ела конфеты, – усмехнулся мужчина. – Нужно навестить Альберта и успокоить его.

– Он до сих пор боится отмены свадьбы? Ведь я просто повысила на тебя голос!

– Боится, что если я не возьму тебя в жены, то уже никто не возьмет, даже позарившись на твое приданое.

– Какой ты злой и мелочный, – стукнула его кулаком в плечо Анна. Как же она обожала этого мужчину.

– Я меркантильный, дорогая, – нараспев произнес он и без

стеснения крепко поцеловал ее в губы.

Следующий такой страстный поцелуй она получит лишь, когда в прямом эфире на весь мир Епископ объявит их мужем и женой.

– До скончания веков.

– До скончания веков, – смиренно повторил Виктор, держа Анну за руки перед алтарем.

– До скончания веков, – и пусть все это напоминало ей сказку, но все же нервы давали о себе знать. – Боже, я же столько не выдержу...

Она и не заметила, как произнесла это вслух перед всей церковной ипостасью, пару сотней гостей, что сидели в аббатстве и возможно миллионом телезрителей, если операторы сумели ухватить звук.

Уголки губ Виктора дрогнули, но он сдержался, в отличие от Сакуры и Саши, что, не считаясь с этикетом, фыркнули, подавляя смех. Куроки и Сора, сидевшие рядом, лишь неодобрительно посмотрели на них.

– Властью данную мне, – немного смущенно продолжил священник.

– Я ожидал что-то в стиле «Сбежавшая невеста», – спустя пару часов, к виновнице торжества подошел Куроки, как обычно одетый во все черное. – Могу ли я пригласить вас на танец?

– Конечно, – Анна подала ему руку. Виктор танцевал со

светившейся от счастья Хезер, а Сора с Жаном – Полем Роше.

– На моей свадьбе ты не была, – напомнил ей Куроки, шепча на ухо. – Как ты могла?

– Прости, – она инстинктивно хотела прижаться к нему. Ближе, ближе, стать одним целым, но разум останавливал. – Сколько мы не видели друг друга?

– В последний раз мы встречались на приеме зимой в двухтысячи втором, – ответил Куроки, умело кружа ее в танце. Он так хотел увидеть их пару со стороны, запечатлеть мгновение. Были ли они похожи на молодоженов?

– А знаешь, в этом году у нас будет десятилетний юбилей, – Анна немного сжала свою руку на его плече.

– Я помню и уже приготовил подарок.

– Уверена, он будет потрясающим.

– Обещай мне, – Куроки почувствовал, что через несколько мгновений их мнимое уединение закончится. – Обещай, что наш десятилетний юбилей мы проведем вдвоем.

– Обещаю, – прошептала она, совершенно не думая о будущем или о реакции Виктора. Наваждение. Снова. Она чуть задержала руку на его груди, словно надеясь почувствовать биение его сердца. Их маленькая камерная сказка подходила к концу, но они не желали расставаться с ней, вновь ощутив тот бешеный водоворот чувств, соединявший их. Безумство? Возможно.

– Я поздравляю тебя, – Куроки поцеловал ее руку и пере-

дал Виктору. – Вы потрясающе красивая пара.

Анна наблюдала как окружающие ее люди величаво расхаживают по гостиной в Букингемского дворца, в котором проводился очередной прием. Анна, как регент князя, и Роше, будучи министром, чуть ли не умирая от скуки созерцали политиков, обсуждавших очередную отставку, войну, экономику и снова войну.

– Жан – Поль, могу я узнать зачем я здесь? – ласково поинтересовалась княжна, в сотый раз, проклиная себя, что поехала без мужа.

– Вам положено, – министр праведно возмутился. – Когда вы станете княгиней, этим будет заниматься ваш муж. Так же как и ваша близкая знакомая императрица Сора. О, вот и она.

Он кивнул в сторону дальнего окна, где затаилась упонская гостья. Сердце Анны подскочило, но она быстро справилась с собой, вспомнив отличный и нужный совет мужа – постараться не избегать Соры и подружиться с ней.

– Я вас покину, – сказала девушка Роше и направилась напрямик к своей цели. Она боялась быть осмеянной и отвергнутой, ведь за все эти годы они произнесли друг другу лишь пару протокольных фраз.

– Ваше Высочество, – Сора заметила ее и улыбнулась, как показалось Анне, довольно доброжелательно. – Приятно видеть вас. Как поживает князь Альберт?

– Мне приятно тоже. Спасибо, – немного неловко начала представительница рода Полиньяк, сжимая в руках бока платья. Без всякой поддержки Сора казалась ей еще более величественной. – Альберт уже обходиться без врачей и ему лучше...

Прозвенел звоночек, зазывающий всех в другой зал: девушки синхронно обернулись на звук. Идти туда им совершенно не хотелось.

– Пойдем, – собравшись с мужеством, Анна решила сделать «первый шаг» и потянула руку императрице. – Я хочу стать твоим другом. Таким же, как и твоему мужу.

Молодец, все правильно. Как Виктор и говорил.

– Увы, вы ему не совсем друг, – грустно покачав головой, возразила та, но взяла Анну по руку. – Ты часть его сердца.

– А ты его жена. И поверь, это существеннее.

31.10.2005

Кто бы мог подумать, но моему ангелу уже двадцать шесть! Я до сих пор не могу поверить в это!

С любовью, К.

31.10.2005

С днем рождения, старушечка!

S.

Анна терпеть не могла возвращаться домой поздно но-

чью, когда все уже спят и никто ее не ждет. Словно воришка, прокрадываясь через весь дом, дабы никого не потревожить, в свою спальню, аккуратно пройдя через личную гостиную, где скрепят несколько половиц времен Наполеона. Просочиться в душ, плотно закрыв за собой дверь, быстро принять его и на цыпочках подойти к уже разобранной кровати. Окунуться в невероятно мягкое одеяло, почти не дыша придвинуться к мужу и поцеловать его в постоянно холодное плечо. Закрывать глаза и открыть их только когда теплый и нежный поцелуй, солнечным утром, сумеет разбудить ее.

– С добрым утром, путешественница, – произнес Виктор, увидев, что она наконец-то соизволила отрыть глаза.

– С добрым утром, ледяной человек, – ответила ему Анна, лишь сильнее прижавшись к его ногам. Господи, как же ей хотелось умереть от той нежности, что иногда накрывала ее с головой, под взглядом мужа. Она не заслужила его. Понимающего, любящего, искреннего и такого невообразимо красивого, даже с этой щетиной и паутинкой морщин у глаз. Она поцеловала его в ответ и уткнулась носом в его шею, словно пряча свое лицо и румянец, разливающийся по щекам.

– Я скучал по тебе, – глухим ото сна голосом произнес мужчина и привычно поцеловал ее в макушку. – Скучал и хотел сказать, что то салатное платье просто отвратительно. У Хезер случился нервный тик, когда она увидела его в газетах. Мы с Марией, отпаивали ее успокоительным, а Альберт придумал тебе новое прозвище. Что-то связанное с овощем,

точно не помню.

– Я опозорила семью, – простонала Анна и чуть поднявшись на локтях, посмотрела мужу прямо в глаза. – Ты же не смеялся надо мной?

– Конечно, нет, – с легкостью соврал он. – Ничего не прекроет того падения на коньках в Нью – Йорке.

– И почему я вообще за тебя вышла? – возмутилась девушка. Скривив лицо. И вправду, она действительно не знала точного ответа. Была очарована им, определенно влюблена, хотела его, как бы это низко и животно не звучало для высокопоставленной особы. Она не хотела перебирать политические мотивы, и поэтому вспоминала обожаемую нелепую игру в касания при всем честном лице: кто изловчится и потрется бедром о другого, игриво проведет пальцами по предплечью, так что забегают мурашки. Или как он впервые дни после их первого поцелуя проходил мимо и легонько дергал ее за прядь волос с совершенно невозмутимым выражением лица.

Он играл с ней, до сих пор играет, даже получив свое. Иногда даже от одного его взгляда сердце ее начинало биться сильнее, щеки скатывались в румяна, а на губах играла глупая улыбка, которую не унять.

А еще она гордилась им, на каждом светском рауте самодовольно представляя его девицам из высшего общества, особенно тем, что вышли замуж исключительно по расчету за стариков и страшненьких, но с золотыми слитками. Впро-

чем, она и сама-то вышла не чисто по любви, но самодовольство было не унять. Ей было чем козырнуть и тихо радоваться своей безоговорочной победе.

С ней Виктор, что умело, вдалбливает в ее глупую пустую головушку, что никто кроме него не сделает ее счастливой, не будет охраняющей стеной, тем солнцем, что согреет ее, тем слушателем, что будет знать, что лежит на ее плечах. Все будет, потому что он мудрее ее, потому что...

– Потому что я люблю тебя, – ответил он на заданный ранее вопрос и улыбнулся, чуть сощурился, все еще спящие глаза.

– А я тебя, – слова так легко слетели с языка. На самом деле слова ничего не значат в любви. Они лишь паутинка. Куда главнее действия и чувства, будь то обоюдное молчание, в обнимку у камина в библиотеке, либо легкий поцелуй запястья перед отъездом. Слова лишь подтверждение красоты, но сами по себе ничего не дают. Ты можешь каждый день говорить своему почтальону «я люблю тебя», но ничего не изменится, пока ты не улыбнешься, не коснешься его руки, не подаришь какую-нибудь безделушку, спросишь «как дела». Просто будешь с ним. Слишком много мы «любим» и поэтому это слово потеряло тот сокровенный, волнующий смысл. Мы любим эти туфли, но не будем же мы с ними всю жизнь, целуя и празднуя отвалившийся каблук или выход из моды. Помимо слов – нужны действия.

06.11.2005

Остался всего один год и наконец-то обещанная мудрецами мудрость посетит тебя.

А.Р.

Я до сих пор в восторге от твоего кулона.

25.12.2005

Императорская семья поздравляет августейшую семью Полиньяк с Рождеством и Новым Годом.

К.,Т.,S. и S.

31.12.2005

С Новым Годом!

Пусть все заботы и печали останутся в прошлом, а зимний ветер принесет радость и чистоту!

А. и V. P.

Этот частный остров в Таиланде был невероятен: желтый чистый песок, тишина, разрушающаяся лишь звуком волн и ни души вокруг. Они решили остаться здесь на две недели, взяв только пару слуг из местных, но франкоговорящих. Идея была Виктора, что давно хотел наконец-то провести время с женой, без всех этих придворных этикетов, родственников и постоянно выставленных на показ выездов за предел дворца. Он немного подустал от всей это наигранности и строгости, от того, что он видит «настоящее» лицо сво-

ей жены, лишь только за закрытой дверью спальни. Возможно, он не был готов к такому и не мог понять, как же со всем этим так легко справляется Анна.

Их любимым занятием на этом острове было обычное валяние на пляже, разговоры о чем-то угодно или просто молча. Иногда он засыпал, но Анна осторожно подбиралась к нему и целовала в чуть обгорелый тонкий нос, предлагая вернуться в дом. Вечера они проводили на веранде, ужиная морепродуктами, привезенными в обед слугами. Идеальная жизнь богатых колонизаторов. Но он и мечтать уже не мог о большем.

Хотя ... бывали дни, когда бы Виктор руку бы отдал, за то чтобы жена перестала третировать себя за отсутствие наследника. Его родители были пять лет женаты, прежде чем появился он. Они еще не старики, что бы так отчаянно переживать после каждого отрицательного теста на беременность. Он не отрицал, что не может в полной мере понять, что чувствует его любимая, но вполне адекватно относился к заранее построенным альтернативным путям, типа усыновления или суррогатного материнства. Лишь бы Анна была счастлива. Он вспомнил вчерашний разговор, что так и не шел из его головы.

Они сидели в креслах друг напротив друга, укутанные в пледы и наблюдали за волнами, что играли с ночью.

– Я хочу троих детей, – внезапно произнесла княжна и резко взяв бокал с апельсиновым соком, опустошила его.

– Хоть четверых, – улыбнулся Виктор и взял ее за руку. – Пятерых, двоих, одного, шестерых. Сколько ты захочешь. Только давай договоримся, что ты не будешь рисковать своим здоровьем.

– Почему?

– Для начала я не хочу остаться и без ребенка и без любимой жены, а во – вторых, ты всегда должна становить на первое место жителей княжества. Если тебя не станет, кто будет руководить им? Альберт? Сейчас ему не по силам, управление Грепиль. Саше?

– Убедил, – вздохнула Анна и, наклонившись, поцеловала его в щеку. Невероятный мужчина, сошедший со страниц романа Джейн Остин, которого она не достойна, хотя он так не считает. Она хотела для Руже идеальной жизни, жены, что любит его всем своим сердцем, спокойный уютный дом, и кучу темноволосых ребятишек, вечно снующих повсюду, галдящих гоняющихся по заднему двору с собакой.

Виктор будет отличным отцом: внимательным и любящим. Его любви хватит для всех сполна. Даже на Хезер.

Холодная мысль проползла змеей в ее разум. Виктор хотел детей, Куроки – ребенка. Стал бы он так же поддерживать ее или они бы отделились после первой попытки? А что если бы она захотела еще одного? Или родила бы девочку? Девочку, что не сможет унаследовать трон. Куроки бы точно захотел второго ребенка. А вдруг и та была бы девочкой? И третья и что тогда? Куроки не Виктор. Куроки нужен трон,

как воздух. Только трон освободит его от детских комплексов, заложенных родителями.

Они не смогли бы быть друг с другом, пора бы это уже принять и перестать так мелодраматично грезить об альтернативной реальности, когда рядом с тобой твое совершенство.

Какое же ты слабое человеческое сердце.

Глава 14

Удивительно как февральский снег может преобразить даже такой мегаполис как Акира. Пока еще солнце полностью не взошло и миллионы людей не проснулись – город с хрустальной безмолвностью лежал, словно на ладони перед его глазами.

Его царство: такое древнее и прекрасное, повергающее в благоговение, но увы, как бы он не старался, нынешняя история страны не писалась с чистого листа. Куроки каждый новый день своего правления сталкивался с пережитками прошлого и ошибками своего отца и его предшественников. Они-то ушли, а он сейчас в ответе за свою родину.

– Четыре утра, а тебе не спиться? – в комнату, что была освещена лишь светом из окон во всю стену, вошла Сора. Немного сонная, с накинутой на плечо шалью, ведь по утрам во дворце прохладно, но все такая я же прекрасная и правильная. Он всегда гнал от себя мысль, что в их брачном союзе лишь она достойна управлять Упонией. Во внешности и характере Куроки слишком много было от матери – кореянки, а Сакура вообще переплюнула обоих. Они с сестрой были словно белые вороны среди своего многочисленного клана, да даже населения дворца.

– Я просто все еще думаю над тем выступлением экономиста Ясуда, – Куроки обнял подошедшую жену. Он старал-

ся говорить ей только правду, потому что боялся остаться один на один с этим миром. Может просто смирился с мыслью, что именно с этой женщиной он должен пройти весь свой жизненный путь.

А может в июле прошлого года после одного лишь слова он осознал, что назад уже пути нет. Куроки продолжал писать письма Анне, но все чаще в них начали появляться Сора и Такэо и уходить куда-то юношеская страсть и задор. Оставались лишь прямолинейные «с любовью» и «все будет хорошо», но это были лишь некие константы в их жизни, простая истина: чем старше они становились, тем крепче становилась их любовь. Простое осознание теплоты и нежности, без прошлых порывов и учащенного сердцебиения.

Куроки уже не мог поверить, что всего три года назад, чуть не сорвался и не поехал к Анне. Просто ради того чтобы обнять, услышать вживую ее голос, рассмеяться в ответ. Разве это не безумие? Это влюбленность. И теперь эта бывшая влюбленность сидела в уголке его памяти, такая же двадцатилетняя и читала книгу, отдавая всю сцену Соре. И это было правильно.

– Если я скажу, что все будет хорошо, ты мне поверишь? – его жена прижалась щекой к его плечу.

– Я постараюсь, – Куроки поцеловал ее в черноволосую макушку. – Но мы не минем кризиса.

– Ты боишься, что люди снова будут недовольны? – ее темные, чуть миндалевидные глаза, выдавали тревоге.

– Я боюсь, что нам придется затянуть пояса потуже и на время прекратить гуманитарные поставки в Африку.

– Но мы обещали...

– Это один из пунктов выхода, – покачал головой юный император. – Если нам предстоит выбрать между голодающими Африки и упонцами, ты знаешь, кого я выберу. И для меня это будет единственно верный выбор.

– Но свою сентябрьскую поездку с Красным Крестом я не отменю, – с нажимом произнесла Сора. Это была ее отличительная черта – она ненавидела не сдерживать обещания, доводя себя до нервозности если такое случалось. – Это будет хоть какое-то оправдание.

– Чему? – удивился Куроки. – тому, что правительство в кои-то веки решило действовать во благо своей страны?

– Анна бы этого не одобрила, – неожиданно произнесла она, чуть отдалившись от мужа.

– Ты уверена? – снисходительно улыбнулся тот. – Милая, она пусть и занимается благотворительностью на всех континентах, но мораторий на смертную казнь в своем княжестве именно она сняла.

– Ты словно гордишься ей.

– Как и тобой, – Куроки отвернулся в сторону огромного окна, за которым уже начал просыпаться город. Он произвольно вспомнил недавнее фото Анны: она сидит с все еще больным Альбертом и тербит серебряный кулон на браслете в форме изгибающейся спирали, на которой еле заметно,

для тех, кто знает, где искать, выгранена фраза из какого-то роскранского стихотворения, что Анна переводила ему в одном из писем. Он же запомнил из него лишь, что за некой чертой его ждут те, которых он любил. Странное, грустное стихотворение, но княжна была настолько им очарованна, что он просто не мог не заказать для нее такой кулон – единственный в мире, как и его хозяйка. Жаль он не понял стихотворения.

– Говорят Гейл пишет новую книгу, – решила нарушить молчание Сора. Она не так давно себе призналась, что ей нравится, как пишет княжна. Легко и по – простому, и как Сора среди строк ищет намеки и послания, нелепости. Она, даже умеючи хорошо рисовать пыталась иллюстрировать для самой себя сцены из книг, проживая их, чувствуя дуновение того ветра из Грепиль. А ведь все начиналось с банального «изучение врага», что же знал, что ее затянет?

– Да, – ответил Куроки, чуть улыбнувшись. Кажется, шторм миновал. – Она вновь взялась за фантастику.

– Наконец-то и на моей улице праздник, – Сора, любившая мистические короткие рассказы, легко сжав руку мужа в знак прощания, вышла из комнаты, дабы понаблюдать за спящим сыном, раз самой не до сна. Она благодарила весь окружающий свет, что может ласкать и лелеять это крохотное чудо, что лишь открыв свои темно – карие глазки начал улыбаться во весь рот. Как же она не хотела чтобы он вырослел.

20.02.2006

Вчера Сашиа вернулся домой на каникулы. Такой смешной: он слишком привык к роскранскому языку и теперь постоянно путает слова. Хотя... Я и сама была такой. На пару мгновений показалось, что и Альберту стало лучше. Но все это ложные надежды – врачи разводят руками и темнят. По их мнению пересадка должна была помочь, но, увы это не так. Он словно тает на наших глазах, понимает что происходит. Смирился. А мне страшно! Альберт запрещает грустить, приказывает улыбаться при нем, при прессе. Противно изображать счастливую семью, когда внутри гуляет страх. Но как скрыть уставшую и разбитую маму, Виктора, что толкает инвалидную коляску с полусидящим князем. И мы с Сашей, оглядываемся по сторонам в поисках фотовспышек.

Знаешь... Когда мама согласилась выйти за Альберта (все это было в чудесном дорогом ресторане), он повернулся ко мне, улыбнулся и сказал: «И жили они долго и счастливо.» Получается он просто солгал.

С любовью А.Р.

10.03.2006

Нет, не солгал! Он верил, что будет с Марией до конца, что будет растить с ней внуков и правнуков. Просто... Просто мы должны в это верить. Поверь в судьбу.

Судьба свела Альберта с твоей матерью и подарила ему счастливое время, если бы не Альберт мы бы никогда не встретились, ты бы не вышла за Виктора. И не была бы той, кем являешься сейчас.

Судьба, которая дарит нам время. Прошлое. Я хочу чтобы мы вновь очутились в нем и застыли: прекрасная княжна из Грениль и упонский принц. Помнишь, в твоём любимом стихотворении говорилось, что память хранит ошибки. Но ведь они дорогие – и именно их я не хочу терять.

Зачем это я пишу?

Помнишь наше заклинание?

Все будет хорошо.

С любовью, К.

– Пожалуйста, побудь сейчас с мамой, – прошептала Анна, ощутив широкую руку мужа на своём плече. – Я уже рассказала Саше, но больше.. Я не могу...

– Знаю, – Виктор притянул ее к себе и по – отечески поцеловал в лоб. А затем вышел из комнаты, за занавешенными окнами которой рождалось холодное и одинокое двадцать шестое марта.

Она знала, чувствовала, что это все же случиться, но каждый день приходила молиться в придворцовую церковь в надежде на чудо. Чтобы Альберту стало лучше и чтобы она перестала бояться. Анна просто не видела свою дальнейшую жизнь без этого человека. Он так много не успел. Не подго-

товил ее. Оставил маму.

К дворцу стали подходить первые люди, несущие свечи и цветы. Лоскутное полотно из различных букетов начало расти от ограды здания и до сквера. А ведь прошло всего полчаса после того, как разбудив ее и Виктора Жан – Поль Роше в темноте главной залы объявил ее княгиней Грепиль и склонил колено. По сонным коридорам ропща, бегали слуги, пара врачей, издававший запах нашатыря. Шепот, быстрые перебежки, люди, одетые наспех, еще не осознающие в полной мере что случилось. Для Анны ее маленький мир и сознание поместились в вакуум, полный тишины лишь последние слова Министра, означавшие новый этап истории этого семимиллионного княжества умудрялись протиснуться в ее разум. Она почувствовала, как заботливые руки Хезер накидывают на нее теплую шаль, ведь утром прохладно, а она стоит в темном помятом летнем платье.

Телефон в ее руке, зажатый после разговора с братом, тихонько и жалобно пиликнул, возвращая ее в реальный мир. Как же ей хотелось просто лечь в постель, накрыться с головой одеялом и ждать когда же придет Виктор и все решит. Поплакать тихо, долго, съесть то шоколадное пирожное, что они обожали с Альбертом есть по вечерам, и ждать когда все пройдет.

Вот только теперь она не имеет права так поступить.

– Алло, – привычно по – французски произнесла Анна, не посмотрев на экран. Весь ее взор был направлен был в

сторону окна, сквозь плотные шторы которого пробивался свет сотен свечей. Где-то вдалеке тоскливо били колокола.

– Здравствуй, – его голос она бы узнала из тысячи. – Если ты позволишь, я могу прилететь.

– Не стоит, – выдохнула она. – Итак, слишком много людей.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Перенеси меня назад в двухтысячный год и пусть лишь он будет моей жизнью, – на одном дыхании выдала Анна и вытерла слезы. Краем уха она услышала, как Хезер вышла из комнаты, оставив их наедине. Девушка чуть всхлипнула, зажав пальцами нос.

– Прости, что не могу этого совершить, – как ему хотелось обнять ее, крепко, чуть покачивая, прошептать, что он всегда будет рядом и что все пройдет.

– Ничего, – Анна, набравшись мужества, подошла к окну и немного отвела в сторону штору. – Тут уже сотни свечей. Людей. Они искренне горюют. А меня почему-то раздрает обида.

– Ты просто считаешь, что Альберт нечестно поступил с тобой, оставив, – Куроки увидел, что за их разговором наблюдает встревоженная Сора, как всегда появившаяся неизвестно откуда. – Я чувствовал злость. Мне было непонятно, почему именно со мной это случилось. Что ничего не изменить. Я с тобой, милая.

– Спасибо, – еле слышно прошептала теперь уже княги-

ня. – Мне пора. Меня должны подготовить для пресс – конференции.

– Все будет хорошо. Держись.

– Постараюсь.

– Еще один маленький глубокий вдох, – Виктор чуть сжал ее локоть, стараясь привлечь ее внимание. Двадцать девятое апреля выдалось на радость солнечным и теплым, после череды затяжных ливней, шедшими рука об руку с мигренями Анны.

Девушка вдохнула побольше воздуха и улыбнулась мужу, облаченному в парадный военный мундир. Сегодня ее день. Ее коронация.

Огромные резные деревянные двери, ведущие в главный церковный зал с глухим грохотом раскрылись. Пред взором Анны предстала алая дорожка ковра, по бокам которой были расположены скамьи готического стиля. Впереди виднелся алтарь с отцом Кристофом, что служим придворным священником, за которым на возвышении в четыре ступени был расположен трон.

Первые звуки фанфар немного оглушили девушку, и ее рука невольно дернулась, но Виктор лишь крепче ее сжал, украдкой посмотрев.

Первой в зал вошла Мария, облаченная в серое закрытое платье, скрывающее горло и руки. Она несла перед собой зажженную свечу, символизирующую Альберта и до самого

конца церемонии должна была ее держать и ждать, что та сама потухнет. Быть может ветерок, что принесет его душу в этот зал, решит задуть свечу и отпустить уже Марию обратно в свое царство скорби.

Следом шли Виктор и Анна, что была одета в пышное темно – бордовое платье времен Виктории. Оно никак не вязалось с ее легким свадебным образом в стиле Стефании. Это было с тугим корсетом, парой уровней юбок и невыносимо тяжелое. А еще бессмысленно одетое на нее при помощи Хезер и парочки девушек. Помпезное и церемониально – траурное. К пучку теперь уже каштановых волос Анны, была прикреплена фота с бордовой вышивкой по краям, и если бы не идущий позади Саша, она подметала всю округу. Так было положено и они не могли отступить от данной традиции, хоть ей и было несколько веков.

Спустя чуть больше минуты Мария заняла вторую снизу ступень у трона, Саша третью. Виктор и Анна приклонились на колени пред старым католическим священником, стоявшим в самом начале подъема к трону.

Александр немного задорно улыбаясь, не к месту, смотрел сверху вниз на свою сестру, что видимо вновь ушла в себя, совершенно не воспринимая внешний мир. Но он ее мог понять: в последнее время на нее столько навалилось, что даже ее давно забытые головные боли решили напомнить о себе. Юношеский взгляд переключился на Сакуру, сидящей во втором ряду. Та закатив глаза, легко кивнула на сосредото-

точных Сору и Куроки. Саша чуть заметно ответил, в душе забавляясь этим пышным торжеством, почти забывая его причину.

– Нарекаю вас княгиней Грепиль, – священник поднял корону, отдаленно схожую на коронационную Елизаветы, все же Грепиль не славилось настолько давней историей и добросовестно копировала понравившиеся веянья. Священник поднес корону к губам Анны, что легонько ее коснулась, прежде чем надеть ее на голову теперь уже официальной правительницы княжества.

– Славься, – торжественно произнес старик, когда девушка поднялась с колен и повернулась к сидящим в зале людям. – Славься.

Его слова потонули в дружном хоре присутствующих и в громе аплодисментов жителей, оставшихся за пределами церкви.

Виктор подал Анне руку и осторожно подвел по ступеням к широкому трону, помогая устроиться на нем в этом невыносимом платье. Сам же стал рядом с ним.

– Мне это напомнило сцену из «Короля льва», – еле слышно произнесла ему княгиня. Ее муж чуть смущенно улыбнулся, стараясь не выходить за рамки данного события.

– Глупышка, – произнес он, когда отец Кристоф вручил ей атрибуты власти и удалился к своим братьям.

– Спасибо тебе, – Анна чуть повернула голову к Виктору, что все же склонился к ней. Она была невероятно рада, что

именно он разделил с ней этот момент ее триумфа. Какая-то внезапная нежность нахлынула на нее, словно она снова влюбилась в Виктора. Вновь начала смущаться и вести себя как дурочка. И эйфория. Определенно эйфория захватила тело до самых кончиков пальцев ног. Как же давно она не была так счастлива.

Гром аплодисментов начал постепенно стихать и наконец, слуги церкви смогли начать петь гимн Греспиль. Вслед за ними подключились и остальные, в том числе и Анна, что в первое время своей жизни в этом княжестве постоянно пела на торжественных мероприятиях гимн СССР.

– Я подумываю убить своего братца и чтобы меня так же короновали, – усмехнулась Сакура, взяв бокал шампанского у подошедшего официанта. В их теперь уж немногочисленной семье только она могла позволить себе выпить и суметь потом вызвать такси.

– Я пас, – Александр все же забрал у нее бокал и вернул смущенному слуге, юноша видел, что это не первый напиток в руках его подруги. – Слишком много ответственности.

– Жаль, – вздохнула девушка и пробежала взглядом по присутствующим. В центре зала Виктор вместе с Анной, принимали поздравления, последняя же уже успела сменить наряд и теперь стояла в довольно простом платье – футляре чуть ниже колена, правда так же бордового цвета. Мария о чем-то разговаривала с приехавшей сестрой и женой Роше. Сора и Куроки танцевали с остальными парами, конечно же,

идеальнее всех.

– Что жаль? – Саша взял ее под руку. – Просто начни хорошо себя вести, и твой брат закатит тебе шикарную свадьбу.

– Ох, – девушка театрально поднесла ко лбу свободную руку. – Кто меня замуж возьмет с таким послужным списком и характером. Ты?

– Нет, милая, – ласкового отказал он. Приобняв и завлекая в танец. – Боюсь, мы не сможем друг друга выносить хотя бы 15 часов в день.

– Трагедия, – Сакура положила ему голову на плечо. Что-то кольнуло в сердце, какая-то обида. Они были увлечены друг другом, не скрывая, не видя общего семейного будущего. Но все же «нет» ее глупо обидело. – Может мне вернуться к Эмс?

– О, нет, – простонал Саша. – Прошу тебя. Нет. Что ты в ней нашла? Она же страшная. И костлявая.

– Не то, что твои подруги из университета? – усмехнулась она, вдруг почувствовав себя намного старше и мудрее.

– Да, – просто ответил он. – Ревнуешь?

– Было бы к чему. Они уйдут, а я останусь.

Александр лишь закатил глаза, сильнее сжав руку на ее талии, прокрутил ее.

– Подойдем к виновникам торжества?

28.05.2006

Долго решалась тебе написать. Лучшие бы позвонила. А

еще лучше бы лично сказала, но тогда бы я точно не подвела наш разговор к этому.

Это очень личное. То, что я не хочу, чтобы вышло за рамки твоего и моего разума.

Я хочу, что бы твой секретарь или иное доверенное лицо помогли найти моей помощнице Хезер «общий язык» с доктором Ясуда (данные о нем на отдельном письме) и узнал бы, не согласиться ли он на командировку в Грениль.

Не бойся и не волнуйся. Мне просто нужна консультация. Хезер (я о ней писала, и ты ее видел), рассказала о его разработках и о том, что он просто великолепный специалист.

Вот я сказала. Все.

Хезер в курсе всего и ей просто нужно встретиться с доктором.

Надеюсь, ты поможешь.

Мой поклон Соре.

Твоя

А.Р.

Она вновь отложила официальное письмо и посмотрела на стену напротив: книжный шкаф, доверху заполненный ее любимыми книгами на роскранском, английском и французском. Ее личный кабинет, как маленькая неприступная крепость, в которой она была совершенно спокойна, именно здесь рождались ее произведения и правотворческие законы.

Девушка, что скоро перескочит в статус «женщина», вздохнула и потянулась за уже открытым письмом, спрятанным среди книг и бумаг, лежавших на письменном столе за которым она восседала. Она немного откинулась назад и вновь погрузилась в изучение этих далеко безрадостных строк. К началу этого сентября доктор Ясуда уже несколько раз приезжал лично к ней: что-то сверял, хмурил свой старческий лоб. Потом брал ее за руку и на ломаном английском обещал, что все будет хорошо. Еще таблеток. Еще уколов. Витаминов. Времени. Ей было уже двадцать шесть, а Виктору на десять лет больше и с каждым новым днем ее волнение и тревога усиливалась. Боже как же она хотела детей, такую ораву человек из трех, бегающих по дворцу с гоготом и визгом. И как она боялась, что это ее чертово тело обречет Виктора на старость без внуков. Именно его боли она больше всего и боялась. Боялась подвести. Он был достоин иного: счастья отцовства, она же видела, как загораются его глаза, кучи детей, смеха. Ощущать приятную тяжесть новорожденного ребенка на своих руках. Первый шаг, первый зубик, колики, первое слово и объятья перед сном.

Анна судорожно всхлипнула и прижала руку ко рту, стремясь заглушить надвигающуюся истерику. Вдруг кто-то из прислуги услышит. Никто не должен знать о ее проблемах, кроме самых близких. Особенно Виктор и Хезер что успокаивали ее после каждого УЗИ. Хезер, ставшая второй матерью, сестрой и подругой, что сносила все ее причуды и исте-

рики. Как же ей повезло с ней. Она и вправду счастливица, что такие потрясающие люди оказались рядом с ней.

– Можно? – после чуть слышного стука в приоткрытой дубовой двери кабинета появилась голова Виктора.

– Конечно, – улыбнулась Анна и постаралась незаметно спрятать письмо с результатами от врача. Безуспешно.

– Ты снова расстроилась, – в его голосе было столько нежности смешанной с сочувствием, что девушка не выдержав, вскочила с места и кинулась к нему. Мужчина грустно улыбнулся и обнял ее, привычно целуя в макушку чистых уложенных волос.

– Почему именно я? – между всхлипами бормотала его жена, щекой прижавший к его груди. – Почему я? Почему африканки – беженки плодятся словно кролики? Почему наркоманки приносят в подоле? Почему они имеют то. Что так хочу я? Я же не пила, не выкурила ни одной сигареты в жизни! Почему?

Как она злилась на весь этот чертов мир, и в ее словах даже была логика, хоть и граничащая с жалостью к себе и эгоизмом. Но Виктор не хотел сейчас об этом думать, почему-то вспоминая встревоженные слова Хезер, что заявила, будто его жена боится, что он ее бросит. Глупая. Сейчас ему все равно будут ил у них дети или нет. В крайнем случае, они усыновят. А трон? Трон перейдет детям Александра, было бы из – за чего бороться. Он же увезет Анну куда-нибудь на другой край княжества, где они будут счастливы. Где будет

тихо и спокойно.

– Прости, что я расклеилась, – спустя несколько минут прошептала Анна. Немного отступив, она начала вытирать рукавом кофты свои заплаканные глаза и приходить в себя. – Он предлагает попробовать ЭКО.

– Ты против? – удивился мужчина и, обойдя ее, он направился к письменному столу за заключением от врача. – Деньги у нас есть.

– Нет уверенности что получится, – устало пожала плечами девушка. Ей стало легче. Все же слезы – это лекарство души.

– Давай просто попытаемся, – он подошел к ней и поцеловал в лоб.

– Я каждый день благодарю Господа, что ты у меня есть, – она легко коснулась губами его подбородка и постаралась улыбнуться.

– А я думал, что женился на атеистке, – усмехнулся тот, чуть приподняв ее за талию над полом. – У нас все будет хорошо.

Она часто приходила на могилу Альберта, стояла минут десять с опущенной головой, возвращалась к дворцу по центральной дорожке, чтобы видели все. Кладбище, сбоку от дворца, противоположно цветнику, было с половину футбольного поля. Пустым с редкими кустами роз, символами Полиньяк, высаженными еще бабкой Альберта и черной пле-

тенной оградой. Надгробия не были разбросаны: местность была четко разделена на сто человек, начиналась от самой калитки и ожидало своих постояльцев. Альберт был похоронен во втором ряду. Один. Пройдет время и рядом с ним будут все они. Каждый ряд – два поколения. Традиция, как и кладбище открытое дедом, что не хотел расставаться с любимой женой. Могла ли Анна подумать, что у нее в двадцать пять, кроме княжества будет еще и собственное место на фамильном кладбище.

Волоски на задней части шеи встали, почувствовав чей-то чужой взгляд. Ну, конечно, княгиня у могилы предшественника. В очередной раз. В очередной раз ей предстоит играть роль безутешной дочери: сейчас она подойдет ближе, положит свою руку на холодный камень, другу поднесет ко рту, немного отвернется и пару раз глубоко вздохнет, дабы это походило на плач. Но на самом деле она никогда не плакала по Альберту по – настоящему. Грустила, тосковала, да. Но не было той боли, что должна вырываться у нее изнутри. Значит ли это, что она не любила его? Не дорожила? Не приняла в своей сердце после всего, что он ей дал? Насколько она ужасный человек?

Анна невольно вспомнила тот самый день. Она с Виктором, после прилета из Венесуэлы, возвращались к нему в квартиру, что решили оставить на всякий случай. Они уже были в пяти минутах от дома, как зазвонил ее телефон и Хезер холодным тоном сообщила, что Альберт умер. Она точно

помнила, что было 3:35 утра. Виктор попросил развернуть машину и направится во дворец. А в ее голове билась лишь мысль невозможная и холодная «Его Святейшество умер». Не было чувств, лишь внезапный поток слез из глаз при пустой душе. Она до сих пор не могла понять, почему так сильно плакала, если не чувствовала ни отчаянья ни боли. Пустота со слезами. Зато как отлично смотрелась на фото у папарацци, что уже ждали их у ворот дворца. Скорая с включенными проблесковыми маячками освещала газон и клумбы, ведь все фонари были специально отключены.

Все видели лишь как заплаканная княжна, выходила из машины, как ее обнимал муж и отводил в дом. Это видели все. Сочувственно приняв слезу за боль души. А она и никому не призналась, что в ту ночь чувствовала лишь пустоту и страх, что сделает что-то не так. Ей было стыдно за это, и она чувствовала себя неблагодарной. Но все же ходила на могилу к предшественнику больше для показа для семьи, для камер, чем для себя. Анна боялась прослыть черствой или чтобы вообще начались разговоры, о том, что это она довела князя, дабы занять наконец-то трон. Глупцы, не знающие что кроме красивой короны, в довесок идет огромная ответственность. Она могла не спать ночами, постоянно нервничать и оглядываться по сторонам осторожно слушая мнения других. Как же ей повезло, что осталась Хезер, занимающаяся теперь всем домом в целом; Виктор, что заканчивал свой срок в парламенте. А еще были уроки Альберта, ее опыт ре-

гентства. И все равно каждый раз до дрожи в коленях, было страшно говорить министрам свое мнение, что иногда отличалась от большинства.

Как же она привыкнет и станет какой же уверенной, как Альберт?

20.09.2006

Как я понял из прошлого письма ты не собираешься помиловать тех двоих. И это заставило меня задуматься. С одной стороны во мне существует тот добрый человек, что нашептывает «а вдруг они невинны», но с другой – невозможно подделать столько доказательств вины, свидетелей и список жертв. Сколько они уже в тюрьме? Лет пять? Думаю, за это время они могли написать кучу писем с просьбами Альберту, но ведь это первое. Не думаешь ли ты, что они надеются на твое мифическое доброе сердце? За убийство детей нужно платить, в том числе и своей жизнью. Они не вправе жить с родственниками своих жертв на одной планете.

Я уверен, ты сделала правильный выбор. И как бы это жестоко не звучало, для моего внутреннего доброго человека.

Минутка черного юмора:

Император Упонии поздравил княгиню Грепиль с ее первой смертной казнью.

Отличный заголовок.

А теперь прости за столь короткое письмо – Сора все еще не выздоровела. Лихорадка уже сошла на нет, но я все еще тревожусь.

К.

31.10.2006

И вот твой двадцать седьмой день рождения! Почетный возраст! Сколько времени прошло. А я все еще влюблен в ту девчонку и не замечаю появившихся морщинок.

К.

– Сора поблагодарила за те белкранские травы. И вправду кашель намного быстрее прошел.

31.10.2006

С днем рождения!

Дожить бы мне до такой старости.

Твоя Сакура

06.11.2006

Господи! Кто бы мог подумать что тебе стукнуло тридцать лет!?!

Я просто не желаю в это верить!

С любовью А.Р.

25.12.2006

Мы поздравляем вас с Рождеством и Новым годом!

От всей души желаем вам счастья. Уюта, здоровья и благополучия.

Такэо, Сора и Куроки.

Рождество было одним из любимых его праздников, поэтому заранее решив все свои дела в университете, распрощавшись с друзьями, он летел домой, словно на крыльях, а не на бюджетном самолете, да еще с пересадками. Да, даже получив наследство после смерти Альберта, Саша старался жить по средствам и не только подрабатывать в консульстве княжества в Злате, но и вести довольно скромную светскую жизнь. Все думали, что он не помнит или не понял все те гонения, что были на них, когда его отчим не только объявил о своем романе, но и о намерении жениться и усыновить их с сестрой. Но тогда Альберт защищал их всеми своими силами, укрывал маму от злых языков, зная насколько близко принимает все ее хрупкое сердце всю эту бессмысленную желчь. Она наверняка бы даже не вынесла пару замечаний дочери местного посла Грепиль, что училась с ним. Еще та змея. Саша передернул плечами от одного лишь воспоминания этой рыжей бестии, слава господу он сейчас далеко от ее ядовитого языка. В аэропорте его никто не встречал, кроме водителя навязанного лично Хезер, еще одного мирового тирана, от которого не было спасения даже в другом государстве. Сколько прошло лет, а он до сих пор побаивается ее взгляда, прекрасно понимая, что она ничего ему не сделает

и выполнит любой приказ.

Александр мечтал о праздниках, встречах со старыми друзьями, гулянках, не для камер, а где-нибудь в загородном доме, дабы никто из журналюг не пронюхал. Эти акулы так и жаждали когда его сестра оступится. Как же без Альберта было тяжело. Прошло время, а во дворце все также душная тишина, что существенно давит на плечи. Все бы развеял прекрасный плачущий младенец, рожденный от любви и подаривший бы людям во дворце, так и за его пределами надежду. Но видимо сейчас было явно не до этого. Саша не мог узнать свою сестру, что будто бы уменьшилась раза в два, с усталой улыбкой и уплывающим взглядом. Он эгоистично радовался, что на ее месте не он, так все печально выглядело.

Его сестра разговаривала. Пыталась счастливо улыбаться, но по большей части просто сидела рядом с мужем, что нежно поглаживал ее по руке и целовал в макушку. Юношу мучили противоречивые чувства: он жалел сестру из – за всего это навалившегося ужаса на ее хрупкие плечи, но в то же время завидовал этой стойкости, не зная, что за этим фасадом кроется человек, ночами тихо плачущий в подушку.

Саша мечтал, что и сам через десять лет, так же будет любить и с нежностью относиться к своей жене, ведь отношения его сестры и Руже были для него идеальными. Вот так забавно е знать, что именно таит семья за ширмой.

– И как тебе подработка? – Виктор всегда умел держать разговор в тонусе. Тем более в кругу семьи, где нет стро-

гих рамок и этикета. Он сидел на ручке кресло, которое облюбовала его жена. Вдовствующая княгиня Мария, отдыхавшая на софе, после плотного ужина, одним глазом следила за происходящим. Саша же сидел по – турецки на полу у камина и грелся.

– Довольно неплохо, – пожал плечами юноша. – Конечно, относятся ко мне, как к Полиньяк, но особых поблажек не дают. Особенно Жанна. Не представляю, как выносят ее родители. Она временами хищнее Сакуры.

– Значит, она явно интересная личность, – задумчиво произнесла Анна, в последнее время, словно бродившая в тумане. Ее муж усмехнулся и положил руку на ее плечо. Какие же у них стойкие отношения – так спокойно говорить о семье первой любви. Стабильность – значит сила, долговечность.

– Она ужасна, – Александр закатил глаза. – Временами, когда она мне помогает с работой, я порываюсь позвонить тебе и попросить лишить ее гражданства.

– А вы смотрите, пареньку понравилась девочка, – засмеялся Виктор, разглядывая, как краснеют уши у юноши. Анна тоже звонко рассмеялась, впервые так искренне за последнее время. Он бы много отдал, лишь бы вновь сделать ее счастливой и беззаботной.

– Что? Что случилось? – встрепелась уснувшая Мария, чем вызвала новый приступ смеха. Именно таким и должно быть Рождество: семейным, теплым, открытым и добрым.

26.12.2006

Мой муж уже наверняка поблагодарил вас за те травы, что вы с княгиней Марией прислали мне.

Но я хочу лично поблагодарить вас Анна, и пожелать в этом новом году исполнения самых сокровенных желаний и надежд.

Сора

31.12.2006

С новым годом!

Удивлена, что тебя еще не выгнали за позор семьи.

А.Р.

31.12.2006

Все семейство Полиньяк поздравляет вас с Новым годом и желает событий, похожий на яркие фейерверки и радости, способной зажечь все звезды.

Анна и Виктор.

31.12.2006

Спасибо за поздравление. Мне было невероятно приятно его читать. И в эти праздничные дни, я как никогда, верю что все у нас будет хорошо. Видно что-то в воздухе.

А.Р.

– Для самой значимой читательницы я взяла смелость

прислать тебе еще не изданную свою книгу. Надеюсь, тебя не смутит тот, факт, что «я все знаю».

Глава 15

15.01.2007

Давно я не ставила себя в такое неловкое положение, но сегодня я на редкость удивила окружающих, да и саму себя. Стыдно-то как до сих пор.

Утром мы с Виктором посещали дом престарелых в окрестностях Ла – Кондалина. И там я встретила очаровательную старушку, что представилась мне Розой Доусон. Да, да. Мы с тобой настолько киноманы, что ты спокойно можешь усмехнуться и понять иронию, в отличие от того сброда, что окружает меня. Шучу – шучу.

Вот только я поинтересовалась реальна ли ее фамилия, пояснив свой интерес. Но что Роуз немного обиженно заметила, что не настолько стара. Я, конечно, понимаю, что осталось сего несколько пассажиров. Но что бы ты сделал на моем месте? Упустил такой шанс? Забавно. Но Роза родилась 10 апреля 1912.

Виктор пообещал, что по приезду домой отберет мой диск с фильмом. Он совершенно не понимает, как я могу любить «Титаник» и вроде здраво управлять княжеством. И вроде довольно неплохо управлять.

Роза, Роуз... красивое имя... Была бы у меня дочь я бы выбрала ей имя, что носила одна из самых счастливых и сильных женщин. Пусть и киногероиня. Но оно было бы со

смыслом.

*Милая темноволосая девочка с глазами полными надежд.
Как же тебе повезло с Такэо!
С любовью А.Р.*

Камердинер Куроки осторожно постучал в чуть приоткрытую дверь кабинета императора.

– Войдите, – прозвучал звонкий голос Соры: они с мужем расположились на маленьком диванчике викторианской эпохи, стоявшему тут совершенно не к месту, и мирно пили чай, обсуждая планы. Близились празднование дня рождения их сына.

– Газеты! Чудесно, – последние минуты такое редкое приподнятое настроение жило в голосе мужчины, виной тому была его супруга, доказывающая свою точку зрения, так забавно морщив нос. Куроки раскрыл первую из принесенных газет и его брови удивленно полезли наверх. – Больше всего я сейчас не хотел находиться в Грепиль...

– Может, стоит позвонить Анне? – осторожно поинтересовалась императрица, мановением руки отпустив слугу. – Вдруг она уже давно в курсе?

– Не думаю, – покачал головой мужчина. – Она бы точно съязвила об этом в письме. Не удержавшись...

– Наверное, – Сора забрала газету, начав рассматривать фотографии. Сакура в очередной раз с бокалом. Да, она уж умела пить в отличие от Соры, которая не могла остановить-

ся, словно по волшебству превращаясь в заядлую алкоголичку. Алкоголь был ее коварной слабостью, поэтому она не брала в рот ни капли, разумно боясь, что не сможет остановиться и натворит бед и унизит себя. – Но что они оба делают в Ирландии?

– Леприконов ищут, – недобро усмехнулся Куроки, приложив трубку мобильного телефона к уху. – Здравствуй, милая.

– Как неожиданно, – голос на другом конце провода был немного сонным и в меру удивленным. – Что случилось?

– Мы с Сорой хотели поинтересоваться, ты нам ничего не хочешь рассказать?

– Пока что нет, – тембр Анны сменился с высокого на более низкий и настороженный.

– точно? Тогда позволь узнать, где твой братец был, – Куроки взглянул на подпись под фотографией. – Три дня назад?

– Должен был быть в Злате, – на заднем фоне стало слышно чье-то ворчание.

– Не угадала.

– И где же он шлялся? – княгиня начала раздражаться, не обращая, внимая что разбудила мужа и тот непонимающе смотрит на нее. Ее сейчас волновало то, что Саша посмел ей соврать.

– Он был с моей сестрой в Ирландии.

– Конец радуги, что ли искали? – почти гробовым голо-

сом спросила Анна, не предвещающим никакого веселья. – У них роман?

– Я не знаю. На фото они просто ходят на фоне природы, даже за руки не держаться.

– Словно мы с тобой, – ее голос смягчился под осуждающим взглядом мужа, что считал, что она слишком всех пытается контролировать. – Ты против этого?

– Не знаю, – покачал головой Куроки и внимательно посмотрел на легко улыбающуюся жену, та видно не волновалась, видимо радуясь, что золовку наконец-то «поймали» с мужчиной. – Просто боюсь, как бы они не расстались врагами.

– Давай не будем мешать. Пусть сами разберутся, – Анна встала с постели и подошла к секретеру, на котором в выгнутых стеклянных рамках располагались фотографии. – Закроем на это глаза. Если у них получится что-то, то я, правда, буду рада.

Она вновь посмотрела на мужа, что одобрительно кивнул. Хотя в душе на самом деле, Анна лелеяла надежду, что ее младший брат вернется, найдет работу и женится на какой-нибудь коренной жительнице – простолюдинке. Это бы очень помогло рейтингу семьи.

– Ты повзрослела, – нежно произнес Куроки. Встав, он обошел диванчик, на котором осталась Сора, и подошел к каминной полке с теми же неизменными фотографиями, разве что добавилось парочка новых с Такэо. – У тебя все хорошо?

– Конечно, – княгиня нехотя зевнула, у них-то была глубокая ночь. – Прости, но я чертовски хочу спать.

– Спокойной ночи, – усмехнувшись, произнес император Упони и, положив трубку, посмотрел на жену, что тоже вспомнила о разнице часовых поясов. – Ну, ради такой новости стоило разбудить!

Было уже двенадцать дня, а она все еще была в постели. Сегодня ей можно. Сегодня никто кроме Виктора и Хезер не потревожат ее: мама в Галифоре, Саша учится (особенно после того нагоняя с Ирландией), по расписанию работа с документами, Виктор прилетит только в четыре. Так этот день можно спокойно посвятить себе. Вот только в спальню со стуком зашла Хезер, за которой семенила служанка – теперь первой было не по рангу и возрасту таскать подносы с едой или приносить одежду из прачечной. Теперь она главная в этом доме: перед ней заискивают, считаются, спрашивают совета и уведомляют. Она княгиня своего маленького княжества.

Хезер кивнула служанке на туалетный столик и присела на край кровати княжны.

– Снова головная боль? – обеспокоенно спросила женщина, подождав, когда младшая прислуга выйдет.

– Нет, – с улыбкой покачала головой Анна, чувствуя, что щеки начинают краснеть. Ей хотелось рассказать всем, но для начала нужно было сообщить самому важному человеку

– Виктору.

– И в чем причина? – Хезер внимательно рассматривала светящееся лицо своей хозяйки. За столько лет она четко могла предугадать ее поступки, но мысли и чувства были куда сложнее. Но она не думала сдаваться, сведя все воедино тоже начала улыбаться. – Получилось? Да? Да!

Анна лишь успела, молча кивнуть, прежде чем оказалась в объятиях своей бывшей наставницы.

– Ощущения, что ты будущий отец, – княжна смутилась от такого порыва чувств. Когда ее наконец-то выпустили из крепких объятий. Хезер даже вытерла слезинку у глаз. Ведь теперь все будет хорошо: у еще недавней наследницы будет свой наследник. А когда они точно узнаю пол, то можно будет начать готовить детскую, расположенную по соседству со спальней княгини и все это время пустующая. А еще...

– Я не хочу пока об этом никому говорить. Только Виктору. Семье – когда все соберутся. Не знаю... Точно знаю одно, что общественность об этом не должна прознать пока не закончится первый триместр. Так что, Хезер, никакого специального меню для беременных.

Хезер чуть обиженно поджала губы, ведь и вправду в голове уже начала составлять специальное меню и вспоминать, что не стоит есть в положении. Определенно нужно поговорить с врачом княгини, посоветоваться, да.

– Я просто хочу помочь, – женщина опустила взгляд, словно обиделась. На самом деле она играла, ибо желала все сде-

лать самой и сделать грандиозно. Боже, да у нее в голове уже созрел план для фотосессии княгини в новом статусе.

– Спасибо, – Анна все же обняла ее в ответ, ведь за эти годы они стали близки. – Но я не хочу торопиться.

– Может все – таки устроить какой-нибудь легкий праздничный ужин? – ухватила за последнюю соломинку Хезер. – Молочный коктейль...

– Хорошая идея, – внезапно согласилась Анна, на что Хезер удивленно затрепетала ресницами. Она вообще не рассчитывала на них. – Мне нравится. Забавно. Нужно сделать несколько вкусов. И когда я попрошу – принести в маленькую гостиную.

Сумерки время чудес. Они несут в загадку, уют и ожидание. В сумерках есть немного тайны, что окутывает мир алыми облаками разреженное темное тяжелое покрывало неба.

– Почему все вокруг такие загадочные? – Виктор осторожно вошел в гостиную, в ту самую, где раньше Анна и Мария смотрели фильмы, где он с юной княжной пил чай часами. – Хезер почти тащила меня сюда.

– Она в своем репертуаре, – закатила глаза княгиня, а затем загадочно улыбнулась. – Закрой глаза и протяни руки вперед.

– И ты туда же, – пожал плечами мужчина, но все же выполнил. На его руки опустилось что-то легкое и немного колющее.

– Открывай, – Анна придерживала его ладони своими.

Виктор так же послушно открыл глаза и обнаружил, что на руках лежат маленькие белые пинетки. Она купила их после первого посещения упонского доктора, точнее доктор просто приказал ей купить их в ближайшем магазине. И вот они получили свой звездный час.

– Ты беременна? – не веря, прошептал Руже, во все глаза, рассматривая ее подарок.

– Совершенно точно. Утром прислали результаты анализа крови, – она поцеловала его в скулу, чуть покрытую щетиной после долгой дороги.

– Беременна. У нас будет малыш, – он наконец-то начал осознавать, что случилось. Виктор бережно положил пинетки на подоконник окна, рядом с которым они стояли, и обнял жену, стараясь не задушить в объятьях. У них получилось. Ребенок. Больше не о чем же мечтать.

– Секунду, – улыбаясь, произнесла княгиня, когда он наконец-то ее отпустил. Она нажала на специальную кнопку для вызова прислуги. – Нам нужно это отметить.

Анна обняла его за шею и поцеловала, словно в первый раз. Этот мужчина сделал ее по – настоящему счастливой, полной жизни и любви. Разве Куроки смог бы? Она давно знала ответ – нет. Друг к другу их тянула старая нить, которой просто нужно было, чтобы ей что-нибудь уже зашили.

В комнату вошла служанка с подносом полным различных молочных коктейлей, при виде которых Виктор согнулся пополам от смеха.

– Гениально, – произнес он, когда они остались одни. Мужчина поцеловал ее в висок и отпил шоколадный молочный коктейль. – О, смотри, тут и видимо с грейпфрутом есть. Какая гадость.

Анна рассмеялась, отпивая апельсиновый, который раньше терпеть, не могла. Они будут родителями. Родителями. Она будет мамой. Боже, какая ответственность. Это сейчас она веселится и просто по – настоящему рада этому долгожданному чуду. Но потом ей нужно будет отказаться от каблуков, чтобы кто-нибудь держал ее, спускаясь по лестнице, каждую неделю у врача. Нужно узнать сколько раз можно делать УЗИ. И витамины. Точно, нужно у Хезер узнать. Нужно. Нужно. Господи, как страшно! А вдруг она будет плохой матерью? Вдруг она слишком много будет нервничать? На нее внезапно накатила ответственность куда значительнее и важнее, чем управление государством. Ей стоит успокоиться, ведь рядом Виктор: он точно поддержит ее, поможет.

Она посмотрела на своего драгоценного мужа, что улыбался во все тридцать два зуба, допивая второй коктейль. Как же ей хотелось заморозить этот момент. Застыть в янтаре и жить в нем вечно. Первые дни марта были волшебными.

– Я уверен, они уже давно о нас знают, – Саша легко щелкнул по кончику носа Сакуры. В этот последний мартовский день они наслаждались обществом друг друга в одном из кафе Златы. Совсем недалеко бурлила жизнь и Квитка – рай-

он зазывал войти в метро, а они словно школьники сидели у витрины и ели мороженное из одной чаши. Сакура выбралась на пару дней из Белфаста, где писала свою выпускную магистерскую работу.

– Так почему за все эти дни мы не получили ни одной ехидной весточки? – девушка подцепила вишенку и жадно ее съела, зная как их любит Саша.

– Насчет Куроки не знаю, а вот почему Аня мне не парит мозг, это и ежу понятно – юноша засунул полную ложку мороженного в рот, никак не отреагировав на вызов спутницы. – Для нее сейчас главное – это ребенок. Знала бы ты как она рада. Мама говорит, что после того как родиться малыш Аня обеспечит этого врача до конца жизни. Она еще и салют пускала, правда придумала другой повод. Чтобы не сглазить.

– Ты рад за нее, – Сакура без стеснения рассматривала этого светловолосого юнца, иногда напоминавшего ей молодого ДиКаприо. Разве что нос был картошкой, но ведь это поправимо.

– Я безумно счастлив, – раскованно улыбнулся Саша. – Ты просто не знаешь, сколько насколько этот ребенок будет желанным. Сколько любви ему будет подарено.

– И вырастет он избалованным эгоистичным ловеласом, – фыркнула девушка, чуть стукнув его по колену.

– У него будет строгий, но справедливый дядя Саша, – он пододвинулся к ней и поцеловал в щеку, оставив на месте поцелуя холодный след от губ. Просто ему было двадцать один,

а ей двадцать три и жизнь только начиналась, словно рассвет над океаном, полный ожидания и надежд. Все и должно было так случиться: подстегиваемые юностью, характером и опытом своих старших они чисто инстинктивно двигались навстречу друг к другу, вот только смогут ли они удержаться на этом довольно хрупком плоту?

– Как думаешь, они до сих пор любят друг друга? – спросила Сакура в одном из последних разговоров по телефону.

– Не знаю, – неуверенно пожал плечами Саша. Он не любил разговоры на эту тему. – Я знаю, что Анна любит Виктора. Это видно даже по отношению к нему. Но иногда, как бы мне не хотел этого замечать, она становится совсем другой. Замыкается в себе, что-то пишет, молчит и ходит по дому. А потом раз и она снова верная и любящая жена.

– А мне кажется, они все еще влюблены друг в друга, – хоть Сакура уже и не верила в «одну любовь на всю жизнь», но ей так хотелось видеть этот сценарий в жизни своего брата. Так бессмысленно и глупо. – Они просто принимают все как должное и не сбрасываются со скалы, когда в голову стукнет очередной приступ любви. Хотела бы я так.

– Поверь, – усмехнулся Саша, присаживаясь на подоконник и наблюдая как над Златой – рекой рождается рассвет. – Лучше уж сразу в омут, нежели томиться в собственном соку.

– Ну, вот я есть захотела! – возмущенный голос на другом конце провода заставил его рассмеяться. – Я не хочу томле-

ния. Любовь – должна быть вспышкой. И не важно, будет ли потом больно или хорошо.

20.04.2007

Ты просто чудесно выглядишь на последних фотографиях, поверь мне – этот внутренний свет, что освещает все вокруг, и я не понимаю, как остальные еще не догадались.

Иногда меня переполняет желание прилететь к тебе и с криком сжать тебя в объятьях. Моя милая, красивая.

Я сам не знаю, почему пишу эти строки. Сумасшествие. А может я просто соскучился по тебе. Ты отдалась в последнее время, но теперь я понимаю, почему и безумно счастлив за тебя и Виктора.

Ты заслужила это. Ты и Виктор будете потрясающими родителями. Мы с Сорой в этом уверены.

С любовью, К.

Он вспомнил май 2000 года, тихие закоулки Рима и их, что не знали итальянского и блуждали по городу в поисках знакомых фраз. Неделя – словно маленькая жизнь, прожитая кем-то иным сотни лет назад.

– Я и так постоянно хожу в утягивающем белье! – возмущенная Анна отодвинула заказанную Куроки огромную тарелку со спагетти. Он лишь усмехнулся: для него, пока что глупого и неразумного, эта девушка призрак – друг, что так неожиданно и вероломно возникла в его жизни. Куроки про-

сто ничего не мог с этим поделаться – его тянуло к ней, как ко всему неизведанному.

– Итальянцы любят больших женщин, – засмеявшись Куроки, окинул княжну взглядом. Почему-то он не замечал ее постоянно втянутый живот и завистливых взгляд в сторону худеньких девушек. Для этого упонца она была такой, как и должна быть: среднего роста и чистого веса в шестьдесят девять килограмм. И если бы его попросили описать ее, то он был начал с карих глаз с вкраплениями не то зеленого, не то голубого; чуть вздернутого носа картошкой (это в следующем году она согласится на ринопластику, когда ее постоянный насморк наконец-то доконает дворцового врача); уже были кое – где мелкие морщинки и парочка едва заметных веснушек. И каштановые (по большей части времени) волосы с постоянно отрастающей челкой. А в остальном Куроки не было дела, он подобно асексуалу, не смотрел ниже головы.

– Ха! – фыркнула девушка и отпила чуть – чуть ледяного сока. – Вы все мужчину одинаковые, когда дело доходит до ваших природных потребностей.

– Ты тоже вступила в партию феминисток? – Куроки откинул с глаз челку и посмотрел на собеседницу, та очаровательно улыбалась проходившему мимо юноше.

– Нет, прости, – отвлекшись, Анна все же взяла вилку. – Я потеряла свое заявление. Да и боюсь меня не примут. Я поддалась твоим замашкам и уже третий день прохлаждаюсь

в Риме, вместо того чтобы сидеть за учебниками.

– Я всего лишь человек, – знал бы он, что через несколько месяцев эти фразу и истраченные в пустую минуты, он будет считать самыми дорогими. Но Куроки не догадывался и просто наслаждался интересной беседой между двумя равными людьми.

– Знаешь, – где-то спустя десять минут молчания, задумчиво произнесла Анна, отпив уже потеплевший напиток. – Альберт посоветовал поменьше интересоваться Англией.

– Не догадываешься почему

– Конечно, знаю, – пошла плечами девушка и чуть надула губы. – Просто зная, что я всегда буду любить Белкрану, он думает, что мое увлечение Англией не оставит место для Грепиль.

– Но ты же любишь свой новый дом, язык и культуру. – Куроки положил свою руку на ее. – Ты стала одна выходить в народ, общаться с ними на французском. И довольно неплохо, разве газеты попрекают тебя? Нет.

– Спасибо за поднятие самооценки, – она на секунду замолчала, а затем чертики в ее глазах начали пугать собеседника. – Тут неподалеку есть старенький кинотеатр...

– только не говори, что этот ужасный фильм все еще показывают в нем, – взмолился Куроки, отодвигаясь от девушки напротив. – Как ты его можешь смотреть. Который раз? Пятый? Шестой?

Анна, скривив нос, отвернулась от него – пройдут годы, а

она все еще будет любить этот фильм.

– Джеймс Кэмерон обязан тебе как минимум личную благодарность, – юноша легонько дернул ее за прядь собранных в хвост волос. – Мы сходим на него и это будет моей первой и последней уступкой.

Он поцеловал ее в щеку и зашел вовнутрь кафе, дабы заказать мороженого.

Первая и последняя уступка, – какая ложь. Когда действительно любишь человека ты потакаешь ему, даришь тепло и хочешь окружить его своей заботой.

Она любила двоих, хоть поначалу это и беспокоило. Виктор и Куроки были разными, в корне непохожими, но такими притягательными и обладающими таким нужным качеством – рядом с ними Анна спокойно могла быть собой, со своими причудами и недостатками. Например, она смогла заставить Виктора съездить с ней во Францию на концерт талантливого паренька, что оккупировал ее сердце, приняв участие в музыкальном телешоу. Куроки же спокойно переносил выставки Ван Гога, от которых мутило ее супруга.

Они оба были великолепны и любимы, вот только Анна никогда не испытывала сильного влечения к телу Куроки и поэтому так легко и непринужденно могла идти с ним под руку или поправлять его волосы. Никто не догадывался, что он был для нее любимым бесполом человеком, которого хотелось лишь обнять и рассмешить.

Она обожала выездные собрания – это означало, что она приезжает в парламент, а не они к ней. Это означало, что в нужный момент ее секретарь подходил к ней с бумагами, показывал их, она хмурила лоб и серьезно рассматривала их, потом просила прощения и покидала этот балаган. Ей нравилось обсуждать, находить решения проблемы, ведь она любила свое княжество и хотела передать своему наследнику его в хорошем состоянии. Она ничего не загубит, будет осторожной и размеренной, завершит все реформы Альберта и засеет поле для новых, для своего приемника. Сейчас вот она думала, что объединить комитет по этике и культуре была плохая идея – поодиночке она справлялась с потоком информации, но сейчас они были просто неуправляемые, особенно в связи с ожиданием отказа постройки храмов других религий, запрета на хиджабы и госучреждениях – все то чего добился Альберт, когда «поймал волну» о 9/11. Теперь эти глупцы успокоились и решили продолжить прививать всем ценности, привезенные с далекой земли. Это не их жизнь, устои и правила. Они католики от мозга костей и она не собиралась прогибаться под чужие интересы, не предаст то во что верил Альберт и его предшественники. Она выдержит, не сломается под напором и не будет «двигаться вперед в глобализацию». Спасибо, она со своей страной останется в тихом и мирном средневековье с католическим храмом во главе. И у этого государства целая улица порочных казино на побережье Галифора.

Члены комитета не получали зарплаты и состояли из людей совершенно разных сословия, профессий, возраста и пола. Их выдвигала общественность ровно на год. Энтузиасты, которые от чистого сердца или для повышения самооценки, занимались общественной жизнью Грепиль. Их решения правда носили лишь рекомендательный характер. Решала все она – это вдалбливал ей Альберт во время обучения. Она есть закон, и только бог выше ее.

– И что вы считаете, Ваше Святейшество? – к ней обратился председатель кабинета и остальные двадцать голов повернулись к ней. Она до сих пор немного пугалась такого близкого внимания к своей персоне. Улыбнувшись, Анна вспомнила свое первое заседание, в качестве регента, на котором тщетно пыталась привлечь внимание яро дискутирующих людей. Анна посмотрела на Альберта, но тот лишь покачал головой мол «выплывай сама». Девушка еще раз попыталась привлечь внимание активных особ. В тот раз ей пришлось встать и кинуть на стол тяжелый ежедневник. Сейчас к ее словам внимали, это было приятно.

– Я хочу напомнить вам, – ее голос был тих и спокоен, что она самое себе напоминала Сору. – Что, во – первых, мы католическая страна... В конституции, которой есть об этом упоминания. Во – вторых, почему мы должны приспособливаться? Люди добровольно подают запросы и, мы же не заставляем их. Они знают куда едут. Разве это не лицемерие с их стороны? Пусть едут в Германию. Сразу, опере-

жая следующий вопрос, отвечаю, что мы не будем повышать квоты на мигрантов. У прошлого князя был план, согласно которому мы не даем визы на въезд новым людям, пока старые эмигранты все, подчеркиваю, все не устроятся на работу. Зарплата – это налоги для государства и благополучие самих граждан. Я не собираюсь превращаться во Францию с ее кварталами для беженцев, за которые платят остальные. Мы слишком малы для такого и это наш плюс и минус одновременно.

Княгиня внимательно рассмотрела присутствующих, надеясь что в какой-то мере она убедила их в своей правоте. И догадаются ли они когда-нибудь, что «план Альберта» на самом деле ее, созданный после того инцидента, когда у нее, в одну из встреч с Куроки, какой-то араб выкрал кошелек.

Послышалась одобрительно бормотание, и затем гул перешел в очередной виток обсуждения. Ведь никто не решится открыто противостоять человеку, в чьих руках твоя жизнь. И такой почти диктаторский подход ее устраивал, Виктор же часто ставил в упрек, напоминая, что у нее не абсолютная монархия и она не Моррас. Он напоминал ей, о том, что и она сама эмигрантка, за что получал отчет полный цифр, о происхождении переселенцев и их истинной причине бегства. Все бежали из Африки, а она просто переселялась по Европе.

Анна почувствовала тошноту, первый триместр подходил к концу, но она была еще не готова рассказать всем о своем

положении. Да, будут поздравления, подарки и умиление с побряжками, но так же и критика: то она что-то не то оденет, то обует, то сидит в позе не удобной для плода, то красит волосы. Господи, она еще не готова к такому кошмару, когда все увидят, как она банально боится взять своего ребенка на руки.

Княгиня кивнула своему секретарю, чтобы он вывел ее, иначе тошнота, что снова подошла прямо к горлу зальет все бумаги. Сегодня все равно ничего не решится, но она же сделала свое дело – дала повод для дискуссии. Значит до следующего месяца и собрания ее миссия завершена.

25.04.2007

Император и императрица Упонии поздравляют князя Грепиль с тридцатисемилетнем!

K and S

– Знаешь, – резкий и немного высокий голос сорокалетней Кэмерон Брюс раздражал местный франкоговорящий колорит. Эта властная женщина, тонкая как струна была единственной, кто мог перечить, давить на княгиню Грепиль и потом не ожидать ответного удара. Все потому что миссис Брюс была ее литературным агентом и что таить – отличным работником, скрывавшим от всех истинный облик своего протеже.

– Что знаешь? – усмехнулась Анна и взяла с подноса чаш-

ку черного чая с сахаром, давно она себя так не баловала. Кэмерон была для нее «своя», со всей этой внешней грубостью и настоящим желанием дарить добро близким. Княгиня это ценила. И поэтому позволяла так громогласно появляться в ее резиденции и спорить, умничать и рассуждать. Как Хезер только ее нашла?

– Все нормальные женщины, – гостя уселась рядом с ней и покорно взяла предложенную кивком чашку. – В твоём положении пишут романы о любви, нежности, радужных пони, леприконах и мире во всем мире, а ты...

Кэмерон перевела взгляд на округлившийся живот Анна и картинно закатила идеально накрашенные глаза.

– Ты написала масштабный ужастик, что впору ставить тебя на одну полку с Кингом.

– Это ведь хорошо? – склонив голову, княгиня улыбнулась своему животу, ей льстило сравнение с Кингом. Она была беременна почти шесть месяцев и до сих пор не могла поверить, что это и вправду с ней происходит. Это новое ощущение казалось ей сказочным и невероятным – она станет матерью, точно хорошей, доброй и заботливой. А потом у нее будут еще дети, она не собиралась останавливаться на одном и отпускать этого чудо – доктора из Упони.

– Это хорошо, – пожалала плечами англичанка, что умудрилась успешно работать во французском филиале крупного британского издательства. – Но твои постоянные читатели, узнав о новом романе, завалили редакцию письмами с од-

ним лишь вопросом «Что случилось плохого в жизни милой Гейл, что она так резко поменяла стиль?» И что мне ответить в пресс – релизе? «Все хорошо, просто автора беременна?». Да, я сама себе руки вырву, если сяду это печатать.

– Кэм, милая Кэм, – Анна накрыла ее руку и посмотрела в ее усталые голубые глаза. – Ты же профессионал. Справишься. Скажи, что меня бросил парень или умерла любимая лошадь. Я ведь все еще живу затворником на острове в Шотландии?

– А может мне сказать, что ты пишешь любовные романы, а иногда вечерами подписываешь приказы о расстреле? – передразнила ее Кэмерон.

– Ох, эти твои американские корни. И у нас электрический стул, – улыбнулась княгиня и легонько похлопала по руке.

– Ты уже решила с именем? – гостья задала вопрос, мучавший ее с самого начала встречи.

– Мы решили пока не узнавать пол, – Анна нежно приобняла живот. – Но я очень хочу девочку. А имя... У меня столько вариантов, что титульной бумаги не хватит. Елизавета Прюденс Стефания, Анна Шарлотта Грейс, Малефисента Ариэль Энн.

– Бедный ребенок, а если все же мальчик?

– Я не знаю, – несколько секунд задумалась хозяйка дома. – Виктор не хочет, чтобы мы называли в честь его родственников. Мне нравилось имя Александр, но оно уже за-

нято моим братом, принц Уильям уже есть. Ричард и Киану остаются, но последнее имя как-то не особо подходит для этой местности.

– Ну, у тебя еще есть время. Правда, мы с мужем выбрали имена детям месяцев за пять до их появления.

– И назвали Энн и Том, – уколола ее Анна. – В нашем случае это не пройдет, сама знаешь – всем нужна пафосность.

Погода в этот десятый июльский день явно решила не радовать выпускников Кембриджа: проливной дождь шел вторые сутки, заливая мощенную камнем дорожку к дому Сакуры.

– И все – таки я гений, – похвастался сам себе Саша, стоя под зонтиком у входной двери, ожидая, когда Сакура наконец-то ее закроет на все замки.

– то есть – девушка убрала ключи в сумку и, поправив выпускную мантию, легко поцеловала Александра в губы. Она уже ничего не ожидала от их отношений, прекрасно видя как в будущем их пути расходятся, но как хотелось задержать этот поезд.

– Я о резиновых сапогах! – юноша, смеясь, кивнул на свои ноги, на которых красовались сапоги расписанный под хохлому. Своего рода шутка, жаль ее оценили лишь роскранцы, живущие неподалеку и Анна, которой он показал покупку. Помниться, она дарила Куроки шапку – ушанку, когда он в очередной раз перепутал расположение Белкраны и Роскра-

ны.

– Подумаешь! – воскликнула принцесса и с размахом наступила в лужу, обрызгав своего гостя.

– Тебе не говорили, что ты стерва? – снисходительно поинтересовался Саша, все же идя рядом и держа над ними большой черный зонт.

– Я каждое утро себе это говорю.

– Заметно, – вздохнул Саша, усаживаясь в подъехавшее такси. Он не мог до конца понять, что же его держит рядом с Сакурой, ставшей такой раздражительной и грубой. Она потеряла свою веселость и беззаботность, которая его привлекала. Эта непостоянная дружба, недоотношения, связь. Что это? Он все же надеялся, что до Нового года они смогут разобраться в своих идиотских запутанных отношениях вновь став друзьями или наконец-то официально полноценной парой.

Им нужно просто сесть и поговорить, сделать первый шаг, который все и решит. Это не так страшно.

20.09.2007

Впервые в своей жизни я хочу признаться тебе в нечто страшно сокровенном: я до злобы завидовала Соре, когда та была в положении.

В тот момент и в следующие несколько лет я бы душу продала без остатка, все богатства Грениль отдала за ребенка. Маленького, пахнущего молоком и присыпкой. Улы-

бающегося, плачущего, беззубого и не спящего. Отчасти похожего на тебя. Почему я никак не могу забыть тебя?

Виктор недавно пошутил:

– Знаешь, я точно замечу, если дети будут от Куроки.

Чертов мелочный расист. Это шутка. Для нас это нормальный разговор и знаешь, правдивость его заявления забавна. А ведь если бы ты был европейцем... Как раньше люди разбирались кто чей сын?

Мама и Хезер постоянно следят за моим режимом и малейшее отклонение так сразу звонок доктору или Виктору за очередными нравоучениями. Ваш упонский доктор просто тиран, но я честно стараюсь выполнять его предписания.

Представь: еще чуть – чуть и я стану матерью. Мне не верится. Это просто нереально. Я чувствую себя шариком, готовым взлететь.

Мы с Виктором все же решили узнать пол (Хезер с мамой ворчали, что нужно готовить соответствующую детскую) – оказывается все наши помпезные женские имена не нужны.

У меня будет мальчик.

Послушай.

Ма – ль – чик.

Сын.

Наследник.

Я не верю.

Теперь у семьи новая головная боль. Как же нам назвать наше маленькое чудо?

Самой интересно: Виктор, как ты знаешь, против своих «семейных имен», Хезер предложила скрестить два имя, а Кэм (мой литературный агент и тоже тиран) все еще надеется, что я назову ребенка в честь героя Роулинг.

Киану и Ричард.

Чарки, Ричану, Киард...

Киард – звучит. Властно, жестко и интересно.

Киард Сириус Альберт. Нет, Кэм точно напьется из – за Сириуса. Киард Грегори Альберт...

Киард Грегори Альберт.

Надо сказать маме и Виктору!

В одном я точно уверена «Киард» – единственное, идеальной, неординарное. Точно таким же будет мой сын.

Ты представляешь У МЕНЯ БУДЕТ СЫН!!!

С любовью А.Р.

Виктор впервые держал на руках своего сына. Мальчика – ангела, что родился в девять утра шестнадцатого октября, огласив своим криком еще сонное княжество.

– Киард, – нежно проворковал мужчина, баюкая ребенка. Ему было ужасно неприятно на это идиотское несуществующее имя, на то, что Анна закатила истерику, когда они с Марией сказали «нет». Это все было какой-то далекой, почти забытой глупостью, ведь он смотрит на самого красивого маль-

чика на свете. Виктор еле слышно запел колыбельную, что пела ему бабка в детстве, а окружающий мир, словно замер, прислушиваясь к старым, как рифма словам.

– На площадке перед больницей собралось множество людей, – Мария присела на край больничной койки дочери. – Они принесли множество цветов, игрушек, открыток. Там так красиво.

– Но я навряд ли смогу сейчас встать и посмотреть, – Анна чуть повернула голову, дабы посмотреть, где стоит муж и сын.

– Они знают, – Мария погладила ее по все еще мокрым волосам, делая пометку в голове пригласить Хезер, чтобы привести княгиню в порядок. – Они знают, как тяжело тебе пришлось и все желают тебе скорейшего восстановления сил.

– Думаешь, они и вправду меня любят? – недоверчиво спросила она и услышала, как Виктор фыркнул.

– Конечно, – ее мать осуждающе посмотрела на зятя, тот лишь закатив глаза, подошел с Киардом к окну, за которым жило зарево от зажженных свечей в разноцветных плафонах.

– Если он еще раз хмыкнет, – затараторила по – роскрански Анна, хмурясь от боли. – Я с ним разведусь.

Мария тихо рассмеялась, легко хлопнув возмущенную дочь по руке.

Анне было больно, но эта боль не шла ни в какое сравнение в той нежность и радостью, наполнявшей ее, когда она видела темненькие волосики на голове своего сына.

31.10.2007

Подумать только! Двадцать восемь! Еще два года и юбилей!

К.

06.11.2007

И не забывай, что через два года и НАШ юбилей!

А.Р.

25.12.2007

С Новым Годом и Рождеством!

Пусть ангелы поют псалмы. Пусть счастье будет в вашем доме вечно!

К., С., Т.

Она любила напевать про себя, воспроизводя в голове оригинал. Ведь голос юноши был чарующим, подобный частым взмахам колибри, завораживающим. Этот мальчик был новым глотком, звездой во Франции и ее соседей. Ангел с застенчивой открытой улыбкой, которого так хотелось уберечь от всего. Юноша, который так и не встретит старость или забвение. Анна, как и многие франкоговорящие, поддалась его очарованию, таланту и трагичной историей. Да. Что греха таить – в свое время она голосовала за него, смотря то самое шоу. Ее сердце разрывалась, когда она узнала, что его

больше нет. Ужасно, она больше переживала о смерти французского певца, чем о своем отчине. Но может быть, потому что первый был так молод и так быстро угас?

Для одних Рождество это время чуда, для других воспоминания. Анна не могла определить к кому относится. Она смотрела на своего спящего двухмесячного сына и не могла поверить, что он действительно ее. Ее кровь и плоть, частичка души, человек ради которого она отвернется от всех.

Темные волосики от Виктора, еще не потемневшие глазки и носик пуговкой, так забавно сопящий. Пухленькие щечки и надутые губки, когда он был недоволен. Она до сих пор боялась его ранить, сжать чуть сильнее или надавить. Виктор и Хезер с няней куда увереннее с ним управлялись. Киард Грегори Альберт, будущий князь Греспубли, над первым именем которого потешалось полстраны, пока с легкой руки придворного священника отца Кристофа, другие священнослужители не начали пропагандировать историю о прекрасном выборе имени: одни славили Альберта и думали, что Грегори в честь святого. Наивные не предполагали насколько была сильна любовь к этому французскому мальчику с белыми розами. Правду знал лишь Виктор, который был просто счастлив каждый день видеть улыбку жены и сына.

Мальчик, дрыгая ручками, сладко зевнул во все, а Анна готова была разлететься на несколько миллионов звезд, от той нежности, что переполняла ее сердце.

Все получилось. Они смогли, поддерживали друг друга,

и теперь им просто нужно было жить и наслаждаться этим покоем.

– Tu s mon anP béni ds diux, – тихо пропела она и дотронулась до теплой головки сына. Она хотела еще детей, пусть это бы стоило ей целое состояние. Темноволосых, так же мирно сопящих, как ее ангел Киард. Ее любви хватило на всех.

25.12.2007

С Рождеством!

P.S. Мы с Сашей приготовили для вас с Сакурой подарок – мы расстались.

Pr.S.

31.12.2007

Я надеялась на скандал и битье посуды.

Молодежь, учить вас всему нужно!

С Новым годом и пусть принесет он тебе счастье!

A.P.

31.12.2007

С Новым годом!

Пусть драконы охраняют ваши границы! Путь воды омывают берега. Пусть это будет всегда.

A.P., V.,K.

Глава 16

Это был своего рода антирекорд: они еще не пробыли часа на вечере, посвященном СПИДу, а Сора уже пригубила второй бокал, тем самым выводя Куроки, что старался сохранить лицо и спокойствие, даже когда она остались дома наедине. Его раздражала это нынешняя покорность Соры, спокойствие и безропотное течение по жизни. Хотя... Он врал себе даже сейчас, прекрасно понимая, что если бы его жена не была такой тихой и мирно, они бы давно разлетелись на куски. Просто... Просто иногда ему хотелось взять ее за грудки и встряхнуть, вызвать гнев и агрессию, выпустить пар, обоюдно высказав все что накопилось за эти годы. Но она... Только выпив лишнего Сора, позволяла себе спуститься с внутреннего ошейника своих бесов.

– Что опять не так? – спросил он устало, даже не силясь догадаться. У него целое государство ежедневно бунтовало и не хватало еще бродить в скучнейших лабиринтах обид собственной жены, хоть он и знал, что эти суждения пахнут чертовским эгоизмом. Вот Анна наверняка бы его поняла. Куроки давно о ней не мечтал, ибо не было времени: все отнимала страна и сын, да и повода тоже не было – Сора умудрилась заполнить все сознание. Временами ему казалось, что все их общение лишь для «галочки», из чувства совести и все. Значило ли этой, что он наконец-то ее отпустил или это

время с расстоянием все же победили эту коварную юношескую любовь.

– Почему ты не спросил, хочу ли я ехать в Грепиль? – Сора обреченно уселась на заправленную постель и сбросила туфли с ног. Как же она устала считаться с ним! Устала от его нервов и плохого настроения. Почему он не может просто любить ее. Так же сильно как любит его она? Дорожить каждым мгновением? Почему постоянно именно из – за него она чувствует себя несчастной? Несчастной и нелюбимой. С любимым мужчиной. Какая ироничная игра слов. Алкоголь помогал ей забыться, отпустить все печали и гнев, выговориться. Если бы у нее были подруги, все было бы намного проще, но императрице нельзя иметь душевных друзей. Всегда есть шанс предательства. – Я не хочу туда. Не. Хочу! Почему ты вечно нас сталкиваешь? Тебе нравится наблюдать, как мы с ней смущаемся при виде друг друга? Что? Ты хочешь, чтобы мы подружились? Открыли клуб тех, кому император Упонии растоптал сердце?

Ее голос сошелся на крик и повис в тишине комнаты, оставив после себя лишь ошарашенное лицо Куроки. Да, он, правда, хотел, чтобы дружба между двумя семьями крепла, чтобы Сора могла разговаривать наравне с Анной, не опасаясь и будучи дружелюбной. Как он был рад, узнав, что ей нравятся романы княгини, что в свободное время императрица рисует сцены. А может через эту встречу, он надеялся навести новый мост и снова зажечь ту искру между ними?

Вдруг бы вспыхнула снова та страсть, что питала его эти годы?

– Господи, – вздохнула Сора и улеглась на кровать, закрыв глаза. – Как я ничтожна, как ты...

Ее дыхание стало размеренным и спокойным. Куроки подошел к жене и понял, что ты просто уснула, выплеснув последнюю энергию. Он осторожно уложил полностью ее в постель, аккуратно снял платье и укрыл одеялом. Его сердце тяжело от боли, от осознания того, что он и вправду калячет тех, кого любит. А еще он точно не заслужил Сорю, постоянно губя ее и держа над пропастью. Куроки даже не вспомнил сразу, когда в последний раз она так звонко и разительно смеялась. Да, точно, когда Такэо сделал первый шаг. А может... В его голову закрасть простая и в тоже время гениальная мысль – предложить Соре завести еще одного ребенка. Такого же чудного мальчика. Это даст ей новый стимул жить и перестать пить, а еще раз это будет не наследник, она сможет больше времени проводить с ним. Не будет такой удрученной и несчастной. Мужчина улыбнулся – а говорят, что он глупец.

Солнечный блик отразился на наполированном серебряном подносе и больно ударил по глазам.

– Может быть, не стоит это делать при искусственном освещении? – вежливо поинтересовалась княгиня Мария у Хезер, стоявшей в стороне и следившей за процессом. Все

чаще Марии казалось, что именно эта коренная жительница Грепиль и является хозяйкой дворца. Но ничего не могла возразить против – Хезер, у которой и официального наименования должности не было, выполняла все как надо.

– Ее Святейшество очень ждет этого визита, – проходя мимо Хезер сморщив острокрылый длинный нос, резко ударила полотенцем по рукам одного из слуг. Тот сразу исправил свою ошибку, моментально надев чистые белые перчатки. – Мы не должны ее подвести! Опозориться в глазах гостей? Ну, уж нет! Ее Святейшество погубила свою молодость, чтобы у нас была достойная старость, и мы должны воздать ей.

– Но ведь к ней приедут друзья с неофициальным визитом, – добро улыбнулась Мария на возмущенное выражение лица Хезер. Раньше они не занималась и не замечала тонкости подготовки дворца к какому – либо событию – этим руководили специально нанятые люди, потом ее дочь и вот на смену пришла Хезер. Княгиня улыбнулась: ее дочь скрупулезно выискивала в книгах факты и обычаи, обыгрывая их на новый лад и иногда даже сокращая тем самым затраты на празднества. Стоит признать, что в отличие от Альберта, его приемница любила не брать, а все складывать в казну, чтобы потом с размахом завоевывать любовь граждан, используя эти деньги во благо княжества.

Нет, Анна никого особо не стесняла в средствах, но и не давала им повода смотреть свысока на граждан, проводя по-

литику «будь ближе к народу». Иногда Марии казалось, что ее дочь в лучшем случае строит немного измененную версию Советского Союза, но все чаще проскальзывали в ее расчетах действиях империалистические замашки. Но оставались шикарные казино и гонки на скоростных болидах, по окраинам страны где-то среди новопосаженных лесов, тихо ожидали свое время роскранские ПВО, за которые княжество получило огромную скидку на газ и нефть. Сколько бы лет не провела ее дочь в Грепиль, она всегда будет оглядываться в сторону столь родных и любимых стран.

– Ее Святейшество просило поразить императрицу Сорру, – Хезер вновь уделила свое драгоценное внимание княгине Марии. – Легко и ненавязчиво.

Княгиня, чуть склонив голову, спрятала свою улыбку – а она-то уже боялась, что ее дочь решила стать перфекционистом.

– Ваше Святейшество Вдовствующая княгиня, – так высокопарно к ней мог обратиться только старый – добрый Жан – Поль Роше. Женщина развернулась и увидела министра, что с легким недовольством на лице, мял в руках кожаную папку.

– Что случилось, месье Роше? – Мария подошла ближе, и машинально поймав свое отражение в стекле шкафчика, поправила прическу.

– Мы не можем найти княгиню.

– Разве она не в кабинете?

– Нет, – чуть не топнул ногой мужчина. Он терпеть не мог когда так с неба на голову, словно камни падали такие высокопоставленные гости. – Ее нет с князем, нет и сыном.

– Я уже здесь, – послышался спокойный голос потерявшейся особы. – Я была в аббатстве, проверяла, как идут работы по реконструкции.

– Можно было предупредить, – Роше сменил тон на заискивающий. – Ваше Святейшество, вы снова выходили за пределы дворца без охраны?

– Можно было бы, и позвонить, – пропустила второй вопрос мимо ушей Анна и взяла мать по руку. – Мы можем все обсудить по дороге.

Жан – Поль скривил лицо позади нее, но все же пошел следом, докладывая о своем недовольстве.

14.03.2008

Я чувствую себя немного обманутой из – за того что ты не приедешь со своим братом.

Именно ты по всем моим подсчетам и планам должна была разряжаться всю обстановку. И что теперь? Бедный Виктор обязан бегать из одного конца дворца в другой, дабы всем угодить.

Надеюсь, что это не из – за твоего разрыва с Сашей, иначе я буду огорчена и зла на него. И да, он все равно не придет – ведь последний год обучения.

И, слава богу, он не будет отличником, иначе я бы ужас-

но комплектовала. А проблем мне и так хватает: Киард умудрился где-то подхватить простуду, и теперь весь персонал дворца ежедневно посещает врача. Надеюсь, он выздоровеет до своего Крещения, иначе придется все отменить. А ведь как мы хотели все провести, как только мое любимое аббатство отреставрируют. Ты должна это увидеть: шпиль, что взмывает в небо и словно пронзает грозовую тучу; фрески, чудом дошедшие до нашего времени и холодный мраморный пол.

Ох, я в жизни не думала, что буду, как фанатка благоговеть перед домом Господним. Но видно время делает свое дело и я уже привыкла считать себя добросовестной католичкой, со скелетами в шкафу.

Обязательно приезжай, когда освободишься. Я так соскучилась по твоему бесшабашному характеру.

Жду тебя

А.Р.

26.04.2008

Сора все еще терзает прислугу Дворца: судя по всему, она до сих пор под впечатлением от помпезности твоего приема. Золотце мое, за что же ты так с несчастными упонцами?

Сакура рассказала, что ты все – таки решила посетить того парня из Франции. Право, я уже и давно забыл, что ты простой сентиментальный человек, дрейфующий в течение настроения и времени.

Я помню, как ты оккупировала свою Джоан и готов был поставить памятник за ее терпение. Но она уже закончила свою историю, а ты все пишешь новые. Интересно она читала их?

А теперь этот мальчик: почему я раньше не слышал от тебя таких слов восхищения о нем? Да, ты говорила, что он красиво... нет, душевно поет. Но таких тысячи. Что же в нем такого, что ты, бросив все дела, полетела именно тридцатого? Может быть я черствый и ничего не понимаю? Или это снова «та, незримая связь, что простые смертные не могут понять»?

С любовью, К.

– У тебя все серьезно с этим архитектором? Он же, – Куроки задумчиво потер подбородок, но жест казался камерным. – Непрезентабельный.

– Долго придумывал? – Сакуре было совершенно наплевать на то, что брат думает о ее новом избраннике. Он просто был: сотканный из спокойствия, что переживало ее вспышки гнева, радости и тоски. Этот двадцатипятилетний юноша просто умел находить золотую середину и держаться ее, в отличие от некоторых. Он не был особенным или чрезмерно талантливым, просто человек, рядом с которым сейчас Сакура чувствовала себя нужной. А это куда дороже денег.

– Если ваши отношения смогут преодолеть время, – юный император чуть нахмурил лоб. – то я уверен, что твой архи-

тектор сможет работать за рубежом.

– Какая щедрость, – выплюнула его сестра.

Они сидели напротив друг друга и играли в ненавистные обоим шахматы, но только так они могли спокойно в одиночестве поговорить.

– От человека, что словно конем проехал по сердцу любимой женщины, написав лишь пару строк, – начала снова Сакура, сделав ход. – Это противно слышать. А твой поступок глуп и импульсивен. Ты знаешь, что она обиделась? Это единственная тема – табу, на которую даже Виктор не шутит и не юлит. Анна действительно любила этого французского мальчика. Ты что не знаешь второе имя Киарда?

– Я не знаю, что на меня тогда нашло, – тихо произнес Куроки и, встав, подошел к раскрытому окну, дабы сестра е видела его лица. Он просто устал от постоянного упоминания этого мальчишки, возведению его в ранг святых. Это была не ревность, а какая-то ненависть, тесно связанная с завистью. – И что мне делать?

– Пошли ей букет белых роз с запиской «Прости» или лучше позвони, – небрежно махнула рукой Сакура. – Не знала, что ты иногда бываешь не контролируемым.

– А я и забыл, какая здесь жара зимой и летом, – вздохнул Саша и потянулся за бокалом холодного сока. Шла вторая неделя как он вернулся в княжество, окончив наконец-то свою учебу и получив диплом специалиста. Он за эти долгие

пять лет отвык от того, что он августейшая особа: в Злате никто из однокурсников даже и не думал преклонить пред ним колено или сделать банальный поклон головы. Они все были равны, отчасти пафосны и Александру это нравилось. Но вот он вернулся в свой новый – старый дом, полный идей и впечатлений и словно был громом пораженный, когда осознал, что от него ждут исполнения обязательств: посещение выставок и светских раутов, работы над имиджем семьи и прочих ересей этикета. А он-то, поддавшись юношескому максимализму, хотел изменить мир, всматривался в ту приоткрытую дверь, видя там сияющее будущее. Он мог бы путешествовать, преподавать. Может стать волонтером? И лишь набравшись смелости он озвучил свои мысли сестре и матери, собрав их в тихом укромном кабинете.

Анна, чуть сощутив глаза, предложила ему для начала устроиться лаборантом в университет Грепиль, а Мария... Она так хотела, чтобы хоть один из ее детей остался окрыленным и необременным правилами. Просто счастлив. По – настоящему. Вдовствующая княгиня меланхолично и просто желала спокойно провести свою оставшуюся жизнь, зная, что ее отпрыски смогут позаботиться о себе, раз они стали такими взрослыми и ...

Дочь за последние годы отдалилась от нее, замкнувшись в своем маленьком семейном мирке, оставив матери следить за состоянием дворца и «лица» семьи. Конечно, была еще благотворительность, но все было не так: впервые годы брака

с Альбертом она была всем нужна, как воздух. А теперь. Теперь она просто нужна, когда капризничает Киард, что мать ему не может уделить больше внимания, или она же решает не ехать к соседям на прием. Просто нужна. Это немного обижало ее и беспокоило, но видя иногда немного усталую улыбку дочери, что сидит на полу рядом с сыном, все ее горести становились бессмысленными и она тихонько брала фотокамеру, дабы запечатлеть этот момент.

– Ты просто давно у нас не был, – Мария легко потрепала по макушке его светлые волосы. Он все еще походил на молодого ДиКаприо, в отличие от темноволосой немного грузной сестры.

– У меня завтра первый рабочий день, – Саша машинально посмотрел на мать, дабы узнать одобряет ли она его тернистый путь к преподаванию. Он с легкостью мог получить должность в университете. Но, как и Анна, считал, что нужен опыт и еще больше знаний. А тем более для преподавателя истории и политологи. Сначала подработка лаборантом совместно с платной («не отбирать же шанс у детей Грепиль!») магистратурой, затем помощник преподавателя, младший преподаватель и так далее по тропинке его семилетнего плана, что он составил и гордился.

– Лето же! – усмехнулась Мария, вскинув руки.

– И что? – удивленно спросил сын, вспоминая все ли он приготовил для завтрашнего дня. – Аня, вон каждый день что-нибудь да делает. Виктор в разъездах, ты с Киардом и со

своими фондами. И я тоже хочу хоть что-то оставить после себя, пусть это будет статья в университетской газете. Не хочу быть простым прожигателем жизни, спасибо, у меня есть пример как это все закончилось.

– Это ты про своего однокурсника, что теперь без рук? Еще не облазишь? – к ним из дома, расположенного за городом, вышла Анна, держа на руках Киарда, ведь его постоянная няня была выходная, а отец, что вечно рядом, находился в Китае на подписании очередного контракта. А ведь они договорились, что по четным он следит за сыном, конечно под присмотром профессиональной няни, нанятой Хезер.

– Не обгорел, – Саша чуть поднял голову и посмотрел на сестру, что улыбаясь, стояла в тени покрытой террасы.

– Я бы на твоём месте помазала нос кремом, иначе снова повториться прошлогодний ожег и ты наконец-то страшно похожим на Темного Лорда, – княгиня опустила сына в специальные ходунки. Киард засмеявшись, побежал в сторону входной двери дома, где на кухне его ожидала Хезер и вкусное пирожное, запрещенное матерью.

– Хезер! Даже не думай ему давать его! – крикнула Анна.

– Вокруг одни враги, – пробурчал Саша и резко встав, скрылся в доме вслед за племянником. Его сестра махнула рукой, прекрасно понимая, что ее сын, конечно же, получит все что потребует, а мама вновь будет плохой.

– Виктор звонил, – Анна села на шезлонг рядом с матерью и раскрыла зонтик от солнца. Он терпеть не могла быть

загорелой.

– Что-то не так?

– Все хорошо, – неопределенно пожала плечами дочь. – Они уже подписали контракт на поставку новой древесины. Он встретился там с Куроки, они выпили чай и немного побеседовали о политике.

Она замолчала, раздумывая над тем, стоит ли посвящать мать в столь интимный разговор ее мужа и императора Упо-нии.

– Он попросил у Виктора разрешение съездить со мной в две тысячи десятом в Ирландию на неделю.

Мария удивленно посмотрела на дочь, совершенно не понимая серьезно ли та говорит или нет. Пусть в первое время эта их нынешняя дружба – симпатия сначала умиляла ее, а потом настораживала, а Альберт совершенно спокойно обсуждал их бурный роман, но сейчас спустя столько лет что-то колыхнуло в ее сердце вновь: тот неосязаемый страх, что Анна совершит роковой шаг, подобно тому, что отправил ее в Рим.

– И что Виктор? – сняв очки, женщина посмотрела на дочь, за столько лет так и не разобравшись в ней.

– Посмеялся, но разрешил, – Анна отпила оставшийся от брата сок. – Не смотри на меня так. Не надо. Когда Виктор делала мне предложение, он знал, что у меня есть прошлое, сложное и неопределенное. Вот только в отличие от его бывших пассий, мы с Куроки не спали. У нас... Как это сказал

Виктор? Интеллектуально – духовный роман.

– И долго он до такого доходил? – Мария уже не смотрела на нее, почему-то отведя взгляд. Она снова чувствовала обиду, непонимание и каплю злости. Причем злости на себя ведь она воспитала ее такой.

– Виктор слишком много для меня сделал, что бы я подобно героиням дешевых романов бросилась в омут. Мне свое время хватило объятий и поцелуев, – с серьезным тоном произнесла княгиня Грепиль. – Дальше десятого просмотра «Титаника» не дойдет. Возраст что ли...

13.09.2008

До поездки всего два года! Нам нужно успеть груду дел сделать: я хочу посетить кучу мест, ведь навряд ли в ближайшее время я куда-то выберусь. И обязательно заедем в Лондон – я так давно в нем не была как турист, что соскучилась ужасно.

У меня столько идей и эмоций, что иногда мне кажется, что вся эта гиперактивность это банальное последствие от таблеток. И кажется забавным. Я на таблетках. Колесах. Ха.

А еще...

А еще я начала задумываться о втором ребенке. Чисто теоретически.

Конечно, понимаю, что итак не слишком много времени и внимания уделяю Киарду. Но я так хочу маленькую девочку,

пахнущую молоком и присыпкой, что смешно будет дуть губки и звонко смеяться, доводя до белого колея старшего брата.

Глупая женская мечта, несоизмеримая с проблемами мира и княжества в целом. Но у меня есть поддержка и я благодарю Бога и судьбу за то, что свели меня с Виктором. И с тобой.

С любовью, А.Р.

– Я рад, что он ирландец, – Куроки запахнул пальто и посмотрел на княжну Грепиль. Он прилетел в этот промозглый сентябрьский Лондон лишь ради того чтобы выпить с ней чашечку кофе, пройтись по улочкам о которых догадывался лишь главный архитектор города.

– У меня с ним не роман, – пожалала плечами Анна. – Он просто приехал с труппой в Грепиль давать спектакль. И был, кстати, очень неплох.

– Актер или спектакль? – усмехнулся Куроки. Он не должен был быть здесь, но когда тебе двадцать четыре и ты еще свободен от обязательств – все, что может случиться в будущем из – за неосторожно произнесенного слова или шага не имеет значения. Пока что принц потчевал свой разум несбыточными мечтами, четко отгораживая от реальной горечи своего бытия.

– Ты такой ревнивец, – ей надоело сидеть напротив него, и она пересела ближе, придвинувшись к юноше и положив

голову ему на плечо. – Я всегда мечтала жить в этом городе. Пусть говорят, что Париж это город влюбленных. Что он прекрасен. Для меня это не так. Лондон – вот это место. Лондон, словно свободная зона, утешающая, укрывающая нас с тобой от остального мира. И ничего и никто нам не мешает. Мы можем просто сидеть и молчать, рассматривая серую Темзу.

Куроки чуть улыбнулся и взял ее руку в свою. Он уже давно перебрал в своей голове все варианты, но не один из них не мог бы быть осуществлен – они оба слишком крепко были привязаны к трону. Куроки точно знал, что при всем своем отношении к нему Анна никогда ни на шаг не отступится от наследства Альберта, как бы мучительно тяжела эта ноша не была. Но она поставила перед собой цель и не могла дать чувствам, в которых сомневалась, дать проявить себя и бросить все в пропасть. За это короткое знакомство он это отчетливо понял: по письмам, по телефонным звонкам и сообщениям, по ее реакции на те или иные события. Да, что греха таить, и он не собирался отступать от трона. Куроки бы просто не смог жить в изгнании без своей семьи – он даже в мечтах и размышлениях не мог представить подобное.

– Ты мой спасательный круг, – Куроки поцеловал ее в макушку и чуть сжал руку. – Я думаю твоя идея отмечать годовщины нашего знакомства не такая уж и глупая.

– Ну, спасибо, – пробурчала девушка и легко стукнула его коленкой по ноге. – Я перед ним три часа подряд несую одну

чепуху, а он произнес лишь одно предложение.

– Все потому что ты мечтатель, дурочка, – он прижал ее к себе и рассмеялся. Легко. Ему действительно было с ней легко. Не нужно было контролировать себя, прикидываться другим человеком или приписывать себе определенное поведение, следить за ловами. Ему было всего двадцать четыре, и поступать, так как ему заблагорассудится, жить по – своему, не думать о последствиях. Быть простым человеком.

31.10.2008

Двадцать девять! До сих пор не верю!

К.

6.11.2008

Ты обещал, что в тридцать будешь мудрее, но вот прошло два года, а воз и ныне там.

А.Р.

25.12.2008

С Новым годом и Рождеством!

Счастья, удачи и свершения всего задуманного!

К,S,T and Sakura

31.12.2008

С Новым годом!

Пусть драконы охраняют ваш покой!

A, V and K.

Люди вокруг улыбались, пожимали друг другу руки, шутили и смеялись, профессионально изображая старую добрую ярмарку тщеславия, что-то обсуждали и вели себя подобающе. И почему-то именно в этот день они решили вспомнить, что среди них есть член августейшей семьи. А ведь до этой летней встречи выпускников некоторые из них совершенно не замечали Сашу и его маленькие странности. Смахнув отросшую челку с глаз, Саша не спеша подошел к группе девушек, что училась с ним в одном потоке.

– Ваше высочество, – чуть в рассинхрон произнесли они присев в глупый и неудачный реверанс. Или виной тому было вино в их бокалах? Но дружный смех после выдавал в них стайку школьниц.

– Вообще "Святейшество". Но посмеялись и хватит, – подавляя смех произнесла Жанна Ганрип, его бывшая однокурсница, что стояла ближе всех нему. Вот только в ее зеленых глазах не было ни капли раскаянья. Александр снисходительно посмотрел на нее: та слишком была похожа на его сестру, вот только та могла спокойно "опустить" своего собеседника, а с языка Жанны всегда капал яд.

– то ли я от вас отвык, то ли вы за год стали злее, – сдержал насмешку Саша и чуть пригубил из бокала. Жанна закатила глаза, снова привлекая его внимание: все те же рыжие выпрямленные волосы, что должны вообще-то одуванчиком

окружать голову и придавать хозяйке более милый вид; та же стройность и подтянутость, ведь негоже дочке посла плохо выглядеть на фото. Странно... Когда они учились, стоящие перед ним девушки казались ему невыразительными и не стоящими внимания. Жанна была за белой пеленой, в особенности из – за своего характера и того, что видела его почти каждый день, а сейчас... Он встречался с Сакурой и Ксенией с юрфака, был своеобразной звездой курса, как бы сестра не просила его не выделяться. Но когда перед тобой столько возможностей и свободы, как не дать себе шанса отгулять на всю оставшуюся жизнь? Вот теперь все иначе: его однокурсницы красавицы и умницы. За которыми вьется вереница мужчин, а завтра ждет хорошая работа с соответствующим окладом. А прошел всего год.

– СМИ писали, что ты поступил в магистратуру в Грепиль, – с полной серьезностью произнесла Жанна, когда стайка сплетниц переключалась к очередной жертве насмешек – сыну миллионера. Впрочем, он не мог их винить – они получали своего рода возмездие, возможно и заслуженное.

– А они, они не писали, что я к тому же и лаборант в этом университете? – поинтересовался Саша. За последний год он неплохо влился в жизнь княжества и на работе, хоть и немного, но относились к нему с добротой и уважением, конечно же, не давая поблажек. Александр думал, что это указание сестры. А здесь и сейчас они все были равны: и Ганрип, что училась на контракте (из – за гражданства Грепиль)

и получала весь набор оценок из – за своей лени и своенравного характера. Как и Коля, сын политика, приезжавший в университет на новейшей версии ВМВ, чем вызывал у окружающих зависть. Правда, паренек он был неплохой.

Девушка фыркнула и поставила бокал на поднос проходившего мимо официанта: Саша не мог припомнить, чтобы за все пять лет его собеседница так подкрепляла себя алкоголем, видно ей, как и ему не по себе. Лично он немного отвык от такого обращения, где спускают с небес на землю, хотя он все еще помнит, как она поставила его на место, пристыдив фотографиями из Ирландии и потраченными впустую деньгами. Кто бы мог подумать, что и дочка посла будет дорожить его имиджем.

– Как я предполагаю, ты решил преподавать? – Жанна аккуратно достала из сумочки платок и протерла им у глаз, возвращая свою немного сбежавшую подводку на место. Не стоило так сильно смеяться.

– Да, – пожал плечами юноша. – Нужно же мне чем-нибудь заниматься. Ты кого-то ищешь?

Он наконец-то заметил, что его бывшая одноклассница постоянно коситься в сторону.

– Либо у меня мания преследования, что не исключено, либо вон тот мужчина, – Жанна легко кивнула в сторону дальнего столика, близ играющих музыкантов. Пытается нас сфотографировать.

– Все возможно, – с недовольством нахмурился Алек-

сандр. Ему стало немного стыдно и некомфортно, что из – за него все присутствующие могут обнаружить свои фото в газете или интернете.

– Прости, – почти обреченно произнес Саша, полностью копируя интонацию своей сестры, когда та просила прощения у своего мужа за невинные оплошности. Юноша отчетливо понимал, с какой бешеной скоростью работает затвор фотоаппарата и даже сам мог помочь с придумыванием заголовком. В Грепиль такого бы не произошло: сестра отлично проработала над законом о закрытости личной жизни. Особенно известных персон – ведь до сих пор никто не знает, что она на девятой недели беременности. Даже сам Куроки.

– Подумаешь, – отчего-то добродушно отмахнулась Жанна и улыбнулась. – Я в кои-то веки накрасилась. Да и была в курсе этого доведка, когда решала, охмурить тебя или нет.

Сама уставился на нее непонимающе: шутит ли она или нет. Вот в чем была ее проблема – никто никогда не понимал ее переменчивого характера, граничащего с психическим расстройством. Ее милому отцу все – таки стоило либо сделать тест на ДНК, либо показать ее психиатру.

12.07.2009

Спасибо тебе за слова скорби и помощь в трудную минуту. Это действие, по – иному я не могу сказать. Ведь оно лишено не только отчетливого смысла – убивать своих же, но и подготовки. Эксперты в один голос заявили, что дей-

ствовали самоучки. Куда катиться страна? Газ в метро! Газ в венах Акиры – это словно самоубийство. Наверное, я просто что-то не понимаю.

А теперь, как и обещал себе, о хорошем.

Мы с Сорой тоже собираемся второго ребенка. Пусть я и считаю, что Такэо еще мал и мы должны в полной мере заниматься его воспитанием. Но Сора непреклонна, каждый раз напоминая мне, что ей уже не двадцать.

Я только сейчас понял, что мы с ней женаты уже восемь лет. Срок. И это сказано без издевки. Не понимаю, как мы вытерпели друг друга, но мы смогли и вот спокойно сидим в одной лодке.

Сакура все еще встречается с этим архитектором, который, как по мне, благотворно на нее влияет. Она почти перестала мне дерзить – выпьем за это шампанского; устроилась на постоянную работу; и посещает все мероприятия проводимые Дворцом. Сама вежливость и учтивость – в последний раз она так себя вела, когда находилась рядом с твоим братом.

Такэо начал изучать французский. Как – никак, а ему уже пять и нужно подготавливать базу для будущих знаний. Вот только я полностью уверен, что ты думаешь, что я на него давлю и слишком много требую. Поверь, родная, он хотя бы не получит линейкой по рукам за неверный ответ.

А еще недавно...

Куроки оторвался от листа бумаги. А еще недавно он был в Женеве, в том теплом августе двухтысячи первого.

Принц стоит, чуть прячась за колонной и наблюдает за входящими в зал людьми. Он совершенно не желал находиться на этом форуме, но отец решил иначе. Вокруг отточенные улыбки и тихие, едва различимые переговоры, но все чем-то точно взбудоражены.

– Я не думаю, что это хорошая идея, – внезапно он слышит знакомый голос и почти рядом с ним проходит Анна под руку с Виктором Руже. Она что-то настойчиво ему объясняет, но мужчина, с легкой улыбкой на губах, качает головой и кратко возражает.

Куроки двинулся за ними чуть позади, дабы не быть замеченным и не привлечь внимание. Он отчаянно пытался понять суть их разговора, так легко менявшего языки произношения. А еще он не мог спокойно за ними наблюдать, старался каждой клеточкой тела насладиться ее таким близким присутствием. Впитать в себя. Беспокойно Куроки постоянно хмурился, словно он так долго смотрел на солнце, что оно начало разрушать сетчатку его глаза. Что же это такое?

Все гости форума начали усаживаться на свои места и юноше пришлось занять свое, на ряд позади делегации из Грепиль. К наблюдаемой парочке, к его облегчению, присоединился старик (Куроки понял, что это министр Пруст). И стало как-то легче дышать: теперь внимание Анны привлек докладчик и временами министр, что что-то ей пояс-

нял. Юноша глубоко вдохнул, как советуют в фильмах, и выдохнул. Вот только ничего не изменилось. Сердце в его груди изображало заводную мартышку с тарелками, отбивая учащенное биение. Слышал ли он докладчика? Определенно нет, хоть на его лице и царствовала крайняя заинтересованность, напущенная специально для сидящего рядом помощника и фотокамер. Сейчас его определенно точно волновал вопрос, чувствует ли Анна тоже самое видя его с Сорой? Ему, отчасти эгоистично и понятно, хотелось чтобы ей, как и ему было, хоть немного, но больно. Глупо. Как же глупо. Они не признавались друг другу в любви и клялись в верности до смерти. Просто были. Просто почему-то чувствовали притяжение, которое невозможно было нормально осмыслить и дать реальное описание. Это притяжение отпускало, уставая от времени и расстояния, но билось в восхищении, от одного лишь упоминания. Он где-то читал, что после всех этих мук, он сможет любить Анну как сестру. Оберегать, любить. Как сестру. И в свои двадцать четыре он и вправду на это надеялся. Надеялся, что перестанет прокручивать в голове ее голос, произносящий отрывки фраз, не будет перед глазами мелькать улыбка и морщинки у глаз. Наваждение пройдет, словно вчерашний дождь, ставший мифом.

Но уже тридцати двухлетний Куроки вздохнул: он так и не избавился от своей влюбленности. Видно первая любовь живет в нас всегда. Вот только она уже не звала его совершать глупости, кидаться в омут с головой. Перед глазами стоял

слегка размытый идеализированный образ двадцатилетней девчонки, с глазами полными восхищения. Все стало тусклее.

Жаль он не знал, что чистое, не наигранное восхищение еще не скоро вернется в глаза этой двадцатидевятилетней девчонки. Она просто чуть отдалится от него. Не решится рассказать о своих бедах, оставив незапятнанным свой образ, сотканный из счастья и удачи. Не захочет сочувствия и слез, которых в ее закрытом маленьком мирке и так достаточно.

Виктор, чуть слышно постучав в дверь, зашел в ее "святыню" – кабинет. Его хозяйка что-то тихо читала, чуть склонившись в своем темно – зеленом викторианском кресле, подаренном Виктором на пятилетнюю годовщину. Мужчина осторожно, чтобы не потревожить жену, наклонился к проводу телефона, стоявшего на тумбочке у входной двери. Они с Марией приняли решение отключить его, дабы никто не посмел нарушить покой данной комнаты.

– Знаешь, я всегда хотела прочесть ее Роуз, – Анна выпрямилась, но не повернулась к нему. Легкая серая шаль, что укрывала ее ноги, была освещена отблесками пламени в камине. А ведь был жаркий сентябрь. Виктор, встав с корточек, подошел к жене, легко коснулся губами ее лба, отметив, что температуры нет второй день и сел на ковер у ее ног, облокотившись спиной на них. Раньше они так часто сидели: Анна слушала его истории, перебирая его темные волосы,

приводя их в беспорядок. Сейчас же он не собирался ничего говорить. Слов не осталось. Все вылетело с тем криком, когда врачи сообщили ему, что не смогли предотвратить потерю ребенка. Какая точная формулировка, от которой до сих пор воротит.

Роуз. Анна с самого начала была уверена, что это будет девочка. Роуз Елизаветта Стефания, княжна Грепиль. Ангел, что теперь плакал на плече у матери.

Никто не знал: вначале она скрывала свою беременность, словно предчувствуя что-то страшное, а потом запретила об этом говорить. И слуги дворца, конечно бывшие в курсе всего, еле слышно передвигались по дому, стараясь не потревожить хозяйку, в чьем сердце образовалась несовершенная пустота. Ей уже сообщили причины и то, что она больше не сможет иметь детей, тем самым дав ей еще один повод одновременно ненавидеть и жалеть себя. Впервые дни княгиня с красным от слез лицом спрашивала у мужа, срываясь на крике:

– За что меня наказывают? Я мало молилась? Мало помогала?

А он не мог придумать ответ, что даст спокойствия хотя бы ему, лишь обнимал ее трясущееся тело и шептал, что всегда будет с ней. Правду.

Со временем она успокаивалась и все чаще уходила в себя, лишь изредка балуя Киарда, играя ему на пианино песенки из старых роскранских или диснеевских мультфильмов.

Она вновь начала смотреть на сына, как на чудо что вот – вот исчезнет. Боязливо и с недоверием, как в первые месяцы после рождения.

– Мы вырастим Киарда хорошим человеком, – неожиданно начала Анна, положив свою холодную руку на плечо мужа. – Он жениться и у него будет много детей. У нас будет много внуков, которых мы будем баловать. Верно?

– Верно, – Виктор, повернув голову, поцеловал пальцы ее руки. – Все так и будет. Мы будем замечательными бабушкой и дедушкой.

Он почувствовал, как Анна слабо улыбнулась и ее рука расслабилась. В комнате стало чуть теплее. Может быть от этой призрачной надежды?

31.10.2009

Тридцать лет! Ого!

Родная моя, поздравляю тебя с этой круглой датой! Все у нас будет хорошо!

К.

06.11.2009

Тридцать три! В одной роскранской сказке было тридцать три богатыря (посмотри значение слова), так пусть их сила перейдет тебе!

А.Р.

25.12.2009

С Новым годом и Рождеством!

K,S,T and Sakura

31.12.2008

С Новым годом!

A,V and K.

В этом году елочные игрушки на нижних рядах елей были исключительно из пластика, без всяких мелких деталей и блесков, что ничуть не расстраивало Киарда, который с заразительным смехом снимал их и швырял по комнате, а все остальные члены семьи и прислуга молча, подбирали и возвращали все назад.

Киард рос улыбчивым смышленным мальчиком, с копной темных чуть вихрастых волос и взглядом масляных карих глаз. Любимец всех, что даже будучи малышом, чувствовал некую отстраненность, и холодность своей матери. Все ее дневники были забиты заметками : « не забыть поиграть с сыном», «улыбайся ему», «поцелуй больше десяти раз за день», но все это не замещало того внутреннего невидимого потока любви, что был раньше.

Анна никогда не играла с ним в прятки, оставляя это Викторы, что обожал играть в «ладушки», или просто подкидывал сына кверху – Киард визжал от восторга, да так что чуть не выбивал своим верещанием стекла в окнах. В сердце Ан-

ны в такие минуты царила нежность, но что-то внутри останавливало ее, и она не могла даже пошевелиться. Может ей просто стоило обратиться к нормальному врачу, вместо того, что бы постоянно ходить к приходскому священнику, что никак не помогал.

Виктор лежал рядом с сыном на ковре и рассматривал огромную книжку про животных, купленную Анной по дороге из парламента. Киард маленькими ладошками показывал на животное, а его отец изображал, как тот говорит.

– Корова. Говорит му – му, – Виктор с серьезным выражением лица промышчал, заставив Анну, сидящую в кресле позади, улыбнуться.

– Я все еще жду, когда он покажет тебе лису, – женщина отложила рабочий планшет в сторону и присоединилась к ним, расположившись рядом с сыном. Мальчик заулыбавшись, подлез к ней и оставил слюнявый поцелуй на щеке. – Муууу

Киард звонко рассмеялся и захлопал в ладоши. Надо же его мамочка решила присоединиться к ним с папой. Давно такого не было.

– А вот это кот. Мяу, – изобразил Виктор, так же как и сын, обрадованный, что Анна наконец-то присоединилась к ним. Он в отличие от сына прекрасно понимал причину всей отдаленности и не винил жену. А еще он не заговаривал о других вариантах, зная, что она просто напросто не примет их. И то, что у них будет всего один ребенок либо погубит ее,

либо даст толчок для новых реформ в среде защиты детей. Пока он этого не знал, и лишь надеялся, что сын не запомнит эту пустоту вместо глаз матери. Им нужно просто чуть больше времени, чтобы стать счастливыми снова. Может, поможет какое-то событие, толчок? Съездить куда-нибудь вместе. Он согласен на все, лишь бы вернуть тот огонек в душу своей драгоценной, ибо ее состояние убивало и его, медленно размеренно разрушая изнутри. Виктор боялся радоваться и улыбаться, думая, что это не положено, что это может ранить Анну, что была все еще в трауре. Ему нужен был знак. Точка, чтобы уже вздохнуть спокойно и чтобы совесть перестала его мучить каждый раз, когда они с Киардом так озорно веселиться.

– У него твоя улыбка, – неожиданно произнесла Анна, сама слегка приподняв уголки губ. – Он будет у нас крушителем сердец.

Женщина поцеловала сына в макушку и потянулась за поцелуем к мужу. Может это еще один шаг к восстановлению?

Глава 17

Вспышки фотокамер уже давно стали привычными, фотографии, что пытались привлечь внимание уже не казались противными назойливыми мухами. Все это раздражение насчет «открытой» жизни куда-то ушло. Ей бы улыбнуться сильнее, счастливее, но не могла: она все еще в своем внутреннем трауре, что словно волны Тихого океана накрывают ее с головой, не давая вздохнуть.

Сегодня они с Марией открывали новое крыло больницы в городке, где живут родители Виктора. Двойной пиар: они вспоминают Альберта, открывая в его честь новые больничные палаты и вроде как поддерживают связь с остальной семьей, хоть это не так – мадам и месье Руже лишь на Рождество соглашались посещать новое обиталище своего единственного сына. Они уверяли, что слишком стары для этих шумих и будут куда больше рады видеть всех в их довольно милом двухэтажном доме, приобретенном Виктором лет семь назад. Они приезжали сюда всем многочисленным княжеским семейством, но что-то не клеилось и никто не мог понять причину: родители обожали внука и гордились, что сын стал князем – консортом, что его жена княгиня, с безупречной репутацией и добрая католичка, что что-то не пускало тепло в их отношения.

– Мне кажется, они все еще помнят ту выходку, – вздох-

нула Анна, когда они с матерью сели в автомобиль, ждавший их у дома мадам и месье Руже. После открытия крыла больницы они попили с родителями Виктора и, не желая их дольше беспокоить, быстро собравшись, отправились на вокзал.

– Прости, но я не знаю, что сказать, – вдовствующая княгиня взяла дочь за руку и сочувственно улыбнулась. Прошло столько времени, а у нее все еще остался этот комплекс – она хочет нравиться исключительно всем. – Помнишь, родственники Альберта тоже не приняли нас поначалу?

– Тебе напомнить, что все это закончилось тем, что они просто перестали приезжать к нам? – в голосе Анны так и звучал томными нотками сарказм.

– Ну, ведь больше таких же неловких чаепитий не было? – возмущенно ответила ее мать и прыснула от смеха. Они до сих пор были и чужими и своими, смотря выгодно это было или нет. Но Мария уже не переживала по этому поводу – у нее был свой маленький мирок в виде благотворительного фонда, где она знала: ее искренне обожают и восхищаются ее добротой. А еще был Киард, мальчик, что оживил дворец, вернул в нее саму жизнь. Он не особо был похож на мать и внешностью и поведением: Киард был ярким, звонким, открытым и дарил всем вокруг любовь, а его мать до сих пор не могла себе позволить слабину или успокоение.

– Завтра нужно будет всем составом сходить в церковь, что в центре, – Анна смотрела в окно автомобиля, задумчиво накручивая на палец локон своих волос. – Давно у нас не

было общих выходов. Особенно религиозных.

– Думаешь, Киард выдержит? – Мария рассматривала буклет, взятый в больнице.

– Должен, – вздохнула княгиня, оторвавшись от пейзажа. – Но мы возьмем с собой Хезер, так что если друг мой сын решит проявить в себе атеизм, Хезер отведет его в детскую комнату.

– Может тогда не стоит?

– Это нужно, – отрезала Анна, даже не удостоив мать взгляда. Иногда ее раздражала эта мягкость и податливость родительницы. Ей тоже много чего не хотелось делать, но ради имиджа, княжества и семьи она переступала через саму себя и молчала. Ее сын в будущем станет князем и должен с детства принять эту уступчивую судьбу, как бы это не было жестоко и не шло в разрез с его мечтами. Он привыкнет и в отличие от нее, вы растет в этом мире, а не будет спешно приспособливаться. Главное, чтобы у нее самой остались силы воспитать его должным образом – достойным и твердым характером.

– Властью данную мне.

Саша смачно зевнул, все же удосужившись прикрыть рукой рот. Они всей семьей уже третий час наблюдали за брачной церемонией Сакуры.

– только ленивый не поинтересовался у меня как это сидеть на свадьбе своей бывшей, – юноша чуть склонился к уху

сидящей рядом сестры.

– Привыкай, милый мой, – усмехнулась она, разглаживая несуществующее складки на своем платье. Виктор знал этот жест – сейчас Анна начнет "уходить в себя", о чем-то размышляя, оставив на лице, словно автоответчик, вежливую официальную улыбку. Они с Хезер столько лет тренировали ее.

– Тебе не жарко? – мужчина взял ее за руку, привлекая внимание. Беспокойство чуть спало и ему начало казаться, что их треснувшая жизнь потихоньку начала собираться из осколков. Анна стала улыбаться, язвить, вновь писать и заниматься государственными делами в полном объеме. Перестала таять на глазах, снова начав набирать вес и, кажется даже несколько раз сама звонила Куроки и Сакуре, гуляла с сыном и Хезер по центральному парку. Званные обеды, выезды всей семьей, благотворительность и экранные пикники на заднем дворе деревенского домика – идеальный мир возвращался, Анна точно играла свою роль, как и раньше. Вот только все чаще ночью Виктор ощущал, что его жена далеко не с ним: в своем далеком заоблачном мире, где она проживала иную счастливую жизнь, полную детского смеха и запаха сахарной ваты. Мужчина готов был отдать последнее лишь бы узнать, являлся ли он частью того мира. А еще он наконец-то признался, что устал и эта мысль мучила его изо дня в день, словно он предал их Роуз, оставив ее потерю позади. Виктор надеялся, что празднование юбилея с Куро-

ки вернет ему прежнюю Анну, и ему было уже все равно насколько далеко зайдут эти их "каникулы". Главное, чтобы их холодная семейная обитель хоть немного потеплела. Пусть даже из – за ревности или восторга влюбленности.

– Нет, не замерзла, – Анна взяла его под руку и улыбнулась своему идеальному мужу, которого она не заслуживала. – Как хорошо, что она встретила его.

– Конечно, – до Саши дошло, что эта фраза была обращена к нему, хоть его сестра смотрела на мужа. Юноша сидел в пятидесяти метрах от алтаря и наблюдал, как жених чуть смущенно в первый раз целует девушку, что только что стала его женой. И по душе Александра прокатилась какая-то странная радость и теплота, а ведь он ждал совершенно других чувства. Зависти и боли, обиды и ненависти. Но нет. Он действительно радовался за Сакуру и к своему удивлению, не думая, поддавшись всеобщему благоговению, достал из кармана брюк мобильный телефон и начал набирать сообщение.

– – Ты никогда не думала провести лето в Грепиль? – –

– – Я планировала отпуск в декабре – –

– – И твои планы невозможно изменить? – –

– – Я простой человек, мой прынц, и у меня есть обязательства – – –

– – А что насчет НГ? – –

– – А ты приставучий. Я подумаю. – – –

– – Я жду... – –

Александр усмехнувшись, убрал телефон и пожал плеча-

ми, реагируя на заинтересованный взгляд сестры. Не рассказывать же ей сейчас, что он внезапно решил окунуться в новые отношения, раз в жизни у него все так стало стабильно? Он получил магистерскую степень, хорошо себя вел и записался на кандидатуру помощника преподавателя, участвует в велопробегах и ездит по стране с лекциями о СПИДе и "мире во всем мире". Им начинает гордиться даже сестра, что недавно начала возвращаться в мир людской. И ему хотелось почувствовать нечто новое, страстное. Опять прокатиться на Американских горках из чувств, у него наконец-то появилась возможность завоевать понравившуюся девушку и с трепетом в сердце ждать, что же она ответит. А ведь еще недавно они с Сакурой сидели в баре и заливались виски, проклиная свои семьи.

Забавная штука – жизнь.

30.07.2010

Я даже не знал, что планировать свой отдых так трудно. Так вот чем занимается мой секретарь и его команда! Надо увеличить им оклад.

Мне легче управлять страной, чем разобраться, как оплатить что – либо с помощью PayPal. Надо открыть новую банковскую карту на чужое имя и не мучиться.

И какой черт тебя понес в Дублин? Мы же говорили о маленьких городках. Хотя не отвечай – очередная книга, да? Кстати о книгах.

Ты давно ничего нового не выпускала или ты все еще переживаешь об этой идиотской заметке, об анонимности Гейл? Брось, милая. Или же заключи контракт с какой-нибудь неизвестной деревенской актрисой и вуаля – твои фанаты в восхищении. (это идея Соры). Хотя можешь заставить Кинга признаться, что он автор хотя бы одного из твоих ужастиков. Тот, что про далекую деревню в лесах. Сора им зачитывалась и чуть ли не читала мне вслух перед сном. Я не пойму вас, женщины, как можно восхищаться такой мясорубкой?

Кстати, о кулинарии: вчера отловил Такэо на кухне, среди поваров и кастрюль. Этот юный кулинар, насмотревшись с Сорой британского ТВ, решил стать шеф – поваром, таким же, как и какой-то Рамзи. Слава духам, на кухне он только смотрел и ничего не трогал, иначе наши гости из США уехали бы с несварением. Хотя, зная тебя, ты бы за это прислала моему сыну мешок конфет.

Как же я жду нашу встречу.

К.

– Так, а теперь объясни мне, – Куроки усадил своего семилетнего сына себе на колени. – Почему ты наивно решил, что лучше Киарда Полиньяк?

Такэо нахмурил брови и огляделся вокруг: ждать помощи было неоткуда, кабинет отца был пуст, хотя обычно при таких серьезных разговорах присутствовала его гувернантка

или мама.

– Потому что я старше, – чуть подняв подбородок, ответил мальчик, но к своему недовольству отметил, что отцу такой ответ не нужен. Он конечно не правильно поступил, сказав при всей прислуге, глядя на экран телевизора, что он то лучше того малыша из Грепиль. На экране Киард Полиньяк шел рядом с дядей и его подругой и, увидев папарацци, показал им язык.

– Потому что я умею себя вести и меня журналисты не снимают, – спокойно и уверенно ответил Такэо и попытался спрыгнуть, полностью удовлетворенный найденным ответом. Но не тут то было. Куроки, чуть улыбнувшись, взял его за руку и посмотрел прямо в его темно – карие глаза, как у матери.

– Милый мой, тебя не снимают, потому что ты находишься в своей стране, где это запрещено. В Грепиль тоже самое, но как только мы или они выезжаем за пределы страны, эти законы перестают существовать. И журналисты бегают толпами.

Мальчик недоверчиво посмотрел на отца, а затем отвел взгляд. Значит, мама была правда, что он поступил невоспитанно и папа будет сердиться.

– И еще, – чуть слышно произнес Куроки прямо ему на ухо, как по секрету. – Мама Киарда мой друг. Ты представляешь, как она обидится на меня, а не на тебя, если узнает о твоих словах. Ты же не хочешь меня огорчить?

– Нет, – смущенно произнес мальчик, который в свои семь лет больше всего боялся огорчить маму или подвести отца.

– Ну, вот, – император приобнял он, а затем подтолкнул. – Беги к маме. Через десять минут начнется ваше шоу про кухню.

Такэо соскочил с места и скрылся за дубовыми дверьми кабинета, оставив отца с какими-то смешанными чувствами смотреть себе вслед. На долю секунды Куроки хотел задуматься "а какие бы у него были дети с Анной?", но резко потряхнув головой, исключил эту пагубную и глупую идею из головы. Он же, как взрослый человек жил реальностью, а не вечным миром сотканным из фантазий.

15.08.2010

Какой он у тебя забавный. Киард у нас сама серьезность, но иногда и он позволяет себе проявлять "ребенка". С недавних пор я обзываю его "Шерлоком", ибо он так впечатлился просмотром нового сериала про сыщика. Или может быть я?

Виктор, осознав всю масштабность трагедии, думает отключить мне интернет, ибо своим новым увлечением я достала уже всех, включая милую, добрую, заботливую (вдруг она все же читает мои письма) Хезер. Подумаешь, ну веду я себя, как девочка – подросток. Может у меня кризис среднего возраста начался?

После просмотра сериала, я все же решила прочесть

труды сэра Артура и... увы, единение души у нас с ним не произошло. Помню, как ты восхищался его творением и Виктор тоже. Может я все – таки настолько глупа? И может быть поэтому, когда мама и Саша сели за пересмотр советского Шерлока я судорожно искала призрак мистера Моффата? Это один из сценаристов.

Еще, кажется у моего брата намечается роман с его бывшей однокурсницей. Она, скажу я тебе, не так уж и плоха. Но сможет ли Александр предложить ей постоянство? Понимает сколько времени и труда ему придется приложить? Ох, не знаю. Мне кажется, что даже в свои двадцать четыре (смотри я пишу "даже", какой кошмар) он все еще ветрен и непостоянен, хотя за свое место в университете, он борется как лев. Вот тут-то я горжусь им.

Скоро октябрь.

С любовью, А.Р.

– Я словно немного пьяна, – Анна неженственно развалилась на кровати и уже вторую минуту разглядывала белоснежный потолок.

– Лживое чувство свободы, – фыркнул Куроки и убрал мобильный в прикроватную тумбочку. Эта комната в двухместном номере числилась за ним. Британия, как и десять лет назад встретила их совершенно безразлично и немного хмуро, вот только на этот раз этих двоих это совершенно не волновало.

– Ты уже позвонил своими? – женщина наконец-то села на запровленную пастель и посмотрела на своего спутника, одетого в деловой костюм, в отличие от ее джинсов и футболки со страшным смайликом. Куроки как всегда был готов к встрече с дипломатами или конференции, а ведь они уже два дня были свободными птицами.

– Конечно, – он все же неуверенно пожал плечами и перекатившись с пятки на носок вплотную подошел к говорящей. Почему-то он чувствовал какую-то нервозность и думал, что все будет по – другому: будет смех и радость, а не серая напряженность, прямо как цвет ее ужасно дешевой футболки. И какие-то странные напряженные нотки в их разговоре, словно они втихую сбежали ото всех и теперь корят себя за сделанное. А может быть, они просто разучились быть вместе? Все прошло, оставив после себя лишь письма и краткие воспоминания? Расстояние их победило, это признавали они оба. Расстояние и время. Время, проведенное в кругу других людей.

Когда он увидел ее в аэропорту, то первым делом хотел поцеловать ее. Словно сумасшедший, словно безумно влюбленный, словно двадцатилетний. Но стоило ей сделать шаг навстречу, шевельнуться, заговорить, как эта яркая вспышка пропала. Испарилась, пробудив нечто иное. Неуверенность. Объятыя. Больше всего на свете сейчас он хотел пробудить свое старое "я", обнять ее, поцеловать собранные в пучок волосы, легко шелкнуть по носу.

– Ну, а ты? – Куроки все же дотронулся ее щеки и медленно провел пальцами по направлению к шее. Он снова, как мальчишка, практиковал приемы из фильмов. – Ты уже соскучилась по Виктору?

– Да, – ответила она, кивнув головой, словив кончик его темно – зеленого галстука.

– И что он сказал?

– Давай поговорим об этом позже, – еще тише произнесла Анна и потянула его за галстук к себе.

Она старается замечать и конечно не забывать, иначе ее жизнь вновь не обретет смысл.

– Видели бы меня оппозиционеры, – смеется Куроки, одетый в простые джинсы, футболку и куртку. Все это смотрелось на нем нелепо и смешно. Он словно учился заново ходить, настолько привыкнув к скованным движениям в костюме, теперь гуляли по развалинам где-то на севере Ирландии. Анна украдкой наблюдала за ним, осознавая как в голове рождаются строчки с описанием событий. Она все еще думала над идеей биографии в стиле романа.

– только попробуй меня сфотографировать, – он старался выглядеть сердитым, но не мог: он наконец-то чувствовал, что стена их десятилетнего разрыва начала рушиться. – Если ты это сделаешь, я сдам тебя под трибунал.

– Думаешь, меня это испугает? – Анна подошла к нему вплотную и поцеловала в нос. – Да я тебя самого сдам с потрохами.

Княгиня, легко стукнув его по бедру, отбежала и остановилась, подобно маленькому задиристому ребенку.

– Если я тебя догоню, – начал наигранно грозно Куроки, но в кармане джинсов звонко и нервно заиграл мобильный. – О, прости.

Анна пожала плечами, грустно улыбнувшись, подошла к нему со спины и крепко обняв за талию, положила голову на плечо. Все так и должно быть. Они уже давно несвободные люди. Они сумели позволить себе этот юбилей и у них будет, о чем вспомнить. И за это... Да, за это стоит благодарить их вторые половинки.

Спустя пару минут Куроки закончил разговор и осторожно повернул к ней голову. Они с Сорой никогда так не стояли.

– Может быть, посмотрим кино? – он разрушил ее объятия, развернувшись и скрепив их вновь. Хотелось чтобы этот легкий прохладный ветерок дул вечно и время оставило их наедине друг с другом.

– Я уже думала, что ты не предложишь, – усмехнувшись, Анна чуть сжала кольцо из своих рук. Нет, нет, она не готова полностью забыть их привычки и прошлое. Только не с ним, только не сейчас. Что же она делает? Почему ей действительно хорошо и спокойно рядом с человеком, что появляться в ее жизни подобно призраку?

Любила ли она его? Если эту постоянную улыбку и странную теплоту в сердце при виде него можно назвать "любо-

вью", то пусть будет так. Помпезно и высокопарно. Он был той странной константой в ее жизни, без которой она уже не могла спокойно вообразить свой мир, прожить. Она бы погасла.

Странные они с ним. И может быть, поэтому они и тянулись друг к другу. Просто чтобы стоять посреди всей этой октябрьской слякоти и молчать.

31.10.2010

Поздравляю тебя с 31летием!

Будь счастлива и вновь храни в своем сердце море тайн.

К.

06.11.2010

Тридцать четыре – вот это возраст! Может наконец-то в нем ты найдешь мудрость?

А.Р.

Здание парламента давило на нее, заставляло забиться в угол, сжать голову между коленями и ждать спасения. Вот только от чего? От своих собственных людей, что поддались сладкой лжи ее противников и решили поджечь покрывки, разбить палатки и скандировать слоганы в честь отставки правительства? Хорошо, что не ее. Господи, как же они еще до этого не додумались? Она же первая должна вылететь из этого правительства.

Анна переоделась в сменную одежду, что хранилась у нее в кабинете на всякий случай. Умылась и перекусила. Она пыталась собраться и волевым решением, хлопнув по столу, решить все правильно и верно. А еще лучше без последствий. Что бы сделал Альберт? Наверное, просто не допустил такого.

Она уже звонила домой, укладывала сына спать по телефону, слушала усталый голос Виктора, что рвался к ней. Но сейчас он в первую очередь отец и ничем не может помочь ей здесь. Если только обнять ее, прошептать на ухо, что все будет хорошо.

Княгиня вернулась в зал, где собрались министры. Уставшие и помятые, они почти с ненавистью глазели на ее чистую блузку.

– Что? – Анна поймала многозначный взгляд одного из министров. – Вот поэтому в шкафу нужно хранить запасную одежду, а не как вы – бренди.

Пару человек устало рассмеялось, разрядив несколько наколенную обстановку.

– Так мы будем разгонять этот балаган и арестовывать за порчу имущества? – она обходила длинный полукруглый стол за которым сидели политики.

– Это не по – европейски, – кто-то возразил.

– О, скажи это когда они сожгут твою машину, Жан, – ответили ему, заходя новый виток поиска решений. Так они еще полтора часа переругивались, пока не согласились с мне-

нием министра обороны о разгоне и тотальной зачистке. Время требовало жестких мер и Анна не собиралась идти на уступки, зная, что сначала они попросят отставки правительства, а потом и потребуют свержения ее самой. А что дальше? Церковь? Она не позволит быть себе слабой, мягкой и испуганной, лучше уж прослыть тираном, чем тряпкой и потом остаться ни с чем. Это был ее трон и ее княжество, выстраданное на крови и слезах и никто не в силах отобрать их. Только из ее хладных рук.

25.12.2010

С Новым годом и Рождеством!

K.T. and S.

31.12.2010

С Новым годом!

семейство Полиньяк

31.12.2010

Виктор до сих пор верит, что ты просто решил потакать всем моим капризам. Видел бы ты его лицо, когда я, словно наряженная елка, показала ему твой подарок. Он сказал, что на такую стервочку как я столько денег тратить глупо. Но я знаю, что он отчасти рад – все вокруг говорят, что я вернулась в прежнюю форму и со мной стало намного легче. Вот гадюки!

И все почти никто, кроме меня естественно, не может по достоинству оценить всю глубину цвета этого сапфира. Нет, они просто не понимают, как можно так страстно желать держать в руках Сердце Океана и смотреть в ночь.
Спасибо тебе.

Что у нас еще нового? К нам на каникулы все же приехала эта бывшая однокурсница Саши, та, что дочь посла в Роскране. И что-то подсказывает мне, что мой брат все же собирается завести с ней серьезные отношения. Так, что к письму прилагается чек с моим проигрышем. Передай Соре, что нечестно, что она тебе подсказывает и помогает при принятии таких сложных решений.

Надеюсь, мы не сведем с ума эту девушку своими постоянными баталиями с Киардом и его нежеланием учить Солнечную систему. Я просто не знаю, что с ним делать. Виктор просто пожимает плечами и ведет его на тренировку по плаванию. Мужчины...

На этом все.

С Новым годом, любимый. Пусть удача будет всегда на твоей стороне.

С любовью, А.Р.

Первое январское утреннее чаепитие довольно сильно встревожило Жанну, хотя она и старалась не показывать, как дрожат ее колени, когда к ней обращается вдовствующая

княгиня Мария. Или как трясется рука, подающая чай самой княгине Анне. Вся эта бравада куда-то улетучилась, хотя она и старалась не подавать виду и тем более не радовать своей беспомощностью и нервозностью Александра. Неужели он ей мстит за те пять лет, что она пыталась воспитать из него принца? Так это же было из лучших побуждений. Девушка не знала, почему так боялась: она же с детства вращалась в элитных кругах, а эти люди были очень милы, кроме той тихой женщины у стены, рядом со столиком. Казалось, ее побаивалась даже сама княгиня.

– О, я сейчас, – Жанна заметила, что вазочка с печеньями почти пуста и решила проявить свою хозяйственность.

– Не стоит, – успокоил ее князь – консорт и взяв вазочку, пружинистой походкой подошел к той страшной женщине, что слегка улыбнулась ему.

– Я все хотела спросить вас, Жанна, – к гостье обратилась вдовствующая княгиня Мария. – Жанна не привычное имя для Грепиль, а вот Роскране оно довольно популярно. Вас назвали в честь кого-то?

– Мой отец хотел сына, – сбивчиво начала девушка, чуть покраснев. – И ему страсть как нравилось имя Жан, поэтому, когда родилась девочка, он уже бывший в Роскране, убедил маму назвать меня так.

– Смотри, – Виктор кивнул Хезер, смиренно стоявшей у столика я дополнительной едой и стал докладывать печенье. – Они начали прощупывать почву.

– Ведь не каждый день его Светлость приводит домой де-вушек.

– Тем более такую неплохую кандидатуру, – продолжил мужчина.

– О, да. Она из хорошей семьи, коренная жительница, об-разованна, не дурна собой.

– Обо мне ты так же говорила? – усмехнулся Виктор, и съел конфету с неким издевательским удовольствием рас-сматривая, как удивленное лицо Хезер начинает краснеть.

– Я право, – она не знала, что и ответить.

– Успокойся, Хезер, – Виктор легко дотронулся до ее пле-ча и посмотрел прямо в глаза. – Я знаю все. И я всегда буду благодарен тебе. Возможно, без тебя не было бы и Киарда.

Они оба посмотрели в сторону мальчика, что сосредото-ченным лицом ел кашу из рук матери. Наверняка та что-то пообещала ему, а может, приправила кашу орехами или мар-меладом.

– Может мы и не говорим тебе это в лицо, – мужчина сно-ва посмотрел на бывшую наставницу Анны. – Но мы благо-дарны тебе и просто не видим жизни без тебя. Всегда гото-вую помочь, надежную и умную. В каком же мы в долгу пе-ред тобой. И как нам оплатить?

– Просто будьте счастливы, – Хезер смахнула непрошен-ную слезинку с глаз и улыбнулась. Она уже и сама не виде-ла себя без этой работы, семьи: все настолько сильно пере-плелось, что иногда она забывала, кто кому приходится, что

не смеет дерзить княгине или наоборот крепко сжимать ее в объятьях, поглаживая по спине, так же плача [навзрыд](#). Хотела бы она все бросить и жить спокойно жизнью без стрессов, заговоров и постоянно контроля? Нет. Нет, ибо здесь было ее место и работа, которую она выполняла на «отлично».

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Глава 18

Вся жизнь подобна беличьему кругу: ты крутишь – крутишь это колесо, стараясь перебирать лапками сильнее, быстрее, в попытке догнать то, что впереди. Но ничего не выходит: как бы ты не старался невозможно сойти с колеса, ничего не получится, если его не остановить.

Вот и он не смог сойти. Остался преданно служить традициям и нравам, продолжая крутить колесо истории государства.

Его успокаивало только то, что он мог спокойно погружаться в свои воспоминания, что, как и прежде жили своей жизнью, полною надежд.

Солнечный свет, пробиваясь сквозь тяжелые шторы гостиничного номера, тускло освещал комнату, воцарив там полумрак алых тонов. Они лежали на кровати лицом друг к другу, как ни странно, совершенно одетые. На Анне были даже туфли, купленные лет пять назад. Она осторожно гладила и перебирала пальцы руки Куроки, легко улыбаясь и о чем-то думая.

– Я так хочу назвать дочь твоим именем, – внезапно произнес мужчина, тем самым разрушив эту хрустальную тишину.

– Думаю «Анна» будет немного странно звучать для упонской принцессы, – усмехнувшись, княгиня, закусив губу,

сдерживая еще большую улыбку. Она знала, что он не любит, когда смеются над его идеями, а еще то, что когда у него появится дочь – она будет счастлива. Женщина пообещала сама себе это. Потому что иначе нельзя, нужно искренне радоваться за родного человека и тогда все и у него и у нее будет хорошо. У него будет дочь. Дочь. А у нее... У нее всегда будет Виктор и Киард – самые важные части ее вселенной.

– Ее будут звать как ты захочешь, – Куроки поправил выбившийся из прически локон волос. Забавно. Но даже так: почти без макияжа, с заметными кругами под глазами и несколькими складками на талии, она выглядела естественно – идеальной. Естественно для него, ведь время, проведенное им, вновь дало ему снова ощутить этот вкус молодости и ее губ. И не в коем разе его не волновало, что это измена. Что он вновь делает больно своей преданной прекрасной жене. Не волновало.

– Не губи ей жизнь, – Анна улыбнулась и придвинулась чуть ближе, коленями соприкоснулись с него. – Мое имя означает «Благодать».

– А мое «темный лес», – выдохнул он и поцеловал ее в лоб.

– Так может, назовешь ее наоборот? – задумавшись, произнесла женщина, что умудрялась управлять княжеством. – Что-нибудь связанное со светом. Светлый лес?

– Куроки, – Сора улыбаясь, подошла к нему и привычно обняла за торс. Они столько времени потратили на то, чтобы

отзываться на ласки друг друга и дарить их. – Мне только что пришла новая книга Анны, да еще и с подписью. Признайся, ты это подстроил?

– Конечно нет, – император Упонии разомкнул ее объятия, развернулся и сомкнул свои. Что-то в сердце кольнуло и подул холодный ирландский ветер. Сора посмотрела на него снизу вверх, улыбаясь глазами. Он любил ее: со вспышками страсти, ревности и недоверия, он был влюблен в нее. А еще он любил и Анну: спокойно и без переживаний. Они есть. Они будут.

– Так я тебе и поверила, – Сора поцеловала его в щеку. У них все хорошо и идеально, он спокоен и не уйдет от нее. Сейчас она спокойна, да у нее бывают и такие моменты. Сора взяла его за руку и повела к двери. Наверное, она правильно поступила позволив им встретиться. Может пусть раз в десять лет и проводят свои «прогулки»? Надоедят друг другу и вновь станут верными и милыми супругами. – Пойдем, там Сакура с мужем принесли план своего дома.

14.01.2011

Мне кажется моя семья и планы это совершенно разные плоскости.

Я думаю, ты уже догадалась к чему я веду. Сора сообщила, что ждет ребенка и это потрясающе, ведь ты знаешь, как мы хотели его. А еще во мне поселилось чувство уверенности, что теперь-то я не совершу ошибку, которые начу-

дил с Такэо.

Я хочу дочь. А Соре... Соре это не важно. Она просто хочет родить в своем родном городе. И как я могу отказать? Надо будет проверить там весь район, повисить охрану, посмотреть как там больница. Но ведь это мелочи, да?

К.

– Я могу выложить это в соцсеть? – Ганрип, что приехала лишь вчера, почесала нос и снова сфотографировала картину, висящую в одном из коридоров дворца. Саша, стояв чуть позади нее, закатил глаза. Эта девушка была интересна ему, не безразлична и он не понимал, как все эти семь лет знакомства он не замечал ее красоты и ... невозможности. Он вдруг вспомнил Виктора, однажды сознавшегося в желании удушить Анну, а ведь он ее точно любил. Как эти чувства могут спокойно сосуществовать?

– На праве долгосрочного знакомства, так уж и быть разрешаю, – юноша подошел ближе и чуть развернув ее, сфотографировал на свой телефон.

– Это зачем? – спросила та, недоверчиво посматривая на бывшего однокурсника. Единственное, что она понимала, так это то, что они играют друг с другом, идя по тонкой грани.

– Я же типа принц и мне свойственны странные поступки, – отшутился тот, для надежности спрятав мобильный.

Жанна вздохнула и, приподняв брови, скрестила руки на

грудь.

– Милый мой, – она всегда так обращалась ко всем юношам с курса. – Я в свое время вдоволь насмотрелась фильмов по типу «Принц и я» и сумела вынести пару уроков.

– И каких же? – удивленно спросил Александр, отступив на шаг назад. Он прокручивал в голове все похожие фильмы, что обожала пересказывать его сестра, но никак не мог найти нужную зацепку.

– Во – первых, родители принца всегда против его выбора, – она произносила это, словно сама не одобряла происходящего между ними. На самом деле все это ее просто пугало своей темной бездной нерешенного будущего.

– В моей семье главой считается сестра и что-то я не заметил ее козней против тебя, – Саша стоял напротив девушки, облокотившись спиной о стену и почти беззастенчиво разглядывал ее. В них пробудился азарт игры. Кто кого ущипнет сильнее. Они были знакомы так давно, видели друг друга во стольких ипостасях, что оставалось только удивляться тому, что они открывали друг в друге новые стороны.

– Просто твоя сестра надеться спихнуть тебя поскорее, чтобы ты не мозолил глаза, – отмахнулась Жанна и подошла к нему.

– И что же, во – вторых? – он легко щелкнул ее по носу, повторяя привычку своей сестры, хотя на самом деле хотел поцеловать.

– Обязательно найдется соперница, – понизив тон, отве-

тила Жанна, перехватив его руку. – Так что ты вытворяешь?
– то есть?

– Я столько раз прокручивала в голове похожие ситуации и нашла лишь один единственный правильный выход. Спрашивать напрямик. Не держать кота за хвост. Так что ты хочешь? О чем ты сейчас думаешь? – она чуть – чуть нахмурилась, пытаясь прочесть его лицо.

– О том, – наконец-то нашелся ответ. Забавно, но за секунду до этого он не знал что сказать. А тут раз и поняла и слова полились сами по себе. – Как бы перетащить тебя из Роскраны.

Что-то внутри него щелкнуло, словно какой-то переключатель сменил режим работы, и вот его сердце наконец-то обрело связь с мозгом. И почему-то тут же подключились глаза, : какой же он глупец, раз не замечал все эти годы ее. Он вспомнил, как они сидели на полу вечером под кафедрой в ожидании преподавателя, как на третьем курсе она кормила всех собственноручно приготовленным борщом и удивляла своим не всегда понятным юмором. Она была разной и почти негибаемой, в чем-то похожей на его сестру. Он усмехнулся. Точно. В семье будет теперь две шизофренички.

– А знаешь, – засмеялась Жанна, скорее от нервов, чем от веселья. – У тебя всегда было огромное самомнение. Ты, конечно, мне нравишься, но кто тебе сказал, что я настолько одинока и что я так просто...

Саша не выдержал и поцеловал ее, вот только этот вол-

шебный момент прервала сама Ганрип, что не собиралась так просто сдаваться.

– Я, конечно, люблю сказки, как и все на нашем курсе я была немного влюблена в твой образ, но милый... Губу закатай. Так просто со мной не получится, – когда она нервничала, то всегда говорила очень быстро, немного повысив тональности, совершенно не замечая реакцию остальных.

– Хорошо. Будем играть в любимую сказку моего племянника, – Саша притянул ее к себе. – Я буду Чудовище, а ты Красавица.

– Что я делаю? – закатила глаза девушка и наконец-то ответила на поцелуй. Где-то в глубине души она рассчитывала на такое завершение своих каникул в Грепиль. Она, как и любой другой человек умела мечтать и что греха таить Саша был довольно симпатичным юношей, что умел вести себя с девушками. Жанна оторвалась от его губ, посмотрела ему прямо в глаза, глубоко вздохнула и снова окунулась в этот омут с головой. Наверное, все же стоит рискнуть и перестать быть хорошей умной девочкой.

Она хотела, что бы эти длинные свечи наконец-то догорели, погрузив зал в полумрак, потому что это празднование двадцатипятилетия Александра порядком ее утомило. Видно она настолько отвыкла от столь масштабного веселья, что несколько часов простого наблюдения за весельем отдавались в ее теле и разуме усталость и появляющимся раздра-

жением.

– Если они догорят, то Хезер обязательно распорядиться включить электрические лампы, – Виктор наконец-то заметил, что его жена как-то неодобрительно следит за стекающим в специальную вазу парафином. Мужчина обнял Анну за талию и поцеловал в щеку, она же слишком устала, чтобы вести дискуссию. Но это только сегодня – а так... Анна словно вернулась на десять лет назад, почти исчезло уныние и всплывающая вечерами меланхолия. И это заметили все окружение и даже Кэм, преходящая в восторг от новых работ ее подопечной.

Почему-то мужчина вспомнил тот вечер, когда решил самостоятельно встретить ее в маленьком скромном частном аэропорте Грепиль.

В тот день внезапно выпал снег, тонким слоем белоснежный снег, в октябрьских сумерках, словно святающийся шелк, укрыв коротко стриженные газоны.

Анна, подхватив сумку, почти бегом направилась к нему, по пути снимая с головы серую шаль и неожиданно радостно улыбаясь. Он ожидал совершенно иного: вернувшуюся с поджатым хвостом блудную жену, что не особо хотела возвращаться в родное гнездо. При виде нее, такой счастливой и радостной, его сердце начало бешено колотиться, почти пугая хозяина. Сегодня утром он был просто счастлив, что она возвращается к нему. А теперь... Теперь он словно поверил, что первый и единственный в ее сердце. А может так оно и

было всегда? За все эти годы брака он так и не сумел разгадать ее полностью. Правду говорят, что сердце женщины океан полный тайн.

– Спасибо тебе, – прошептала Анна, скинув сумку на пол и что есть силы обняв его. Через секунду неожиданно страстно поцеловав мужа в губы. – Спасибо.

Как легко растопить лед неловкости если любишь. Виктор ответил на поцелуй, чуть приподняв жену над полом.

– Я скучал, – он задыхался от переполнявших его чувств, а она лишь широко улыбалась, разглядывая его, словно не видела его последние десять лет.

Анна легко кашлянула, привлекая внимание своего мужа. Тот немного смущенно посмотрел по сторонам – в свои сорок с небольшим он довольно часто начал просто так на ровном месте уходить в раздумья.

– Мне кажется, Александр сделает сегодня предложение своей подруге, – Виктор чуть крепче обнял жену за талию.

– Что сказать? – пожала плечами Анна, не прекращая выискивать глазами главный предмет разговора. – Девочка добилась к чему шла.

– И все же ты меркантильная, – усмехнулся Виктор. – Пойду приглашу на танец Марию, иначе она выльет вино на платье той новой жены министра.

Княгиня улыбнувшись, отпустила мужа, а сама решила пройтись по периметру зала. Все складывалось как нельзя лучше: они с мужем вновь влюблены друг в друга, ее мать

счастлива, Саша...

– Черт! Прости! – почему-то по – роскрански произнес взволнованный или все же взбешенный брат, что чуть не сбил ее с ног, вылетев из – за угла.

– Что случилось? – поинтересовалась сестра, взяв его лицо в свои холодные руки. – Где Жанна?

– Она не настоль значимая константа в моей жизни чтобы я заметил ее отсутствие, – чуть ли не прорычал Саша, вывернувшись из ее рук. Фыркнув, он огромными быстрыми шагами пошел прочь, оставляя свою ухмыляющуюся сестру позади.

Дверь, как и предполагала Анна, была распахнута настежь. В довершении трагической обстановке не хватало раскрытых окон и штор, которыми злобно играл ветер.

Женщина осторожно вступила на ковер с длинным ворсом, раньше она такой любила. Но сейчас он постоянно напоминал ей о беге, о страхе и боли. Как ноги утопают в нем. Пройдя несколько шагов, княгиня нагнулась и подняла упавшее, либо кинутое кольцо и какой-то грустной почти измученное улыбкой подошла к гостье, что все это время стояла к ней спиной. Анна встала перед ней и посмотрела прямо в глаза.

– Сейчас последуют угрозы или дары? – горько усмехнувшись, Жанна потеряла холодные плечи. А ведь в комнате достаточно долго горел камин.

– Не то и не другое, – княгиня зачарованно разглядывала

гостью, почему-то находя в ней саму себя. – Просто ответить «Почему «нет»?»

– Потому что он мне и не предложил, – уперто ответила Ганрип и заправила выбившуюся прядь волос за ухо. – Он сказал «будь моей женой». Не было «Ты согласна?» Был приказ, а я не игрушка.

Хозяйка дома подавила в себе порыв рассмеяться, забыв обо всех своих бедах. Какие же они были глупые, наивные и живые. И у них был выбор. Интересно если бы Куроки предложил ей выйти за него, она бы согласилась? Как замечательно, что мы умеем мечтать.

– Любишь его? – спросила она у гостьи, вовсе не надеясь на прямой ответ, ибо когда ты любишь человека, по – настоящему, всем сердцем, ты не можешь все эти чувства уместить в одно простое и безликое «да».

– Я хочу его придушить, – фыркнула девушка, а затем поднесла руку к глазам, дабы скрыть свои слезы обиды. – Хочу научить его быть простым. Чтобы он считался с остальными. Он думает лишь о себе. А как же я? Как же моя карьера?

– Думаешь, ты сможешь его приручить? – княгиня прокрутила кольцо в руке. Что она ожидала от этой девушки? Ничего. Она не видела в ней ничего замечательного и яркого, а вот брат видно что-то и нашел. Необъяснимое и ценное. Но даст ли она ему второй шанс?

– Я смогу, – твердо ответила Жанна, чуть задрвав подбородок.

– тогда мне ничего не остается, – с какой-то странной улыбкой начала Анна опускаться на одно колено перед девушкой, преподнося кольцо. – Жанна, станете ли вы женой моего брата?

– Это безумие, – прошептала та, не зная, что ей делать. – Встаньте, прошу вас!

– Так и что вы решили? – чуть сощуриив глаза, вновь спросила Анна. Ей уже не терпелось окончить этот цирк, о котором будут слагать легенды. Ох, настанет время, она расскажет об этом своему сыну.

– Я согласна! – Жанна рывком забрала у нее кольцо и надела на безымянный палец левой руки. Княгиня встала, поправив платье, посмотрела на нее уже улыбаясь.

– Добро пожаловать в нашу сумасшедшую семью, – Анна чуть приобняла девушку. – Поверь, здесь и тебе найдется работенка.

На секунду она задумалась, не совершила ли она безумный нелогичный поступок, что аукнется в будущем ее семье или государству. И ведь она могла позволить ей жить вне клетки и правил, но вспомнив своего брата, она решила, что тот навряд ли найдет себе спутницу лучше, что сейчас стоит перед ней. Жанна-то была почти их круга. Какая удача.

20.03.2011

Совсем недавно по нашим каналам показывали Сору и Сакуру: обе просто светились, что мне даже захотелось при-

соединиться к ним и зарядиться этим светом. И конечно же Такэо – что просто невозможно вырос. А ведь еще недавно я поздравляла тебя с рождением первенца! Как же быстро растут дети: еще вчера я кормила Киарда с ложечки (а он выплевывал эту противную кашу), и вот он учит невесту Саши основам этикета.

Наша «новая кровь» пытается влиться в нашу семью. И у нее точно все получится, хотя бы из – за ее упрямства и ужасного ворчливого характера. Она упорная и совершенно точно влюблена в моего брата, хотя и старается это не показывать на людях, выставляя его дураком. Впрочем, ему это иногда полезно.

Я решила вновь взяться за творчество: у меня лет пять в столе лежат наброски фантастического романа и пока в княжестве все спокойно, думаю, я могу себе позволить заняться любимым делом.

Кстати! Ты так и не признался, какое вы выбрали имя для ребенка. Виктор посоветовал не спрашивать, но ты знаешь насколько я некультурная и нетерпеливая.

Передай мой поклон Соре, поцелуй Такэо и Сакуре.

С любовью, А.Р.

Он дочитал очередное письмо и улыбнулся сидящей напротив Соре, что вышивала на куске белоснежного сатина инициалы их еще не родившейся дочери. Оставалось совсем немного времени и поэтому все приготовления шли семи-

мильными шагами.

Хикари. Свет. В глубине души Куроки надеялся, что она вырастет такой же мечтающей как он, свободной, как Сакура и красивой, как Сора. А еще он надеялся, что Анна хотя бы вспомнит о том разговоре.

Недавно он разговаривал с ней по телефону, обсуждая визит Сакуры во Францию, как почетного посла ООН и тут почему-то, среди разговора, Анна спросила его, чуть изменившимся глухим голосом:

– Тебе не кажется, что наша жизнь нереальна? Странная и фантастичная, словно фильм?

– Фильм? – усмехнулся Куроки и почесал нос, рассматривая вечерний пейзаж за окном. – Мне эта дрянная жизнь кажется бесконечным сериалом.

– Вот поэтому я и люблю корейские дорамы, – он сумел почувствовать ее улыбку сквозь расстояние. Она все еще любила эти наивные глупости, что показывали по телевидению и мечтала, чтобы в Грeпиль снимали похожие. Может быть поэтому чаще всего экранизации ее книг снимали в княжестве, совершенно не догадываясь о причине. Анна, как и Куроки, научились жить своими странами, дышать ими, защищать, дорожить и может быть именно это уберегло их от некоторых опрометчивых импульсивных поступков.

– Не поверишь, – Куроки почему-то сделал паузу. – Я уже ужасно соскучился по тебе.

– Это просто приближающаяся октябрьская хандра, – Ан-

на вздохнула и уселась в свое любимое глубокое кресло, подаренное Виктором. – Я тоже по тебе скучаю.

Они никогда не были близки и за все эти годы общались лишь односложными фразами. Саша даже не знал, кем именно работает ее муж и сколько ей лет. Но лишь Хезер могла ему помочь. Черт, она до сих пор немного пугала, а ведь ему уже двадцать пять и он даже сам жил в Роскране!

– Ваша Светлость, – Хезер, как всегда идеально одетая в темно – синее закрытое платье, вошла в домашний кабинет Александра и озадаченно посмотрела на него, видимо все еще не догадываясь о чем пойдет речь.

– Хезер, точно! – он хлопнул в ладоши и, встав из – за стола, подошел к женщине, чьи светлые волосы, как и всегда, были собраны в идеальный пучок. – только ты можешь мне помочь.

– В чем же? – заинтересованно спросила Хезер, рассматривая взволнованное лицо еще одного наследника престола.

– Я хочу, чтобы ты лично позанималась с Жанной перед свадьбой. И после, и до. Контролировала ее.

– Дала пару советов? – подытожила его словесный поток женщина, уже прикидывая как подойти к этой огненной девушке, дабы та не вспыхнула. Жанна Ганрип во все, кроме характера, была идеальной кандидатурой: гражданка Грепиль, образованная, из чудесной семьи, с изюминкой. Но в ней была какая-то необъяснимая злость, что не вязалась с ее иде-

альной жизнью княжества, его Святейшество князь – кон-
сорт, предположил что у нее просто проблемы с психикой.
Нет. Это была княгиня Анна. И та сказала « А у нее с кукуш-
кой все в порядке?» Хезер тогда не поняла шутку и спустя
время переспросила про нее.

– Да, пару советов, – согласился Александр. Это звучало
лучше и менее обидно, особенно для той, что так гордилась
своим гражданством. С Жанной все было как на вулкане: она
была беспричинно требовательна, то холодна, то сходила без
ума от ревности или любви. И это его подкупило, ведь он, как
и сестра, имел проблемы с выражением реальных чувств. А
тут – полное компенсирование. А еще Жанна была верной.
Надежной. Трудолюбивой. Любознательной. Он помнит, как
на первом курсе она оставалась вечерами в посольстве, что-
бы проверить его задание по роскранскому языку, или ходи-
ла в аптеку, когда он отравился какой-то китайской лапшой.
Усмехаясь, замачивала в пятновыводителе его одежду после
ремонта. Сакура бы наверное не знала, что делать.

– Ваша Светлость, – вы должны узнать какой у мадмуа-
зель Жанны любимый цвет, – Хезер сложила руки в замок
на уровне талии, еще больше став напоминать надзиратель-
ницу.

– Это зачем? – удивился Саша, стараясь самостоятельно
вспомнить цвет.

– Для создания основы гардероба, – чуть покачав голо-
вой, ответила женщина. – У вашей сестры это серый и синий.

Цвет должен быть любимым, дабы не вызывать дискомфорт.

– Я и не знал насколько все сложно, – искренне удивился Саша, предполагавший, что все эти платья совершенно различных оттенков синего просто идут его сестре, а оказалось их специально подбирали именно по цвету, а не фасону. Чего ему еще ждать?

– И прошу прощения, ваша Светлость, – Хезер стало немного неловко, но ей показалось, что он совершенно не смыслить во всей этой «кухне». – Вам стоит обсудить с ее Святейшеством тщательную проверку прошлого вашей невесты.

– Что бы быть предупрежденными, – она поймала изумленный взгляд. – Вы же знаете СМИ.

– Да, – согласился Александр и потер переносицу. Как его сестра со всем этим справилась и не рехнулась? Столько дел, проволочек и преград, все ради того, что бы быть с любимым человеком. А ведь он даже не претендует на трон. Что же ждет Киарда в будущем?

Люди это невероятные существа: они способны меняться, порой противореча самим себе, лгать ради глупости, и конечно же в определенных моментах своей жизни играть чужую роль, полностью противоположную своему естеству. А еще они умеют жить лишь для себя, забыв про всех.

И ведь он забыл, оставив в терпком тумане нежные воспоминания, связывающие его с Анной и делающие невыноси-

мой эту жизнь. Те, что делали его в начале пути импульсивным и глупым. Ради новой жизни Куроки пытался погрузить свое вновь взволнованное сердце в состояние покоя. Покоя, который оберегала Сора, поклявшись быть с ним. И он, будучи простым и слабым человеком, ни за что ей не признался бы, что отсчитывает дни до следующей его годовщины с Анной. И тогда... Тогда они снова окунуться с головой в свое прошлое, не думая о том, как же трудно будет потом всплывать. Не думая об окружающих. Это их маленькая игра, что длится изо дня в день в течение стольких лет.

– Тебе никогда не казалось, что наши поступки какие-то глупые? Неразумные? – лишь его сестра имела совесть так бесцеремонно прерывать уединение императора. Даже в свои двадцать семь Сакура и не думала быть более... сдержанной, взрослой, а это беременность и гормональный всплеск делали ее просто невыносимой.

– Если бы мы совершали НЕ глупые поступки, то умерли бы со скуки, – Куроки, сидящий за письменным столом, отложил свое очередное письмо Анне, приближался ее день рождения и в скором времени между их домами вновь начнется ежегодная канитель с поздравлениями.

– Знаешь, – Сакура внимательно посмотрела на брата и уселась напротив, дабы не разрывать зрительного контакта. – Я не буду спрашивать, какие именно события из детства ты считаешь ошибкой.

– А я не буду отвечать, ведь они не из детства, – усмех-

нулся Куроки и, подперев рукой, подбородок стал разглядывать свою собеседницу. Как же они были не похожи друг на друга: бунтарка и избалованным родительским вниманием ребенок.

– Мне кажется, этот год никогда не закончится, – вздохнула Сакура и поджала под себя ноги. Ее брат ничего не ответил, вновь погрузившись в хоровод своих мыслей.

25.10.2011

Куроки!

*Поздравляю тебя с рождением маленького солнышка!
Она совершенно великолепна!*

А.Р.

31.10.2011

Милая моя!

*Поздравляю тебя с тридцати двухлетием!
Оставайся такой же светлой и продолжай дарить нам
радость!*

С любовью К.

6.11.2011

Тридцать пять! Это уже точно солидная дата!

С любовью, А.Р.

Анна осторожно забралась под одеяло и уткнулась носом

в горящую щеку сына, что спал в их постели между ней и Виктором. Ее четырехлетний ангелочек заболел, а она через целые сутки вернулась домой. Да еще самолет на целый час задержали.

Киард зашевелился во сне, повернулся и обнял Виктора. Даже во сне мальчик чувствует, кто с ним больше проводит времени, кто слышал его первое слово и обнаружил первый зубик. Слеза предательски покатила по ее щеке, и она шмыгнула носом.

– Ты что? – осторожно произнес Виктор, что сидел в постели, облокотившись на спинку.

– Я плохая мать, – Анна хотела дотронуться до отросших черных волос сына, но не смела, боясь, что тот проснется.

– И откуда в твоей сумасшедшей голове появилась эта бредовая мысль? – поинтересовался снисходительным тоном мужчина, дотронувшись рукой до ее головы.

– Мой сын заболел, а я на конгрессе сижу, вместо того, чтобы быть с ним, – Анна посмотрела на мужа, совершенно несчастным взглядом, полным уверенности, что во всех мировых бедах виновата лишь она.

Анна вспоминала свое детство и понимая, что со своим сыном. Единственным сыном, проводит ничтожно мало времени, конечно, совершенно забывая о том, что в отличие от своей матери, она руководит княжеством.

– Боже, – закатил глаза Виктор. – Когда ты уже устанешь от самобичевания? Ты хорошая мать. Самое важное – ты лю-

бишь Киарда, не отмахиваешься от него.

И он знает о твоей любви. Как ему еще не знать, если ты даже будучи в Аргентине звонила ему пожелать спокойной ночи. Тебя никто не обвиняет. Тем более Киард – для него ты мама, которая может все.

– Но которая не гуляет с ним, не ездит в Диснейленд, не кормит мороженым, – гнула свое княгиня, поцеловав сына в щеку, тот смешно скривился.

– Но не каждая мать оставит тебе в наследство княжество и миллионное состояние, – вздохнул Виктор. Он не понимал причину ее постоянного гнобления собственной персоны. Неужели она все еще винит себя в том, что немного охладела, когда переживала выкидыш? Так ее никто в этом не винит. А Киард тем более не помнит. Она сама себе придумала проблемы и тонула в этом болоте то ли горечи, то ли обид. У Виктора проскочила мысль, что ей бы побольше общаться с Куроки, что словно выпивал из нее всю эту скорбь до дна. Виктор был готов с этим мириться, лишь бы его жена снова улыбалась этой солнечной девичьей улыбкой, императрица Сора бы его за эти слова убила.

– Но все же любит он тебя сильнее, – подытожила Анна и сев, так же откинулась на спинку кровати. Когда же она отпустит прошлое и начнет новую главу?

– Господи, что за чушь? – возмущившись Виктор, нахмурив брови, посмотрел на жену. Ему так хотелось дать ей подзатыльник. – Конечно, он меня любит. Ты же с ним не хо-

дишь по ночам красть печенье на кухне.

Они оба еле слышно рассмеялись, хоть мужчину и не оставляла мысль о том, когда же его жена поймет, что по – настоящему любят «за просто так». За сам факт существования. Какая же она у него глупенькая и неуверенная в себе.

25.12.2011

С НОВЫМ ГОДОМ И Рождеством!

K,T,S and H.

25.12.2011

С Рождеством!

S and S

31.12.2011

С Новым годом!

Здоровья, удачи и счастья!

Полиньяк.

Глава 19

– А теперь, – Анна обвела грозным взглядом всех присутствующих домашних. А их, к слову, собралось полный состав и все они как один улыбались, усмехались и озадаченно смотрели на свою «предводительницу», что стояла у большого телевизора в главной гостиной их загородного дома, в котором они встречали этот первый день января двух тысяч двенадцатого года.

Жанна недоуменно посмотрела на своего жениха, но тот с улыбкой кивнул в сторону сестры, что держала в руке пульт.

– Вы все в ближайшие три часа ведете себя, словно мыши и не беспокоите меня, – женщина многозначительно посмотрела в сторону сына и Хезер. – Даже если начнется ядерная война, мне все равно. Я хочу узнать выстрелил ли Шерлок!

Виктор закашлялся дабы спрятать свой насмешливый смешок, он конечно знал, что его жена обожает этот сериал, но чтобы дойти до такой крайности...

– Я ждала этого больше двух лет, – Анна поймала чуть осуждающий взгляд свой верной и любимой Хезер.

– А теперь, – Анна подошла к дивану и села на самую середину. – Я прошу перестать вас ухмыляться, покинуть комнату и отключить здесь телефон.

– И часто такое бывает? – тихо спросила Жанна, когда тяжелые дубовые двери захлопнулись за остальной августей-

шей семьей.

– Не, – покачал головой Саша и обнял ее за талию.

– Последний раз был в двух тысячи седьмом году, когда Роулинг выпустила последнюю книгу. Анна заперлась в комнате с именным экземпляром и не выходила до вечера, – с улыбкой на губах произнес Виктор. – Ей же нужно хоть когда-нибудь выпускать пар.

Он посмотрел на свои наручные часы. Подаренные женой на одну из годовщин, и подмигнул стоявшим рядом Марии и Хезер. Киард, под присмотром няни, давно ускакал во двор к дворникам, сгребаящим жалкие остатки снега.

– Через пять минут начнется, – мужчина взял под руку тещу и повел ее по коридору в малую гостиную. – Мы с Хезер, помнится, поспорили на пять фунтов...

20.01.2012

Ну, что ты жива, сердце мое? Судя по тому как закончился сезон этого сериала, я удивлен, что ты не объявила войну Англии и не потребовала доставить тебе сценариста. Помниться, с одним из актеров ты пыталась «наладить дружбу»?

Прости. Больше не буду. И надеюсь, ты позвонишь мне и расскажешь поподробнее, что у тебя твориться в стране.

Поверь, мне важно это знать и я хочу, что бы ты продолжала держать голову высоко

Поднятой не смотря на то, что мелкие и жалкие людиш-

ки не понимают ценности того факта, что именно ты находишься у власти.

Тебе уже не двадцать, ты не должна бояться нападок. У тебя всегда есть я, твои родные и остальная часть народа, что позволила тебе столько лет находиться у власти.

Все будет хорошо.

К

Она читала его письмо и улыбалась этому пылу и высокопарности. Было приятно осознавать, что он все еще следит за жизнью ее княжества и пытается помочь. Пусть ее немного коробили его нападки на церковь, за эти годы в Грепиль, Анна слишком привыкла к ней, к ее прихожанам и служащим. А еще она продолжала искренне радоваться живости писем Куроки. Он всегда, в отличие от нее, говорил о своих чувствах вслух. Может быть, потому что не боялся или давно уже разобрался в них?

Он же до сих пор поражался ее умению держать все в себе, не давая даже намека в письмах о своем беспокойстве или боли. Она умудрялась быть невероятной, идеальной и чуткой, находясь в сотнях километрах от него.

Куроки радовался как сумасшедший появлению близнецов – племянников – его семья вновь стала большой и ему в какой-то миг показалось, что больше-то и не нужно для счастливой жизни. Он взял на руки Хикари и чуть укачивая, поднес ее к старому книжному шкафу, ранее стоявшему в

старом императорском дворце во времена Акихимо.

– Милая, – мужчина прижался к маленькому ушку своей маленькой дочурки. – Я очень хочу, что бы ты походила на нее.

Свободной рукой он легонько постучал ногтем по стеклу фоторамки, где были изображены Сакура и Анна. Он больше не запрещал себе думать об Анне, потому что начал считать, что это неразумное ребячество. В их несурзадной, невероятной паре эгоистов – сердцем был он. Разум решил остаться в Грепиль. И, наверное, это было правильно.

Женщины поистине удивительные создания: они могут клясться в вечной любви, словно соловей, кидаясь на острые шипы розу и с тем же упрямством проживать всю жизнь с нелюбимым человеком.

Анна с удовольствием хотела бы больше походить на Скарлетт О`Хару, но увы, она могла себя описать лишь персонажем извечно усталым от себя самого, что до сих пор не понимает что же ему действительно от жизни нужно. Но с другой стороны: она поступила правильно, не дав своему сердцу (и гормонам в том числе) разрушить ее новый мир.

Есть влюбленность. Страсть. Увлечение. Любовь. Верность. И все эти оттенки чувств для нее относились к совершенно разным людям.

А что же он? Если бы у него был шанс вернуться в прошлое, смог бы он изменить историю? Стал бы? Куроки поцеловал Хикари в лоб и улыбнулся – нет. Ради нее, ради сы-

на и Соры. Он просто не мог себе этого позволить.

Хотя... Кому он врет: сколько раз в своих мыслях он менял историю на корню, каждый новый раз, стараясь создать еще более идеальную картину. Вот только в большинстве случаев он все же оставался правителем Упонии. Если в двадцать три он бы и мог помыслить об отказе от трона, то сейчас, почувствовав вкус власти...

– Я двенадцать лет исправная католичка, – Анна передвинула очередную шахматную фигуру. Она с пятилетним Киардом, как и обычно, играла в шахматы на конфеты. Виктор сидел рядом с сыном и просматривал свежие утренние газеты. Семейная идиллия, не допускающая отсутствия бабушки, что сидела за компьютером и молодых, тихо переругивающиеся насчет свадьбы.

– Я почти восемь лет руковожу этим княжеством, забочусь о нем. А в ответ? – драматично закатив глаза Анна отвлеклась и не заметила, как Виктор подсказал ход сыну. Впрочем, она всегда потакала подобным действиям, нередко, заручившись поддержкой матери, Киард выигрывал свои споры с дядей. Он уже такой взрослый – даже посещает детский сад при муниципальной школе.

– Да, ты истинная католичка, – чуть усмехнулся Виктор. Однажды, еще до рождения Киарда, она рассказала ему, почему так любит эти старинные неприветливые готические церкви. «В них живет тишина. И эта тишина не давит, она

немного пугает, и почему-то сгибаются колени. А в голове пустота. Именно здесь я ощущаю, что есть кто-то могущественнее, чем человек. Такое она могла сказать лишь ему: не боясь усмешки или быть не понятой, и, конечно же, каждое такое мгновение, Анна понимала, как же ей повезло с мужем.

– Мог бы, и промолчать, – цокнула языком княгиня. Как бы она не старалась, не падать духом – эти религиозные волнения не просто выбивали ее из колеи, они проворачивали нож в ее спине.

– Ворчишь, как старуха, – вдовствующая княгиня Мария оторвалась от экрана компьютера и деловито поправила очки. – Скажи спасибо, что тебе не перемывают кости из – за Жанны и то, что большую часть жизни она прожила не здесь.

– Там роскранский дух, там Роскраной пахнет, – тут же откликнулась та, щелкнув жениха по лбу. Тот лишь отмахнулся, продолжая что-то вырисовывать на листе.

– Это пусть они скажут мне «спасибо», за то я вышла замуж за гражданина Грепиль, а не за британца, как хотела, – беззлобно произнесла Анна и, посмотрев на мужа, заметила образовавшуюся складку между бровей. Он видно ожидал, что она вспомнит о Куроки. Нечаянно, нелепо. Но в доказательство тому, что она все еще о нем думает. День и ночь. Но к счастью, или увы, такого не происходило.

Виктор встал с кресла, чуть сжал плечо сына и в упор посмотрел на жену. Как ей показалось – слишком серьезно.

Будто бы он снова бессмысленно ревнует, словно ей снова придется доказывать ему, что все его подозрения бессмысленны.

– Шах и мат, мама, – заявил, улыбаясь вовсю ширь Киард, разрядивший обстановку. Виктор, прокашлявшись, неожиданно рассмеялся.

– Где-то здесь должен быть злобный смех, – он начал картинно рыскать по своим карманам, вытаскивая все наружу.

Какая-то секунда и ничего и не было: к ним снова вернулась тишь да гладь. Может быть, это она хочет видеть в глазах мужа ревность? Или ей банально, снова хочется чувствовать эту душевную боль? Чувство вины?

23.03.2012

Все наконец-то закончилось и моя семья в полной мере может заняться будущим празднеством.

Хотя к чему я лгу?

Мне так хочется рассказать, что на душе остался такой неприятный горький осадок, что дает о себе знать, когда я даю волю себе расслабиться. Его ничем не вычерпать со дна моего сердца.

Еще Киард с Виктором умудрились заразиться гриппом. Даже не знаю, где они сумели подхватить эту заразу. Хотя... Они только недавно вернулись из Польши, где моя мама занималась патронажем. Но это уже не важно, ибо у меня «на руках» двое хныкающих ребенка (да два!), требую-

щих моего ежеминутного внимания. И это за неделю до моего выступления на саммите. Они словно планировали.

А ты такой же капризный, когда болеешь? И все же до встречи в Брюсселе. Я буду хмурая и злая.

Твоя истинная католичка Анна.

– Выступление было... сносным, – министр Грепиль, чуть нахмутив лоб, постоянно поправлял ненужные очки на носу. Он решился – таки выразить свою точку зрения, с которой невозможно было не согласиться. И вправду ее выступление было скучным, слегка монотонным, и разбавленным в конце изящной шуткой.

– Спасибо, Роше, я знаю, – чуть протянула Анна, оглянувшись по сторонам: в свои тридцать два она умудрялась вести себя, как ребенок. Играть днем и никогда и никому до конца не показывать своих настоящих чувств, считая это слабостью. Она, конечно же, первой увидела идущего к ним Куроки (было удивительно, что он спровадил своего представителя) и наконец-то по – настоящему улыбнулась. Хоть и не ощутила того трепета в груди. Лишь был какой-то вакуум, подразумевавший ностальгию. Куроки легко перехватил руку Анны, притянул к себе и едва коснулся губами ее щеки, попутно отмечая, что его... Подруга стала пользоваться услугами профессиональных визажистов. Сора же справлялась сама. Оторвавшись от щеки, мужчина посмотрел в эти знакомые смеющиеся глаза и почему-то снова вспомнил жену.

Несколько недель назад, когда у Соры было вновь ревнивое настроение и она прилично выпила вина за ужином, у них «состоялся» очередной разговор – допрос:

« – Ты спал с ней? – императрица вновь завела этот совершенно ненужный диалог про Анну. Сора, снимая с руки браслет, на секунду подумала, что зря начала это, но эта чертова обида, живущая в ней годами и вино решили иное. Они словно вели разговор о погоде, только на повышенных тонах.

– До или после нашей свадьбы? – чуть усмехнувшись, поинтересовался Куроки, послабляя галстук.

– Вообще, – обреченно вздохнув, произнесла женщина, и устало уселась на кровать. Зачем она снова начала эту бессмыслицу? Винный задор покинул ее, оставив горький остаток безысходности.

– Нет, – его нельзя было упрекнуть во лжи, таким кристально честным казался его тон. – Целовал. Да. И мне это нравилось.

– От этого еще хуже, – Сора легла и обняла подушку, сонно пробормотав. – Ваша эта возвышенная любовь...»

– Я так рада тебя видеть! – в голосе Анны пропал роскранский акцент, и появилось нечто неуловимо французское в ее английском. – Мой милый взрослый мальчик.

Куроки хотел извиниться перед министром Грепиль, но только сейчас заметил, что тот пропал. Профессионально, однако.

– Мальчик, – улыбнулся император Упони, снова обре-

тая себя. – Сестра называет меня мальчишкой.

– Может быть она и права, – Анна до сих пор ощущала тепло его руки. Это родное чувство ей совершенно не хотелось терять. Наконец-то ее сердце начало биться сильнее, разгоняя кровь по венам и верно отключать ее адекватную часть мозга. – Вы приедете на свадьбу Саши?

– Конечно, – Куроки улыбаясь, еле ощутимо поглаживал большим пальцем левой руки ее руку. Он снова начал чувствовать эту тишину, окружавшую их. – Ты завтра в Лину?

– Да, – чуть пожав плечами, ответила Анна. – Встречаемся с мамой и Жанной. Это невеста Саши.

– Я знаю, – отмахнулся Куроки и наконец-то выпустил ее руку. – Жаль меня там не будет. Дела в Кикасэки.

– Надеюсь, что не очередной план по отбору островов у Роскраны? – чуть угрожающе произнесла княгиня.

– Мы никогда не сойдемся в этом вопросе, – вздохнул Куроки и оглянулся по сторонам, прежде чем задать вопрос. – Может быть поужинаем?

– Прости, – покачала она головой и взяла его за предплечье. – У меня еще встреча, а позже нужно будет позвонить домой. Киард так просто не уснет.

– Ты наверняка самая лучшая мать на свете, – он осторожно завел ее прядь волос за ухо.

– Нет, – Анна грустно улыбнулась. – Я слишком мало уделяю ему внимания. И моя мама была совершенно иной. Хорошо, что есть Виктор.

– Да, хорошо, – с неохотой согласился Куроки, после того, как она отпустила его предплечье. Почему-то эту встречу, он представлял не так: они должны были поужинать, погулять по ночному городу, рассказывая смешные истории про детей. Но нет. И он был несколько разочарован этим, чувствуя себя ребенком, у которого отобрали любимую игрушку. Быть может если бы он знал насколько Киард был бесценен для Анны, если бы он так легко не «получил» Хикари и Такэо, то понял бы, почему можно так просто отправить в бездну все свои желания, лишь бы увидеть улыбку ребенка.

– Моя так называемая бывшая девушка уже успела родить двойню, а я только женюсь, – Саша, в который раз потянулся к своей черной бабочке. Он, в отличие от Виктора в день свадьбы был одет в простой черный костюм и белоснежную рубашку. Никаких тебе мундиров, регалий, взамен – главному телеканалу Грестиль было предоставлено разрешение на прямой эфир. Хоть Жанна до сих пор вздрагивала от затвора камеры.

– Это предсвадебный мандраж, милый мой, – Виктор легко приобнял его за плечи и самостоятельно поправил бабочку.

– Ты тоже боялся перед свадьбой? – спросил Александр безвольно опустив руки и став рассматривать себя в зеркале, отмечая, что его загорелая кожа сейчас кажется совершенно белой.

– Боялся? Нет. Нервничал? Да, – ответил Виктор отойдя. – Я был уверен, что моя невеста не сбежит и не отменит свадьбу. Это не в ее характере. Меня беспокоило то, что я оступлюсь, чихну когда нас будут фотографировать. Но как только нас объявили мужем и женой, все стало так легко. Даже все равно. Тем более после шутки твоей сестры.

Мужчина внимательно посмотрел на жениха: Саша вырос на его глазах; в свои двадцать шесть он обрел то, что Виктор сумел лишь в тридцать пять. Может быть, если он в этом возрасте не был таким ветреным и себялюбивым, то вокруг него уже прыгали внуки, а не единственный сын. И все было бы по – другому: не было бы дружбы с Альбертом, интересных знакомств, опыта и мудрости. И самое главное – не было бы потрясающий воспоминаний: первый поцелуй Анны, их тихие вечера в библиотеке, первые шаги Киарда и поездки за город всей семьей. «Сейчас» было бы иным. Чужим. И никто не в силах сказать насколько счастливым было бы оно.

– Мальчики, пора, – в комнату заглянула Мария, что придерживала за руку Киарда.

– Иди – ка сюда, – сказал Виктор, подхватывая сына. Мальчик звонко рассмеялся и обнял отца. Наверяд ли иное «Сейчас» было бы счастливее без его смеха.

31.10.2012

С Днем Рождения!

Не могу поверить, что тебе тридцать три!

С любовью, К.

6.11.2012

Тридцать шесть! Интересно: помещаются ли свечи на твоём торте?

А.Р.

Она любила эту старую придворцовую церковь, которую начал восстанавливать еще Альберт, а закончила она. Здание было очень старым, каменные своды были старше монархии Грепиль и какая-то странная добрая атмосфера, наполнявшая здешний воздух, тянула ее душу сюда. Просто посидеть и поразмышлять в тишине, наблюдая как гаснут свечи, словно жизни.

– Я слышала вы не особо довольны мной, святой отец, – княгиня подседа на скамью к старому приходскому священнику, что как свеча уже догорал свои последние часы. Этот человек знал множество тайн и с ним уходило полчище ответов и мировых сенсаций: он крестил Анну и отпевал ее дочь, причащал ее сына и молился за Альберта. А еще отец Кристоф был умнейшим человеком, из всех которого знала Анна, чутким с любящим сердцем – именно он своей верой и надеждой пошатнул ее жизненные устои, благодаря нему она начала немного верить, хотя бы в успокоение души. Но с этой всей добротой бродила рядом и хитрость.

– Ваше Святейшество, – голос старика был словно скрип.

Вместо него говорило эхо времени и опыта. – Не я сужу вас, а Господь Бог.

– И что на этот раз ему не по душе? – с легкой издевкой спросила княгиня, отлично зная, какова сила за церковь в этой стране и посему не желая терять поддержку.

– Вы не возлюбливаете ближних, ущемляете их, сколько бы сердца страждущие не просили вас о послаблении.

– Отец Кристоф, – мягко начала Анна, стараясь не сорваться. В последнее время эти оппозиционеры постоянно попрекали ее в ограничении свобод иноверцев. Эти наивные глупцы, энтузиасты, идеалисты и прочие идиоты, что верили в ласковые сказочки о несчастных беженцах, которые хотят лишь мира. Конечно, хотят. Но не думают ассимилироваться. А что следующее? Запретить свинину в школе или понаставить везде Будд? – К чему вы клоните? Будьте уж конкретны, мы знаем друг друга много лет. О ком просили замолвить словечко?

Старик усмехнулся. Он был хитер, потрясающе хитер. Без этой способности он точно бы не смог забраться на такую высоту – быть духовником самой княжеской семьи, дальше только Папа Римский.

– Есть один мусульманин, семейный человек и давно ждет разрешения на въезд, – отец Кристоф медленно перебирал четки в руках, преданно смотря на алтарь перед собой. – Он хороший, образованный инженер, которого бы с радостью приняла одна из наших компаний.

Анна усмехнувшись смотрела на священнослужителя, еще того махинатора и переговорщика. Она не могла на него сердиться, восхищаясь изворотливостью, живучестью и находчивостью. Ей бы поучиться у него. Хитрый старый лис, слава богу, не политик, хотя и с ним нужно было дружить осторожно – отец Кристоф был полезен, а его речи были словно заклинания.

– И какова цена вопроса? – княгиня была уверена, что кто – кто, а ее духовник продешевить не может.

– Полное восстановление церкви с Хорауре и волонтерская программа в Африку, – чуть склонив голову и сомкнув усталые глаза, произнес старик. Ему бы власть – он бы правил миром.

– Неплохо, – оценила Анна, легко похлопав в ладоши. – А вы не могли и мне что-нибудь выторговать?

– Ваше Святейшество, – он произнес это с болью и пониманием. Так сострадательно. До зуда в сердце.

– Пусть соберут все бумаги. Все. Чтобы не было ошибок и пусть отправят в посольство, – княгиня встала со скамьи и посмотрела на алтарь, окруженный горящими свечами. – Подобно моему сыну, вы вьете из меня веревки.

– Потому что душа у вас добрая, – с радостью и долей подхалимства, произнес священник человеку, что подписывал указы на смертную казнь. Как странен этот мир, построенный на уступках и услугах, двусмысленности и оговорках, лазейках и запасных ходах.

25.12.2012

С Новым годом и Рождеством!

K,S,H and T.

31.12.2012

С Новым годом!

Все семейство P.

Сора любила этот маленький уютный вакуум тишины. Все еще спят, ведь нужно набраться сил для празднования Нового года. Никто не требует ее внимания, любви, одобрения и слов. Она в кои-то веки может побыть наедине сама с собой. О, как она дорожила этими мгновениями.

Куроки, что-то бурча себе под нос перевернулся на другой бок, оставив после себя лишь снисходительную улыбку на лице жены, что лежала на спине и разглядывала потолок. Она уже полчаса как проснулась и не могла погрузиться в так манящую дремоту. Ее сон, что она запомнила, выбил ее из колеи, заполнив каким-то странным гнетущим чувством. Порождающим слезы на глазах. Сегодня праздник. Хороший день, а она несчастна. Почему же так? Ведь сколько времени она была совершенно счастлива и спокойна в своем маленьком идеальном, теплом и любимом мирке. Даже причуды мужа не ранили ее как прежде. Но почему-то сейчас к горлу подкатывала какая-то несуществующая тошнота, а где-то на

задворках сознания пробегал страх. Что же она видела во сне? Ее кошмаром всегда была Анна, хотя Сора понимала, что все уже кончено и княгиня Грепиль не отберет у нее мужа, уж слишком явно она любила своего мужа и сына. Мысли Соры на мгновение остановились на образе князя – консорта. Да, тот был красив, даже сейчас, какой бы расисткой она не была, не воспринимая людей других рас – Виктор Руже – Полиньяк был красив, и говорят умен. Хотя, если бы он был глуп, долго бы не продержался при дворце. И возможно, если бы не было его, то Анна снова распустила свои сети. Как много «бы» и сколько времени должно пройти, чтобы вечно волнующееся и боящееся сердце перестало трепетать? Вечность.

Куроки снова заворочался в постели и наконец-то раскрыл свои сонные глаза, удивленно посмотрев на жену.

– Уже не спишь? – он медленно поднялся на локтях, чтобы встать с постели.

Нет, она не будет делиться с ним своими страхами и переживаниями. Они не стоят его драгоценного времени.

– Сумасшедшая, – сонно пробормотал Куроки, поцеловал жену в лоб. Как можно настолько выглядеть идеальной? Для этого есть курсы или она брала спецпредмет в университете?

Сора ничего не ответила лишь придвинувшись, поцеловав мужа, давно перестав обращать внимание на утреннее дыхание и слезящиеся от долгого сна глаза. Как ей хотелось навсегда увязнуть в этой полной безмятежности тишине.

Глава 20

Опухшее от слез красное лицо предательски сдавало, так же как и обкусанные ногти и склоченные волосы, что вроде раньше были заплетены в косу. Она непозволительно была одета в «домашнюю» одежду, которая никак не подходила по статусу княгини. Но той было на это совершенно наплевать с высокой колокольни. Она ждала, когда ее муж, присоединенный к всеразличным аппаратам: мигающим, плакующим, беззвучным и габаритным. Одни из самых страшных двадцати четырех часов ее жизни: она уже не могла плакать, а горло охрипло и сжалось от постоянных всхлипов. Они ничего не сказали шестилетнему Киарду, решив, что это будет слишком сложно для него. Просто папа приболел, как и ты недавно, да, чихает и кашляет.

– Ты должна пойти домой и отдохнуть, – хрипло произнес вновь проснувшийся Виктор. Бледный, как смерть, он хмуро смотрел на свою непослушную жену. Почему Хезер ее не увела?

– Я княгиня и ты не вправе мне приказывать, – ошетинилась Анна, не вставая со своего кресла, приставленного сбоку от больничной койки. Ее злило то, что он так спокоен, не испуган и не хочет ее ухода, ее сопереживания и нежности.

Врачи не смели к ней подойти, мама была с Киардом, Саша был отправлен домой, а Жанна ретировалась самостоя-

тельно, здраво решив, что беременным тут не место. Лишь Хезер с ее извечным суровым лицом вздумала ей возразить, за что и получила резкое напоминание кем она является на самом деле. Да, позже Анна будет сожалеть о своей резкости по отношению к ней, или то, как холодно, закусив губу до крови, отвечала Куроки о состоянии мужа после операции. У Виктора был порок сердца. Как они это упустили? Как она вечно следящая за всеми не усмотрела? Альберт всегда так был щепетилен при обследовании семьи, забывая о себе. А она забыла о самом главном – ее муже. Без него... Нет.

– Не нужно так бояться, все хорошо, – Виктор знал, что за всей этой гневной бравадой лишь испуганная девочка, которая не может все самостоятельно исправить и это ее еще сильнее пугает.

– Все хорошо? – спросила Анна, шмыгнув носом. Глаза так предательски снова наполнились слезами. – Ты чуть не умер. У тебя была операция на открытом сердце! Какого черта все хорошо?!

Она подскочила к мужу и испытующе посмотрела на мужа. Она что настолько все утрирует?

– Прости, – прошептал мужчина, и устало закрыл глаза на минутку. Ему невыносимо было видеть ее слезы – комок подкатывал к горлу и застревал.

– Я испугалась, – сквозь слезы процедила Анна, целуя его левую руку и прижимая к себе. – Ты понимаешь? Я так испугалась. Я так люблю тебя и не могу...

– Ну, тише, – Виктор провел рукой по ее мокрой от слез щеке и посмотрел прямо в глаза. – Все хорошо. Теперь мы будем внимательны. Мне же не семьдесят, так что так не трясь.

– Тебе не семьдесят, но ты мой муж, – возразила ему княгиня и судорожно начала вытирать свое заплаканное лицо. Она так хотела успокоиться или хотя бы, чтобы руки перестали дрожать.

16.02.2013

Мы все ожидали этого конца света. Особенно мой министр Роше, который совершенно не понимает мое чувство юмора. Как же с ним трудно в поездках.

Кстати, насчет поездок: только что вернулись из Кинска. Показывала Киарду свою родину, а заодно и нормальный снег. Завтра вместе с Виктором вылетаю в Дублин на саммит «карликовых стран» (именно так обзывает его мой муж); Саша с Жанной пока что в Аделанде – посему дома тихо и мама этому не нарадуется. Но как только мы все вернемся домой – снова будет целый цирк. Бедная Хезер. В ее-то возрасте.

К слову, в сентябре Саша начнет полноценно преподавать, что несказанно радует Жанну, которая после рождения ребенка думает заняться внутренней политикой. Социальной. Берегись, мой народ.

В основном у нас все по – старому, без особых важных

новостей.

Политика:

– Поздравляю с понижением внешнего долга. Да еще с опережением своего нелюбимого Китая. Браво!

– И все еще негативно отношусь к твоим закостенелым посягательствам на острова Роскраны. Лучшие бы припомнил кое – какой стране о еще не выплаченных долгах.

Надеюсь, мы больше не будем возвращаться к этой теме. Бесполезно.

Но я все равно по тебе скучаю.

Твоя А.Р.

Больше всего в жизни Сора не любила весну. Она олицетворяла любовь, счастье, рождение нечто нового. Неповторимого. Весной человека должна окружать влюбленность, а не старые, иногда беспочвенные домыслы о похождениях своей второй половинки.

Они ни в коей мере не могла обвинить Куроки в невнимательности, нелюбви к ней или детям. Они были идеальной парой: даже с легким пристрастием Соры к алкоголю и мечтательностью Куроки. Кто же виноват, что ее муж внезапно оказался мечтателем, а она не смогла простить его за это. За то, что он первым же рейсом улетит к той, что его никогда не позовет. За ее книги, за его поцелуй в лоб перед сном, за то, что она, из миллионов девушек Упонии именно она, ста-

ла императрицей, купающейся в одинокой роскоши Дворца. Интересно, а в обычные дни «тот» дворец все так же светел и украшен. Смогла бы Анна хоть месяц прожить в этом строгом темной доме с тысячелетней историей?

– Я тебя нашла, – в малую гостиную императрицы заглянула вечно жизнерадостная Сакура. Если подумать, то Сора почти всю жизнь завидовала ей, совершенно не понимая, что принцесса лишь своими силами и упрямством с самого детства ломала замки на клетках. А Сора сама себя туда посадила. Принцесса легко впорхнула в комнату и уселась в свое излюбленное кресло без ручек: иногда ей казалось, что лишь она навешает здесь императрицу.

– Да, ты меня нашла, – немного сухо откликнулась Сора и уже привычно переместилась на диванчик напротив родственницы.

– Ты уже в курсе скандала вокруг нашей общей знакомой? – ехидно поинтересовалась Сакура, поправляя прическу. В последнее время ей было невыносимо скучно в своем маленьком домашнем мирке. До того невыносимо, что она стала цепляться даже за такие банальные сплетни. Она соскучилась по азарту, быстроте жизни, по безответственности и расправленным крыльям. Но муж и дети возвращали ее на землю.

– Ты о Айко Ясуда? Спросила Сора, чуть пожав плечами и позвонила в специальный колокольчик, чтобы подали чай. – Неловкая ситуация.

И это при том, что они обе знали как Сора с институтских времен недолюбливала свою сокурсницу Айко. Последняя, будучи дочерью влиятельного политика, всегда любила напоминать будущей императрице, кто из них стоит выше по социальной лестнице. Конечно, не забывая пусть и не публично, высмеивать ее роман с Куроки.

Вот сейчас смеется императрица, а не почти дважды разведенная Айко.

– И это с женатым мужчиной, – фыркнула Сакура. – Говорят, он родом из Ирана, мусульманин. И она давно не носит кольца, порядочная женщина...

Сора слабо улыбнулась и посмотрела в чашку с пресным чаем.

– Порядочный мужчина, – она продолжила за родственницу. – Порядочная женщина. В истории всегда виноваты двое.

И она, правда, так считала и скорее всего, была совершенно права. Во всех любовных драмах невозможно винить одного – ведь для отношений, нужно как минимум двое.

15.04.2013

От всей души поздравляем Вашу семью с пополнением.

Счастья, здоровья и красоты юной Грейс Виктории!

K and S.

– Если ты останешься такой же милой и красивой я уговорю Анну отдать тебе трон, – шутливо ворковал с полугодова-

лой Грейс Виктор, покачивая ее на руках. Ее родители вместе с княгиней улетели в Осло на очередную встречу, оставив их с Киардом и Грейс на Виктора с вечно правой Хезер. Виктор так боялся реакции своей жены на рождение малышки. Считал, что прошедших пяти лет будет недостаточно для нее. Но нет. К его огромному облегчению Анна не видела в племяннице отсвет своей Роуз. Она может быть чуть больше начала проводить времени с сыном, но никогда не отказывалась от того, чтобы понянчить на руках это маленькое чудо. Анна лишь раз, как она выразилась «дала слабинку», когда счастливые Саша и Жанна сообщили, что ультразвук «показал» девочку. Княгиня целый день ходила с улыбкой на лице, и лишь вечером, в постели, тихо плакала, пока не уснула. И он ее понимал.

– Что-то ужасное пожирает меня изнутри, – прошептала женщина, когда более – менее успокоилась в объятиях мужа. – Это зависть. Обида. Боже как же мне обидно! И это неправильно. Ужасно. Я знаю. Но ничего не могу поделать.

– Я знаю, – Виктор сильнее прижал ее к себе и поцеловал в лоб. – Понимаю. Это нормально. Я тоже почувствовал зависть.

– Прости. Это я виновата, – всхлипнув, прошептала Анна.

– Не смей так думать, – в голосе мужчины прозвучал оттенок угрозы. Он отодвинулся и посмотрел в ее заплаканные глаза. – Не смей так думать. Не смей. У тебя множество детей. Киард, племянница, народ Грепиль. Они и мои дети

благодаря тебе.

В ту минуту его нельзя было обвинить в неискренности. Он был честен с ней, а еще в отличие от жены за эти пять лет сумел смириться и отпустить Розу и остальных так и народившихся людей.

– А теперь, – Виктор легонько поцеловал племянницу в пухленькую щечку. – Пойдем к бабушке Марии. Может быть, она сможет тебя уложить спать.

31.10.2013

С Днем Рождения!!!

С любовью К.

06.11.2013

С Днем Рождения!

Счастья!

А.Р.

25.12.2013

С Новым Годом и Рождеством!

K,S,S,H,T and twins

31.12.2013

С Новым Годом!

Грейс Виктория и ее подданные

Сора улыбаясь, остановилась у огромного зеркала во всю стену, что располагалось в столовой для приемов. Настроение с утра было что ни на есть отличным: дом был уже был готов к празднованию дня рождения Такэо; Сакура со всем своим семейством уже известила о своем прибытии; Куроки завершал свои последние дела в столице и привозил с собой Хикари, гостившей у родителей Соры.

– Уважаемая госпожа, – к императрице обратился старый камердинер ее мужа. – Могу я заметить, что вы так сильно похудели?

– Правда? – Соре захотелось улыбнуться еще шире, но нормы приличия уже не позволяли. – Спасибо.

Она отпустила слуга и чуть повернулась перед зеркалом, осматривая себя и прикидывая, что же одеть к праздничному ужину. Женщина вспомнила свое старое платье, привезенное из очередной поездки Куроки в Англию. Восьмой размер? Теперь-то он точно ее. Мысли непроизвольно переключились на княгиню Греспиль, что носила четырнадцатый или шестнадцатый размер. От этого этот день стал еще милей.

« – Ты целый день будешь крутиться перед зеркалом? » – подумала она и все еще улыбаясь, подошла к уже сервированному столу. Ее взгляд непроизвольно упал на бокал, на котором сознание решило оставить несуществующий отпечаток. Зависть.

А в том доме все по – другому: там свет бьется через огромные витражи даже ночью, внутренний сад кажет-

ся изысканнее и даже ковры чище. И та семья ей казалась ей дружнее, крепче и счастливее. Воздух в том княжестве казался сладким, с цветочным ароматом и, прогуливаясь по дворцу одним из вечеров, она словно шла рука об руку с персонажами княгини. Заходя в самые удивительные уголки дома. Заходя... Сора вспомнила как в одну из вечерних прогулок зашла на один из многочисленных балконов и обнаружила там сидящих рядом на скамье Куроки и Анну. За единый миг внутри ее начали бороться два чувства. Одно ей говорило оставить их и все как есть, другое же почти кричало диким голосом «разрушь!». И она, как чаще всего, послушала разум, хоть и ей так хотелось впервые поймать эту парочку «с поличным».

– Я недавно был в Лондоне, – Куроки шкодливо улыбнулся и чуть отсел от княгини, словно готовясь к нападению. – Видел твое давнее увлечение.

– Мммм, – изобразила удивление она. – И как он?

– Все еще с Оливией, – вздохнул он, почему-то погрузнев. – Глупец. Он мог бы быть князем. Мировой знаменитостью, власть, красивая жена.

– Вот за последнее спасибо, – усмехнулась Анна и немного подавшись вперед, посмотрела в темную небесную даль. – Он, правда, хороший человек и надеюсь, у них с Оливией будет множество детей, как он и мечтал.

– Если бы все женщины так говорили о своих прошлых увлечениях, – Куроки легко сжал ее плечо. И это было так

естественно, что Соре, стоявшей в тени статуи грустного ангела захотелось броситься вниз с балкона. А эти двое молчали и вместе смотрели в темно – синюю даль. Где все еще жил свет далеких звезд.

– Через два года у нас юбилей, – внезапно произнес мужчина и приобнял ее. – Как время летит.

– И не говори, – улыбнулась Анна. – Моему сыну скоро год, а твоему уже пять.

– А еще недавно нам было по двадцать, – он взял ее руку и поднес к губам. – Я почему-то еще не повзрослел. Мне так нужно совершать какие-то безрассудства. Как Сакура. Я ничего не успел до женитьбы.

Его губы с каждым новым словом соприкасались с костяшками пальцев ее левой руки, щекоча легковесными поцелуями, похожими скорее на порхание крыльев бабочки. Легко и невесомо.

– Это будет жестоко, – немного скованно произнесла Анна. – Но я все же процитирую тебя «ты сам себя заковал». Прости, но если бы ты по – настоящему хотел, не мыслил своей жизни без свободы, как Сакура, то ты бы бросил все. Но ты был воспитан, чтобы править, ты принял эту судьбу. Не ври самому себе.

– Так что же я ждал от тебя? – Куроки чуть сильнее сжал ее руку. – Нормальные любовники в свободные минуты как минимум заняты поцелуями.

Анна фыркнула и, освободив свою руку, легко шелкнула

его по затылку.

– Ты невозможен, – она встала и на несколько шагов отошла от него, все еще рассматривая небо. Может быть, они и вправду ненормальные? Хотя Хезер бы сказала, что они лучше воспитаны.

– Может быть, именно за это ты меня и любишь? – сделал предположение Куроки, произнося это как обычно ироничным тоном.

– И кто тебе такое сказал? – в тон ему парировала Анна, чуть обернувшись.

В который раз Сора подумала, что уж лучше бы они спали друг с другом. Она бесшумно попятилась назад, оставив этих двоих вновь наедине и возвратилась в свое «Сегодня».

Сегодня, которое забежало со звонким смехом и трясущимися косичками, в столовую, оставив отца позади.

31.10.2014

Милая моя! Поздравляю тебя с тридцатипятилетием!

Теперь ты по – настоящему взрослая.

С любовью К.

06.11.2014

Не могу поверить! Тридцать восемь! А еще недавно мы с тобой были наивными юнцами.

Твоя А.Р.

25.12.2014

С Новым годом и Рождеством!

Света и любви вам!

Императорская семья

31.12.2014

С Новым годом!

Тепла и огня вам!

Полиньяк

21.03.2015

Поздравляю тебя с этим маленьким юбилеем. Знаю: он был труден и суров. Но ты справился и не согнулся. Так иди дальше с высоко поднятой головой.

Позади десять лет впереди столетия.

Твоя А.Р.

– Доктор уже ушел? – в кабинет с неким беспокойством заглянула Мария. Ее дочь что-то сосредоточенно читала, склонившись в кресле над кожаной папкой. По всему дому витал дух страха.

– Да, – хрипло ответила Анна и подняла свои усталые глаза. – Мы должны готовиться к празднованию нашей годовщины, а не постоянно болеть.

– Ему сорок пять лет, милая, – с грустью в голосе напомнила вдовствующая княгиня. – Он не мальчик.

– Я знаю, – вздохнула Анна и захлопнула папку с государственными делами, на которые ей было все равно. – У Виктора не грипп, у него полноценная пневмония. Как я могла не заметить?

– У тебя было слишком много государственных дел, – попыталась успокоить ее мать. Она села рядом с ней и приобняла за плечи. Анна положила свою усталую голову ей на плечо. – Невозможно все успеть. Разве не это тебе всегда говорил Альберт? Ты так улучшила условия своего народа. Они тебя любят. Виктора. Ты видела, сколько цветов принесли к дворцу. Вся страна старается быть тише, пока Виктор болеет. Даже твои глупые противники притихли. Все, как одна большая семья, в доме, где болеет отец.

– Последних можно депортировать, – вяло продолжила Анна. – Альберт считал, что легкие – это самое больное место этой семьи.

– Не забывай, что это всего лишь пневмония, а твой муж по молодости любил курить. Вот они и ослабли. Все будет хорошо. Он же обещал, что будет с тобой до скончания веков.

31.07.2015

От всей души поздравляем Вас с годовщиной свадьбы!

Долгих лет вашему союзу!

K and S

31.10.2015

С тридцатшестилетнем тебя! Кто бы мог подумать, что ты дорастешь до таких пожилых лет.

С любовью К.

06.11.2015

Поздравляю с тридцати девятилетием!

Еще один год – и юбилей!

Твоя А.Р.

25.12.2015

Поздравляем с Новым Годом и Рождеством!

Здоровья и счастья!

Императорская семья

Теплый новогодний вечер – что может быть лучше для успокоения души и веры в чудеса. Виктор, сидя на ковре, играл с Киардом и Жанной в железную дорогу, подаренную друзьями из Упони. Восьмилетний наследник престола был в диком восторге от нее, да и что греха таить, его отец так же был увлечен.

К Анне на диванчик подседа вдовствующая княгиня Мария, что только уложила спать внучку и теперь с улыбкой и умилением наблюдала за этим радостным мероприятием.

– Наконец-то все мирно и спокойно, – произнесла старшая женщина, накинув на ноги плед. Ее дочь снисходитель-

но посмотрела на нее, но промолчала. – Виктор... Сорок пять, а ведет себя как ровесник Киарда. Мужчины.

– И я рада этому, – откликнулась Анна, улыбнувшись всю ширь. Последние годы она слишком часто волновалась и тревожилась, так что сейчас просто наслаждалась спокойствием и размеренностью. Может и она стала старше? – Я не хочу, чтобы он менялся, чтобы Киард вырослел. Как бы хотелось застыть в этом мгновении навечно.

– Почему? – с легким удивлением или недовольством спросила ее мать, зная, что государственные дела идут сейчас не самым лучшим образом.

– Киард счастлив, Виктор здоров, – ответила Анна. – Мне нечего больше желать. Сейчас я не боюсь каждую минуту за мужа. Спокойно сплю, не прислушиваясь по ночам к его дыханию, а днем не присматриваюсь к цвету лица. Я почти перестала бояться, что его в один миг не станет. Снова вижу как в будущем мы оба седые и вредные нянчим и поучаем внуков.

Анна мягко улыбалась, наблюдая за своими любимыми мужчинами: могла ли она пятнадцать лет назад знать, что будет смотреть на Виктора и испытывать невероятные по объему и силе нежность? То, что в холодном паническом страхе будет застывать каждый раз, когда он всего лишь чихнет от пыли или схватиться за спину? Она просто не может представить мир без него. Мир, где будет так же тепло, где будут ласки и любовь.

– Все хорошо, – мать взяла ее за руку и улыбнулась, улыбкой, что светилась надеждой доброго и искреннего человека. – Поверь. Ваша сказка закончится на сто десятой главе. О вас будут писать в учебниках, выпускать открытки и снимать фильмы. Постарайся отпустить свои страхи. Помнишь, что говорил покойный отец Кристоф? Мы не должны собирать страхи, ибо скопившись в наших душах они сбываются.

– И как, по – твоему, я должна избавиться от страха, что однажды проснусь в мире, где нет его? – спросила Анна с полной серьезностью в голосе. – Уж лучше я умру первой.

– Не смей так говорить, – шикнула на нее мать, ударив по руке, словно непослушного ребенка. Да, она понимала страхи дочери и прекрасно знала, как это просыпаться в пустой постели. Но женщина свято верила, что у ее дочери все будет, так как она это заслужила. Ведь бог всем воздает по заслугам.

31.12.2015

С Новым Годом!

Удачи и веселья!

Полиньяк

Сакура сидела за столиком летнего кафе и нервно отстукивала какой-то непонятный ритм. Она успела еще раз посмотретья в зеркало, поправив прическу из длинных черных волос (кто бы сказал ей, что однажды она будет замужем

и станет носить классические стрижки) и осторожно осмотрелась по сторонам, словно сделала что-то противозаконное. Но вот она увидела того, кого ждала все это время и непозволительно широко помахала ему рукой, привлекая внимание.

– Боже мой! – восхитился Саша, присаживаясь напротив. – Ты просто потрясающе выглядишь! Так бы и переспал с тобой.

– Извини, – картинно скривилась упонка. – Я люблю помоложе. А ты к своим тридцати годам так и не научился пунктуальности.

– Ох, извини, – вздохнул Саша, приподняв руку ко лбу и показывая всем своим видом, что он запыхался от бега. Они оба рассмеялись и, встав, наконец-то обнялись.

– Сколько мы не виделись? – спросила Сакура, когда официант принес их заказ.

– С крестин Грейс Виктории, – ответил молодой мужчина. – Почти два года. Не считая Скайпа.

– Да уж.

Они оба беззастенчиво рассматривали друг друга, отмечая изменения, новые морщинка и шрамы. Александр больше не носил челку – его светлые короткостриженные волосы теперь постоянно выгорали под солнцем Грепиль. Сакура же наконец-то перестала походить на скелет, обретая формы и едва уловимый намек на покатые плечи. Можно было сказать, что они все еще в начале пути, но эти дороги оказались не такими, как в мечтах. Она не думала, что будет изнывать

от скуки, будучи замужем за творческим человеком и имея двоих детей. Он же навряд ли предполагал, что будет отдавать всего себя, пытаясь направить молодые умы на путь истинный. А ведь раньше они хотели, пусть и не вслух, быть кочевниками – всегда быть в движении, знакомясь с новыми людьми. А сейчас. Сейчас у каждого есть собственная крепость.

– Увела тебя у меня баба из Грепиль, – привлекла внимание Саши Сакура и ехидно улыбнулась.

– Ну, я тоже люблю помоложе, – не остался в долгу тот и сжал ее руку. – Кстати, мы с Жанной недавно видели презентацию нового проекта твоего супруга. Стоит сказать, что нам действительно понравилось. Ане не очень – говорит, что слишком много радуги. А мы с Жанной купили бы такой дом.

– Спасибо, – она накрыла его руку своей. – Мне, правда, это очень приятно слышать.

Еще она хотела рассказать о причудливом вопросе своего мужа, относительно их с Сашей, но не стала. Решив, что такие подробности личной жизни не стоит обсуждать даже с друзьями. Ее милого Вада всегда коробило то, что у нее такой длинный список «похождений». Но ведь он знал всю ее жизнь из газет и честных ответов, но почему-то не хотел так просто отпустить в прошлое. Раз уж он женился на ней. Он задавал порой идиотские интимные вопросы. А она... Она никому и никогда не скажет, что обожала заниматься лю-

бовью с девушкой. Так нежно и поглощающее. И что больше всего она любила просыпаться рядом с Сашей. Не обнявшись, а просто рядом. Смотреть, как он все еще спит и вновь засыпать, пробуждаясь уже, когда Саша ставит чайник на кухне. У каждой женщины от мужа всегда будут свои маленькие секретки. Так же как и у мужей от жен. Просто мы из них сотканы и жить без них мы точно не сможем.

31.10.2016

С тридцатисемилетием!

Почти догнала меня!

С любовью К.

06.11.2016

С сорокалетием!

Вот это дата!

Надеюсь, открытка дойдет раньше нас

Твоя А.Р.

Двадцать четвертое декабря они проводили в загородной резиденции, пока во дворце, под четким руководством Хезер, проводили последнюю подготовку к празднованию. Виктор дремал в доме, а они с Киардом решили пройтись по берегу, дабы нагнать аппетит перед обедом. Анна с ностальгией вспоминала, как они это делали с братом под присмотром наставников.

– Мам, – потянул неуверенно Киард, стараясь не смотреть на нее. – Почему у вас с папой только я?

Анна чуть не спотыкнулась о несуществующий камень. Мысли судорожно начали бегать в голове, сталкиваясь друг с другом, не позволяя найти нужный ответ.

– Потому что, – вздохнув, она все же решила сказать ему правду. Еще бы не забыть сообщить Виктору, что их сынов вырос для неудобных вопросов. – У нас не получалось очень долго завести малыша. Тело человека очень сложный механизм. У меня он сломан и даже то, что ты появился на свет, для нас с папой дар Господа.

– И ты из – за этого грустишь иногда? – чуть склонив голову, спросил мальчик, ветер играл с его черными как смоль волосами. Ее маленький худощавый сын до боли сейчас напоминал одного известного литературного персонажа. Не хватало только очков.

– Я грущу о много, – Анна прижала его к себе и поцеловала в макушку. – О том, что не смогла дать тебе братика или сестричку, о том, что ты приболел или твой папа, о том, что твоя тетя Жанна вредная или то, что на завтрак нельзя шоколадный торт. Или что Хезер меня отругала.

– Но как она может отругать тебя? – воскликнул ее сын, резко подняв голову, но, не вырываясь из объятий. – Ты же княгиня!

– Ты Хезер видел? – засмеялась Анна, постоянно забывая, что Хезер старше ее всего на пятнадцать лет. – Сколько лет

мне не было, я всегда буду бояться ее.

Киард звонко засмеялся, совершенно не понимая, как добрая Хезер может ругать маму и как дядя Саша на полном серьезе ее боится. Это ведь глупость! Хезер всегда рядом, дает ему вкусности и сидит с ним, когда взрослые заняты, а гувернера нет. Хвалит его перед родителями и смеется над его шутками. Просто мамочка что-то в детстве сделала нехорошее вот и Хезер все еще сердится.

– Ты еще не замерз? – спросила Анна у сына, взяв с вои руки его ладошки без рукавиц. Ее хорошенький мальчик – ангел, как бы она жила без него?

– Нет, – покачала головой Киард. – Но я хочу есть.

Женщина улыбнувшись, поцеловала его в щеку. И куда в него столько влезает?

25.12.2016

С Новым годом и Рождеством

Императорская семья

31.12.2016

С Новым годом!

Полиньяк

Глава 21

Однажды в ее истории уже было сказано, что неделя – это маленькая жизнь. Те месяцы сумасшествия и безрассудства рядом с Куроки, как считала лишь она, остались в ее памяти светлыми деньками, в которых позабылись ссоры и недоумолвки, оставив в воспоминаниях лишь самое лучшее и верное.

И сейчас, находясь в самолете, по пути на празднование сорокалетия Куроки Анна могла себе позволить немного прошлого, что открывало перед ней свои величественные двери. Там был май двухтысячного, последний день «незнания» в январе двухтысячи первого, а если пройти еще, то можно «найти» вечер их десятилетнего юбилея.

Но она все же решила выбрать последний день римских каникул, всполохом ощутив тот поцелуй в самолете Варшава – Рим. А еще Анна могла вспомнить, как за день до отъезда они с Куроки сильно поругались и она умудрилась так хлопнуть дверью, что заел замок и они, в ожидании служащих, целый час разговаривали через закрытую дверь, не смущаясь окружающих.

И может быть они слишком много говорили друг с другом, не уподобляясь другим нормальным влюбленным парам. Но если бы они переспали в те римские каникулы было бы им хоть на каплю легче? Смогла бы Анна так спокойно заводить

новые романы, подавляя свой первичный интерес к Куроки? Сумел бы он просто смотреть в глаза Соре? Хотя... Смотрел же он в глаза княжны, зная, что все уже предрешиено.

И все же интересная штука жизнь.

Перед выходом она вновь проверила сохранность документов и билета: до сих пор ее мучили сомнения насчет вседозволенности ее монаршего иммунитета. Завтра днем прилет в Грeпиль с пересадкой в Париже, а до этого можно еще многое успеть. Вот только что? Признаться в чувствах едва знакомому человеку? Он же не такой как она: в ней отсутствует то бешеное пламя и чувства холодны. Анна сама себя вырастила, прежде всего, расчетливой, верной лишь самой себе. Тем более после стольких прочитанных книг, повествующих о том, к чему ведет вся эта безрассудность.

– «Анна и Король», – щелкнув пальцами, прервал ее размышления Куроки, сидящий рядом за столиком в этом переполненном кафе, на одной из многочисленных улочек Рима.

– Что «Анна и Король»? – переспросила Анна, непонимающе оглядываясь на танцующих вдалеке на площади людей. Видимо она вновь погрузилась в очередную перипетию сюжета своего «произведения». Куроки удивленно на ее посмотрел, словно не понимая того факта. Что она посмела не слушать его разглагольствования.

– Я предположил, что финал «Анны и Король» ты считаешь наиболее разумным, – все же он ответил ей, хотя в душе закралась маленькая обида на ее невнимание.

– Конечно, – согласилась девушка, улыбнувшись на автомате. – У них не было будущего. Сам посуди. Для начала героиня выходец из другой страны и культуры. Ей чужда сама мысль о многоженстве. Хотя может быть, если она была младше и радикальнее.

– Нет, – прервал ее Куроки, – возраст здесь совершенно не имеет значение. Можно в десять быть признанным дипломатом, а в шестьдесят убежать в Антарктиду и жить с женщиной. Даже если посмотреть на нас.

– О, – усмехнулась Анна и резко встала. – Мы это настоящее несчастье любого автора любовного романа. Пойдем потанцуем.

Юноша взялся за протянутую руку, и они вместе направились к танцевальной площадке.

– Когда я занималась со своим репетитором по английскому мы первой переводили эту песню, – чуть повысив голос, произнесла Анна. Они с Куроки, вместе с остальными танцевали под грустную песню про девушку в красном платье. Пройдет несколько лет и эта песня у Куроки будет ассоциироваться только с собственной красавицей – женой, одетой в ало – красное платье в честь какого-то праздника императорской семьи.

– А я от своего получал только подзатыльники, – Куроки поймал ее удивленный взгляд. – Это была моя мама. Она в пору моего детства не отличалась всепрощением и добротой. Веселое было время.

– В нашей семье я была Сашу, считала что должна его воспитывать вместо отца, которого не было рядом. А потом появился Альберт, а с ним и правила, гласящие, что мы леди и джентльмены, должны быть стойкими и без малейшего намека на чувства. Я думала, что все это сон, который скоро закончится, и я проснусь дома, где на газовой плите кипит простой эмалированный чайник.

– Значит, сказки все же существуют, – улыбнулся Куроки и чуть сильнее прижался к ней. И лишь на самых последних аккордах песни он чуть повернул лицо и поцеловал ее. Так привычно. И все же сердце начало биться сильнее, разгоняя кровь по венам, не давая мозгу что-нибудь предпринять.

Юноша почувствовал, как руки княжны обвили его шею, словно боясь, что он убежит. Анна, разорвав поцелуй, чуть улыбнулась и снова подалась вперед, прижавшись губами к его губам.

Это был не первых их поцелуй, но почему-то Куроки боялся, что именно он будет последним. Приближался тот день, когда он наконец-то даст свое официальное согласие на женитьбу. Вот только почему он так и не заикнулся при родителях об Анне? Ведь в Упонии не настолько свирепые нормы. Почему? Почему он и словом не обмолвился даже с ней об этом? И спустя годы он будет задавать себе этот вопрос. Не находя разумный ответ. А ведь все могло быть иначе. Если бы Куроки, подобно Анне, смог бы проанализировать ситуацию. Не спешить. Остановиться. Хотя... Уже

поздно бежать за уехавшим цирком.

Она почувствовала как до ее руки дотронулся Виктор, что сидел рядом. Анна обернулась и привычно, немного грустно улыбнулась ему.

– Ты уже выпил таблетки? – тихо спросила она, дабы никто не услышал. Саша остался с приболевшей Грейс и Марией в Грепиль, пока его жена в очередной раз обыгрывала Киарда в карты, веселя тем самым стюардессу.

Невозможно вообразить, что у этой идиллии есть обратная сторона, известная только прислуга дворца. Ибо не все так безоблачно в этом мире, даже после того, как принц женился по любви.

– И витамины тоже, – добавил Виктор, поглаживая себя по колючему подбородку.

– Ты невозможен, – вздохнула Анна. – И эта небритость меня просто выводит. Ты целовался с ежом?

– А ты вижу, да, – усмехнулся мужчина, приобняв ее за плечи. Он дал слабину. Хорошо, что сейчас, а не восемь лет назад. И все же этот постоянный испуг в ее глазах и некоторое недоверие к его словам, угнетали Виктора. Словно он нарочно ее подводил своей уже излеченной болезнью.

Анна, закатив глаза, отвернулась от него не желая принимать участие в его глупой ребячьей болтовне, из которой она как всегда выйдет проигравшей. Хотя...

– У нас в зоопарке есть несколько ежей, – она, не повора-

чиваясь к нему, продолжила. – Если у тебя нет опыта, то они тебе с радостью помогут.

– Помогут в чем? – откликнулся порозовевший от смеха Киард, повернувшись к ним и не замечая, как Жанна подмывает карты.

– В целовании ежей, – просто ответил Виктор и чуть наклонившись вперед, взлохматил волосы сына.

– Аааа, – протянул мальчик, приглаживая свои темные волосики. – А я целовал только кошку. И Хезер меня отругала.

– Ну, конечно! – серьезно начала Жанна, – целовать-то можно только тигров.

– Жанна! – смеясь, остановила ее Анна и дотронулась до руки сына. – Милый, они шутят. Никого из животных целовать не стоит. Подцепишь заразу.

Киард обиженно посмотрел на тетку, что пыталась подавить смех. Женщина сделала большие глаза и заказала себе выпить, давая тем самым понять, что разговор окончен, и она победила. Ей внезапно захотелось помолчать, не думая ни о чем, но ее мозг постоянно работал, словно назойливая муха, что не дает отдохнуть. А мысли о браке оккупировали сознание. Их жизнь с Сашей походила на карусель: то все затихало и наступали солнечные деньки, то метались по комнате старые книги и хлопали двери. И в такие моменты Жанне и вправду нравилось, что они живут не во дворце – она с легкостью могла укрыться в другом крыле дома, не попавшись на глаза малочисленной прислуге. Лишь в их

доме у него было место, где можно спрятаться от всего мира. Ей было тридцать один и ей так хотелось веселья и безбашенности, которых она не могла позволить себе в университете. А еще общения со старыми друзьями, что незримо держали дистанцию, словно опасаясь ее. Все изменилось и она это прекрасно понимала.

Однажды они с Анной говорили на эту тему, хоть Жанна и была скованная признанием ее власти, но княгиня в первую очередь являлась ее семьей. И Анна рассказала так просто и открыто кто остался ее другом, а кто исчез. Но в самый последний момент она решилась на одну из самых откровенных фраз, произнесенных между ними:

– Мой самый лучший друг – это мой муж, – Анна прокрутила на пальце обручальное кольцо. – Какой я бы не была сволочью, но он всегда, в любой момент будет на моей стороне.

– Быть может это просто любовь? – усмехнувшись, спросила Жанна, сев напротив. – Лю – бо – вь.

– Любовь? – княгиня посмотрела на собеседницу с каким-то весельем во взгляде. – Наверное, мои размышления покажутся тебе вычурными, но по – другому я сказать не могу. Одни говорят, что любовь живет три года.

Она встала и провела по полированному дереву полки, висящей над камином, едва касаясь рамок с фотографиями. Жанна неотрывно следила за ее движениями, отчасти решая притворен или нет, этот драматизм.

– Может быть это и правда, – Анна поправила фото. – Когда влюбленные люди слишком долго находятся друг с другом, любовь медленно, по крупицам, перерастает в привязанность, которую уже люди при всей своей душевной тонкости зовут «любовью».

В ее приглушенном, почти потустороннем голосе звучал отголосок усмешки над самой собой. И Жанне, отчего захотелось спросить у нее о Викторе.

– Но знаешь, – княгиня резко повернулась к собеседнице. – Если в этих отношениях не все так радужно. Если есть борьба и стены с расстоянием, то чувства, подпитанные каким-то осознанием несправедливости, могут длиться десятилетиями. Постоянно, словно волны, накатывая на несчастных влюбленных.

Почему-то Жанне тогда не хватило в легких воздуха, резко захотелось выйти из комнаты, а лучше из дворца. В сад, на центральную улицу, в Хораур, откуда она была родом. Куда угодно.

Она словно вновь осознала, что в истории этой семьи не будет «жили они долго и счастливо». Это не диснеевский мультфильм, о котором она мечтала в детстве.

– В пятницу я полечу в Варшаву, – окликнула ее Анна, возвращая к реальности. – Хочешь со мной?

– Да, – конечно, – кивнула Жанна, мимолетно оглядывая Виктора, спящего на плече княгини. Идеальная пара.

– Через полчаса приземлимся, – сообщила стюардесса,

попутно забирая пустой стакан с подлокотника Виктора.

Ну, здравствуйте, будни.

В его любимых книгах в самый сокровенный момент всегда начинался закат. И, наверное, именно поэтому, когда его что беспокоило, он дожидался вечера, становился лицом к окну и смотрел, как в очередной раз умирает солнце. Яркие золотисто – алые полосы освещали иголки пихт, высаженных неподалеку от дворца, в последний раз прикасались к спокойной глади еще не замерзшего, но уже студеного озера и окончательно оторвавшись от закатного солнца, лучи оставляют после себя лишь воспоминание.

– Хикари снова подралась с Джин, – с порога устало заявила Сакура и присела в кресло у письменного стола. Почему-то у них завелось так с недавних пор: сидеть в его рабочем кабинете и о чем-то рассуждать. А ведь в детстве они не были так сильно привязаны друг к другу. Их объединила Анна. И эта мысль заставила мужчину усмехнуться.

– Что на этот раз? – Куроки непозволительно сел на подоконник и улыбаясь, посмотрел на сестру. Она вновь сбежала от Соры и своего мужа. Вновь неприкаянно бродила по дворцу.

– Джин отобрала у Морио какую-то игрушку, а та оказалась и вовсе Хикари, – ответила Сакура, совершенно не собираясь наказывать своих шаловливых близнецов. Их воспитанием занимался ее муж Рока Вада, а она же просто пла-

нировала их жизнь, чуть держась в стороне. Но все же своего сыночка тихоню Морио она любила сильнее.

– Я надеюсь, что в конечном итоге игрушка не окажется Такэо, иначе Соре придется купить ему скрипку.

– Он все еще не передумал? – усмехнулась Сакура такому пылкому желанию своего четырнадцатилетнего племянника.

– Нет, – пожал плечами Куроки. – И все разговоры на него не действуют. Ему безразлично на то, что у него нет «слуха».

– Так пусть занимается, – женщина встала и подошла к брату. – Пусть будет хобби. Хорошая статья для газеты.

Куроки хмыкнул и щелкнул ее по носу, прямо как в детстве.

– Ты все еще скучаешь по ней, – грустно улыбнулась Сакура, усаживаясь рядом. – Саша не приехал, но зато я вдоволь насмотрелась какая у него красивая и умная жена. Мне бы такую.

Куроки приобнял ее и поцеловал в висок, жаль, что в юности они не были так близки.

– Когда-то я мечтал, что она бросит Виктора, свою страну и переедет ко мне. Я разведусь, и мы будем вдвоем. А мне было уже тридцать лет. И вот только сейчас я увидел, что она не бросит его ни сейчас, ни десять лет назад. А я дурак, что принял весь этот романтический мир из книг, как реальность. И до сих пор в нем живу.

– тогда я живу в тупой американской комедии, а сейчас уже идут тире, – Сакура положила голову на его плечо. – Хо-

дят слухи, что у Виктора начались проблемы со здоровьем, но она все отрицает, когда я спросила.

– Не стоит верить слухам, – Куроки погладил ее плечу, радуясь, что спустя столько трудных лет они могут откровенно и открыто разговаривать. – Напоминает о проклятье, о котором говорил Альберт.

– А мама бы сказала, что просто нужно поменьше смотреть фантастических фильмов, – улыбнувшись, пропела сестра и комната погрузилась в сближающую тишину. – Я скучаю по родителям.

Выпрыгнув из темноты полузакрытых век, он обнаружил себя шестого октября двух тысячи шестнадцатого года в самый разгар празднования его сорокалетия. Идеального празднования сорокалетия. Негромкая музыка, служившая отличным фоном для чуть слышных разговоров гостей, невесомые улыбки, внимательные взгляды, псевдодружеские объятия и он по обыкновению предоставленный сам себе.

– Я бросила мужа ради тебя, – вдруг около него образовалась Анна. – Так что давай рассказывай, почему ты такой хмурый.

– Кто тут еще хмурый? – возмутился Куроки и легко обнял ее, здороваясь. – Это ты просто отвратительно выглядишь.

– Спасибо, – княгиня расправила темно – бардовое платье, что своим унылым цветом старило ее, но оно ей так нравилось, что, а все нелестные комментарии она не обращала

никакого внимания. – А ты постарел.

– Закончим обмен любезностями? – предложил Куроки улыбнувшись. Нет, он считал, что она выглядит потрясающе, словно английская леди из фильмов двадцатых годов прошлого века. Но это платье потухшего бордо словно придавало ее образу вид старой, потускневшей со временем фотографии.

Анна, молча, взяла его под руку, чтобы пройтись по залу. Они медленно брели около стен, совершенно не замечая остальных.

– Вы хорошо восстановили всю инфраструктуру после цунами пятнадцатого года.

– Ты хочешь поговорить о политике? – поднял брови Куроки и чуть сжал ее руку. – тогда поговорим об изменении твоей лояльности к СНГ?

Княгиня улынулась и строго посмотрела на него, словно преподаватель на ученика.

– Как Виктор? – переменял вопрос мужчина, вызвав недовольство Анны.

– Решил перевести разговор на супругов? – не удержавшись, съязвила она.

– Нет, я серьезно хочу узнать, – Куроки нахмурился, но не выпустил ее руки не замедлил шаг. – Он заметно похудел.

– Долго болел, – неохотно ответила Анна. – Но сейчас все хорошо. Он послушно пьет витамины, гуляет на свежем воздухе.

– А ты?

– А я? Я стараюсь не нагружать его и не нагнетать обстановку. Не хочу истереть, хоть мне и очень хочется.

– Так почему ты не звонишь мне? Мы бы поговорили...

– Нет, – покачала головой женщина. – Я не хочу ни с кем об этом говорить.

– Лучше напишешь?

– Знаешь сколько персонажей я уже убила? – горько усмехнулась Анна. – Я обещала Кэм романтическую историю, а получила «Голодные игры» в стиле Кинга. Хотя лично мне этот опыт понравился.

Куроки чуть прижав ее к себе и неожиданно поцеловал в висок. Анна даже не дрогнула и не стала оглядываться по сторонам. Перед кем ей отчитываться за это чисто дружеское действие? Пусть и нежное. И личное. Виктор любил целовать ее за ухом, щекоча легкой небритостью. Очередной раз, доказывая насколько они разные. И любимые.

– Знаешь, иногда я себе напоминаю машиниста поезда. Вижу на рельсах человека, пытаюсь остановиться и не могу, – Куроки поправил сережку в ее ухе. – Это страшно, но все проходит.

– И к чему все это было сказано? – улыбнувшись, поинтересовалась Анна. Она непроизвольно посмотрела в висевшее рядом зеркало и автоматически втянула живот, хоть в этом уже и не было смысла. Мы вырастаем, а привычки остаются с нами до самого конца.

– Я не знаю, – чуть смутился он. – Иногда веду себя, как глупый ребенок.

– Но ты такой милый глупый ребенок, – легко потрепала его по плечу Анна, заставив улыбнуться шире. Он был счастлив, единственное, что его беспокоило – это отсутствие того переизбытка чувств, что всегда было с ним, когда он касался Анны.

Может быть, они слишком привыкли к своим особым отношениям на расстоянии? Или не хватает всего одного поцелуя в губы, дабы вновь возродилось сжигающее пламя. Когда-то она сравнивала ее привязанность к нему с притчей про ребенка и Луну. Сейчас же все было иначе. До горького смешно. Может быть, она повзрослела, а может быть просто перелюбила? И все же надеялась, что последнее – ложь.

– О чем ты задумалась? – решил спросить Куроки, увидев, что к ним приближается один из гостей. Нет. Не нужно. Не разбивай. Единение.

– О том, что наша жизнь тянется от новогоднего письма к письму. И все. словно остальное время мы не живем. Но зато...

Она не успела договорить, увидев приблизившегося мужчину.

Вот и все. Время истекло. Пора возвращаться к реальности, что с шумом и словом «мама» окружит ее вихрем.

И ничего не ноет. словно она снова начала принимать те таблетки, прописанные врачом. Нет чувств, лишь разум.

Или она просто научилась себя сдерживать? И не писать писем, позже сжигая их в камине. Не следить тайком по новостным сайтами с жадностью копить те крохи информации о его жизни. Так же как и он.

Тоскливый и глупый мир, что раньше светился надеждами и весельем. Может просто раньше они сами были намного лучше? Меньше лгали и лицемерили, меньше чувствовали власть, осезая робкие взмахи крыльев. Раньше. Уж точно не сейчас.

31.10.2017

С Днем Рождения!

С любовью, К.

06.11.2017

Сорок один. Это много или мало?

Ничтожно мало. Расти дальше.

Твоя А.Р.

25.12.2017

С Новым годом и Рождеством!

Пусть ангелы поют вам

И свет не потухнет никогда

Императорская семья

31.12.2017

С Новым Годом!

*Пусть ваше счастье достигнет высот, а смелость вечно
будет сильна*

Полиньяк

Многие верят, что в Новом году у них все будет хорошо. Что весна это время любви, а осень хандры. Забавно во все это верить, но ведь это правда.

Для Анны весна всегда ассоциировалась с дождем. И сыростью, чей холодный запах исходил от каменного дворца. Казалось Время пыталось доказать самому себе насколько оно старо.

– Тебе тоже не спиться? – Виктор зашел в кабинет Анны, где та сидела в полумраке и читала какие-то документы. Она всегда и все старалась делать атмосферно: за витражом легко барабанил ночной апрельский дождик, скрытый занавешенными шторами. А внутри было тепло и потрескивал огонь, словно в камине старого сыщика, что так любила Мария. Такая умиротворенная атмосфера не давала задать волнующий его вопрос: «Снова болит?» Он просто старался не думать об этом.

– Чуть – чуть, – она сама поняла вопрос и ответила, устало улыбнувшись, и отложила бумаги. – Может быть, спустимся на кухню?

Виктор, усмехнувшись, перекатился с пятки на носок.

– Знаешь, в прошлый раз, когда ты предложила спустить-

ся на кухню, мне пришлось оправдываться, – он почти что жалобно посмотрел на жену. – И искать ту девушку. А это было непросто, спустя-то пятнадцать лет.

Улыбаясь, Анна подошла к нему и обняла. Наверное, она действительно самая счастливая женщина на всем белом свете. И даже голова стала чуть меньше болеть.

– Я просто проголодалась, – словно по секрету прошептала княгиня ему на ухо. – только не говори моему диетологу.

– Могила, – Виктор закрыл свой рот, словно на молнию и обнял жену за талию. Все было просто чудесно, вот только Виктор не мог избавиться от мысли, что проявляя такую несвойственную ей нежность, его жена просто пытается убежать от мигрени, что обожает временами возвращаться к ней.

– Может, выпьем кефира? – предложил он, открыв дверь холодильника и заглянув вовнутрь. Позади послышалось легкое фырканье. – Хорошо, можешь добавить туда какао.

Анна, подобно ребенку, захлопала в ладоши, радуясь своей маленькой победе над вечной диетой. А еще она обожала эти минуты, когда не нужно притворяться, быть безрассудной и чувствовать себя намного моложе. Муж поджал ей приготовленный напиток и сел, напротив за высокую кухонную стойку. Анна осторожно прикоснулась к кружке и почему-то задумчиво посмотрела на мужа. Они столько лет вместе. Ее, мать, будучи замужем за двумя мужчинами не прошла столько лет в юридически законном браке. Интересно,

знает ли он как она ценит его? Уважает? И уже не представляет себе жизни без него. Виктор настолько стал ей родным и необходимым, как воздух, что оглядываясь назад Анна не понимала, что же связывает ее с Куроки. Мистика? Приворот? Или просто упрямство обеих сторон?

Она обвела взглядом коричневый торшер, вазу, стоявшую около раковины, и снова вернулась к мужу. Княгиня протянула к нему руку и прикоснулась своими прохладными пальцами до его руки. Еще минута и она соберется. Еще секунда и ей хватит смелость сказать ему все то, что она чувствует.

– Я люблю тебя, – ее голос предательски сел, а рука мужчины чуть дрогнула. Словно от неожиданности. Виктор изучающее посмотрел на нее и наконец, позволил теплоте появиться в его глазах.

– Я тебя сильнее, – он улыбнулся и, подавшись вперед, поцеловал ее в губы. – И жили они долго и счастливо...

– Пока их экономка не узнала о пропаже кефира, – улыбнулась Анна. Она была счастлива.

И она была счастлива. Кротко, едва заметно улыбаясь сидящему напротив мужчине. Сора совсем чуть – чуть позволила себе расслабиться на этом собрании членов благотворительной организации. Они помогали всем и всюду, что отлично вливалось в кристально чистый и непорочный образ императрицы Упонии. Она была национальным достоянием, гордостью своей страны. Идеальная. Сочувствующая, упря-

мая, честная. Боже, какая прекрасная маска! Сколько труда и лет в нее вложено. Помни, лучше устало улыбнуться, нежели сообщить во всеуслышание о своем провале. Она брала пример с Елизаветы Второй и матери Куроки Масако, побеждая множество публичных скандалов.

Она все делала по расписанию: и даже раз в неделю, посыпав свое лицо специальной присыпкой, брала личный компьютер и под милым ником «Красивая луна» вела блог, разбавляя свои футуристические рассуждения о политике мыслями о правильном воспитании детей. И конечно же о супружеской верности. Едко. Жаль не столь живописно, как повествование в книгах «ее соперницы». Но не в этом суть. Блог позволял ей выплеснуть все то, что накапливалось изо дня в день. Конечно, у нее было еще вино, что оказалось одним из самых глупых решений: она поняла это сидя у унитаза, в то время как Куроки осторожно придерживал ее волосы. Никто из прислуги не должен был узнать. Позор.

Кусты роз уже не цвели, оставив после себя лишь голые ветви с парой листов, пожелтевших и трепыхающихся на ветру. Это не была годовщина, просто по какому-то знаку свыше они с Виктором решили навестить могилу дочери, а заодно и Альберта. Время и не думало останавливаться: вот Киарду уже одиннадцать и он в школьной сборной по плаванию, седина появилась на волосах Виктора, а ведь ему всего сорок восемь, да и Анна уже не такая романтическая девчонка,

как прежде. Все меняется и уходит. Даже боль. Она затихает и дремлет где-то в глубине души.

– Надо рассказать Киарду о Розе, – прервала молчание Анна, одетая непривычно для себя в брючный костюм.

– Он уже знает, – возразил ей Виктор и поймав чуть испуганный взгляд жены продолжил. – Он со своим гувернером пару месяцев назад ходил на могилу к Альберту и не мог не заметить Розу. Он спросил – я рассказал. Но вижу, он понял насколько это болезненная тема, что не стал обсуждать ее с тобой. Может зря мы раньше не пускали его сюда? Он смысленный мальчик.

– Иногда мне кажется, что слишком, – глухо ответила Анна, размышляя над тем, что она снова упустила важный этап в жизни сына. Если она не может быть нормальной матерью для одно, то чтобы было с Розой? Знала бы она ее первое слово, видела ли первый шаг? Или снова Хезер была бы заменой матери, как с Киардом? Анне иногда хотелось ненавидеть эту идеальную во всем женщину, хотя как бы ни старалась – не могла. Или хотя бы на каплю походила на нее. Вот бы... У Хезер – княгини точно было бы трое детей и она б находила на каждого из них время.

– В этом он похож на тебя, – Виктор обнял жену за плечи. Он уже давно перестал пытаться заставить ее перестать страдать самобичеванием по поводу Розу, по поводу Киарда, да и самого себя. Она слишком все утрировала и не понимала, что даже ее собственная мать не проводила с ней столь-

ко времени, сколько Анна с сыном. Она просто не помнила. Ведь в детстве все теплее, радужнее и светлее. У Киарда будет так же: множество моментов, окрашенных цветными радужными мелками, минут между ним и матерью, что полны нежности и открытости.

– Хорошо, что красотой он пошел в тебя, – откликнулась жена, поцеловав его в заросший щетиной подбородок. Как непозволительно для князя – консорта так себя запускать.

Виктор рассмеялся, прижав ее сильнее к себе. Они счастливы, даже если их окружают призраки прошлого, даже если старые друзья постоянно маячат на горизонте, готовые вновь разрушить их единение. Вот только их с Анной уже так просто не сломить, после стольких лет переживаний и счастья.

Акено Танако улыбнулся Соре и о чем-то спросил, переводя взгляд на председателя собрания.

– Простите? – женщине стало неловко, что этот довольно милый мужчина напротив отвлек ее от реальности. Но это было так прелестно. И приятно.

– Вы поддерживаете программу упонских волонтеров в странах Южной Африки? – чуть снисходительно повторил Акено, чуть дерзко смотря своей императрице прямо в глаза.

– Я думаю, нам стоит сократить список стран, но не волонтеров, – ответила Сора, чуть приподняв подбородок и посмотрев на председателя. Ее слово решающее. Она – власть. И это тоже подкупляло и поднимало настроение. Малень-

кие минутки счастья, когда она, а не ее муж центр вселенной. – И, конечно же, постоянный мониторинг состояния наших волонтеров. Мне не нужны очередные вспышки гриппа или дизентерии.

Краем глаза она увидела улыбку Танако, почувствовав, что ей приятно его одобрение. Она как-то расслабилась. Обсуждение опять возобновилось и вновь оно не особо волновало императрицу – она никогда не любила заниматься денежными вопросами. Эта передышка давала ей возможность вновь погрузиться в себя. Так не обычно. Да что это с ней? Она заболела или слишком давно не была на таких оживленных собраниях? Сора рассеяно улыбнулась, прокручивая обручальное кольцо на пальце. Почему она не может так легко относиться к романам, как их бывшая с Куроки сокурсница Ясуда? Хотя... Тут уж главную роль сыграло воспитание и внутренне восприятие собственных правил приличия. Но иногда... Иногда Сора позволяла себе дружелюбно улыбнуться какому-нибудь бизнесмену или дипломату на встрече, поговорить с ним, похвалить и очень редко продолжить данное знакомство. Получить пару букетов и милых писем. Но больше ни шагу. Ведь это... Флирт? Невинный. Ведь так?

Женщина произвольно посмотрела на злополучного Акено Танако, словно оценивая изделие. Он и вправду был хорош собой, хоть лет на пять младше ее. Но человек «сделал себя сам», параллельно наградив себя отличным образованием. Была бы Хикари взрослее. Или Сакура не замужем.

Сора была бы не против такого родственника с потенциалом. Интересно есть ли у него бизнес в Грепиль? Сора закатила глаза от своей приставучей мании. От той, что она никогда не избиваться. Да и Акира Хаттори не избавился от призрака бывшей жены, но он же остался интересным собеседником, приближенным к императорской семье.

Хаттори... Он держал ее за руку и читал стихи какой-то древней американской поэтессы. Подарил ей рыбок и играл с Хикари. Он мог прослыть фаворитом императрицы... Хотя нет. И иногда Сора жалела об этом. Какие же люди странные существа: им нужно страдать, радоваться, любить и ненавидеть. Они не могут хотя бы четверть жизни просто любить и чувствовать как это чувство, подобно солнечному свету, согревает кожу устремляясь вглубь тела – к самому сердцу.

Нет, они так не могут.

Сора иногда задумывалась над чувствами мужа к Анне. Ему так же... обидно? Он, так же как и она мечтает однажды на глазах собственного супруга разорвать все открытки и письма, уничтожив тем самым прошлое? И забыть. Они же не вместе. Он точно должен страдать. Ну же!

17.09.2018

Давно мы с тобой не писали личных писем. Все разговоры и какие-то недомолвки. Словно мы вернулись в начало двухтысячных, стесняемся и не можем решить, что же делать дальше.

Через два года наш двадцатилетний юбилей, представляешь? Мне лично верится с трудом. Двадцать лет!

Еще недавно я был наследным принцем, который не знал, куда деваться от скуки и с какой-то необъяснимой ненавистью к окружающим.

«От скуки...»

Помнишь, ты спросила, почему я подошел к тебе в тот вечер и начал «подкатывать»? А я ответил, что от скуки. И сейчас понимаю, что это ложь. Мне было одиноко, и мне нужен был человек, который не понимал с самого детства, что перед ним потомок императора.

Ты была для меня новым, неизведанным созданием. И признаюсь, что что-то во мне замирало от невероятного и непонятного восхищения от твоего смущения, от попыток подыграть мне.

Со временем мы научились играть в совершенно другую игру, наполнив ее смыслом и реальностью.

Мы не сбегали из домов, не попадались голыми на глаза. Были обычными скучными людьми. Не героями романов и светской хроники.

Помнишь, как ты ругалась на своем родном языке, когда в отеле сломались лифты, и мы пешком добирались на седьмой этаж? Ты проклинала мир, меня, тот плотный обед и утягивающее белье.

Черт! Ты все еще единственная на всем белом свете, кто признался мне в этом!

*И, наверное, поэтому я все еще считаю, что ты – потря-
сающая.*

С любовью, Куроки.

31.10.2018

С днем рождения, родной!

Твоя А.Р.

06.11.2018

С днем рождения, красавица!

Куроки

25.12.2018

С Рождеством!

Императорская семья

31.12.2018

С Новым Годом!

Полиньяк

Глава 22

Они оба лежали на ковре в своей спальне и бездумно рассматривали потолок в этот долгий вечер второго января.

– Почему ты не хочешь встретиться с бывшими однокурсниками? – не поворачивая головы, спросила Сора. Она придирчиво осматривала темные доски потолка, которые пора бы уже отреставрировать и не только их – главный дворец определенно нуждался в ремонте. И как она это просмотрела? Нужен ремонт. Определенно. Они на месяц могут переехать в их прошлый дом, спокойный и так любимый, там она была куда счастливее и спокойнее, меньше глаз и ушей, вечно шаркающих слуг и камер. Надо обсудить это с Куроки. Завтра. Завтра и обсудить. А сегодня она просто хочет отдохнуть.

– Потому что я не помню этих людей. Мы несколько десятилетий не общались. Я – император. Они не только не смогут нормально отдохнуть, и парочка выпивших глупцов додумается подойти ко мне с просьбой, – отмахнулся Куроки. Лица знакомых стерлись из памяти, оставив после себя лишь голоса где-то вдалеке, да смех. Жалел ли он об этом? Нет. У императора не может быть друзей, что хотя бы на йоту ниже его по статусу. Да и были ли у него друзья до Соры и Анны? Нет. И это наверняка ужасно звучит, но Куроки хватало общения и новые люди ему были совершенно не нужны.

– Но это было бы неплохо для имиджа, – вздохнула Сора, подняв руки над головой и начав рассматривать свой идеальный маникюр. Хотя если быть честно, то и ей самой не хотелось туда идти – океан манипуляций и фальши, там никто в лицо не скажет, что она поправилась по сравнению с двадцатилетней Сорой, что появились морщины и волосы приходится прокрашивать от седины. Уж лучше она проведет этот вечер в компании Сакуры, но точно зная, что ей говорят правду нежели... Но все же... Для имиджа этой было бы и вправду неплохо. «Народный император», что словно божество спустился к смертным. Император не забывает об университетских друзьях. Эх, неплохо.

– Тебе самой хочется туда? – поинтересовался Куроки, повернув голову в бок и посмотрев на свою все еще прекрасную жену. Он счастливчик, что с таким человеком «в одной лодке».

– Нет, – искренне ответила Сора, тоже повернув голову к супругу. Смотрел Танако на сою жену с такой же непонятной грустью? Или в его глазах все же бурлило пламя? – Может, придем на полчаса, а потом подстроим важный звонок и уйдем?

– Коварная – коварная женщина, – усмехнулся Куроки, понимая, что идея неплохая. – Нужно будет сделать это при самых главных сплетниках. Тогда и прощаться не нужно будет.

– Коварный – коварный мужчина, – передразнила его Со-

ра положив руку ему на грудь, там, где должно было биться влюбленное в нее сердце. Как же хорошо, когда все спокойно и ровно, когда нет волнений и плывешь по течению и каждый день похож на предыдущий. Сейчас для Соры это было счастьем.

Собственные успехи радуют людей куда больше, нежели поражения других – и это осознание приходит не всегда и не всем.

Жанна подняла с пола разбросанные ноты Грейс, этот маленький бесенок, пронеся по дворцу, словно ураган, снося все на своем пути. В отличие от крайне спокойного Киарда, ее дочь нужно было держать в ежовых рукавицах. Но все это было тщетно: Грейс в свои пять лет уже умела «подкатить» к любимой тетушке и выпросить пол Диснейленда. Это, несомненно, злило Жанну, которой и оставалось подобно беспомощному зверьку наблюдать за тем как ее избалованный ребенок, получает очередной дорогуший подарок от тети и дяди. Злость кипела в ней и она уже хотела сделать замечание Анне, осуждая ее безрассудство, но ее остановила вездесущая Хезер. Как ей иногда казалось – настоящая хозяйка дома и защитница княгини.

Женщина отвела ее далеко в сторону и попросила успокоиться. Жанна фыркнула и в свойственной себе манере по – рокрански и тихо послала прислугу подальше. Но все же немного успокоилась.

– Леди Жанна,-только ее так называли в этом доме. – Вы должны понять чувства ее Святейшества.

Жанна с легким скепсисом посмотрела на старую женщину, что в своем строгом черном платье с белоснежным воротничком явно все еще жила в двадцатых годах прошлого века. Но что-то в ней магически действовало на Жанну и заставляло ее вести по – взрослому и более почтительнее.

– Она слишком балует мою дочь, – словно малолетнему ребенку медленно произнесла Жанна. – Мне это не нравится, как матери. Не понимаю, почему она так не задаривает Киарда?

Последний вопрос она уже задала самой себе. Хезер чуть хмуро посмотрела на нее, словно не веря своим ушам. Мгновенно ее лицо стало каменным.

– Простите, я думала вы знаете, – женщина сделала легкий поклон и поспешила уйти. Коря себя за столь непристойное поведение. Она чуть не нарушила тайну своей княгини, чуть не предала ее. Хезер прижала руку к груди, там, где сердце, что заболело. Это был страх не перед наказаньем, а перед самой собой. Она чуть не подвела свою подопечную.

Жанна тем временем нашла своего мужа, сидящего в кабинете за письменным столом. Она осторожно подошла к нему и села на стоящий рядом стул. Саша неохотно оторвался от своих расчетов и посмотрел на жену, всем своим видом показывая, что сегодня ругаться он не намерен.

– Я чуть не довела Хезер до измены Родине, – Жанна,

оглядела комнату, с тоской вспоминая их милый отдельный дом.

– Ты снова начинаешь издалека, – мужчина щелкнул ее по носу, копируя привычку сестры, и слегка повеселел.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать? – задала она самый ужасно банальный вопрос.

– Смотря о чем, – Александр облокотившись на спинку стула вытянул ноги вперед.

– О том, что в доме знают все кроме меня. О том, почему Грейс достаются самый дорогие подарки, – тихо начала Жанна. – Я чего-то не знаю? И почему Хезер так испугалась?

Саша перестал изображать расслабленного кота и, подавшись вперед, сложил руки в замок, поставив локти на стол из темного дерева.

Он никогда не думал, что этим «знанием» нужно с кем-то делиться. Наблюдая за тем как хорошо и душевно общается его жена с его сестрой, его мужскому сознанию было невдомек, что между ними могут быть столь глобальные секреты. От данной ситуации у него стало отвратительно тяжело на душе. Сказать или нет? Она же все равно добьется своего, тогда пусть лучше узнает правду от него и не выставит всех в нелепом свете.

– Моя сестра, – на удивление ему легко удалось начать. Будто бы его это не касалось и не он со страхом вглядывался в сестру, когда она в очередной возвращалась от врачей. – Она всегда хотела детей. Ты и сама видишь насколько хоро-

шо живут дети в нашем княжестве. Но у нее были проблемы гении... медицинского характера. Знаешь, сколько они с Виктором пытались... ждали Киарда? Четыре года... Когда другие юные глупышки залетают с первого раза. Моей сестре помогли упонские врачи. Видела бы ты как она светилась, когда узнала, что беременна. Родился Киард. Она пообещала, что вырастит его хорошим и воспитанным человеком. Во всяком случае, пока что она не сходит с данного пути. А в двух тысячи девятом...

Спазм наконец-то перехватил его горло. Вот оно отчаянье. Жанна хотела лишь одного ребенка, а его сестра нет.

– У нее был выкидыш, – он закусил губу, вспомнив плач матери и ее просьбу на время забрать Киарда.

– Она назвала ребенка Роуз. Маленькая Роза, о которой она всегда мечтала, – Саша, не выдержав зажал нос, стараясь утихомирить воспоминания, что несли за собой слезы. – Врачи сказали, что она больше не сможет иметь детей. И в Ане что-то перегорело. Остыло. Иногда мне кажется, что она отдалилась от Киарда, хоть и остается потрясающей матерью. Пусть и далекой. Никто даже не смел ей предложить удочерение. Она просто сломалась и оставила часть своей души рядом с Роуз.

Он наконец-то посмотрел на жену и обнаружил, что та неподвижно сидит перед ним уставившись в одну точку. Прижав правую руку ко рту, она закусила указательный палец, не смея ничего сказать.

– И если ты заметила, то в саду нет ни одной розы, так же как и во дворце, – Саша решил вбить последний гвоздь. – Виктор оставил лишь один куст на кладбище, где хоронят знать нашего княжества.

– Роуз. Роза.

Жанна отняла руку ото рта и бессмысленно посмотрела на красные следы от собственных зубов. Она чуть не сделала больно человеку, предложившему ей новую жизнь, полную уникальных возможностей, бескорыстно помогая ее семье, что видела лишь на свадьбе. Но с другой стороны в Жанне рассуждала логика и любовь к собственному ребенку – она боялась, что из дочери выйдет очередная глупая распущенная звезда.

– Прости, – Жанна взяла Саша за руку. – Просто иногда мне кажется, что ее Святейшество чересчур добра к Грейс. И Виктор тоже.

– Я попрошу Виктора быть с ней чуть построже и поговорить с сестрой, – вздохнул Саша, накрыв ее руку своей. – Нужно было рассказать тебе раньше.

– Давай не будем об этом, – предложила женщина и резко встала. – Я чувствую себя так ужасно. Словно извалялась в грязи. А что могла подумать Хезер!

Вдруг она стала прежней: без доли показного отчаянья в голосе, расчетливая с неукротимым характером и чистым сердцем. Ей нужно было подумать и решить, что делать с этим знанием. Но в памяти всплывал лишь один разговор,

заглушая все вокруг. Разговоры о детях, что пыталась она вести с Анной. Стало стыдно. Невообразимо стыдно, ведь она в одном из разговоров так ярко и глупо высмеивала многодетные семьи. Жанна прижала руки к горящим щекам и постаралась поглубже вдохнуть, дабы успокоить свое разгулявшееся сознание и совесть.

Когда-то она прочла, что «незнание» иногда лучше всего. Но сейчас все эти цитаты и советы из книг ей не помогали. Жанна посмотрела на мужа, будто бы тот во всем виноват. Ей захотелось вlepить ему пощечину со словами: «Почему ты не останавливал меня?» Женщина еще раз вздохнула, сжав руки в кулаки, что ногти впились в ладонь. Господи, почему она опять хочет сорваться на мужа? Что же это такое?

– Что мне теперь делать? Извиниться?

– Нет, – слабо улыбнулся Саша. – Просто теперь ты не будешь перегибать палку. Ей, да и Хезер, не нужно твое бессмысленное «прости». Сестре, мне кажется, уже ничего не нужно.

13.05.2019

Огромное спасибо за приглашение. Киард усиленно пытается выучить хотя бы фонетику японского. Но успокаивает его, говоря. Что ни я, ни он в этом возрасте даже английский порядком не знали.

О, Киард у меня просто молодчина! Да. Я умею хвататься собственным сыном! Знает французский, рос-

кранский, английский и немного белкранский. Как у него все это получается?

Недавно его команда заняла второе место на городских соревнованиях по плаванию.

Даже не думай закатывать глаза и ухмыляться. Еще недавно именно ты читал мне лекцию о том, что я так мало уделяю вниманию сыну и его достижениям, постоянно находясь в разъездах. Но знаю, сейчас я пытаюсь хотя бы на каплю заполнить утраченное время.

Ему всего двенадцать и у меня осталось так мало времени, поэтому я пытаюсь его тратить с пользой и улыбкой. Не бойся, я не сокращу наши ежемесячные совещания.

И все же еще раз спасибо вам с Сорой, за то, что пригласили его погостить.

Твоя А.Р.

P.S. Надеюсь, он не забудет передать подарки твоим милым дамам.

Они всем семейством любили теплыми летними днями прогуливаться по парковой зоне дворца, радуя фотографов, толкующихся у ворот. Анна шла под руку с Виктором, наблюдая, как Киард выгуливает на поводке щенка, подаренного на Рождество родителями Виктора: желто – солнечный лабрадор, виляя хвостиком, тянул хозяина вперед. Анна взглянула на дворец и от чего-то вздрогнула: нет, он не страшил ее как в первый раз, просто что-то за окнами, внутри дома

жило. История. Первый раз. Когда она в первый раз вошла в этот дом была середина января, вот только отыграла свадьба Марии и Альберта и Саша наконец-то смог произнести целую фразу по – французски. Как ей страшно было оступить вначале длинной величественной каменной лестницы, покрытой бордовым ковром. Лестница вела в частную часть дворца, куда пускали лишь слуг и приближенных.

Она, будучи двадцатилетней девчонкой, дрожала, стараясь не отставать ни на шаг от Альберта и матери, идущих впереди.

– Здесь, – они остановились у тяжелой двери из темного дерева. Альберт легко открыл ее, впуская в комнату свет от ламп в коридоре. – Будет спальня Анны, рядом с Александром. Входи, не бойся.

Он чуть подтолкнул оторопевшую от красоты и самое главное явной дороговизны комнаты, девочку. О таких спальнях она читала у Диккенса, представляла в Пемберли и не думала, что однажды это станет ее.

– Дадим тебе время немного устроиться и передохнуть, – ласково улыбнулся Альберт, уводя жену из комнаты. – В семь мы будем ужинать в Зеленой столовой. Ты запомнила где она?

– Вроде, – неуверенно пожала плечами Анна, стараясь не так явно оглядываться вокруг. От этой роскоши кружилась голова.

– Если что-нибудь понадобится, – Альберт отодвинул

портьеру у двери. – Позвони. Не стесняйся, слуги за это получают хорошую плату. О, чуть не забыл, после ужина, я познакомлю тебя с твоей наставницей.

– Хорошо, – успела пискнуть Анна, прежде чем дверь закрылась. Конечно, взрослым хотелось провести время наедине, после всей этой суеты. Девушка еще раз оглядела комнату, теперь заметив, что у кровати приставлен один из ее чемоданов с пометкой «Не открывать» – там были личные вещи, которые она решила перевезти из прошлого. Точнее единственное, что осталось от прошлой жизни: в гардеробной ее ждали совершенно новые вещи, украшения, заколки, обувь, телефон, фотоаппарат, ноутбук, что запечатанный лежит на письменном столике. Господи, да эта комната по размеру с их трехкомнатную квартиру! Зачем ей столько? Девушка резко подбежала к окну – вид открывался на сад и главные ворота дворца, у которых то и дело останавливались зеваки. Анна, задвинув штору обратно, глубоко вдохнула. Заметили ли они ее? Нет. Чуть ли не какое-то, слишком большое расстояние.

В ее комнате даже камин был, что раньше использовался исключительно для обогрева, а теперь он больше служил полкой, на которой сгруппировались пустые в одном стиле серебряные фоторамки. Хотя, нет – в одной из них было фото со свадьбы Альберта и Марии. Вот они с Сашей совершенно ошалевшие от количества фотовспышек. Смешные. Она до сих пор не может поверить в это нереальную сказку,

боится уснуть здесь, а проснуться на кухне, слыша, как закипает старый чайник на плите.

Приплясывая новоявленная княжна подошла к шкафу, стоявшему у стены по левую сторону кровати, по правую был вход в гардеробную и ванную. Девушка достала первую попавшуюся книгу и начала бессмысленно перелистывать ее. Раз. И тонкая страничка оказалась порванной. Анна опасливо посмотрела по сторонам, сглотнув, решив посмотреть насколько старо это издание. Тысяча восемьсот шестидесятый год. Юная княжна шумно вздохнула: она еще и суток не пробыла во дворце, а уже что-то сломала. Девушка еще раз посмотрела по сторонам, будто опасаясь, что кто-то схватит ее на месте преступления. Она осторожно закрыла книгу и поставила на место, боязливо решив, что сегодня не будет сообщать об этом происшествии. Вот как освоится.

У Анны был уже свой сын, но никто не знал, о ее «маленьком книжном секрете». Сначала ей было страшно, а потом и вовсе забылось, до того момента, как они с Виктором не переехали в новую спальню. Уже княгиней она нашла эту книгу в глубине шкафа, пролистав до той коварной порванной страницы, ощутила чувство схожее с ностальгией, теплой и безмятежной. И улыбнулась – этот секрет только ее. Эта книга отправилась за ней в новую спальню.

Почему-то нам чаще всего кажется, что в прошлом все было намного проще и может быть лучше. Это не так. И зву-

чит словно «трава зеленее у соседа в саду». Просто такова память, что всегда ярче оставляет в своих закромах счастливые моменты. От этого прошлое и кажется добрее и благо-разумнее.

Сора украдкой посмотрела на гостившего мальчика: тихий, никогда не повышающий голоса, улыбчивый и вечно пытающийся помочь. Внешность совершенно не походящий на мать. А ей почему-то хотелось его ненавидеть. Соры фыркнула, немного смутившись своей глупости. Киард не Анна, и он совершенно не виноват в ее проблемах. Так же как и Такэо.

– В семнадцать я собираюсь начать обучение в Акирском университете, – важно заявил Такэо, расправив плечи. В отличие от английских слов, времена давались ему с трудом. Впрочем, Киарда это нисколько не смущало, ведь он смотрел на своего собеседника с настоящим искренним интересом.

Со спины они казались братьями, хоть у упонского принца цвет волос был немного темнее. Оба худощавые, вытянутые, даже цвет глаз – карий. Больше всех их делил оттенок кожи.

– Спроси у мальчиков, не хотят ли они перекусить? – Сора легонько дотронулась до сидящей рядом Хикари. Та с неохотой отложив книгу, что-то бурча себе под нос, направилась к мальчикам, сидящим у бассейна. Ей не нравилось, что ради этого сына папиной подруги ей приходится говорить на английском в течение всей недели. Но раз мама сказала... А ведь он даже не оценил ее куклу, привезенную из США.

– Не думала ли ты завести третьего ребенка? – неожиданно рядом образовалась Сакура, явно сбежавшая от своих обязанностей.

– Зачем? – Сора усмехнулась и посмотрела на нее. – У меня есть Такэо, Хикари, ты и твои дети. Еще муж и половина политиков. С меня хватит. Уж увольте.

– Наверное, поэтому королевские семьи так малочисленны.

– Но дети женятся, приводят своих жен и их родителей и семья становится больше.

– Возможно, – пожалала плечами Сакура. – Но не в нашем случае. Родители Рока умерли, а...

– А мои просто не прижились к дворцу, – оборвала ее Сора. – Да и им это было не нужно.

А вот «та семья» жила в одном доме или хотя бы в одном городе.

В этот момент она посмотрела на Киарда, что что-то любезно пояснял Хикари.

– Я лишь знаю, что родители Виктора живут где-то на окраине государства, а своего биологического отца Анна не жалуется.

– Почему? – Сора удивленно обернулась, она-то думала, что он мертв.

– Кажется, он не выплачивал специальные выплаты после развода с княгиней Марией. Правда потом разом заплатил крупную сумму, и они поехали во Францию, где Мария и

встретилась с Альбертом.

– Как все удачно получилось, – без дурной мысли произнесла Сора. И ей на секунду стало интересно, как бы изменилась ее жизнь, если бы Мария не встретила Альберта. А Анна Куроки. Что было бы сейчас? Где была бы она?

Женщина тряхнула головой, словно выкидывая ненужную мысль: она в отличие от своего мужа не страдает от этого любопытства.

– Не все так ярко в Датском Королевстве, – заметила Сора, улыбнувшись собеседнице.

– Ну, мы же все люди. Просто люди, – Сакура изобразила счастливую улыбку и направилась к детям. Она никогда не сумеет по – настоящему понять и принять старушку Сору.

18.07.2019

Подумать только чуть больше чем через год у нас особый юбилей. Поверить не могу. А может быть просто не чувствую прошедших десятилетий, лишь посмотрев на Киарда и подрастающую Грейс, я вижу, что жизнь не стояла на месте.

Киард до сих пор бредит Упонией! Что вы с ним сделали? И у Виктора стойкое ощущение, что он сдружился с Хикари против Такэо. Это конечно с одной стороны довольно неплохо, но с другой... Бедный Такэо...

Лучше не буду об этом. Всего хорошего!

Твоя А.Р.

– Тебе не кажется, что наша жизнь стала уж слишком пресной? – спросила Мария, отложив утреннюю газету, с очередными сплетнями и новостями.

– Причем исключительно для самих себя, – пробормотала Анна, черкавшая что-то в своем ежедневнике. – Что прости?

Ее мать покачала головой, хоть и радовалась тому, что ее дочь снова пишет, давая своей фантазии свободу.

– Я у тебя спросила... Тебе не кажется, что наша жизнь стала какой-то скучной? – повторила вопрос вдовствующая княгиня. Ее дочь посмотрела на нее и пожала плечами.

– Не сказала бы что наша жизнь скучна, скорее размеренная. Но если ты хочешь острых ощущений, то я могу начать войну с Францией. Правда Виктор этого не одобрит.

– Ты, правда, единолично можешь развязать войну?

– А еще приговорить человека к смертной казни, – улыбнулась Анна. – Вижу твои глазки как-то подозрительно заблестели. Но берегись, мой муж против насилия.

– Но в нашей стране все еще существуют два вида казни, – напомнила Мария. Но что-то кольнуло в ее сердце. Да... Альберт был против всех этих нововведений, он хотел мира и благополучия. Но... Но Анна этими мерами оберегала людей. Все свои семь миллионов.

– Один из них мне предстоит убрать. Наше милое внешнее сообщество так и думает, как выставить меня тираном. Это при том, что при последнем опросе населения 86 процентов

поддерживают меня.

– А в остальные входят Виктор и Анри?

– Анри согласен, даже церковь «за». Но я все же... Что оставить? Расстрел или яд? От чего умирать больнее?

Мария без всякого удивления посмотрела на нее: ее маленькая девочка всего хотела мстить. А еще она не забыла одиннадцатое сентября. И Виктор не забыл. Он однажды рассказал Марии, что это был самый страшный день в его жизни. Ему до сих пор в кошмарах снится этот серый пепел, покрывший все вокруг и Анна, не заметив, что прикусила губу до крови и капельки одна за другой падающие на покрытый пеплом асфальт. И в первую ночь он рыдал всю ночь, не слыша, как то же самое за стеной делает его будущая жена. Страх – это чувство одиноких.

– Может обсудишь это с министрами? – предложила Мария, заправив прядь своих седых волос за ухо.

– А я хотела обсудить это со своей мамой, – возразила княгиня. – Мы в последнее время почти не разговариваем. У меня чувство будто я со всеми, но притом совсем одна.

В ней заговорил далекий голос двадцатилетней девчонки, которая все еще верила в чудеса и осторожно делала каждый шаг. Сейчас в их семье в волшебство верили только Киард и Грейс.

Как бы человеку не хотелось просто взять, шелкнуть пальцами и забыть, ничего не получится. Это разум, суть: без

эмоций, которыми наделены воспоминания, мы просто не сможем жить. Не различим где друг, где враг.

– Не думаешь, что нас стоит... – ее голос нес тепло, даже спустя столько лет. – Хотя забудь. Ты явно не поедешь в Южную Корею.

– Не думаю, что это хорошая идея, но мне нравится. Безрассудно.

Всполохи, вспышки, озарения. Он не знал правильно названия этим секундным воспоминаниям.

А еще был день о котором не хотелось вспоминать... День, когда она спрашивала его, а он просто уходил от ответа. Маленький конец света. Второе января двух тысячи первого. Они выбрали Америку, просто ткнув на карту и решив, что именно туда им обоим будет удобно добраться первого января.

Все было как обычно: два соседних номера, минимум разговора о семьях. Лишь их общие интересы и какие-то пустые милые разговоры.

– Ты весь день какой-то далекий, – она дернула ручку, чтобы войти в свой номер и привести себя в порядок перед ужином. – Что-то случилось?

Куроки улыбнулся и легко щелкнул по покрасневшемуся от холода носу. Не стоило им так долго гулять по центральному парку. Он чуть не сказал ей правду и так же не знал, что именно его остановило. Наверное, страх перед будущим. Был один день. И пусть он будет волшебным.

Куроки наклонился и поцеловал Анну. Она чуть подалась назад, увлекая его за собой в комнату, подальше от глаз и камер.

– Это был не ответ, – девушка положила ему руки на плечи и улыбнулась. – Но знаешь, мне почему-то сейчас все равно.

– Как жаль, – сказала она по – рокскански и улеглась рядом. – У нормальных людей все иначе.

– У всех все иначе, – вздохнул Куроки, даже не обращая внимания на первую фразу, сказанную на непонятном языке. Он все еще ощущал странное давление на грудь. Камень. Лежавший весь этот день на его сердце.

И этот камень снова его настиг – вот поэтому Куроки не любил вспоминать тот день. Мужчина почти бессмысленно посмотрел на свое обручальное кольцо.

– Я так и знал, что вы здесь. – Такэо, словно призрак из прошлого появился перед его глазами. Его маленький принц Упонии, чувствующий страну куда чутче, нежели он. Словно насмешка судьбы. Нет, будто сын впитал от Соры большую часть идеальности. От него же был лишь шарм. Быть может и стремление жить с распахнутыми крыльями. Любить? Может быть...

Куроки улыбнулся юноше и подойдя одобряюще сжал его плечо.

– Что-то случилось? – временами он идеальный отец. А

может быть и муж.

– Не совсем, – поджал губы Такэо, это было привычным жестом, позаимствованным у отца, когда тот сомневался.

– Так что где?

– Учитель хочет обсудить кое – что с тобой, – нехотя ответил тот. – И если что, это не я виноват в своем плохом английском.

Куроки усмехнулся.

– Тебе повезло, что твоя мать не бьет тебя по пальцам.

– Она просто сурово смотрит на меня. И из – за этого я чувствую себя виноватым. Почему Хикари все можно?

– Потому что она не наследница целой страны? – сдержанно, ответил отец сыну. – Но кто знает, что твоя милая мама приготовила для нее.

– Меня хоть не мучают роскранским, как Киарда, – словно пытаясь ободрить себя, произнес Такэо. – Но зато он не изучает политику как я.

– Может быть, потому что он немного младше, чем ты? – ему, признаться, было немного приятно услышать из уст собственного сына нечто конкретное о доме Анны. Еще одна маленькая тоненькая ниточка, связывающая их.

31.10.19

С Днем Рождения!

Твоя А.Р.

06.11.2019

Вот теперь нам сорок!

Что чувствуешь. Старушка?

Куроки

25.12.219

С Новым годом и Рождеством!

Императорский дом.

31.12.2019

С Новым годом!

Поляк.

Глава 23

Он не часто заезжал к сестре в парламент, ибо это огромные каменные холодные стены душили его, хотя в университете они были точно такие же, но в последних находиться хотелось как можно дольше. А тут... Тут словно кто-то высасывал из тебя душу. Еще бы сообразить где в этом году находиться ее кабинет. Гениальная и в тоже время идиотская идея.

Но впрочем, сестру он обнаружил довольно быстро: сидя в своем кресле, она смотрела новости соседней страны, у которой они так много переняли. Новости о ночных погромах и поджогах тревожили их, ведь достаточно и одной искры, чтобы пламя перекинулось на них. А революция в ближайшие сто лет никак не входила в планы его озабоченной сестры. Когда же они наконец-то начнут жить в облачном мире, где нет тревог и забот?

– Мы договаривались пообедать? – чуть нахмутив брови, спросила княгиня. В последнюю неделю она слишком погрязла во всех этих государственных делах: тут тебе и местные выборы, перерасчет бюджета, инфляция, волнения у соседей и на сладенькое авария двух миллиардеров в зоне казино.

– Вообще-то да, – вздохнул Саша и уселся в кресло напротив стола. Ему жаль было сестру, и он определенно до

сих пор, кто бы, что не говорил, не завидовал ей и не желал отобрать трон. Может потому что эти злые языки, в отличие от него, не слышали как будущая княгиня по ночам плачет в соседней комнате.

– Прости, прости, господи, – Анна резко начала перелистывать ежедневник в поиске еще каких-нибудь отклонений от графика. Ей немедленно нужно завести нового секретаря, жаль, что Хезер нельзя клонировать.

– Ничего, я додумался принести все с собой, – Саша аккуратно поставил на письменный стол сестры пакет с едой. – Мы давно не ели роллов.

– Да. В последний раз ими отравилась Жанна, – попыталась припомнить его сестра.

– А оказалось, что она просто беременна, – усмехнулся Саша, раскладывая еду. Они и в детстве мало проводили мало времени, поэтому став старше старались хотя бы немного сократить эту пропасть.

– Как у тебя дела на работе? – княгиня почерпнула васаби и с наслаждением ощутила его невероятную способность жечь все во рту. У ее мужа на васаби была аллергия, так что и его порция уходила к любительнице острого.

– Все мирно и спокойно, не то что у тебя, – мужчина кивнул на экраны, на котором в беззвучном режиме прокручивались новости. – Думаешь, могут перебежать к нам?

– Нет, – пожала плечами Анна. – Беспорядки происходят в столице, а мы слава богу, граничим с окраинами. Да и в

наших новостях постоянно говорят об убытках из – за этих беспорядков, а ты знаешь, как жители Греспублики дорожат своими деньгами. Евреи и те ощущают конкуренцию.

– И все же? – он решил докопаться до правды, зная о маниакальной идеи сестры, что ее якобы хотят свергнуть. Как она еще не загремела в психушку?

– И все же мы немного усилили патрули в ночное время, – хитро ответила княгиня. – Совсем незаметно. Мелочь.

Саша не знал как бы он поступил в этой ситуации, и впрочем в других тоже. Хватило бы ему духа железной рукой управлять семью миллионами, если им сами руководит собственная жена?

Она никогда не умела флиртовать. И навряд ли этому научиться. Это просто не ее, но что-то внутри требовало улыбнуться. Легко. С одобрением. Кивнуть. Просто сказать доброе слово. Акире Хаттори было и этого достаточно, так же как и ей.

Люди одного круга, с одними и теми же принципами. И оба несчастны. Они познакомились зимой двух тысячи шестнадцатого года, когда Акира перешел работать в охрану Императорского дома, точнее он следил за СМИ и их публикациями. Тощий, осунувшийся, словно брошенный щенок, после развода с женой – певицей, он настолько поник, что первые месяцы тайком ночевал в кабинете, лишь бы не возвращаться в холодную пустую квартиру. Может быть благода-

ря этому они и познакомились – Сора привыкла знать своих людей «в лицо».

Вопрос. Ответ. Вопрос. Вопрос. Усмешка. Улыбка. День за днем – вот так и входит в твою жизнь новый человек. Но ничего сверх не происходит и Соре не стоит волноваться. Она снова начинает рисовать, интересоваться окружающими. На ее душе было так спокойно, что этим хотелось делиться со всеми. И Акира Хаттори поддавался ее теплу, просто и как-то нелепо. Он точно смог бы стать ей настоящим другом, способным поддержать и уберечь. Но она, подталкиваемая своими внутренними сомнениями, постоянно металась. Он был для нее «недороманом». Возможно, в будущем именно его кинематографисты или писатели сделают «спасителем» бедной и несчастной императрицы Соры. И эти несвойственные ей размышления о другом мужчине ее веселили: она не впадала в уныние оттого, что сын повзрослел, ее дочь стала больше походить на Сакуру. Может последнее и к лучшему: тетка девчонки сумела взять от жизни все. Правда от внимательной и скорее подозрительной Соры не укрылась эта страшная меланхолия жизни матери близнецов.

Все были слишком далеки друг от друга и потеряны, впрочем, как всегда.

– Что читаешь? – ее сын, так же как и его отец, не был приучен стучаться в дверь и входил в комнату прямо задавая вопрос.

– Новую книгу княгини, – даже не дернулась уже привык-

шая Сора. Такэо подошел к ней и уселся на пол у ее ног.

– И о чем же она? – принц ни разу не брал в руки книги Анны, впрочем как и Киард, что кажется даже не догадывается.

– О том как девушка вышла замуж за американского актера, – улыбнулась женщина, погладив сына по голове. – Прожила с ним несколько лет, а он оказался серийным убийцей.

– Как мило, – закатил глаза юноша. – Книга тоже с авторграфом?

– Конечно, – Сора погладила его по лбу. – У нас с автором что-то похожее на соглашение.

– И специально для тебя делают перевод с английского?

– С роскранского, – поправила его мать, что получала свои книги самой первой, странная маленькая игра, что идет годами и никак не надоест. – Она как-то сказала, что на роскранском они выходят интереснее и объемнее.

– О! – усмехнулся Такэо. – Я словно слышу в твоих словах зависть, мама. А это глупо: вы у меня самая красивая, стройная леди с превосходным вкусом и манерами.

– И кто же это тебя научил льстить? – ей, конечно же, было приятно это слышать, хоть ее сын, любимец, всегда умел найти ключик к человеческому сердцу. Она вдруг вспомнила комментарий в своем блоге: «Наш принц слишком идеальный. Что же скрывается за этой маской?» Тогда она, поборов навязчивую идею рассказать о вспышках гнева своего сына (от кого он только это унаследовал?), ответила кратко и

лаконично: «А может быть он просто хорошо воспитан?» Да, точно. Статья была о воспитании. А еще были о вере, любви и доверии в семье. О доверии. Она с легким ужасом, что холодком сковывало сердце, думала о предстоящем октябре. «Они» снова уедут в какую-нибудь богом забытую Варшаву и будут гулять по улицам и ... смотреть кино. Именно это говорил ей Куроки, и почему-то она не могла усомниться в его словах. Фотографии, чуть размытые и далекие (чтобы их не заметили), преподнесенные ей службой безопасности, дышали платонической любовью. Даже Сакура, внезапно нагрянувшая к ней, поджав губы, ожидала страсти. Но те двое лишь держались за руки. Смеялись. А это еще острее и беспощаднее полосовало и без того измученное сердце Соры.

Сакуре же казалось, что с ее братом и Анной банально что-то не так. Вот они с Сашей... Они с Сашей были вулканами, взрывались и боролись... Она скучала, с каждым новым днем накапливая в себе глупую ненависть к собственному мужу и обиду на неповинных детей, словно все вокруг были виноваты. Но точно не она.

Рока. Ее муж, был замечательным и потрясающе любящим, но чертовы воспоминания о прикосновениях Саши не давали ей покоя. Они спокойно, двумя семьями, встречались, проводили время и вот именно тогда Сакура завидовала счастью Жанны, что иногда даже на людях откровенно посмеивалась над мужем, хоть тот ей и отвечал. В них была жизнь, борьба. То, по чему Сакура невероятно соскучилась.

Страсть. Именно она движет миром.

16.09.2020

У меня просто мурашки по телу от предвкушения будущей нашей встречи. Двадцать лет... В двадцать четыре я и подумать не мог, что доживу до этого знаменательного события. Братислава... Чую в следующий раз мы уедем куда-то в Преторию, а я туда не особо хочу, после того как Сора сократила наши дипломатические и волонтерские корпуса на том континенте.

Что насчет Австралии?

К слову, сейчас я пишу эту записку при свете свечей, потому что у нас снова нет света. Сора грешит на старую проводку Дворца, а я на Такэо, что недавно увлекся физикой.

Моему сыну шестнадцать... Кто бы мог подумать...

С любовью, К.

А ее сыну будет тринадцать. Совсем большой. Теперь он немного стесняется ее объятий и поцелуев в щеку. Чуть протяжно ноет «Мам, я уже взрослый!» Легко вырывается, вызывая лишь улыбку родителей. Ее маленький добрый мирок, которой она, как ей казалось, вполне заслужила. Лишь ее отношения с Куроки, словно холодная безмолвная тень, иногда появлялась у окна и тревожила Виктора.

Еще ее мужа удивляло то, с каким спокойствием она читала статьи бульварной прессы о его любовном прошлом. Она

знала правдивую сторону, усмехалась при прочтении и даже в тихую связывалась с его бывшими, дабы приструнить их иногда лживый язык. И единственное что он слышал от жены были шутки и подколы. Она свято была уверена в своей власти над ним. Лишь однажды, кажется спустя неделю после празднования нового года, она стоя на кухне в одной ночнушке в тихую отрезала себе торт. И именно в тот момент она будет застукана своим женихом и заведет откровенный разговор, из которого как всегда выйдет с высокоподнятой головой.

– Мне все равно что там было у тебя в прошлом. Меня будут волновать лишь твои романы после свадьбы, – нож в ее руке звонко соприкоснулся со столешницей, отрезав новый кусок. И он верил. Верил, что она не спала с Куроки, с того дня как объявила его своим избранником; лишь он, старше ее на десять лет, стал единственным и неповторимым «принцем на белом коне».

Но ведь всегда есть эмоциональная сторона, не поддающаяся жесткому контролю. Виктор со своими пассиями расставался всегда друзьями. А после того как он стал князем – консортом все стало намного хуже: он был впечатлен пронырливостью некоторых журналистов и продажностью его бывших любовниц. Но Анна была словно камень: ее собственный отчет начался с апреля двухтысячи четвертого, а прошлое... Все свои, да и его, прошлые похождения она записывала в своих дневниках и никому не раскрывала. Иногда

ей казалось, что чем меньше мы распространяемся о своей любви, тем дольше она длится. Хотя, когда ей исполнилось двадцать четыре, она будто околдованная стала замечать Виктора. Глупо и по – детски, как казалось ей, она могла минутами рассматривать его, пока он того не замечал, быть ближе. Сейчас, спустя годы, она смогла осознать, что в какой-то миг она поняла, что просто влюбилась в этого человека. И ей стало страшно. Виктор не был таким далеким, как Куроки, он мог заметить все ее ошибки, и тут она начала его немного стесняться. Пару раз покраснела... Может быть, именно в ту минуту она поняла, что у них с Куроки такого не было. Словно птицы в небе. Тут же все было по – другому. Ново, неизведанно и так близко. Со временем все изменяет смысл и восприятие.

Помнится она с матерью перемеряла кучу платьев, дабы выглядеть потрясающей. Натянула на себя утягивающее белье, под хмурым взглядом Хезер, в то время отвечавшей только за нее. И умирляла сердце, когда увидела в толпе Виктора. Раньше-то все было по – другому: она не планировала их встреч, не думала что одеть, что сказать, как не опростоволосится. А тут... Чуть ли не грандиозный план, который подарил ей столько последующих минут счастья. Сделав первый шаг, она не корила себя за это, как в прошлом, наоборот – благодарила судьбу и тот выпитый залпом бокал шампанского.

В глубине души она не была уверена, что они с Куроки

смогли бы вынести, все то, что вынесли они с Виктором. Ее потрясающим, умным мужем, что страдал из – за своей неразумной жены, не дающей ни себе, ни ему покоя.

Уже минут пятнадцать они сидели друг напротив друга. То и дело открывая и захлопывая рты.

– Черт, – тряхнув головой Куроки, протянул руку к чашке кофе. Они сидели в миленьком уютном кафе, расположенном на первом этаже их отеля.

– Мда, – Анна немного криво улыбнулась. – В прошлый раз мы хотя бы подкалывали друг друга насчет звонков...

– Я могу подколоть тебя начет того телохранителя, что провожал тебя до стойки регистрации.

– Ты очень мил, – фыркнула княгиня. – У нас снова религиозные войны, да и здоровье мое в последнее время желает лучшего.

– Почему ты не говорила? – ну, вот вместо того, чтобы как и девятнадцать лет назад задирать ее, он возмутился и был немного испуган. – Можно было просто позвонить.

– Ничего страшного, – сердито отмахнулась Анна. – У меня в семье два неугомонных ребенка, таскающих заразу, а еще и Виктор со своей бесконечной волонтерской программой, мама, почти живущая в приютах, Саша, что преподает. Не говоря уж о прислуге и парламенте. Одна Жанна занимается исключительно бумагами...

Куроки улыбнулся. Ему нравилось, что она наконец-то

ожила, хотя бы на секунду отбросив свои тревоги. Это их маленький заслуженный отпуск. Он его заслужил.

– И как поездки Виктора? – искренне поинтересовался мужчина, инстинктивно вспоминая последнее газетное фото князя – консорта. Признаться, для своих пятидесяти он выглядел словно бог. Знал бы он, что Анна посмеивалась над собственным мужем, ласково именуя его «Чудом Голливуда». Вот только Виктор, в отличие от жены, не убирал свои морщины косметическим и пластическим путем.

– В этот раз он умудрился подхватить дизентерию в Малайзии, но ЮНИСЕФ от него в полном восторге, – усмехнулась женщина, отпив свой свежавыжатый вишневым сок. – Он хотел, чтобы я с ним поехала, но тут так удачно подвернулся день рождения Киарда и наш с тобой юбилей, что он просто не мог сопротивляться.

– Тебе повезло с ним, – в его голосе все же прозвучала нотка грусти, что он не смог сдержать. Он с Сорой очень редко подшучивали друг над другом, теперь казались ему чопорными.

Они еще долго разговаривали, сидя в этом кафе – ресторанчике, а после милого ужина при свечах, привычно и чинно, отправились в свой двухместный отдельный номер.

– И тогда я передал бумаги Сакуре, – смеясь, закончил историю Куроки. Он стоял с бокалом шампанского в руке и изображал свою яркую сестрицу. Анна, у которой болели щеки от смеха, сидела перед ним на диванчике и старалась

аплодировать.

– Ты жесток, – без доли упрека произнесла она, встав и подойдя к нему. Женщина положила свои руки ему на плечи и едва качнулась в сторону, намекнув на танец. Куроки поставив бокал на столик, приобнял ее за талию. И чуть прижал к себе. Тихо мурлыкав медленную мелодию Анна прижалась к его щеке и поцеловала. Дольше чем обычно и так искушенно. Куроки же улыбнулся уголком губ и приподнял ее над полом, так чтобы их глаза оказались на одном уровне.

– Мы будем спать в разных спальнях.

– Понятно, – одобряюще произнесла Анна и вновь поцеловала его в щеку, но уже более кротко. – Это и не обсуждается.

– Теперь моя очередь, – он начал напевать одну из своих любимых песен Стинга, за которого его так ругала мать. И за полночь они решили разойтись: на следующий день у них была долгая и длинная экскурсия, а еще позвонил обиженный Киард, которого снова обделили печеньем.

– Он невероятно похож на отца, – улыбнулся Куроки, расстегивая манжеты на рубашке и направляясь в свою спальню.

– Да. Знаешь, – окликнула его Анна, словно собравшись с духом. – Когда «нам» будет сорок лет, я напишу книгу и опубликую ее. О нас.

Эта мысль давно ее не покидала, постоянно вертелась на языке и просилась на свободу.

– Зачем? – устало спросил мужчина, облокотившись о

дверной косяк и наконец посмотрев на нее.

– Я не знаю, – неуверенно пожала плечами княгиня. – Чтобы дать «нам» шанс? Не знаю... Там... Не бойся там все будет происходить в придуманном мире, никто не сможет провести параллель. Просто... Кэмерон говорит, что я стараюсь уйти от реальности...

– Все хорошо, – заметив, что она начала еще сильнее волноваться он подошел к ней и обнял. – Если ты так хочешь – пиши. Но за двадцать лет много может измениться. Мы можем снова поругаться, а ты уж извини, но я не хочу, чтобы моего персонажа сбила машина.

– Поверь, его насмерть загрызут хомяки, – засмеялась она, уткнувшись ему в плечо.

– Терпеть их не могу, – Куроки отстранился и посмотрел на ее лицо. – А Хикари просто умоляет купить ей это чудовище. Кошмар.

Он легко поцеловал ее в лоб и убрал выбившуюся прядь обратно в прическу.

– Странные мы люди, – прошептала княгиня.

– Иными быть скучно, – он щелкнул ее по носу и что-то насвистывая, оставил свою «половинку» один на один с размышлениями.

Даже она не думала, что их встреча будет проходить так. Они напоминали ей людей, что на грани развода, осторожно пытаются по осколкам собрать разбитый брак. Она хотела... Да не известно. Но важно, что она напоминала себе собаку

на сене. Ни себе, ни ему, ни людям.

Как всегда в ее жизни. И это временами раздражало ее до слез.

Во вторую ночь их мнимого отпуска ей не спалось: то становилось душно, то мерзли ноги и постоянно хотелось перекусить. Она проматывала в голове прошедший чудесный день и вслушивалась в легких храп, доносившийся из другой комнаты.

Анна раскрыла свой ежедневник и машинально начала разрисовывать узорами верхние поля страницы. Ей это помогало размышлять, именно так рождались детали ее романов, описание героев и зарисовки сцен. Сколько неисполненных идей таились на листах ее многочисленных ежедневников, сложенных на книжной полке, рядом с любимыми романами Сесилии Ахерн.

Сейчас она закусив губу всматривалась в свой рисунок, боясь начать.

«И она выбрала того, что безоговорочно любил ее, относился к ней как подобает и хотел быть с ней каждый божий день. Внезапно решив для себя, что ее первая любовь не стала эпической истории любви. Все что у нее было – отговорки. Взрослое и мудрое суждение и выбор отнюдь не мешали ей погружаться в свои яркие мечтательные миры.»

Анна усмехнулась написанному, но поставив дату и время, закрыла дневник. Лучше уж она посмотрит какой-нибудь старый – добрый фильм.

– Ты обещала, что мы посетим эту выставку, – Куроки тянул ее за руку, хоть она и не особо упиралась.

– У меня ноги болят после вчерашнего, – начала ныть Анна, заходя в картинную галерею. Признаться, она никогда не была фанатом живописи и классической музыки, но статус обязывал.

– После вчерашнего, – передразнил ее мужчина. – У нас осталось всего два дня, а ты тут ноешь.

Княгиня улыбнулась и чуть ткнула его в плечо.

Вчера они долго бродили по ночным улицам города, вспоминая прошлые поездки. Это было волшебно. А еще... Еще она почувствовала как ее сердце увеличивается в размере, когда она рядом с ним. Заполняет всю грудную клетку и не дает спокойно вздохнуть. Единственное, что в тот момент могло спасти ее – это касание его руки, естественное и даже мимолетное, убирающее ресничку с ее щеки, щелкает по носу, теребит запястье. Еще два дня и они снова запрут свои чувства и будут жить, радуясь и плача. Жить, научившись контролировать себя. И это, по их негласному мнению, правильно. Вот только это лишь им казалось, легким путем, который на самом деле все больше опутывал их. Но то, что началось двадцать лет назад уже не остановить.

Куроки обернулся к ней и что-то сказал, но она не слушала: в ушах шумело и словно били барабаны, тонущего в адреналине сердца.

Глубоко вдохнув через нос, Анна улыбнулась спутнику и

покрепче сжала его руку. Сорок лет, а она ведет себя как подросток. Но она... Счастлива. Интересно, а он?

25.12.2020

Императорская семья от всего сердца поздравляет Вас с Рождеством и Новым годом!

Давно у нее не было столь «масштабной» головной боли, что сковывала даже челюсть. Ощущения были, словно она на глубине в океане, обязательно с мутной водой. Она уже научилась контролировать свою злобу и не срывалась на окружающих. Но в комнате была все та же полутемь и тишина. Есть то, что не меняется никогда.

Киард без стука и осторожно зашел в спальню родителей, где отдыхала его мать. Тринадцатилетний мальчик забрался к ней в постель и свернулся калачиком у правого бока, следя за размеренным дыханием матери.

– Почему ты не с друзьями? – спросила та, не открывая глаза. Даже с этой ужасной головной болью она чувствовала радость от того, что сын решил провести с ней время, как от такой нежности и счастья щемило в сердце.

– Я хотел побыть с тобой. Ты грустишь, когда болеешь и никто тебя не веселит, – Киард растянулся вдоль ее тела и взял за руку. Анна же повернулась на бок к нему лицом. Знал бы он, как она боялась однажды услышать из его уст «ты никогда не любила меня», ее страшило это сильнее, чем все

восстания вместе взятые.

– Спасибо, милый, – княгиня провела рукой по его щеке, стараясь не заплакать, ведь почему-то каждый раз находясь рядом с ним, она чувствовала себя виноватой. И это после стольких разговоров с мужем, психологом, Кэмерон и священником. Может ей просто нравилось себя уничтожать? Похоже на психическое заболевание. Ну, уж нет! В семье у них будет только одна ненормальная – Жанна.

– Я не хочу, чтобы ты грустила, ведь ты самая лучшая, – мальчик поцеловал ее в щеку и прижался сильнее. Он часто скучал по ней, тосковал вечерами, хоть и с папой весело, как и с бабушкой, тетей и дядей. Но мамы иногда сильно не хватало, хотя она и звонила ему каждый день, когда была свободна, проводила с ним время. Папа говорил, что она так же сильно скучает по нему и от этого болеет. Она любит его, это точно и никогда не кричит. Он счастливчик. У некоторых нет своей мамы. Но все же временами ее не хватало и виновата в этом была только ее работа.

– Я так сильно тебя люблю, если бы ты знал, – прошептала Анна, понимая что погружается в дрему из – за очередных лекарств. Мальчик чуть сильнее сжал ее за руку. – И папа. Господи, как он тебя обожает.

Киард ощутил, что она уснула и решил не будить ее, наслаждаясь тишиной, и то что разделяли ее вдвоем. Мальчик улегся поудобнее, стараясь не тревожить мать. Она у него хорошая, добрая и красивая. Все ее любят и хотят поздоро-

ваться, не дают спокойно пройти. Да, она редко отводит его в школу – он учится в самой близкой общественной школе. Там говорят, что благодаря нему школа стала лучше, вот только он не понимает почему. А еще мама не ходит на родительское собрание, впрочем, как и папа. На собрания ходили либо Жанна, которую это веселило, либо бабушка, что умудрялась возвращаться с цветами. Люди почему-то не особо любят тетю, хотя она тоже замечательная и умная. Киард любил свою тетю, что часто брала его с собой в город, относилась к нему как к простому мальчику, ругала его, смеялась с ним и не стеснялась в выражениях. С кузиной Грейс она была совершенно другая. У нее сразу появлялись рамки. Киард считал, что взрослые странные люди, что постоянно меняются. Сегодня они любят, а завтра нет, то они открыто плачут, то скрывают от других слезы. Он, наверное, еще слишком мал, чтобы понять это.

31.12.2020

Княжеская семья Полиньяк поздравляет Вас с Новым годом!

– Такэо в этом году семнадцать и он собирается поступать в университет, юный гений, – Сакура посмотрела в окно, за которым, как и десять лет назад пушистый белый снег покрывал округу пригорода. Она вместе с детьми и мужем решила отдохнуть от жизни столицы, на самом деле пытались

спасти свой брак. – Моим детям девять, твоему скоро восемь, а еще мне будет тридцать семь и кажется, у меня начался кризис.

– Снова срываешься на Рока? – малую гостиную заполнил насмешливый голос Саши, что сидел в своем университетском кабинете и разговаривал с ней по видеосвязи. – Ты правильно поступила, решившись приехать сюда вместе с семьей. Вам просто нужно отдохнуть и поговорить.

– О чем поговорить? – чуть повысив голос, спросила женщина, что до сих пор не могла понять, почему ее настроение так часто меняется. – Вчера Морио сломал дорожный макет мужа, а тот даже не отлупил его. А Джин! Джин решила стать певицей.

– Дети – это наше отражение и надежды, – примирительно произнес Александр. – Грейс вся в Жанну, изображает из себя правозащитнику, неделю назад решила стать вегетарианкой.

– И как?

– Два дня, а потом Хезер застучала ее ночью поедающей яичницу с беконом. А еще Киард заявил, что не хочет быть католиком и все это навязывание веры ущемляет его права.

– Ого, – Сакура на секунду отвлеклась от своих проблем. – Никогда бы не подумала. У вас же только Жанна атеистка. Это она его надоумила?

– Если бы, – вздохнул Саша. – У нас все еще религиозные волнения. Источники извне, но настолько яростные, что Ане

пришлось оставить лишь один тип казни, провести референдум. Они критикуют ее политику относительно мусульманства. Им постоянно что-то не нравится и это волнует народ. Я жду... Боюсь, как бы не начали намекать, что княжеская семья вовсе не княжеская. Такое было, когда Альберт сообщил, что не может иметь детей и наследницей будет Аня. Но они улеглись... Она ведь столько вложила в эту страну. Греть стало ей роднее Белкраны.

– Все будет хорошо, – тихо произнесла Сакура. Ей так хотелось дотронуться до его плеча, поцеловать в висок и забыться.

В окно попал снежок, нечаянно запущенный не в ту сторону. Сакура встрепенулась и слабо улыбнулась: за окном ее муж играл с детьми, все было, так как она мечтала.

– Все будет хорошо, – повторила женщина. – Я пойду, Саш, поиграю с детьми.

– И правильно, – улыбнулся Александр, завершив связь и оставив ее наедине со своими мыслями.

Она украдкой посмотрела на Хезер, что отчитывала новую прислугу, совершенно не замечая княгиню. Хезер. Королева Дворца. Человек, что мог контролировать всех и вся. А еще спустя все годы Анна наконец-то поняла, кем для нее была Хезер. Другом. Настоящим другом, с которым она не была связанная кровной или романтической связью. Именно она по – женски, трепетно и открыто поддерживала ее в одни

из самых темных часов. Но самое главное она была с ней в тот момент, когда даже Виктор, сильный любящий Виктор не смог помочь. Даже от одной мысли о том дне у нее нехорошо тянет на сердце.

Это был час, как они с мужем вернулись из больницы. Виктор оставил ее одну лежать в постели и смотреть не видящим взглядом, полным слез, в потолок. Она до сих пор не могла поверить, что это случилось именно с ней, ведь она была так осторожна. Так хотела этого ребенка Они уже любили его. Ее. Мир для княгини перестал существовать после тех режущих сердце и душу слов врача. Она даже не услышала, что сказал Виктор, уходя пять минут назад. Или это было час назад? И как он? Что чувствует? Разочарован? Обижен? Раздирает ли его та боль, что мучает ее? Гнев? Чувствует ли он ту ненависть к себе, что испытывает она?

– Ваше Святейшество, – в комнату с легким еле слышным стуком зашла Хезер, плотно закрыв за собой дверь. Анна, что была приподнята подушками, даже не повернулась к ней голову. Господи, ее тошнило от самой себя.

– Хезер, – сумела она лишь произнести, прежде чем слезы предательски снова навернулись на глаза. Она не сможет. Не вынесет этой боли.

– Тише, милая, тише, – женщина. Скинув обувь, забралась к ней в постель и погладила по голове своей холодной бледной рукой. Она посмела переступить черту, и не могла винить себя за этой, зная, что нужна своей подопечной, сколь-

ко бы той не было лет. Правила подождут. Хезер забрала из почти застывших рук княгини подушку, что та инстинктивно держала, как ребенка. Хезер приняла ее в свои объятия, они с дочерью так оплакивали первую любовь, а тут ... Тут ужаснее.

– Почему? Почему я? – Анна задавала вопросы, на которые ни у кого не было ответов. Эта несправедливость рывала ее, злила и рождала ненависть к людям, что не дорожили своим даром. Ей хотелось растерзать их, уничтожить, хоть как-то унять свою боль, злобу на несовершенство человеческого тела.

– Все будет хорошо, – машинально произнесла Хезер эту довольно лживую фразу. Она все еще держала ее в объятиях, касаясь подбородком макушки княгини. Господи, как она ненавидела свою беспомощность. – Полечитесь, попробуйте еще.

– Нет. Они сказали, что я не могу иметь детей, – прошептала Анна, прекратив закусывать губу до крови. С Хезер было легко: не нужно было притворяться или бояться покалечить чьи-то чувства. Та как всегда сможет все собрать, расставить по полочкам, найти решение и дать надежду. Ведь это Хезер. Чертова всемогущая великолепная Хезер. Как же все эти годы она хотела быть хотя бы каплю быть похожей на нее.

– Мне жаль, – женщина тяжело вздохнула, стараясь не дрожать всем телом. Все кончено: у их княжества единствен-

ный наследник, за которым будет ходить призрак умершего ребенка. Во всяком случае, в глазах матери.

– Это была девочка, – словно прочитав ее мысли, произнесла Анна и сильнее прижалась, спрятав красное от слез лицо. От чего она не позволяла себе такого с родной матерью? А тут человек, что просто получает зарплату за это. Может Хезер на самом деле ненавидит ее?

– Девочка, – зачарованно вторила женщина, чувствуя, как и на ее глаза наворачиваются непрошенные слезы, а в носу начинает предательски щипать. Девочка. Долгожданная уже любимая девочка. Юная княжна, что всех бы покорила. Шмыгнув носом, Хезер поцеловала Анну в макушку, уже не думая о правилах. В конце концов, она почти вырастила княгиню.

– Они сразу привели психолога, – продолжила жаловаться Анна, не отнимая головы от туловища Хезер. – Начали нести чушь о суррогатном материнстве, усыновлении. Виктор выгнал их.

– Он правильно сделал, – поддержала князя – консорта женщина, удивляясь такой бестактности и глупости персонала больницы. Господи, как она все вынесла там?

– Я ничего не хочу. Я должна была родить сама. Ничего не желаю слышать об усыновлении, – Анна немного отодвинулась и посмотрела на женщину в поиске единомышленника. – Он должен был быть только моим.

– Я понимаю, – Хезер слабо, чуть обнадеживающе улыб-

нулась, той горькой улыбкой, полной сострадания. Она уже сделала себе заметки в голове поговорить с князем – консортом и вдовствующей княгиней Марией. Она сделает это для своей бывшей подопечной, ведь кажется, она все – таки после стольких лет любит ее как дочь, со всеми причудами незримой линей власти.

– За что мне это? – Анна снова задала вопрос без ответа, и чуть успокоившись, закрыла глаза, погружаясь в царство Морфея на радость Хезер. Им всем нужно было отдохнуть: завтра привезут тело ребенка для похорон, и наступит второй день среди череды серых бескрайних и полных хандры дней оплакивания утраты.

12.03.2021

....Тебе не кажется, что ваш сын еще мал, чтобы поступать в университет?

Я понимаю, что он умница и окончил школу раньше, но в вашей же стране это не принято.

Ты не думаешь, что ему будет через чур трудно адаптироваться к новым правилам и людям. А друзья?

... Наши волнения не такие масштабные. Видно слухи о том, что княжество собирается приобрести острова в океане, увеличив территорию волнует их больше.

Знаешь я давно не думала о религии... До моего приезда в Грепиль я не была рьяной православной христианкой. Ме-

ня крестили в младенчестве и большие ничего не требовали. И вот я в новой стране с другими правилами и интересами. Чужая, хоть и стараюсь. Стараюсь изо всех сил, даже сейчас, «стать своей». Грешиль стал моим домом, сердцем.

Когда весной двухтысячного я принимала католичество и думала, что это правильно, возможно, лицемерила, ведь принадлежность к церкви давала мне власть. Но позже... Позже я прочувствовала культуру своей страны. Приняла ее и ее веру, как незыблемую истину, решила чтобы не случилось – я сделаю Грешиль и ее жителей счастливыми.

Мне казалось, что это получается: да. Были разногласия насчет учебы Саши, но он вернулся; насчет намерения жениться на Жанне, но та умудрилась найти себя в социальном секторе, защищая обиженных и оскорбленных. Мое ограничение численности приезжих мусульман я осадила с помощью газет, напомнивших всем ни сколько о терактах, сколько о беженцах и особенностях жизни людей с другой религией в мусульманских странах.

Думаю, если бы не болезнь Альберта, та часть общества, что не приняла меня, взбунтовалась.

И сейчас мне больно. Своими нападками с каждым новым днем все сильнее вонзают кинжал в мое сердце. В чем виновата я?

Анна.

– В Восточной оранжереи мастер Киард проводит чаепи-

тие, – отрапортовала новая служанка, Хезер сморщив нос, мысленно отчитала ее за простецкий говор и малый поклон. Ох, уж эта молодежь.

– Хорошо, спасибо. Вы свободны, – нежно произнесла княгиня и лишь когда новенькая ушла, обернулась с улыбкой к Хезер. – Ну и почему ты...

– Она ужасна! – нахмурилась та и, склонив голову, поправила несуществующие складки на своем платье.

– Но она твоя племянница, Хезер, – протянула Анна и пошла по направлению к Восточной оранжереи.

Ее бывшая «надсмотрщица» цокнув языком, последовала за ней. Женщина смотрела на свою хозяйку и ей казалось, что ничего не изменилось: сейчас они войдут в оранжерею, где князь Альберт будет играть в шахматы со своим старым другом Виктором. Мария вместе с Александром будут постигать азы истории Грепиль. И там не будет боли потерь и болезней, что так любят посещать это семейство.

«– А может быть мы все прокляты?» – в каком-то уже далеком двух тысячи девятом спросила княгиня у Хезер, единственной из прислуги, кто видел настоящую боль в глазах правительницы. Тогда Хезер не смогла ответить: ее саму душили горячие слезы не от обиды на бога, не то от безысходности. Ей так хотелось добра и счастья для своей бывшей подопечной, что умудрялась из каждой поездки привозить ей сувениры, украдкой одаривать ее семью привилегиями. Но главное – внимание. Именно его они обе ценили больше

всего на свете.

– Она племянница мужа, – фыркнула Хезер, придиричиво осмотрев одежду Анны. Та снова чуть – чуть поправилась и теперь сидела на диете – в скором времени они ожидали грандиозный прием.

– О, да – усмехнулась княгиня. – Твоя дочь слишком хороша для службы во дворце.

– Моя дочь служит на благо нашей страны, – парировала Хезер, открывая перед хозяйкой дверь. – В отличие от некоторых.

– Виктор уже стар, – пожалла плечами Анна, совершенно не обратив внимания на то, что ее собеседница испугалась, то что произнесла такую дерзость. – А у Саши проблемы с сердцем, как и у меня. Иначе он бы пошел. Но у нас есть Киард с Грейс, так что все чудесно.

– Никогда не понимала, почему князь разрешил служить девушкам.

– Мне кажется, основываясь на свой бурной молодости, он просто хотел дать им шанс годок обдумать в армии, – Анна с грустью вспомнила Альберта. Интересно, не разочаровала ли она его?

– Возможно, – чуть поклонившись Хезер покинула ее, княгиня же зашла глубже в оранжерею в поисках сына и его друзей: они с Виктором сумели сбалансировать его окружение – в школе были ученики из всех слоев общества, в том числе сироты, которых опекала Мария, прозванная в народе

«Святой» – ее-то все безоговорочно любили.

Ее «маленькая тринадцатилетняя копия» Виктора бегала с парочкой друзей и подруг, прячась за огромными кустами различных тропических растений, так любимых Анной.

Сын министра образования, держа в руках шланг, пыталась полностью намочить всех остальных, но не тут-то было, из – за его неповоротливости и тучности, он лишь обливал огромные листья и заливался детским искренним смехом. Из – за лиан показалась намокшая голова Киарда. Он, улыбаясь во весь рот, сказал что-то своему собрату по команде и убрал темные намокшие волосы со лба.

Тут она вспомнила: словно вспышка солнечного света ее ослепила, и отбросила в прошлое через портал.

– Смотри! «Солнечный дождик», – улыбнувшись Куроки резко встал и вышел из – под навеса кафе. Его черные как смоль волосы мгновенно стали мокрыми, а длинная косая челка прилипла ко лбу.

Сколько же им?

– Зайди обратно, ты простудишься, – снисходительно покачала головой Анна, подперев щеку рукой. В их «паре» он всегда вел себя импульсивно и открыто. И может быть именно из – за этого все воспоминания связанные с ним были такими яркими и болезненными?

Куроки откинул мокрые волосы с глаз и серьезно посмотрел на нее, совершенно не обращая внимания на ее нравов-учения.

– Жаль, что он настолько быстротечен, – Куроки поднял ладонь к небу, собирая последние капли дождя. – Пару минут золотистых слез с неба и все. Останутся лишь лужи, как недолговечные воспоминания.

Анна окунулась в настоящее и посмотрела на лужу перед своими ногами, там красовалось заинтересованное отражение ее сына. Женщина, улыбнувшись, протянула руку к Киарду и обняла ее, конечно же, намочив свою одежду.

– Мы сильно шумели? – с невинным выражением лица спросил мальчик.

– Нет. Я просто решила вас проведать, – женщина автоматически взлохматила его темные волосы, подстриженные «под горшок», так же как и у Гарри Поттера в третьем фильме. Но об этой аллюзии никто не догадывался. – Может быть, вы потом подниметесь и поужинаете? Хезер обещала сюрприз.

– Ну, – ее наследник обвел взглядом явно заинтересованных друзей. – Это неплохая идея.

– Хорошо, – улыбнулась Анна, решив не целовать сына при остальной ребятне. – Веселитесь.

Она уже направилась к выходу, как ее руку поймал подбежавший сын.

– Мам, – он чуть склонил голову вбок. – Можно после ужина я сфотографирую тебя с Андре? Она не просила, но я знаю, что ей хочется. Ведь с остальными ты и Рождество встречала.

– Хорошо, – Анна погладила его по плечу. – Она тебе нравится?

– Мам... – чуть покраснел мальчик. – Андре умная и хорошо поет. Выиграла песенный конкурс и бабушка дала ей стипендию.

– Значит. Она большая молодец, – одобрительно произнесла княгиня. – Не забудьте просушиться в гостевых комнатах и поужинать, а потом проследи, чтобы все попали домой.

– Я помню, я не маленький, – пробурчал Киард.

25.12.2021

С Новым годом и Рождеством!

Императорская семья и первокурсник Такэо.

31.12.2021

С Новым годом!

Княжеская семья и беззубая Грейс.

Босые ноги утопали в темном, приятном телу песке, что соприкасался с океаном, таким безмятежным как это место.

– Инфраструктуры тут никакой, – вздохнув Виктора, поправил соломенную шляпу у себя на голове и оглянулся на охрану позади – их brave бойцы, так же были одеты в легкие белые рубашки и бриджи.

– Все поправимо, – держась за левую руку мужчины, шла

Мария, которая в последнее время мало куда выезжала.

– Тут почти другой конец света. Ты же видел проекты представленные Ане.

– А еще я видел, как она прикидывала, где бы здесь разместить базу ПВО, – усмехнулся зять, зачерпнув песок ногой, он поднял его словно мяч.

– У нее всегда были немного иные взгляды на политику, нежели у Альберта, – имя своего давно почившего мужа она все еще произносила с грустью. Иногда ей казалось, что ее семья кем-то проклята. То хрупкое счастье, давшееся с таким трудом, постоянно подвергалось испытаниям. Мария никогда не забывала об Альберте, хоть и через шесть лет после его смерти, набралась смелости начать более тесные отношения с одним из дипломатов-тоже вдовцом, но снова «увы». Вот только в этот раз она просто отказалась выходить за него замуж. А еще у нее болело сердце, да и голова временами, когда Саша ругался с Жанной, этот вулкан не давал покоя всей округе. Хоть она и была уверена, что они точно не разведутся. В них она была уверена, в отличие от своей дочери, которую никто не в силах понять. Даже она сама.

С виду идеальная чета, все же иногда бранилась, но оба умудрялись сохранить не только достоинство, но и находить компромиссы. И все же червь подозрений из прошлого не давал никому спокойно жить.

Мария, конечно же, пару раз разговаривала с дочерью об ее отношениях с упонским императором, но получала лишь

один конкретный ответ «я с ним не сплю». Хоть со стороны это немного и облегчало ситуацию, но зная свою ночь и ее «тараканов» женщина не могла быть до конца спокойна и переживала за Виктора.

Смешно. Вспоминая, вспоминая, ей временами думалось, что у Альберта была не только харизма. Но и проницательности, граничившей с какими-то магическими способностями. Перед тем как познакомить свою будущую супругу со своим другом, Альберт в шутку произнес «А сейчас я покажу тебе будущего кавалера Анны». Позже в разговорах с Марией он будет называть Анну и Александра «наша дочь, наш сын» и с неким неудовольствием смотреть, как улыбается Виктор его маленькой дочери. А еще Альберт дарил им тепло и любовь и те, сначала через силу и напоказ, потом искренне и желанно отдавали свои сердца в ответ.

Веселая у них жизнь: Виктор говорил, что она похожа на сказку, Анна добавляла, что явно не диснеевскую. В Диснее после свадьбы всегда хэппи – энд и история заканчивается, их же наоборот только началось. И это становится похоже на безумную игру, у которой нет конца и права на выход.

– Может быть вытащим ее из – под кондиционера и заставим осмотреть территорию? – улыбнулся Виктор, возвращая свою тещу в реальный мир. Они с ней напоминали ему старых добрых мушкетеров, один за всех и все за одного, отчасти, поэтому они смогли уберечь семью от разрушения. А еще у них была парочка маленьких секретов и один большой.

Глава 24

Празднование двадцатилетия брака в семейном кругу было на удивление теплым и счастливым. Все словно в один миг откинули все свои проблемы и стали обычными людьми, любящими друг друга и раздающими свет. Сора пыталась принять, что можно просто радоваться тому, что вся семья в сборе, что ее муж думает лишь о ней и детях. Может быть, это всего лишь влияние встречи с Анной, прошедшей недавно в Сингапуре, на каком-то очередном форуме. Разведка подробно описала их «побег», который заключался лишь в ужине в ресторане. Сора же с удовлетворением отметила, что фигура княгини все так же далека от идеала. Маленькая приятность среди дня.

– Ты как-то загадочно приглядываешься к окружающим, что даже мне стало интересно, – к жене подошел Куроки, про себя облегченно отметив, что это всего лишь первый бокал шампанского в руках, за столь долгий вечер.

– Я просто рада, что все мы собрались, – Сора стряхнула несуществующую пылинку с плеча мужа. – Ты знаешь, что наш сын познакомился с удивительным дарованием из Южной Кореи? О Сон Ха – говорят у него отличные шансы в будущем знаменитым юристом.

– Это тот, что выиграл стипендию? – Куроки машинально нашел сына, игравшего с Морио и Джин. Да, он в его

возрасте не спешил обзаводиться такими знакомствами. Да и если быть честным, то Куроки всегда трудно сходилась с людьми, если бы у Соры не был такой гибкий характер и столько любви, она прекратила бы с ним общение спустя месяц.

Такэо умудрялся располагать к себе людей, быть утонченным, образованным и кратким в своих речах. Все свои официальные обращения он основывал на традициях и трудах предшественников. Такэо жил своей страной, Куроки же сердцем, хоть и последний выбрал трон, а не головокружительно падение во влюбленность.

Интересно, если отец расскажет своему сыну о своем выборе, скажет ли тот, что его родитель поступил правильно?

– Да, – Сора чуть пожала плечами. – Я пару раз видела того юношу. Он хорош, но что-то в его взгляде холодит меня.

– Знаешь, – попытался отшутиться ее муж. – От твоего взора тоже не всем тепло.

Женщина цыкнула и играючи толкнула его в бок, так же как и двадцать два года назад.

Ее привлек детский смех, доносившийся из – за угла, там Сакура вместе с Хикари собирала очередной карточный домик, что через секунду распался, оставляя после себя море разномастных игральных карт.

Муж Сакуры, Рока Вада, улыбаясь, посматривал в их сторону, одновременно играя в шахматы с отцом Соры, так не часто посещавшим императорскую семью. Ее родители так

и остались простым средним классом, хоть и стали жить намного лучше, да и долгов больше не было. А раньше... Раньше они, купив квартиру одной, с трудом позволили обучение младшей дочери, потом Сора начала подрабатывать, отдавая почти все деньги родителям и вот тут произошла знаменательная встреча с кронпринцем, что принесла ей так и радость, так и боль.

В романах ее «вечно соперницы» герои искрили жизнью, разрывали связи, исцеляли сердца. Интересно, чтобы подумали люди, если бы узнали что в жизни автора совершенно иные события. Статичные и тихие. Последние пять лет совершенно убедили Сору, что ее муж ни за что ее не покинет: будет с ней рядом телом, временами даже душой. В их истории не будет неожиданных поворотов, кроме конечно Сакуры и Саши, как пары, но тут она надеялась на адекватность последнего.

И все же медленно, но верно червь обиды ел ее изнутри, отравляя сердце. Она все же человек.

31.10.2022

С Днем Рождения!

К.

06.11.2022

Сорок шесть – так и до половины века недалеко.

А.Р.

25.12.2022

С Новым годом и Рождеством.

Императорская семья

31.12.2022

С Новым годом!

Полиньяк

Статичность и холодность серых камней зданий мегаполисов его никогда не впечатляла. Может быть поэтому, временами он выбирался в старый дворец на пару дней, чтобы отдохнуть. Дворец был окружен садом и лужайками, а позади располагался пролесок из еловых деревьев. Посаженный еще его дедом.

А что он успел оставить в наследие? Ничего кроме воспоминаний и пару строк в учебнике по истории. Еще есть надежда, что однажды Анна посвятит или поблагодарит его за книгу, вот и все.

Даже Виктор с Сакурой куда больше совершили в жизни. Он явно чувствовал, что был не отличным отцом, хоть и попытался – для детей богиней всегда будет утонченной Сора с ее фиксированной осанкой и манерами. Ему же хотелось, чтобы сын разговаривал с ним, советовался, а Хикари, пряталась бы у него в кабинете после какой-нибудь проделки.

Интересно в той семье как?

В той семье сейчас все спали, лишь Анна, будучи единственной «совой» в семье, лежала сейчас рядом с мужем, грустно улыбаясь и рассматривая спящего его.

Ему было пятьдесят три и из них восемнадцать лет он был ее мужем. Каменной стеной. Гарантом. Анна всегда думала, что должна ему, хотя бы за то, что он позволял ей быть собой.

А еще он все так же потрясающе выглядел со своим поджатым телом и идеально выбритым лицом. Единственное, что раскрывало его возраст это паутинки у глаз и рта, а так же серебро коротко стриженных волос, которые, в отличие от Анны он и не думал окрашивать, шутя, что однажды станет похож на Ричарда Гира. Его жену эта идея не вдохновляла, но это были его волосы, так что ей просто пришлось со временем смириться с его упорством, показывать миру насколько он стар.

За эти годы их пара стала отлаженным механизмом, что перемалывал любые неприятности. Анна на все сто процентов была уверена, что муж всегда будет на ее стороне. Посему она была уверена в том, что сможет все ему простить и понять. И из всех сил старалась быть похожей на него.

Чуть скривив лицо, Виктор открыл глаза и, повернувшись на бок, увидел, что княгиня снова не спит. Поначалу, эта ее привычка разглядывать комнату и его во сне, раздражала мужчину, со временем он просто привык и чаще всего отворачивался от нее, засыпая.

– Снова? – тихо спросил он, потеряв переносицу.

Анна закатила глаза и вымученно улыбнулась. В ее романах все заканчивалось свадьбой или хотя бы помолвкой: будние дни, ночи, спустя десять лет после свадьбы никто читать не будет, да и ей не хотелось описывать эту серость, что иногда все же играла яркими моментами.

– Может ты будешь просто позже ложиться? Не со мной. Потом. Просто приходи, – пробормотал сонно мужчина, стараясь окончательно не сомкнуть глаза.

– Угу, – усмехнулась Анна, нежно поглаживая его лбу. – В прошлый раз, я спотыкнувшись в темноте, сломала ногу. Спи уже.

Княгиня придвинулась к нему и кротко поцеловала в его улыбающиеся губы. В такие моменты ее сердце готово было разорваться от переполняющего счастья, нежности и любви. Но как же это переполненное сердце могло любить двоих. Это мучило не только Анну, но и Куроки, недавно вспоминавшего май двухтысячного.

Он столько раз в своей жизни повторял, что неделя – это маленькая жизнь, что и забыл, кто первым ее произнес. Но эта фраза ясно и четко ассоциировалась с той майской поездкой, когда ему было всего двадцать три, а Анна все еще носила челку и волосы ее были темнее. Все было иначе, но казалось, что именно эти воспоминания согреты римским солнцем.

Они летели бюджетным самолетом из Варшавы в Рим, смеялись и недоумевали, как до этого додумались. Им было

хорошо, их ничего не связывало. Пока что.

– Эта женщина уже полчаса оглядывается на нас и хмурит брови, – прошептала Анна на ухо Куроки, кивнув на женщину семидесяти лет, сидевшую у входа на другом ряду.

– Она явно завидует моим длинным ногам, – улыбнулся упонец, постаравшись размять свои нижние конечности. Расстояние между креслами явно не было рассчитано для таких как он.

– Не надейся, – фыркнула девушка и снова откинулась на сидение. – Иногда мне кажется, что все вокруг знают кто я.

– Какое самомнение, – Куроки взял ее за руку и поцеловал кончики пальцев. – Большинство моих будущих подданных навряд ли узнают меня, даже если я буду стоять посреди Акиры в церемониальной одежде.

– Убедил, – вздохнув Анна встала с места и направилась в туалет. Но не тут-то было. Ее руку схватила та самая старушка и прорыдающим голосом спросила:

– Милая, ты случаем не певица? Лицо знакомое. И я думала, может ты любимая певица моей внучки?

– Нет, – отшагнув с улыбкой, произнесла Анна. – Я и петь не умею. Просто похожа.

Девушка, высвободив руку, направилась в туалет, по пути мучаясь от того, что этой сценой могла привлечь внимание других пассажиров. Но выйдя из уборной ее мысли улетучились: отперевшись о стену ее ждал улыбающийся Куроки со скрещенными руками на груди.

– Что? – девушка огляделась по сторонам, потом себя. Она точно поправила одежду, вымыла руки и лицо?

– Ничего, – покачал головой упонец и притянул ее к себе. – Бритни Спирс ты моя.

Он поцеловал ее в губы, затем положил подбородок ей на макушку.

– Почему именно Бритни? – поинтересовалась она, обняв его за торс.

– Первое, что пришло в голову, – ответил Куроки, даже догадываясь, что этот момент тоже останется в его памяти, как один из самых счастливых.

Киард подперев внезапно ставшей кудрявой голову, сосредоточенно рассматривал документ, подписанный отцом Альберта. Анна же снисходительно улыбалась, глядя его по волосам – в нормальной жизни они были темными и прямыми, почти достающими плечи, что особенно не нравилось Марии и Виктору; сейчас же у наследника на голове была химическая завивка, которая появилась в результате спора с сыном нового министра Моро – Луи. У последнего волосы были цвета морской волны. Эти два оболтуса умудрялись поднимать на уши весь дворец, но при этом были прилежными в учебе. Луи даже выигрывал олимпиады по физике, которая побольше части и служила причиной грохота и отколотого мраморного пола. Виктор даже подшучивал и радовался тому чуду, что Луи не увлекается химией. Анна же

искренне радовалась, что у ее чада был такой замечательный друг и обширный круг общения. У Киарда был дар окружать себя нужными людьми, и пусть он об этом пока сам не догадывался.

– И наконец-то я тебя нашла, – в кабинет княгини сразу после еле слышного стука залетела Жанна, как всегда разговаривая по – рокрански и деловым тоном. – У меня тут откопалось чудное дело.

Анна вздохнула, очередной раз, пожалев, что позволила жене своего брата переночевать в министерстве Внутренних дел, где та активно изучала отдел иммиграции и прочих относящихся к нему ветвей. Впрочем, дело она свое знала за одиннадцать лет постоянной жизни в княжестве, она не только работала в социальной сфере, родила дочь, но и заочно окончила курс юриспруденции в институте Грепиль. Анна даже завидовала ее упорству.

Киард автоматически встал, дабы уйти и не мешать делам взрослых, но рука матери его остановила.

– Останься, – улыбнулась она одобряюще. – Рано или поздно тебе придется принимать такие решения.

Жанна лишь кивнула. Сев на стул посетителей, она расположила перед ними планшет со всеми документами.

– Мария Алдкова, родом из Кинска, просит политическое убежища, – Жанна, почесав нос, стала рассматривать высвеченные страницы, проверяя наличие всех документов. – Очень талантливая девушка. Баскетболистка.

– С чего это? – удивленно спросила Анна. – Последний раз у нас просили убежище в двух тысячи тринадцатом году и то из Роскраны.

– Да, – кивнула собеседница. – И ты отказала. Всегда была на стороне той власти.

– А здесь в чем проблема? – недоуменно произнес мальчик, пробегая глазами по материалу дела. – Ее же оправдали.

– Мария в целых самообороны выстрелила в нападавшего на ее подругу из травматического ружья. Была оправданна судом, что отклонил даже иски об уплате медицинского лечения, – кратко изложила факты жена Саши.

– И в чем же проблема? – княгиня просмотрела главную запись с камеры наблюдения. – Очень похоже на дело в златском метро лет десять назад.

– Один из нападавших, сын известного американского политика, что приехал поразвлечься в Кинск. Киева ему не хватает. Он лишь нанес пару ударов юноше, что пришел на помощь. Но Мария считает, что из – за того, что она сумела обратить внимание общественности – это бросит тень на отца этого юноши и будут последствия.

– А как же остальные потерпевшие? – поинтересовался Киард. Приложив большой палец к губам, мальчик пролистывал показания всех участников. – А что ее семья? Разве им не могут навредить?

– Резонное замечание, – сощуриив глаза, произнесла его тетя и посмотрела на улыбающуюся княгиню. – Ты знаешь,

как я отношусь к таким делам.

– И насколько ты ярая мужененавистница я тоже знаю, – перебила ее Анна. – Пусть наши послы встретятся с этой Марией, расспросят ее о планах. Что она думает насчет судьбы своей семьи и друзей. Я думаю, мы готовы к притоку новой крови. Но всем кто соберется переехать сюда, по прибытию придется пройти специальный курс. Впрочем, ты сама знаешь.

Жанна удовлетворенно улыбнулась и кивнула ей, радуясь, что сможет помочь не только той девочке, но и тем, кто последует за ней.

Храбрость бывает разной и дело не всегда в поступках – в истории наиболее сильным оружие всегда были слова. И именно они могли разрушить или сотворить чью-то жизнь. Так было испокон веков и будет всегда.

31.10.2023

С Днем Рождения!!!

Еще на один год ты стала старше, но сорок четыре красиво смотрится.

К.

06.11.2023

*Еще три года осталось до твоего «полтинника». Старик.
А.Р.*

25.12.2023

С Рождеством!

Всех благ, покоя и удачи!

Императорский дом.

31.12.2023

С Новым годом!

Пусть успешен будет этот год!

Полиньяк

– Ты сильно испугалась? – взволнованный голос Куроки, словно меч разрезал тишину рабочего кабинета княгини. Женщина откинулась на спинку кресла и посмотрела на изображение императора, спроецированного в пространстве.

Они уже разговаривали некоторое время, успев обсудить успехи детей, перевороты в ЮАР, бессмысленное заседание ООН. Они так часто, постепенно возвращая друг другу себе черты своих двадцатилетних копий.

– Да, – честно ответила Анна и посмотрела прямо ему в глаза. – Все то страшное, что произошло с нашей семьей в прошлом, словно волна нахлынуло на меня. Нас спас какой-то медосмотр. Альберт был прав, введя такую привычку. Просто ОРЗ. Да, временами Саша жаловался, что устает, но все думали, что это из – за работы. Он же пишет диссертацию.

– Я понимаю. – Куроки сложил руки в замок. – Но ведь все хорошо. Операция прошла успешно. Он выздоравливает.

– Но столько наркоза, – женщина потеряла переносицу, думалось она готова была снова заплакать. Ей казалось, что какое-то проклятье преследует ее семью. Она так устала терять близких. Альберт, ее тетка, что так и не нашла счастья, биологический отец, о смерти которого она узнала из газет, Кэмерон Брюс, которую сгубил тромб в мозге.

Они оба замолчали, прекрасно понимая цену таких потерь.

– А что Жанна? – спустя время решил продолжить мужчина.

– Она просто пушистое милое создание, – усмехнулась Анна. – Бегает по дому в носочках. Что-нибудь еще Сашенька? Хочешь супчику? А кино посмотреть? Книжку? Шоколадку?

Куроки негромко рассмеялся, понимая комичность данных сцен. Лично он встречался с Жанной лишь пару раз, но слухи об ее характере дошли до самого Северного полюса с Австралией.

– Она, так же как и ты, испугалась за любимого человека, – словно маленькому ребенку пояснил ей мужчина.

– Я знаю, – покачала головой Анна и поджала колени к груди. – Уж столько лет прошло, а я до сих пор ей удивляюсь.

– Моему сыну через неделю будет двадцать, вот чему удивляюсь я, – улыбнулся Куроки. А ведь еще недавно он

впервые взял на руки сына, боялся уронить или сильно сжать. А как он любил плакать, когда у него резались зубки? Сейчас же все плачут из – за него.

– Почему? – удивилась княгиня, чуть подавшись вперед. Она явно предполагала, что сын пойдет в отца и будет таким же стеснительным в любовных похождениях.

– Ему будет лишь двадцать, а он уже встречается с пятой девушкой. У меня за сорок семь лет было их всего две.

– Зато какие, – усмехнулась женщина. – Мне кажется, он пошел в меня.

– Но ты-то сердца своим актерам не разбивала, – фыркнул Куроки, явно недовольный фривольностью потомка. – Они были взрослые люди, что за твой счет раскручивали себя. Здесь же каждая надеется на то, что станет следующей императрицей.

– Быть может, поэтому он и расстался с ними? Либо они и правду такие, либо Такэо вбил себе в голову дурную идею и уже никому не верит.

– Возможно, – пожал плечами Куроки. – Может женить его на вашей Грейс?

Он откровенно засмеялся, предложив такую невероятную идею. Каким бы он не был продвинутым современный мир всем прекрасно ясно, что упонский принц женится на упонке, хоть и двадцать лет назад у одного юноши были немного другие идеи.

– Такой невестки и свекрови, я не пожелаю ни одному вра-

гу, – Анна скривила нос. – Грейс у нас не только самый любимый ребенок, тут уж виновата я, но и человек, не привыкший следовать традициям. Не удивлюсь, если она преподнесет нам какой-нибудь сюрприз.

– Зато у вас весело, – отмахнулся мужчина, решивший не продолжать бесполезный разговор.

01.07.2024

Поздравляю с сорокалетием!

Желаю тебе счастья, удачи, а главное того, чего тебе всегда не хватает – терпения.

Твой Саша.

– Твой Саша. – Куроки бесчестно подглядел на поднос с корреспонденцией через плечо сестры. Та лишь обреченно вздохнула, но ничего не стала прятать.

– У него хоть имя нормальное, – Сакура развернулась и с ехидством посмотрела на братца. – А не то, что у тебя. Фамилия полководца вместо имени.

– Кто бы говорил, девушка – цветущее дерево, – фыркнул Куроки и уселся прямо на ее письменный стол.

– Ты всегда мне завидовал, – Сакура бережно убрала открытку в специальную шкатулку. Ей так нравилась эта «бумажная дорожка» из Грепиль: в ней была душа, история и воспоминания, которые так не хотелось растерять в этом совершенном электронном мире. Конечно же, они пользова-

лись последними новинками техники, но письма... Письма, написанные от руки, с ошибками и кляксами, рисунками, были настолько ценными, что даже Сора, понимая это, под Новый год, подарила своему мужу новый шкафчик для писем и открыток.

«Семейные поздравления» – она хранила отдельно, иногда пересматривая, вспоминая, тревожась, радуясь и прощая.

Воспоминания – это всегда будет частью нашей истории, жизни.

Желтая вода у берега пошла рябью, лишь подул этот холодный пронизывающий ветер. Солнце, что было довольно высоко, даже не думало согреть этот поздний осенний день.

Виктор обожал, такие дни и старался выпроводить всю семью на прогулку по центральному парку, в том числе и Анну, что куталась в теплую длинную шаль и пыталась усмирить свои распущенные длинные волосы, с которыми так настойчиво играл ветер.

– Может, искупаемся? – смеясь, мужчина зачерпнул пригоршню воды и плеснул ее в сторону жены, стоявшей неподалеку.

– только после тебя, – усмехнулась она, ежась от этого неожиданно прохладного дня.

– О чем вы так загадочно шептались с Хезер? – Виктор к

ней сзади и обнял за талию, опустив подбородок на ее плечо. Никто кроме него так не делал. А ведь в этом простом прикосновении было столько доверия и нежности, что Анна и не могла представить. Ее мама была права – именно этот мужчина знал ее лучше всех.

– Хезер видела, как наш с тобой сын гуляет по саду, держась за руку с Андре, – заговорщицки ответила женщина.

– Она милая девочка, – пожал плечами Виктор. – Думаешь, у них все серьезно?

– Не знаю. Им всего по семнадцать. Ты же знаешь мое мнение насчет этих вечных влюбленных в шестнадцать лет.

– О, да. Бедный Шекспир и его Джульетта. Только помни, что в то время не только жили меньше, но и девы выходили замуж раньше, – все эти браки на четырнадцатилетних девушках Виктор просто обзывал «пережитком». И в большей степени Анна была согласна с ним, хоть в первый раз они чуть – чуть не разругались, когда в пылу спора она глупо напомнила ему об их разнице в возрасте, что сейчас совсем не имела значение. И лишь болезни и усталость давали знать о том, что время не застывает в янтаре.

– Если о них узнают газетчики, появиться головная боль, – посетовала Анна, чуть поджав губы. – Зато они отвлекутся от остальной семьи.

– Но это же ужасное испытание для этой бедной девочки, – возразил ей муж. – Плохо быть девушкой Киарда.

– Плохо быть королевой при Генрихе Восьмом, – цокнула

княгиня и, дернув плечом, развернулась к мужу лицом.

– Хм, а я помню, как ты рыдала и защищала Марию Кровавую, – усмехнулся тот и легко поцеловал ее в лоб. – Иногда ты такая жестокая. . .

– Иногда ты слишком умничаешь, – Анна пригладила его серебристые волосы на висках.

31.10.2024

С сорокопятилетием!

К.

06.11.2024

С Днем рождения!

А.Р.

25.12.2024

С Рождеством!

Всех благ и высот!

Императорский дом.

31.12.2024

С Новым годом!

Пусть он будет счастливым и дружным!

Полиньяк

16.03.2025

... Ты представляешь в этом году мой сын поступает в университет. Мой мальчик уже вырос и теперь будет готовиться к своему предназначению: он уже выбрал юридический курс, а еще ...математический! Я в ней была не сильна, а Киард постоянно что-то считает, доказывает. Они с Луи Моро на днях чуть не разнесли пол школы, решив поразить младшекласников. Благо, что у них есть Адре (они с Киардом еще встречаются и она творческая личность, а еще оперативно предоставляет информацию о ЧП с мальчиками).

Я рада, что у моего сына такие друзья, интересная и насыщенная жизнь.

А еще... Еще я боюсь его потерять: они с Моро хотели жить в общежитии, как и большинство студентов Грениль, но... Нет, я не волнуюсь насчет его безопасности. Просто он словно уходит от меня. Я знала, что этот день произойдет, готовилась. Но ведь всегда знала, привыкла, что вернувшись домой из командировки, я найду его во дворце.

Как ты сумел отпустить Такэо?

...Летом мы с Виктором будем отмечать двадцатилетие свадьбы. Он не особо этого хочет, предлагая шикануть на тридцатилетие. Посему жителям Грениль не досталось парочка внеплановых выходных.

Сошлись на том, что уедем в небольшое путешествие. Только он и я. Давно такого не было, и я надеюсь это будет

прекрасно. Как и двадцать лет назад.

А уж в тридцатую годовщину я устрою ему! И парад, и салют, и тур по стране, а потом по миру – он еще будет жалеть, что не отпраздновал этот юбилей!

Кстати, на тридцатилетнюю годовщину я вас уже пригласила. Так что ничего не планирую!

31.10.2025

*Сорок шесть – столько такие вредины как ты, не живут!
К.*

06.11.2025

*49 – и ни рыба, и не мясо.
А.Р.*

25.12.2025

*С Рождеством!
Пусть звезды будут всегда к вам благосклонны!
Императорский дом.*

31.12.2025

*С Новым годом!
Пусть все невзгоды останутся в прошлом.
Полиньяк*

Когда-то она слышала одну фразу: «Все решения, приня-

тые после двух часов ночи, неправильные. Просто ложитесь спать.» И об этом она вспомнила, когда в полтретьего ночи откупоривала бутылку коньяка, подаренную каким-то европейским послом, и в три часа ночи, когда она поняла, что пьет не только в одиночестве, так еще и не закусывая. А ведь день-то у императрицы Упони начался довольно неплохо: сын сообщил, что расстался с той оголтелой певичкой из Южной Кореи; Хикари заняла второе место в конкурсе живописи; переговоры с Китаем прошли на «ура» и даже Сакура со своей семьей умудрилась блистательно отметить на благотворительной посадке деревьев.

Весь этот чертов день был идеальным и ей оставалось всего дождаться своего мужа из командировки в США, потом что-то неведомое вселилось в нее: усталость, копившаяся последние годы решила напомнить о себе. Может быть, именно сведения о том, что Акира Хаттори женился окончательно выбили ее из колеи, может Соре снова стало одиноко в этом холодном старом дворце со скрипучими половицами, что невозможно было заменить из – за исторической ценности.

Сора уже не помнила, когда в последний раз притрагивалась к спиртному, которое делало ее агрессивной и бесконтрольной. Кажется в тот год, когда Сакура вышла замуж, был десятилетний юбилей этих двух несчастных влюбленных и Сора сорвалась. Благо остатки ее разума, догадались отпра- виться в дальний дворец, где никто ее не видел и не трогал. В

этом алкогольном забытии она пыталась утопить свою обиду, потом глупость, ревность и злость. С одной стороны она всегда считала себя правой, но с другой с уверенностью могла сказать, что ее, именно ее, Куроки любит больше, нежели Анну. Но женщины по своей сути моногамные существа, жаждущие любви. Посему обида и ревность всегда побеждала даже такую умную и замечательную даму.

Хоть Сора и была пьяна, она услышала, как открылась дверь спальни, и свет из коридора проник в комнату, освещенную лишь тлеющим камином.

– Вижу я опоздал, – Куроки даже не стал разглядывать жену, сидящую на полу у камина в одной ночной шелковой рубашке. Его взгляд сразу зацепился за почти допитую бутылку отличного коньяка. Что ж, его жена знала толк в напитках, он же предпочитал шампанского одной лишь марки.

– В точку, – кивнула Сора, даже не подумав встать: в ее нетрезвой голове роились другие мысли, подогретые коньяком на полупустой желудок. Временами одиночество – одно из худших зол.

Куроки вздохнул, сбросил на пороге комнаты туфли и уселся рядом с женой. Он хотел узнать у нее «что на этот раз?», пожаловаться на встречу в США. Обсудить подарок Хикари, новую выходку сына, но вместо этого мужчина взял бутылку и допил остатки алкоголя, что горьким привкусом скатились по его горлу.

– Ты знаешь, как мне больно быть никем? – императри-

да всхлипнула и положила голову ему на плечо. Она еще не знала, что ей больше всего хочется кинуть в него вон той тяжелой книжкой или просто поплакать, лежа на ковре. А еще можно было разбить ту ненавистную вазу, что подарила мама на прошлый Новый год.

– И к чему ты это? – Куроки приобнял ее за плечи, наивно веря, что это самое лучшее средство от женских истерик. Но вот только он никак не мог запомнить, что ни его жена, ни Анна на этот милый жест не велись. Анна еще больше раззадоривалась, Сора же реагировала по настроению. Вот сейчас удача явно была не на стороне императора. Его супруга резко вскочив на ноги, чуть не поскользнувшись на отполированном полу, сверху вниз посмотрела на ошеломленного мужа. Коньяк в желудке и его дурман в голове ясно нашептывал ей простую истину, что ее муж просто издевается над ней. Именно он источник бед, а не Анна. Она, наверное, тоже мучается из – за него. Бедная. А как он снисходительно улыбается сейчас.

– Козел! – неожиданно воскликнула Сора и на секунду испугалась сказанного, но от этого восклицания ей стало немного свободнее и легче, что побудило женщину продолжить в том же духе, параллельно жалея, что так мало знает ругательств. Нужно подучиться у Сакуры. – Тварь! Испоганил не только мне жизнь, но и себе. Нет, ты не тварь! Ты! Ты трус! Нет! Ты эгоист. Любишь лишь самого себя! Вот ты кто!

Сора из последних сил вскинула руки и, подойдя к кро-

вати, рухнула на нее и почти мгновенно погрузилась в сон. Слишком много энергии она потратила на своего мужа – идиота.

Куроки, пару секунд ошеломленно посмотрев в ее сторону, кряхтя поднялся и подошел, чтобы укрыть ее одеялом. Он не винил ее за такое поведение, лишь не одобрял то, что ее самые сокровенные мысли могли вырываться только благодаря алкоголю. Если бы она выговаривала бы ему все это будучи трезвой... Ее слова... Временами он так же о себе думал, но ничего не мог поделать с собой. Сердце человека – океан, полный тайн и чудес.

Так и считала Анна, совсем недавно бродившая по дворцу с ошалевшей улыбкой на лице. Она ясно понимала, что это скверно, непристойно видеть чуть ли не эротические сны с участием другого мужчины. Слава богу, что Виктор не спал с ней рядом, а спокойно помогал обездоленным в Африке. Стыд-то, какой.

И все же сон не давал ей покоя: хотя она и не видела лица, но точно знала, что это Куроки. Словно касания того фантома из сна выдавали его. Он стоял позади, обнимал. Так сокровенно целовал ее в основание шеи, заставляя сердце биться быстрее, и краснеть, даже вспоминая об этом.

Этот сон был настоящим для нее приключением, которое слава богу, не имело место быть в жизни.

– Даже не буду спрашивать кому ты насолила, что целый день улыбаешься, – Киард уселся на диванчик рядом с мате-

рю, что бездумно смотрела новостной канал. Эти выходные он решил провести дома, говоря всем что соскучился, но на самом деле это было не так.

– А ты не спрашивай, – сощурившись, Анна посмотрела на юношу. Вылитый отец. – Так что случилось?

– Даже Жанна поверила, что я соскучился, – фыркнул Киард, а через секунду стал серьезным. – Вчера мы расстались с Андре.

– Я не буду спрашивать почему, – женщина взяла его за руку. – Просто хочу узнать, кто принял решение. Ты или она?

– Она, – Киард отвел взгляд и закусил губу. Он все еще считал все происходящее страшным сном, который и не думал прекращаться. И ему было больно, ведь он открыл ей сердце. Начал строить планы, наивно и чисто по – юношески полагая, что это навсегда.

– Если хочешь плакать – плачь, если хочешь молчать просто молчи. Расставание – это всегда печально и временами очень больно.

Киард положил голову ей на колени, как в детстве, когда ему было грустно или обидно из – за шуток Луи Моро насчет его брекетов. Правда, позже сам Киард посмеивался над шестнадцатилетним Луи в брекетах.

– Вы с ней хорошо поговорили? Без криков? – спросила женщина, поглаживая сына по темным прядям волос. Она никогда и не предполагала, что эта девочка станет частью

их семьи. Все знали, что Андре не создана для жизни в таком обществе. Она была слишком доброй, слишком нежной и наивной.

– Да, ответил Киард. – Все было так мирно, вплоть до того, что я пообещал остаться ее другом, а она познакомит меня со своим будущим парнем. Но сейчас мне не легче. Наоборот. Обида скапливается и я постоянно думаю о том, что же я сделал не так? Почему?

– Знаешь, – Анна грустно улыбнулась, вспомнив себя в этом возрасте. – В девятнадцать, кажется, что можешь умереть от этих чувств, но в двадцать девять ты уже смотришь на них иначе, и чаще всего с улыбкой. Поверь. Будь ей другом, постепенно отстраняйся от нее и потом станет легче. Да и через две недели летние каникулы, вы не будете так часто видеться и все не только станет по своим местам, но и станет лучше. Расстояние – вот что исцеляет.

– Ты у меня замечательная, – пробормотал юноша и, поймав руку матери, поцеловал ее.

31.10.2026

С днем рождения!

К.

06.11.2026

С Юбилеем! Хоть ты его и игнорируешь.

А.Р.

Они сидели в тишине у огромной наряженной ели в главной зале, слуги лишь начинали приготовления к новому дню, а княгиня с сыном девятнадцати лет уже сидели у горы с подарками. Они, не сговариваясь, встретились здесь, обожая это волнительное чувство рождественского утра, казалось и воздух был свежее, чем обычно. Оба укутанные в теплые халаты, с тапочками на босу ногу, рассматривали усыпанную игрушками величавую ель, привезенную из соседней страны.

– Так тихо, – почти благоговейно прошептала Анна, прислушавшись, как вдалеке кто-то уже начал работать на кухне. В таких счастливых безоблачных моментах хотелось застыть словно в янтаре. Навечно.

– Просто еще не приехала Жанна, – усмехнулся Киард, любивший подшутить над своей обожаемой тетушкой. Она в отличие от матери была еще тем тираном. Как только дядя додумался жениться на ней?

– Зато благодаря ней здесь не так пусто и одиноко, – улыбнулась Анна, едва прикоснувшись щеки сына. У ее маленького ангела растет щетина. Куда скачет время? Ему уже девятнадцать и скоро он приведет в дом свою жену, а им с Виктором и Марией придется съехать. На другом конце княжества у них есть замечательный домик, намного меньше здешнего. – Что тебя тревожит, милый?

– Я, – Киард посмотрел по сторонам. – Я скучаю по ней.

Андре. Не могу выкинуть из головы. Почему мне хочется унизиться, умолять ее на коленях, лишь бы она была со мной?

Анна под села ближе и обняла сына, крепко прижав к груди. Бедный ее ангел. Первая любовь одна из самых пронзительных и трогательных вещей в мире.

– Милый мой, – женщина поцеловала уже взрослого сына в макушку. – Когда я была в первый раз влюблена мое сердце было готово разорваться на части от боли и злобы. Он женился. А я все мечтала о совместном будущем. Но прошло время и я глупая наконец-то увидела потрясающего умного красивого необыкновенного статного очаровательного мужчину, что и стал твоим отцом.

Киард улыбнулся, услышав такой перечень эпитетов по отношению к отцу. Его родители знали друг друга задолго до свадьбы, любили друг друга, словно никого вокруг не было. Он хотел так же и в своих мечтах все еще не мог никого представить кроме Андре. Он любил ее. Да, любил и продолжал любить, совершенно не замечая девушек вокруг. Когда же это закончится? Он хочет быть свободным. Или быть с ней.

– Когда вы впервые признались друг другу в любви? – неожиданно спросил сын, повернув голову и посмотрев ей прямо в глаза. – Именно «я люблю тебя»?

– Хороший вопрос, – задумалась княгиня, стараясь вспомнить тот момент, но тот ускользал от нее. Ведь слова такая глупость. Для них с Виктором куда важнее были взгля-

ды и прикосновения. – Я вспомнила, вроде... Мы встречались месяца три и твой папа встречал меня после очередной ночи в парламенте. Он сказал « я люблю тебя, но стоять под парламентом в три утра, это слишком». Да, именно так.

Они с Киардом дружно рассмеялись, зная искрометность перлов от князя – консорта, что не боялся быть простым человеком, без возможности голосовать.

– Ну, а ты? – спросил сын, смотря на нее своими бездонными, унаследованными от отца, карими глазами. Господи, а ведь он у нее и вправду красавчик, как пишут в газетах. А она все еще видит его тринадцатилетним задохликом, играющим с Луи Моро.

– Это был не лучший момент, – начала Анна. Она никогда не уточняла насколько желанным ребенком он был. – Ты знаешь, что мы с твоим папой очень хотели детей. И вот с самого начала мы начали пытаться их завести. Точнее пыталась я. Представляешь, мы даже не обручились, а я уже хотела использовать его. И... Ничего не получалось... Мы приглашали различных врачей. Мне было так плохо, но твой папа. Господи, он невероятный. Он поддерживал меня, хотя не был ни мужем, ни женихом. Был момент, что снова не получилось, и я плакала в спальне, а Виктор, пришел ко мне с огромной коробкой самого разного мороженого и смог успокоить. Мне стало легче, и я была так счастлива, что этот человек со мной. Именно тогда я сказала ему, что люблю его. Как видишь ничего романтического.

Анна почувствовала, как сын чуть крепче обнял ее и поцеловал в щеку.

– Мне повезло с тобой, – прошептал он. – И с папой. Я хочу, чтобы у меня в жизни была такая же сильная любовь, как и у вас.

– тогда тебе стоит перестать думать об Андрее. Через силу. И тогда ты сможешь оглянуться вокруг и увидеть ту самую, – Анна гладила его по черным блестящим волосам и просто надеялась, что ее слова исполнятся. – Поверь мне. Я это сделала. Перестала думать.

25.12.2026

С Рождеством!

Пусть счастье и здоровье ветер принесет в ваш дом.

Императорский дом.

31.12.2026

С Новым годом!

Желаем урожая, звезд и радости!

Полиньяк

– Она не помнит, что в следующем году я уеду в Австрию, а затем меня ждет армия? – Киард с легким недоверием посмотрел на двух женщин по другую сторону стола. Жанна пожалала плечами, ведь это ее особо не волновало, а вдовствующая княгиня Мария кивнула, улыбнувшись внуку, что с

самого утра под их суровым взором учил уголовный кодекс Грепиль. А ведь у него были совершенно другие планы на эти зимние каникулы, конечно же в компании своих друзей, куда все еще входили Луи и Андре, с которой он все еще поддерживал приятельские отношения. Да, со временем, как все и обещали, сердце перестало ныть при одном лишь упоминании ее имени. Права была и мама, что разрешила летом ему вырваться из родной страны. Вдохнуть свободы, снова обрести крылья и даже немного увлечься другой молодой особой.

– Зачем мне учить кодекс? – спустя некоторое время снова заговорил юноша. Он устал, ему надоело, он завидовал Грейс, что вместе со своим и его отцом уже побывала на этой неделе в Риме. Вот станет князем – сошлет ее в Антарктиду.

– Просто чтобы ты узнал основные аспекты правовой системы нашего княжества, – решила поумничать Жанна. Женщина улыбнулась племяннику, наслаждаясь его беспомощностью в данной ситуации. Ничего, потом-то ему будет намного легче. А вечером она ходит с ним в кафе, как в старые – добрые времена, когда Грейс была еще малюткой. Жанна, оставив дочь под присмотром свекрови брала маленького Киарда и шла с ним гулять в город по магазинам и кафе: и никто не мог уличить ее в неискренности (по началу), а она могла спокойно со своим прикрытием отдохнуть от дворцовой чопорности.

Сейчас она ко всему привыкла. Хотя нет. Скорее изменила под себя правила, наконец, ощутив «свой вес», как мо-

наршей особы.

Раздумывая об этом Жанна бесцельно рассматривала зеленные плотные шторы, висящие в этой маленькой библиотеке, от потолка заставленными законами и прочими трактатами, покоящимися в тяжеленных шкафах из темного дуба. Их с Сашей часть покоев была оборудована в более современном стиле.

– Твоя мама и дядя тоже через это прошли, когда вступали во дворец, – постаралась приободрить внука Мария. Она искренне гордилась своей семьей и любила их такими, как они есть со всеми пороками и прихотями. А они уж никогда не давали ей скучать, доказывая окружающим, что ранняя седина на волосах Хезер их рук дело. Грейс недавно прямо на глаза у старушки Хезер ножницами отрезала свою длинную косу – теперь ее русые волосы болтались у плеч. Жанна же обратила внимание на совершенно другое. «Твоя мама и дядя» – своему внуку или внучке она не скажет подобную фразу и об этом у них с мужем недавно произошла размолвка. Бытует мнение, что детей больше всего хотят женщины, нежели мужчины – в их семье все было иначе. Они с самого начала были настолько непохожими, что в реальной нормальной жизни она бы жила воспоминаниями о своей влюбленности на четвертом курсе, он же о ней совершенно не вспоминал, ведя более сложную политическую жизнь. Но звезды сложились иначе – и они все еще вместе. Вместе в котле своих самых отвратительных черт и счастливых воспоминаний.

Они оба умели быть гибкими, но всегда оставалась одна константа: Саша хотел второго ребенка, а Жанна – нет. Для нее, выросшей единственным ребенком в семье, это было чуждо. Да и пугающе. Эгоистично, пусть. Если бы не настойчивость Саши да всеобщее внимание к ее персоне – до сорока лет она бы и не задумалась об отпрысках. Они ей были просто не нужны, она просто не могла насильно выдавить из себя ту всепоглощающую любовь, что дарила вся остальная семья ее Грейс. Но зато эти чувства не мешали быть ей суровым учителем для своей дочери и та росла леди, что на публике искусно прячет свои недостатки или плохое настроение, показывая лишь достоинство и красивую улыбку. Идеальная милая княжна, похожая на принцессу из диснеевского мультфильма. Легкая и грациозная, любимица страны. Но какой ценой?

Сора, стоя в стороне, мысленно просчитывала все этапы праздника. Нет. Идеального торжества.

– Все просто великолепно, – Куроки легко обхватил жену за тонкую талию и отвел к одной испокон, держащей на себе темно – красный свод потолка Нового дворца. Отсюда был отличный вид на вход и залу, по которой прогуливались многочисленные гости, в ожидании главного торжества. Младшие из семьи Полиньяк уже прибыли и порознь друг от друга общались с присутствующими. Непринужденно, но с почтением, так как и любила Сора. Их собственные дети еще

не спустились развлекать публику.

Взгляд женщины задержался на Грейс, что нечаянно чуть громче, чем нужно засмеялась, спохватившись, прикрыв рот рукой, облаченной в шелковую перчатку бежевого цвета. Девочка была красива и в ней явственно угадывались черты семьи Анны, а вот ее двоюродный брат был совершенно другим. Статный, темноволосый, со спины немного похожий на юного Куроки, хоть с каждым годом все больше и больше становился копией отца. Хотя что-то незримое было в нем и от Анны.

Сора машинально потянулась к подносу с шампанским, что проносил мимо официант, но вовремя опомнилась. Куроки этого, к счастью, не заметил, ей не хотелось расстраивать его и подводить себя, ведь она не выпила ни грамма с празднования Нового года и собиралась лишь отмечая двух тысячи двадцать восьмой выпить бокал вина. Сакура, хоть зная истинную причину, подшучивала, что Сора просто беременна. А ведь она была не против усыновить, но сил на третьего ребенка ей явно не хватит. Еще Сакура и ее дети с мужем, морская свинка Морио, что вот отойдет в мир иной и племянник будет жаловаться любимой тетушке. Женщина почувствовала, как дрогнули пальцы на руке мужа, что все еще была на ее талии, и она сразу поняла, куда нужно смотреть: в зал, дружелюбно улыбаясь, вошел Виктор, что вел под руку Анну с совершенно непроницаемым выражением лица. Сора чуть нахмурилась, не поняв причину такого

поведения княгини. Последняя же преодолев половину зала, оглушительно чихнула, чем вызвала непринужденную улыбку у Виктора и окружающих.

– Как же он постарел, – внезапно Куроки произнес свои мысли вслух. Он неверяще разглядывал своего извечного соперника и не верил глазам. Да, он помнил, что Виктору в этом году исполняется пятьдесят семь, но в памяти Куроки он до сих пор тот тридцатипятилетний мужчина, что ждал Анну у венца.

– А по – моему, он замечательно выглядит, – искренне не согласилась Сора, что считала Виктора и Киарда довольно привлекательными мужчинами. Князь – консорт Грепиль держал себя в форме, не поправившись ни на килограмм, в отличие от своей жены. А седина – некоторых наоборот красит, лишь морщины, залегшие так глубоко на его лице портили картину.

Они не успели договорить, ведь к ним подошла правящая парочка из Грепиль. После обоюдных объятий и легких поцелуев в щеку, которых бы мать Куроки не одобрила, как и положено последовали дежурные фразы – любезности.

– Ваша Грейс просто великолепна, – улыбнувшись Сора кивком указала в сторону девочки, что разговаривала с сыном какого-то политика.

– Подождите, вот разобьет она вазу династии Мин, – отшутился Виктор, под снисходительным взглядом жены. Он всегда любил раскрывать своих отпрысков не в самом луч-

шем виде, словно предупреждая окружающих.

К их компании подошел Уильям с женой и вовлек их в новый разговор, из которого увы, Сора иногда выпадала, сосредоточено рассматривая зал и прикидывая сколько осталось времени до торжественного ужина. Она наконец-то заметила своего несносного сына, неспешно идущего в сторону мужа Сакуры, последний же развлекал довольно холодных на вид гостей из Роскраны. Хикари чуть склонив голову... Хикари смущенно склонив голову, слушала явно занимательный рассказ Киарда Полиньяк, которому в повествовании помогала подошедшая Грейс. Но это сути дело не меняло: шестнадцатилетняя упонская принцесса явно радовалась такому общению, но теперь краски материнского сердца Соры окрасили все в иной цвет: Хикари так была похожа на нее саму, в те юношеские времена влюбленности в Куроки. Женщина шумно вздохнула и вымученно улыбнувшись, попросила прощения. Она ровным неспешным шагом вышла из зала и села на скамью, стоящую в длинном коридоре, устроенном в европейском стиле.

Почему она так отреагировала на этот призрак влюбленности своей дочери? Сердце бешено колотилось и не желало успокаиваться. Ее дочь влюблена – это же хорошо. Ее сын столько разбил сердец, что постепенно ей стало все равно, что там пишут в газетах.

А тут... Может быть в Хикари и Киарде она отдаленно увидела себя и Куроки? Но тут-то даже если мыслить праг-

матично, все может закончиться хэппи – эндом. Тут все будет зависеть от них. Сора быстро прокрутила в голосе всю информацию о сыне Анны, не заметив, как ее плеча коснулась рука дочери.

– Что? – Сора подняла голову и увидела обеспокоенный взгляд Хикари.

– У тебя что-то болит? – девочка присела рядом с ней.

– Нет, что ты, – улыбнулась ей Сора и взяла руки дочери в свои. – Как тебе праздник? Как Грейс с Киардом?

– Грейс немного шумная, – Хикари постаралась спрятать улыбку. – Киард стал таким высоким. И он такой умный, прямо как в детстве.

– А еще он довольно симпатичный, – женщина поцеловала ладошку своей дочери. Ей хотелось, чтобы та не торопилась открывать свое сердце чужим людям, и жила пока что своими мечтами и розовыми пони.

– Да, – покраснела та. – Грейс заставила пообещать его, что он потанцует с ней и со мной.

– Значит, ты заставь его, что бы он потанцевал сначала с тобой, потом с ней. И оттопчи ему ноги как следует – Сора поцеловала Хикари в висок и обняла. Сейчас ее сердце было спокойно и просто желало жить в мире.

25.12.2027

С Рождеством!

Императорский дом.

31.12.2027

С Новым годом!

Полиньяк

Анна не хотела отпускать его в эту чертову Австрию, но близился сентябрь и ускользали дни. Один за одним. Она напоминала себе мадмуазель Джекил и женскую версию мистера Хайда, Виктор объяснял это тем, что она просто не до конца поняла, что их сын вырос. А еще что будет скучать по нему, как и он. Анна в шутку предлагала отправить в Австрию Грейс, раз уж деньги за обучение внесены, но Киард, что давно стал выше матери, посмотрел на нее не то снисходительно, не то с лукавством. А ведь она еще не промыла ему мозги насчет его переписки и перезвоны с Хикари. Правда, тут женщина уже оторвалась на Куроки, шуточно обвинив его дочь в совращении своего сына.

Анна выглянула в окно, за которым пышным цветом разливались клумбы, зеленели деревья. Последние деньки. Женщина пару раз думала переговорить с Сорой, ведь в душе считала, что именно Сора глава семьи, а может быть просто по привычке переноса свою роль на нее. Анна желала счастья своему сыну, но в его букетно – конфетном периоде с Хикари она отчетливо начинала видеть вторых «Александра и Сакуру». Нужно было узнать мнение Соры: вдруг у нее другие планы на дочь.

А еще... Еще разум автоматически прочитывал реакцию населения, если в пока еще призрачной сказке Киарда и Хикари настанет счастливый конец со свадебными колоколами. Как отнесутся жители к упонской княгине? В нескорых случаях мультикультурализм это хорошо, но все же Грепиль европейское государство...

Княгиня, закусив губу, села на подоконник. Даже когда бездетный Альберт женился на ее довольно образованной матери, были недовольные. А тут? Национализм никто не отменял, да и сама Анна косвенного его поддерживала. Временами ей казалось, что она может устроить гонения против лиц другой национальности и веры и ей ничего за это не будет. Впрочем, ее прохладное отношение к мусульманам поддерживалось большинством коренного населения Грепиль и снискало любовь у соседних стран. Люди ненавидят тех, кого бояться.

Женщина задумчиво почесала переносицу: если Киард все же полюбит дочь Куроки, то ей придется заново приспособиться к жизни. В том числе при всем Грепиль принять католичество. Анна вздохнула: сможет ли девочка принять их веру? О чем она думает? Почему так наивно и масштабно стала думать насчет совместного будущего своего сына и упонки? Они же просто общаются. Не летают в Лондон на встречи. Не смотрят кино в богом забытом отеле. А может быть материнское сердце предчувствует? Лучше б уж работал мозг – и так слишком много накопилось государствен-

ных проблем, благо всегда рядом есть Виктор.

31.10.2028

С днем рождения!

К.

06.11.2028

С днем рождения, старик.

А.Р.

Сюрприз, который она готовила втайне от своей самой главной союзницы, удался. Хезер до сих пор ходила взбудораженная и ошалевшая, от количества поздравлений в честь ее дня рождения. И ведь это было обязательно, просто Хезер ненароком обмолвилась, что в последний раз праздновала свой день рождения лет десять назад. И вот – дворец украшен, море гостей, все слуги гости, а работу выполняют приглашенные на вечер люди, есть несколько местных знаменитостей, ведь при всей своей скрытности о Хезер знали в княжестве благодаря таблоидам и прессе. Приехала даже ее дочь – военная, что служит на другом конце княжества. Великолепный банкет, словно в честь принцессы, но для семьи Полиньяк старушка Хезер была именно такой.

Анна с мужем стояли у подножья лестницы, ведущей в частные комнаты, и наблюдали за превосходным вечером. Еще бы вместо того чтобы прислуживать гостям, работни-

ки сами шествовали, подобно особой птице, что распустила хвост. Но Хезер заслужила всей этой пафосности и лучей славы с лестью.

– Кхм, – Виктор поднял бокал с шампанским и в зале стало тихо. Потрясающе: праздник у одного, а люди жаждут другого. Муж и не думал убирать руку с ее талии, играя на публику в открытость и откровенность. Как не прилично. – Сегодня мы собрались ради одного человека, что определено, является частью нашей семьи. Это один из умнейших людей, что я знаю. Чуткая и верная. Справедливая и любящая. Она знает все, следит за всем в этом огромном доме. Мимо нее и мышь не проскочит, и она точно знает кто сел последнее печенье на кухне.

Гости рассмеялись, производя дружелюбный эффект.

– Мадам и месье, выпьем же за серого кардинала княжества Грепиль, Хезер, – Виктор отсалютировал бокалом гостям, не обращая внимания на раскрасневшуюся от смущения именинницу, что стояла в окружении толпы, поздравляющих ее людей. Она не могла в полной мере описать те искрящиеся внутри чувства, не знала что ей нужно делать и как правильно проявить свой бешенный восторг. Благо рядом был муж с дочерью.

– Про серого кардинала ты загнул, – прошептала на ухо мужу княгиня. Хотя, черт, это ведь была правда. Хезер была хозяйкой дворца. В этом ни у кого не было сомнения, для нее были открыты все двери, с ее мнением считались и даже

ждали. И, слава богу, она была патриоткой своего княжества, а что если она была бы врагом? Они давно бы разрушили страну, ведь Анна ей настолько доверяла. Как хорошо, что эта приближенная женщина желает ей лишь добра.

– Давай лично поздравим именинницу, – Виктор повел ее к еще краснеющей от счастья имениннице. И тут до княгини дошло. Хезер исполнилось шестьдесят пять. Анна словно до сих пор жила в том времени, где ей двадцать пять, а Хезер сорок. Княгиня не видела морщин своей наставницы, седых волос в ее светлых вечно уложенных волосах. Хезер не выглядела на свой возраст, определенно. Слуги судачили об операциях и дорогущих кремах, но княгиня ставила на генетику и уход за собой. Боже, ей самой в этом году пятьдесят! Куда пролетело время, где она уснула? Как? Как так все быстро прошло, ведь еще вчера они с Хезер знакомились, а сегодня готовы нянчить внуков и правнуков. Время – оно имеет способность, то замедляться в самые темные часы, то нестись подобно ветру, когда в твоём сердце живет покой.

Куроки оставил бокал с белым вином и посмотрел в окно, за которым кралась закатные сумерки. Почему-то именно в такие часы он ощущал свой действительный возраст и мог рационально и взросло оценивать свои ошибки и поступки.

– Так что ты думаешь? – произнес он проекции Анны, что сидела в своем кабинете в Грепиль. Женщина скривила лицо и пожала плечами.

– Мне кажется, он просто надеется на Рождественское чудо, – ответила она, вновь пробежавшись глазами по лежащему перед ней письму. Она уже неделю думала о нем, интересовалась мнением матери и Виктора, и даже разговаривала с новым придворным священником.

– Он же точно виноват? – решил уточнить мужчина. Он еще ни разу не сталкивался с таким, но полагал, что Анне это не в новинку. Император всегда искренне гордился ее решением отстоять смертную казнь, как высшую меру наказания, хоть это и противоречило его убеждениям и религии.

– Да, – грустно ответила Анна и откинулась на спинку кресла. – У нас есть не только запись одного из убийств, но этот урод оставлял «сувениры» от каждой из жертв. Он орудовал в США, Ирландии и Испании. Гражданин моей страны! Опозорил княжество и церковь. Отец Кристоф тогда чуть инфаркт не получил. Я запретила его экстрагировать и пообещала родственникам, что они увидят последние минуты его жизни. С тех пор прошло семь лет. Мне кажется этого достаточно для мучительного ожидания или чтобы найти освобождающие его улики.

– Он сидел в одиночке?

– А как ты думаешь? – слабо улыбнулась Анна. – У нас кроме него не было смертников.

– И он хочет остаток жизни провести в обычной камере?

– Он хочет вернуться в социум. Видно кто-то наплел ему, что под Рождество все добры. – Анна молча уставилась в

письмо. Она не была жестокой по натуре, но верила, что богом или судьбой таким тварям воздастся по заслугам. Женщина взяла ручку и размашисто написала «Отклонено». – Пятого января его казнь, и нам еще надо подготовить номера для родственников жертв.

Куроки лишь молчаливо кивнул, уставившись на свое обручальное кольцо. Он гадал что же почувствуют те люди, увидев последний вздох того отродья? Радость? Облегчение? Или злобу от того, что не они лично изгнали его с Земли?

– Хочешь я отвлеку тебя от грустных мыслей? – Куроки поднял глаза.

– только не говори, что Сора называет Киарда сыном. У них было всего одно свидание, и они с Такэо всего лишь приглашены на Рождество, – отшутилась Анна.

– Нет, покачал головой Куроки. – Сора пока что осторожно пытается выяснить у Хикари, что та чувствует, но безрезультатно. Я о Такэо. Он вчера познакомил нас с девушкой! Первой из его вереницы.

– И кто же она? – Анна подалась вперед. Ей было на самом деле интересно, кого же на этот раз охмурил юный принц.

– Она из среднего класса, познакомились на корпоративном вечере. Айко, как и Такэо, недавно там работает. Девушка довольно милая, хваткая. Сора, кажется, ее благодушно приняла.

– А почему же он решил не брать Айко к нам? Мы были

бы рады. Больше молодежи – веселее.

– Мне кажется, он снова начал проверять своих девушек на «погоню за принцем», – отмахнулся Куроки. – В чем-то он прав, но девушка, как мне кажется, все же в него влюблена. А там... Мне даже ее жалко.

– Любовь – это сплошное разочарование, – усмехнулась княгиня. – Пусть все же подумает над моим предложением взять ее с собой.

25.12.2028

С Рождеством!

Отсылаем вам «подарочки» и не забудьте их отправить обратно, как бы они вас не упрашивали оставить их.

Императорский дом.

31.12.2028

С Новым годом! Всех благ и удачи!

Полиньяк

Удивительно естественно в этой комнате, обставленной в стиле хай – тек смотрелся затухающий камин. Он горел здесь всю эту зимнюю ночь, пытаясь согреть и может быть ободрить гостью из Упони, что словно ураган без предупреждения и согласия вторглась в этот загородный дом Полиньяк на севере Грепиль. Он был построен на купленных территориях, деньги, которые были так ловко получены за счет ка-

зино и гонок. Еще был туризм и оффшорная зона. А еще смертная казнь, католицизм, всеобщая воинская повинность и обязательное школьное образование. А, да и ПВО на границах. Все соки бывших сверхдержав в одном флаконе.

Сакура догрызла последний ноготь на руке и со вздохом уселась на пол рядом с приехавшим ее навестить Сашей. Хотя его, скорее всего, просто послали. Лично он бы дал Сакуре недельку остыть, прежде чем навещать ее со всеми этими заявлениями и душеспасительными разговорами. Но все же он явственно чувствовал, что ей все еще приятно его общество, так почему бы и не отдохнуть от дома, в компании старого друга?

– Я просто не понимаю, – искренне недоуменно произнесла женщина и потянулась за соленой булочкой, лежавшей на подносе. Была у них раньше традиция пить прохладное шампанское заедая солеными крекерами или булочками. От вина, как ни странно, их обоих воротило временами, спасало лишь шампанское определенной марки.

– А я удивлен, что это случилось лишь сейчас, – Саша достал из скинутого пиджака еще не тронутую пачку сигарет и начал ее раскрывать, под изумленным взглядом подруги. – Если хоть кто-нибудь узнает – убью. Аня и так уже достала со своим паническим настроением, что мы все постоянно больны и умрем.

Но Сакура лишь протянула руку за сигаретой. Забавно они со стороны смотрелись: оба короткостриженные, в по-

мятой одежде, смешками под глазами и зажженными дешевыми сигаретами в зубах.

– Я думала он меня любит, – тут скорее звучала больше обида, нежели боль.

– Милая, он тебя любит. Но ты настолько невыносима, что если бы мы были все – таки вместе, я бы уже давно сидел в тюрьме за убийство, – вздохнул Саша. – Ты не обращаешь на него внимание, постоянно наставляя, чуть ли не унижая при людях. Ссорилась. Да, мы с Жанной тоже не ангелы и любим, пошуметь друг на друга, но умудряемся найти в себе силы сказать «прости». Дарим друг другу безделушки. Разговариваем о мелочах, когда наедине. Ты... Когда ты в последний раз просто так обняла его? Я до сих пор удивлен, что ты вышла за него замуж.

– Потому что я любила. И люблю, – прошептала Сакура, положив ему голову на плечо. – Всегда была уверена, что на него можно рассчитывать.

– Так почему не говорила ему об этом?

– Не знаю.

– Не знаю, – мужчина потрепал ее по голове. – Я думаю, ты должна дать своему браку шанс. Пройти через этот скандал с высокоподнятой головой.

Сакура, закусив губу, закрыла глаза: еще два дня назад она металась по дворцу, словно бешеный зверь, когда увидела в газетах, что ее благоверный изменил ей с какой-то американкой – художницей. Да еще моложе лет на двадцать. Благо Со-

ра подросла вовремя и разрешила критическую ситуацию в доме, отправив Морио с Джин и Хикари к своим родителям, что прохладилось в Бельгии, а саму Сакуру в Греспубли, дабы там ее сумели уговорить ежовые перчатки Анны.

Сакура поостыла, и слова Саши начали обретать для нее смысл, но все же обида, противная обида застилала ее сердце.

– Тебе нужно время, – словно прочитав ее мысли произнес Александр и потушил сигарету. – Обычно мы с Жанной просто разъезжаемся по разным концам дворца. Хотя Ане бы проще нас убить.

Сакура слабо улыбнулась. Все семьи счастливы и несчастливы по – своему, и со временем стало казаться, что княжеская семья из Греспубли просто дальние их родственники и почти забылось, что раньше их так сокровенно связывало.

– Она уже угрожала изменить конституцию?

Луч июльского солнца щедро окрасил пока еще длинные темные волосы Киарда. Неделю назад он получил свой диплом, вернулся в Греспубли и подготавливался к двухлетнему турне в армию, как и обычные граждане его Родины. В детстве он не понимал, зачем все это и даже раз расплакался после какой-то довольно неудачной шутки своей тетущки Жанны. А потом он просто принял данную обязанность как долг перед собой, страной и богом. Юноша мечтал стать таким – же потрясающим, как его мать и мужественным, как отец.

Виктор усмехнулся и потрепал сына по макушке. Этот парень не только был полон надежд, но и непредсказуем.

– Даже не знаю, – по блеску в глазах было видно, что он смеется над глупыми тревогами сына. – Твоя мама уж больно хочет внуков...

– Папа! – с укором протянул Киард. Он всегда делился с родителями своими увлечениями и даже мыслями о девушках. Но сейчас он хотел все держать в себе. Словно боясь расплескать ту золотую воду, что наполнила его или банально сглазить. Хикари отдаленно напоминала ему первую влюбленность – Андре, но более строгую, скромную. Даже чистую. А еще Киард рядом с Хикари не чувствовал ту утомительную разницу в сословии. Упонская принцесса знала, что такое быть с детства перед телекамерами, постоянно быть начеку и соблюдать этикет и все эти дешевые правила игры. А еще она была невероятно красивой: своей классической упонской красотой, без лишних веснушек на лице и едва уловимой чертой кореянки – бабушки. И эти длинные по пояс черные шелковистые волосы. Маленький сжатый рот, словно сдерживающий слова, что рвутся наружу.

Киард фыркнул: о чем он только думает, находясь наедине с отцом?

– Помни, мы с мамой желаем тебе счастья и примем почти любой твой выбор, – голос Виктора был мягок, но настойчив.

– Почти? – недоверчиво спросил сын, приподняв бровь.

– Не думаю, что твоя бабушка, да и мама, обрадуются тво-

ему жениху.

Киард рассмеялся и легко толкнул отца в плечо, как своего друга. Их семья, да и большая часть народа, любила относить себя к консерваторам и иногда эта «любовь к традициям» немного беспокоила его. Он точно знал, что вся семья будет против, если он приведет в дом чернокожую девушку, насколько хорошей, она бы не была. Хикари же стояла на границе разлома: с одной стороны ее спасала от нападков семьи титул, но с другой стороны был народ. Что скажет он? А вдруг сам Киард разлюбит Хикари? Что тогда? Благо его успокаивал тот факт, что на проверку чувств и раздумий у него было прекрасных два года. Потом... Нужно подождать конца учебы Хикари. Да и даст ли она ему согласие? Два года. У него предостаточно времени разобраться.

– А если я сделаю предложение Хикари?

– тогда ей придется много изменить в своей жизни, – задумчиво начал Виктор. Они с женой, конечно же, обсуждали этот вопрос и не раз. – И тебе изо всех сил нужно будет поддерживать ее.

– Но она справится, – как-то неуверенно произнес юноша. – Хикари умница. В этом году поступает в университет и столько делает для бедных. Ее любят.

– Я знаю, – Виктор приобнял сына за плечи. Как же его мальчик вырос. – И у нас ей найдется работа.

20.09.2029

... Думаю вам стоит готовиться к Упонскому наше-
ствию, ибо Сора нашла для Хикари первоклассного учите-
ля французского. Моя жена не желает, чтобы ее дочь опо-
зорилась в личном письме вашему сыну. (Мне кажется, она
читает всю корреспонденцию Дворца)

Бедная девочка, но она виновата в этом. Хотя благодаря
вашей армии у нас уменьшились счета за международную
связь. Теперь голубки общаются с помощью писем (в какой
же глуши находится его часть?), прямо как мы. И это так
трогательно!

Такэо все еще встречается с Айко, но моя благоверная не
спешит ставить на них. Зато она очень рада за Сакуру и
Вада, которые вновь стали появляться на публике в компа-
нии детей.

Недавно видел новые фото вашей Грейс – она у вас те-
перь блондинка? Сора сказала, что она начинает напоми-
нать Стефанию Полиньяк. Жаль, что не характером, до-
бавил я.

Завтра вылетаю в Берлин на конференцию. Снова будут
бесполезные разговоры об экономике и ставках на будущее.
Иногда мне кажется, что все они хотят втереться мне в
доверие и узнать о твоих планах, моя Непробиваемая Леди.
Знал бы я их.

Всего лучшего, твой К.

31.10.2029

С Днем Рождения!

К.

06.11.2029

С Днем рождения!

А.Р.

Саша фальшиво играл на пианино какую-то старую роскранскую песню из девяностых. Последний день ноября выдался сонным и немного пасмурным. Свинцовые тучи, нависшие над Грепиль, грозили сильным снегопадом, которого все не было. Жители и слуги дворца разбрелись по многочисленным закоулкам и лишь Александр с Анной сидели в этой музыкальной гостиной, столь любимой их матерью. Она переделала здесь все – оставив лишь старый дубовый паркет, который теперь был залакирован и больше напоминал пол в их старой школе на Родине.

– Как-то у нас тихо, – осторожно начала Анна, что сидела рядом с братом за пианино. Он посмотрел на нее и пожал плечами, в последнее время его одолела какая-то меланхолия. Вязкая и ненавистная.

– Думаю затеять небольшой ремонт, – продолжила женщина. – Вернуть те ковры с длинным ворсом. Я так их любила. Надеюсь Хезер их не выкинула. Они напоминают мне о прошлом. Знаешь, иногда я надеюсь, что если верну все перестановки на место, то прошлое возвратится. И те оловянные

ные ручки...

– Я бы тоже этого хотел, – тихо произнес Саша и посмотрел в окно, расположившееся перед ними. – Ты пишешь ту самую книгу?

– Отрывками, – ответила Анна, пожав плечами, ее сын позаимствовал этот жест. – Делаю зарисовки. Никогда не думала, что это будет так сложно – рассказать историю, которая была на самом деле. Рассказать.

– Все потому что ты делишься сокровенным. Хоть и за масками персонажей.

– Довольно высокопарно сказано, – улыбнулась княгиня и нажала на первую попавшуюся клавишу. Ее тяжелый звук эхом раздался по комнате. – Мне кажется что.

– Что? – Саша наконец-то повернулся к ней лицом.

– Что мой роман, как и сама жизнь, будет об усталых эгоистах. В ней не будет привычной и нормальной любви, скитаний. Будут в большей мере логичные поступки, но все выходит не так.

– Ты можешь рассказать историю, как можно любить двоих, как выбрать правильного мужчину. Как быть собой и следовать заведенным правилам.

– И кто же это будет читать?

– Я, – дернул плечом мужчина. – только в описании сделай меня умопомрачительным красавцем и жену кроткую овечку.

– Обойдешься, – Анна обняла его и поцеловала в щеку,

покрытую легкой светлой щетиной.

– А еще сестрой называется, – наигранно обиделся тот.

– Представляешь, в следующем году будет тридцать лет, как мы с ним встретились, – заговорила она спустя пару минут тишины. И комната вдруг еще больше погрузилась в вечерние сумерки.

– Столько, наверное, не любят, – прошептал Саша.

25.12.2029

С Рождеством!

Императорский дом.

31.12.2029

С Новым годом! Всех благ и удачи!

Полиньяк

Глава 25

...Столько, наверное не любят. Во всяком случае, если ничего не препятствует любви.

– Ты долго, – слышит она насмешливый голос, который приносит с собой прошлое.

– А ты довольно рано, – Анна горделиво подняла голову и остановилась у двери. – До октября еще чуть ли не год!

– Мне просто стало невыносимо грустно в нашем опустевшем дворце, – улыбаясь во весь рот, Куроки наконец-то встал с диванчика и раскрыл объятия, чем не промедлила воспользоваться княгиня.

Его объятия такие родные, но далекие, наполняли ее сердце бешеной радостью, которую она не в силах была сдерживать.

– Меня пригласил Виктор, – Куроки ответил на так и не заданный вопрос Анны. – Сказал, что вы с Сашей в последнее время в депрессии. А я как раз был свободен. Сора с поездкой в Аргентине, Хикари на учебе, Такэо с Айко в отпуске. Сакура. Сакура все еще пытается спасти свой брак.

Зимний, все еще холодный, луч солнца отчаянно пытался ворваться в это закрытое кафе. Но, увы, его не пускали затемненные стекла, словно специально поставленные сюда, дабы спрятать своих посетителей.

– И до сколько мы вчера просидели? – Куроки нехотя шурился и постоянно зевал. Он был большим любителем вздремнуть днем, в отличие от своих детей, что с самого рассвета энергией. Сора сумела к ним приспособиться, а он нет.

– В три с небольшим ты умудрился заснуть, – улыбаясь, начала Анна. Она спокойно рассматривала через огромное окно жителей Грепиль – Вилля, что не догадывались, почему одно из старейших кафе просто напросто закрыто. – Я отправилась спать, нечаянно разбудила Виктора, созналась ему, что оставила тебя в гостиной и спокойно заснула.

– А он добрый и благородный, спустился вниз, разбудил меня и отвел в спальню, – продолжил Куроки наигранно неодобрительно покачав головой. – А ты еще называлась моим другом! Чтобы подумали слуги?

– Виктор тоже самое сказал мне утром, – безразлично хмыкнула княгиня.

– Он у тебя замечательный, – в который уже раз признался ей Куроки и почему-то с каждым разом это все было труднее. Может из – за того, что он видел насколько этот человек лучше его самого? Или от восхищения его терпения и ума. А еще, в отличие от Анны и Соры, он видел его возраст: это был уже не тот сорокалетний щегол, к которому Куроки испытывал злобу и даже ненависть. Это был... Еще один «остров памяти», такой же, как и старые фото на полке у камина и пара седых волос на голове Соры.

– Тебе в этом году пятьдесят, – Куроки накрыл ее руку

своей.

– А Виктору шестьдесят, – заулыбавшись во весь рот, произнесла Анна. – До сих пор не могу осознать. Для меня ему все еще тридцать. Хорошо тридцать пять. Семь.

Куроки добродушно засмеялся, но на сердце похолодело. Словно от предчувствия. Но император все по привычки списал на боязнь старости и судьбы родителей и предков. Он не боялся самой смерти, просто даже в этот солнечный день Куроки вспомнил о своей боли. Именно ее он страшился.

– Вы уже решили, как будете праздновать? – спросил он, переборов себя. На самом деле мужчина хотел поговорить о себе, о них, еще раз о себе, ну не как о том, как Анна будет упиваться счастьем со своим мужем.

– Мы с мамой хотим устроить народное гуляние. Как – никак он августейшая особа. Князь – консорт, третий по значимости в княжестве. Второй – Киард. Но Виктора это не вдохновило. Пригрозил, что снова уедет в Африку и снова подцепит дизентерию – по его словам это весело. Видно под лекарствами видел забавные галлюцинации.

Куроки усмехнулся, ему на секунду показалось, что Виктор, как и он не хочет признавать свой возраст.

– Но мое пятидесятилетие, мы точно отпразднуем с размахом! – легонько хлопнула по столу Анна. – Вы обязаны всей семьей приехать. И пусть Такэо возьмет свою как там ее?

– О, а Хикари получит своего как там его? – передразнил

ее мужчина.

– Я думаю, в честь моего дня рождения вся страна получит выходной. А военные даже три.

– Ты так щедра, – смеясь, Куроки обеими руками закрыл лицо.

– Учись, пока я жива, – не осталась в долгу княгиня.

У них не было недели, лишь пара дней, что утекали, словно вода из ладоней. Но они были счастливы и будто бы немного помолодели. Оба, в эти дни, позабыли о своих обязанностях, страхах. Именно этого в последние дни им не хватало.

06.11.2030

С Днем Рождения!

А.Р.

25.12.2030

С Рождеством!

Императорский дом

31.12.2030

С Новым годом!

Полиньяк

В последнее время она довольно часто блуждала в своих воспоминаниях. Пряталась в их темных объятьях, забыва-

лась в солнечных лучах. Княгиня прожила уже чуть больше полувека, но до сих пор чувствовала себя, так и не повзрослевшей девчонкой, что только что опоздала на свое первое занятие по истории княжества. Анна помнила доброту и одновременно настойчивость Альберта, что иногда приходил к ней во снах: они с Виктором, своим добрым другом Виктором, все так же играли в шахматы в малой гостиной, а она наблюдала за ними из – за книги. Те воспоминания, воспроизводимые сном не заканчивались, обвивая ее эти липкие, наполненные светом и теплотой объятья. Сейчас все иначе. Сейчас она – Альберт. Она старается направлять своего собственного сына по нужному пути, вот только Киард не побаивался матери, а Анна же немного страшилась Альберта, при всей его доброте. Она была бесконечно благодарна ему, даже зная и понимая, что в первую очередь ее обучение нужно было ему самому. Он столько ей дал, а она до сих пор не особо-то тоскует по нему. Значило ли это, что она ужасный человек? Ведь Анна скучала по своему первому литературному агенту Кэмерон Брюс, каждый раз садясь за стол в надежде что-то написать, вспоминала эту властную женщину, что могла выжать ее до самой капли. Но во всеобщем масштабе на фоне Альберта Кэмерон была никем, а сердце затронула сильнее. Хотя если не лукавить, Анна все же вспоминала бывшего князя с благодарностью, ведь если бы не он у нее не было бы такой неординарной семьи. Она бы точно не встретила Виктора, тем более Куроки. Саша бы не женился

на Жанне, а Марию не любило бы до беспамятства добрая половина княжества. И самое главное – у нее никогда не было бы Киарда.

– О чем ты задумалась? – к ней на диванчик в оранжерее подседа Грейс. Ее светлые волосы были собраны в причудливую прическу. В отличие от тетки девушка умела следить за своими волосами.

– Просто размышляю. Старость дана как раз на то, – с улыбкой ответила княгиня, приобняв худощавую племянницу за плечи. – Скоро и ты поймешь.

– Тетя! – смеясь, воскликнула Грейс, не понимавшая-то ее звали ребенком, то она внезапно взрослая. Вот Киард, кажется уже родился стариком. Таким сердитым, серьезным, занудным стариком. Хотя ему и положено быть таким, как – никак он наследник трона. Ее отец никогда не желал трона и постоянно говорил об этом: в СМИ, в интервью, в разговорах и лично ей. Но отец, в отличие от остальных был мягче, словно бабушка Мария. Но Грейс была не такая: в ней очень много было от матери, хотя девушка и отрещивалась от этого. Просто отношения между ними были ... Странными. Она не понимала, как отец умудрился влюбиться в мать. Что он в ней нашел? Она держала его в заложниках, пока он не сдался? А еще... Еще Грейс с детства ревновала свою мать к Киарду, постоянно вспоминая, как мать оставляла ее во дворце, а сама шла в город с Киардом. Девушка не могла ненавидеть самого кузена, ведь тот был хорошим, приносил

ей тайком сладости. А вот мама. Мама всегда с ней строга. Может она просто не любила ее и родила лишь ради общест-венности? Эти мысли холодили юную княжну, но она никак не могла понять, почему собственная мать с ней холоднее, чем вечно занятая тетка.

02.03.2031

... Ты знала, что моя дочь уже серьезно настроена стать следующей княгиней Грешиль? Я конечно бы не торопил события, но Хикари не только знает вашу историю лучше некоторых (привет Жанне), но и постоянно занимается со своим репетитором по французскому. Еще немного и она начнет собственноручно делать ремонт в вашем посольстве.

Это меня, конечно, радует и я надеюсь, что чувства наших детей в полной мере взаимны (да, я помню, что мы об этом говорили почти год назад. ГОД НАЗАД! Подумай только! Получается я успешно пристроил свою младшую дочь (если нет, то пусть сам Киард сообщит об этом Сорре)! А вот мой сын успехами, увы, не радует. Милая Айко, по его словам, в прошлом, а в моем сердце жила мечта, что они вновь будут вместе. И вчера эта гроза нации заявил нам с Сорой, что хочет «обычный династический брак». Цитирую: ибо он самый крепкий и продуктивный. Сора поперхнулась чаем и даже не сразу поняла, что он сказал. НО, в конце концов, она пришла в себя и произнесла спасительную вещь:

если ты об этом додумался, глядя на нас с отцом, то огорчу тебя. Мы с твоим папой до свадьбы не только дружили, но и у нас были друг к другу чувства. А ты обрекаешь себя на неизвестность.

И вот этого мой мудреный двадцатисемилетний сын не ожидал. МОЕМУ СЫНУ ДВАДЦАТЬ СЕМЬ! К слову, на прошлой неделе стало известно о помолвке Айко. Признаюсь, мы с Сорой привыкли к этой девочке и переживали, как на ней отразится разрыв с нашим неугомонным сыном. Так или иначе, Сора пообещала, да и начала подыскивать ему «золотую невесту». Я попросил пострашнее, но моя жена ответила, что мне придется видеть ее каждый день. Резонно. Шутка насчет жениться Такэо на Грейс тоже не прошла цензуру. Кстати, как поживает эта сорвиголова? Она ведь, как Морио с Джин, в этом году поступает в университет, да? Как быстро выросли дети. И еще чуть – чуть и появятся внуки. Ты в это веришь?

К.

Теперь она точно терпеть не могла август: они стояли всей семьей на крыльце дворца и провожали Киарда, что улетал в Упонию за «своим главным призом».

– Ты помнишь, как тебе рассказывал папа? Отведешь ее в сторону или если вы останетесь наедине, – руки Анны дрожали и посему она решила их прятать, обнимая саму себя и совершенно не обращая внимания на снисходительные

улыбки домочадцев, что стояли позади, уже в предвкушении празднования помолвки. Они все так наивно и нелепо были уверены в счастливом завершении поездки Киарда и его возвращении уже с Хикари.

– Мама, – Киард обнял женщину и показал язык Грейс. – Я умею делать предложение.

– то есть? – возмутилась Анна, откинув голову назад, дабы посмотреть в лицо сыну.

– Я просто оговорился, – мирно произнес тот и поцеловал ее в лоб, так же как и она целовала его в детстве перед сном. – Мам, все будет хорошо. Я не опозорюсь. Ты за меня счастлива? Я поступаю правильно?

Анна крепче обняла сына и дотянулась до его уха.

– Я рада за тебя. Правда. И ты поступаешь правильно, если женишься на той, к кому испытываешь сильные чувства.

– Ты будешь любить ее, помогать ей? – прошептал юноша ей на ухо, дабы остальные не слышали его страхов.

– Конечно, глупый. Я полюблю ее. Смирилась же я с Жанной, – женщина наконец-то разомкнула объятия.

Киард рассмеялся и снова поцеловать мать в лоб. Она благословила его, а значит, никакие трудности не смогут заставить его сойти с этого пути. Он жениться на чудесной девушке, что не бросит его. Киард в это верил, ведь его мать сказала « все будет хорошо», а она уж знала лучше.

– Я же очень милая? – не выдержала Жанна, подавшись

вперед в кресле. Они уже некоторое время всей семьей сидели в библиотеке в ожидании Киарда и Хикари. Как кто-то мудро заметил: все важные вопросы решаются именно в библиотеке. Сейчас же их больше томило ожидание, с легким привкусом паники. Эта девочка согласилась выйти замуж за заморского князя и даже немного покраснела, опустив свою темноволосую голову. Нашла в себе силы перебороть страх перед будущем и прилетела на родину своего жениха. Щебеча на приятном французском с легким упонским акцентом, что со временем совсем исчезнет, оставив из индивидуальности лишь цвет кожи, приласканный восходящим солнцем.

– Да, ты была очень любезна с ней, – усмехнулся Саша, что сидел с сестрой на диване напротив жены. Виктор, по своему обыкновению, сидел на подоконнике и читал прессу, что так неоднозначно приняла выбор своего будущего князя. Одни пели дифирамбы уму и красоте юной упонки, другие четко подчеркивала трудности, с которыми предстоит столкнуться всей княжеской семье. И, конечно же, расовые вопросы.

– Жаль, что она уедет через неделю, не увидит мое первое сентября, – Грейс, сидевшая рядом с бабушкой, открыто зевнула.

– Ей самой предстоит последний год обучения, так что мы не смеем ее задерживать, – с нажимом произнесла Жанна, как всегда ухмыляясь. Иногда она даже себе казалось жесткой и черствой, чересчур эгоистичной. Но скорее всего она просто была единственная, кто не притворялся. Грейс отве-

ла глаза в сторону: в этом году она совершенно не радовала мать своими изречениями и поступками. Они были даже не бунтарскими, а скорее провокационными. Хикари же была тихой гладью, что за пару дней своего визита в прошлом году, умудрилась очаровать даже старушку Хезер, не говоря уже о телеведущих первого новостного канала страны.

Грейс молча, уткнулась в книгу, которую естественно не читала. Ее глаза предательски начали наполняться слезами: она постоянно не понимала чего именно хочет от нее собственная мать, более похожая на неврастеника, нежели на успешную женщину, которой она представлялась окружению. Тетя и бабушка относились к ней намного лучше: особенно тетя, что часто брала ее в свои поездки, хоть это и нервировало мать. Как отец умудрился жениться на ней?

Дверь без стука открылась и в библиотеку широким шагом вошел Киард, ведущий, а скорее тащащий, за руку немного смущенную и запыхавшуюся Хикари. Девушка была одета в скромный серый костюм с юбкой, а волосы были убраны в замысловатый пучок. Анна машинально поправила свои распущенные волосы, недавно подстриженные по плечи.

– А вот и мы, – юноша подвел свою невесту к бабушке, сидящую уже с распростертыми объятиями. Мария обняла японскую принцессу и легко поцеловала ее в щеку, вводя в легкий ступор от проявления такой неожиданной нежности.

– Все прошло хорошо? – поинтересовалась у сына Анна,

чуть склонив голову на бок, дабы лучше видеть мужа и стоявшую рядом с ним свою будущую невестку.

– Да, – чуть хлопнул в ладоши Киард и, оглянув присутствующих продолжил. – Пойду, напомним Кейти о чае.

Пружинистым шагом, он словно ветер, вылетел из комнаты, не думая, оставив свою невесту наедине с родственниками.

– Хикари, ты вполне можешь дышать, – улыбаясь, произнес Виктор, его сердце словно увеличилось в размере от радости. Все хорошо. С ними все будет хорошо.

– Большое спасибо за этот чудесный подарок, – чуть покраснев, Хикари дотронулась левой рукой до платинового крестика на своей шее и легко поклонилась.

– Не стоит, – произнес за жену Виктор, стараясь не рассматривать подарок. Они не знал, что жена решила подарить ей крестик на крещение, думая что этим займется Киард или придворный священник. Но возможно, если бы подарок был от Киарда, то он был бы куда вычурнее и совсем не подходил этой утонченной девушке. А так, обычный католический крест, хоть и из платины, с тонкой цепочкой средней длины. Виктор не знал, что там есть еще еле заметная гравировка в некотором роде обыгрывающая имя девушки «И свет я обретаю с ним». Анна же в свое время от Альберта получила серебряный крестик его матери.

– Мы рады, что ты совершила такой мужественный поступок, – Мария чуть подвинулась, предоставив место Хикари.

Девушка покорно села рядом с ней. – Надеюсь, ты вступишь нашу веру в свое сердце.

– А если не вступишь, то просто сделай вид, – с таким же благоговеньем произнесла Жанна, видя, как трепетно Мария держит за руки Грейс и Хикари. Этих совершенно непохожих девушек.

– Жанна, – Анна со вздохом закатила глаза. Она конечно и не думала оскорбляться этими словами, ведь понимала, что и Жанна, и ее брат с мужем, да и она сама по большей части живут этим принципом. Виктор называл это «идти на компромисс». А вот Мария, после всех своих потерь, именно в вере нашла утешение.

– Ну, вот, – словно подытожил Саша. – А мы так хотели произвести впечатление чопорного религиозного сословия.

Мужчина улыбнулся и подмигнул немного притихшей Хикари. Она во всех своих мечтаньях представляла все немного иначе. И да, именно к чопорности она и готовилась, а еще к тому, что они будут говорить на своем родном языке. Позже она узнает, что на разговор на роскранском языке наложен негласный запрет, после того, как родился Киард. Хотя запреты и существуют, чтобы их нарушать.

– Тридцать лет поддерживанию образа благочестивого семейства коту под хвост, – Виктор изящно спрыгнул с подоконника, забирая с собой газеты с нелицеприятными отзывами об упонской принцессе. – Я пойду, разыщу Кейти с Киардом. Готов поспорить, они не могут решить насчет торта

к чаю.

– Хикари, не хочешь сменить одежду после дороги? – спросила Анна. – Грейс тебя бы проводила.

– Я бы с удовольствием, – кивнула девушка и резко встала с места. Ей хотелось поскорее выйти из комнаты, дабы утихомирить свое бешено бьющееся сердце и конечно сообщить матери, как все прошло.

Грейс с Хикари вышли из комнаты, оставив старших один на один со своим мнением.

– Она милая девочка, – добродушно произнесла Мария. – Сора очень хорошо ее воспитала.

– Но в тихом омуте черти водятся, – заметил Саша, покосившись на жену.

– Я тоже считаю, что Сора ее идеально выстрогала, – по-роскрански хмыкнула Жанна. – А еще в ней совершенно нет шарма Куроки.

– Все досталось Такэо, – с улыбкой произнесла Анна. – А он еще тот подарок. Немного похож на Сакуру в юности.

– Главное, чтобы не в старости, – усмехнулся Саша и хлопнул сестру по колену. – Кто бы мог подумать, что наши дети породнят наши семьи. Словно в романе.

– Если уж мы живем в романе, то в эпилоге, ты должен бросить меня и быть с Сакурой, – желчно заметила Жанна, не скрывая все еще живущую в ее сердце тревогу и ревность.

– Как бы ты временами меня не бесила, но я признаю, что ты отличный юрист, – протянул ее муж. – И боюсь, развод с

тобой будет уж слишком дорогостоящим.

Он никогда ее не бросит, как бы часто они не делали друг другу больно, что-то неуловимое, незримое, но в то же время невероятно сильное связывало их. Или ему просто нравится страдать?

31.10.2031

С Днем Рождения!

К.

06.11.2031

С Днем Рождения!

А.Р.

17.12.2031

...Благо Хикари сейчас в Упонии и мы не настолько упадем в ее глазах. Так к чему это я? Вчера наша юная бунтарка забрала документы из университета, заявив, что не собирается идти этим путем и в марте поступит на военную службу. Ты бы слышал как кричала Жанна! Мне казалось, что в Австралии был слышен ее роскранский мат вперемешку с проклятьями на французском. Грейс полагала, что мы с Виктором ее как всегда поддержим, но, увы, как бы я не хотела, муж сказал, что это не наше дело. Итого бунтарка была сослана в загородный дом (в котором во всю ремонт), Луи Моро (помнишь лучшего друга Киарда, что постоянно ошивается во дворце и подрабатывает секретарем у Вик-

тора) на это время тоже решил перебраться подальше от Грепиль. Мне кажется, Киард предчувствовал что-то, иначе с чего он так резко решил навестить свою невесту, отправившись эконоом – классом в Упонию?

Кстати, о невестах: что там с Такэо? Я смотрела фото кандидаток Соры и разговаривала на эту тему с Хикари (жду, когда же она перестанет меня смущаться) и что-то мне подсказывает, что все кроме Такэо, считают эту затею глупой и провальнoй. Что думаешь ты?

А.Р.

25.12.2031

С Рождеством!

Императорский дом

31.12.2031

С Новым годом!

Полиньяк

Сора оглянула комнату своим привычным придирчивым взглядом. Все уже было решено, но сразу пасть в глазах невестки не хотелось. Женщина посмотрела на мягко улыбающуюся дочь, что сидела рядом со своим женихом на одном из диванчиков. Киард праздновал у них Новый год, все больше и больше влюбляя в себя население Упонию, в том числе и Сору, что с каждым новым днем все чаще видела в

нем галантного Виктора.

Такэо стоял рядом с матерью, нервно перекатываясь с пятки на носок. Эта его ужасная привычка раздражала женщину, ибо так делал его отец, когда не желал говорить правду. Сора посмотрела на сына и, прищурившись, поправила воротничок его рубашки. Ее ребенок стал старше и она надеялась, что мудрее. Такэо откидывал челку с глаз и улыбнулся ей. Вчера перед сном, они долго обсуждали сегодняшний день. Женщина думала, что сын будет бояться, но тот был уперто, уверен в выборе отца. Впрочем, Соре эта девушка тоже понравилась: из хорошей семьи, с образованием и очаровательной улыбкой. Жаль красотой, как Сора и Хикари, девушка не блистала. Она была... обычной. Хотя Киард, которому Хикари показала ее фото, сказал, что у нее хорошие глаза, нарисованные, словно масляной краской.

Сора вновь посмотрела на свою дочь с женихом. Чудо из чудес. Но женщина чувствовала спокойное счастье Хикари, что была тоже уверена в своем выборе и осознала, что все ее страхи насчет будущей холодности новой семьи глупы. В княжестве ее пытались окружить коконом, на каждом шаге придерживая ее за руку, прощая ошибки. Даже Киард, что по слухам был сорвиголовой, оказался довольно скромным и ответственным, конечно пока рядом не было его друга – Луи Моро. А еще этот почти диснеевский принц решил « подождать до свадьбы », чем озадачил Сору, развеселил Куроки и умилил невесту. Может быть, еще и поэтому Хикари

казалось, что она точно живет в сказке, и надеялась, что та не будет с печальным концом.

– Киард, – по – английски обратилась императрица, дабы заполнить тишину ожидания. – Ваш отец вернулся с поездки?

– Сегодня должен, – юноша чуть поклонился. – Он снова подхватил лихорадку и это очень беспокоит маму. Она постоянно хватается за сердце и причитает.

– Все будет хорошо, – чуть обеспокоенно произнесла Со-ра и, услышав шаги за дубовой дверью отвернулась от парочки, что обменялись взглядами. Через несколько секунд дверь отворилась слугой и в комнату торжественным шагом вошел Куроки за которым чуть отстав семенила девушка лет двадцати четырех.

– Его императорское Величество, – представил с опозданием старый слуга. – И Касуми Миура.

Поклонившись, он закрыл за собой дверь, оставив девушку один на один с этими явно заинтересованными лицами. Хикари стало жаль ее, ведь она понимала какой страх и ожидание испытывает сейчас Касуми, но увы она не имела права подойти к ней, успокоить и обнять, прежде чем отец представит ее Такэо, что застыл с гордо поднятой головой.

Куроки подошел к жене и сыну, сделал подзывающий мах рукой девушке и улыбнулся ей.

– Такэо, сын мой, это Касуми Миура, – представил император ту, что уже и не нуждалась в представлении. – Касуми,

мой сын принц Такэо и твой будущий муж.

– Очень приятно, – механически Такэо подал ей руку, а она немного смутившись, просто пожалала ее, вместо того, чтобы подать ладонь для поцелуя.

Сора, поджав губы, исподлобья взглянула на мужа, что еле заметно покачал головой.

– Что насчет чая? – чуть взмахнув руками, Хикари повторила отличный маневр своего жениха.

– Думаю, это неплохая идея, – произнесла чуть натянуто Сора, что все же оценила этот ход. Она, кивнув Касуми и мужу, тихо вышла из комнаты. Киард глазами подсказал Такэо посадить его будущую жену на диванчик перед ними. Куроки же молча, как и полагает императору, отправился вслед за женой, почувствовав себя немного не в той тарелке от легкой напряженности в комнате.

– У вас красивое имя, – Киард подался вперед, его отец всегда начинал так разговор с людьми, с которыми нужно было «наводить мосты». А ему была симпатичная эта девушка с такими же длинными как у Хикари черными волосами, правда без челки. Маленьким чуть вздернутым носиком и немного полноватыми губами.

– Большое спасибо, – опасаясь сделать ошибку, говоря на английском, девушка склонила голову, пряча взгляд.

– Оно обозначает «туман», – пояснил Такэо заполняя паузу.

– Везет же вам, – улыбаясь, заметил юный князь Гре-

пиль. – Мое имя ничего не значит.

– Зато оно очень интересное, – Касуми подняла голову и робко улыбнулась, стараясь начать себя вести как следует. Она ведь всегда знала, что даже в этом современном мире, ей предстоит выйти замуж по расчету, ибо не только высокое положение отца, но и древность рода, давала о себе знать. Брак ее родителей не был счастливыми, с постоянной холодностью и склоками, но вот чудо: птичка на хвосте принесла, что сын императора ищет себе невесту и эти двое взрослых людей решили сыграть в новую игру. Правда, уже с жизнью своей дочери. Из одной клетки, она попадала в другую. Хоть и более роскошную, но замкнутую. Ее пугали все, в том числе и будущий муж, что в ее безумно – странных предположениях оказывался бездушным тираном и любителем рукоприкладства.

Такэо же больше волновала ее начитанность и умение держаться на публике. Красотой, по его меркам, природа ее уже обделила. Почему нельзя было найти такую как его сестра?

– Вы уже знаете о вашей поездке в декабре в Грепиль? – Хикари конечно отчасти хвасталась, но ничего не могла с собой поделать. Касуми перевела немного испуганный взгляд с Киарда, которым залюбовалась, на Такэо.

– Моя сестра намекает, что мы, – как же ему странно легко далось «мы». – Обязанный будем посетить ее свадьбу.

– Обещаем, что это будет очень занудно и официально, – пошутил Киард, взяв свою невесту за руку. Касуми улыбну-

лась ему в ответ: Киард показался ей бесконечно добрым и открытым. Он явно любил свою невесту. А во что ввязалась она? Что сулит ей будущее и этот молодой человек, что сидит бок обок с ней?

16.03.2032

... И вот наша бунтарка ушла в армию ровно на год. Жанна очень хотела обрить ее на лысо, но, увы, данные правила не распространяются здесь. Виктор наконец-то отошел от болезни, правда по пути умудрился заразить маму и еще парочку слуг.

Что прикажешь мне с ним делать? Командовать я им точно не могу.

Киард пытается придумать Хикари какой-нибудь грандиозный подарок на окончание университета и еще подарить хоть что-нибудь невесте Такэо. Она ему очень понравилась и он надеется, что они с Хикари подружатся. Касуми и правду так мила, как говорит мой сын? Просто по фото, уж прости, не особо видно, что твой сын очарован ей. Впрочем, как ты и сам говорил – Такэо сам поставил те грабли, на которые наступил.

А тем временем у нас ходят слухи...

А.Р.

Анна положила свои черные перчатки на столик у входной двери загородного дома. Первого мая она вернулась из

Франции, куда ездила к «своему маленькому принцу». Прошло двадцать пять лет, а она все еще помнит те переполняющие чувства восторга, что нахлынули на нее на том концерте в «Олимпии». Двадцать пять лет, а кажется всего год: на встрече все те же лица, белые розы и грустные улыбки и трепетное восхищение, что она тоже пришла вместе с ними скорбеть. А княгиня виделась с ним лично всего раз, благодаря своему положению, смогла встретиться за сценой, представиться ему, пожать руку и чуть ли не сказать, что влюблена. Она до сих пор чувствовала его свет. Любит. И никогда не пишет конца историям, как «завещал» он.

Иногда ей казалось, что эти чувства неправильные, хоть они и были чисто платонические, без всякого сексуального подтекста и желаний. Но все же они были. К малознакомому, далекому человеку, чья душа все еще жила в песнях.

Княгиня вошла в свой рабочий кабинет и подошла прямо к книжной полке: там, во втором ряду, между толстыми книгами лежал конверт средних размеров, а в нем так и не отправленные письма, написанные в самые темные и тяжелые моменты ее жизни. Она никогда не перечитывала их, лишь смотрела на даты и даже от них у нее сдавливало душу камнем, взявшимся неизвестно откуда.

Анна села за стол, не такой массивный и старый, как во дворце, но столь же значимый – его ей подарила Кэмерон, первый редактор, за год до своей смерти.

Женщина достала лист бумаги с просто шариковой руч-

кой, занесла руку, уже готовая начать писать. Правда о чем? О том, что ее снова беспокоит состояние здоровья ее мужа? О том, что она понимает его возраст, но сейчас не девятнадцатый век, и есть медицина. Но все происходящее действительно ее пугало: она не готова потерять еще одного близкого человека. Виктор был необходим ей как воздух. Он был ее константой. Она не сможет без него жить. От этого болело и без того хилое сердце. Как же она ненавидела быть слабой и беспомощной, прямо как в двухтысячи девятом году. В те дни она почти каждый день писала письма своему «ангелу» и отчаянно сжигала их в камине, словно это могло забрать ее боль и страх.

Все неумолимо движется по кругу.

Ей бы бояться будущего своего сына, но она была уверена, что Хикари, окончив университет, переберется в Грепиль; первое время поживет в съемной квартире, сдаст экзамены на гражданство, как она сама решила, и в декабре выйдет из главного собора Грепиль княжной.

И все это будет великолепно, сказочно и счастливо. Вокруг будут цветы, улыбки, фотовспышки. Умиление и вздохи от невероятной красоты брачующейся пары. Они с Виктором, Куроки с Сорой будут сидеть в первом ряду и стараться не плакать от счастья. А уж вечером устроят потрясающий бал – прием, на котором Саша с Жанной покажут, как нужно танцевать, а Такэо смирившись и смилостивившись, будет весь вечер развлекать лишь свою невесту.

Все у них будет хорошо. Нужно просто верить в это всем сердцем.

Анна посмотрела на настенные часы, подаренные родителями Виктора, которые никогда не жаловали их своим визитом. Было уже восемь вечера, значит лучше ей остаться в этом доме воспоминаний, что не только хранил их, но и щедро раздавал.

25.12.2032

С Рождеством!

Императорский дом

31.12.2032

С Новым годом!

Полиньяк

Минутная стрелка часов, подаренных еще родителям Куроки, бесчестно заставляла этот длинный день близиться к концу. Вчера Такэо сочетался священными узами брака с Касуми, оставив своим родителям гору поздравлений со всего мира, в том числе были и отчаянные проклятья в адрес принца от бывших пассий.

Сора отложила очередное письмо и посмотрела на мужа, что сидел перед ней. Куроки, как и она, усталым взглядом проводил по строчкам поздравлений от «самых близких», затем из специальной стопки бумаг брал бланк благодар-

ственного письма и от руки писал пару стандартных фраз, ставил печать – все то же делала его жена. Глупое, по мнению императора, занятие, достойное секретаря, занимавшее безумно много времени, но такова была традиция.

– Думаешь, он будет счастлив? – тихо спросила Сора. Сегодня она явственно сознала, что в этом дворце они остались совершенно одни. Так пусто и непривычно, словно в прошлом, когда погибли родители Куроки. Стены будто раздвинулись, делая помещения еще больше и безлюднее.

– За год он сумел сблизиться с Касуми, – со вздохом ответил мужчина, отводя покрасневший усталый взгляд в сторону от света. – Мы разговаривали недавно. Он поблагодарил меня за то, что мы разрешили ему отдохнуть на том курорте в Корее. Они стали больше общаться, будучи наедине, а еще он признался, что ему нравится, когда Касуми улыбается.

Куроки усмехнулся и потер переносицу: его сын, так же как и он в свое время, наконец-то начал открывать удивительные стороны своей второй половинки.

– Надеюсь, все продолжится в том же ключе, – улыбнувшись, произнесла Сора, что еще с трудом впускала в свое сердце эту довольно скромную девушку. Она казалась ей забытой, слабой и нелюдистой. В первом-то она была немного права, а вот в остальном нет. И возможно, Сора просто боялась, что ее сын не будет счастлив, что она сама не будет счастлива от брака ее первенца.

– Как думаешь, нам еще рано рассчитывать на внуков? –

мужчина усмехнулся, поймав немного удивленный взгляд жены. Она все еще не могла, верила, что ее дети могут иметь своих детей, и что ей уже не двадцать пять. Как пролетело время и ей пятьдесят пять? Сакуре в следующем году исполнится полвека, а Виктору так совсем шестьдесят четыре. Немыслимо. Невероятно. Ведь только вчера она издалека рассматривала статного Виктора, что вел свою молодую жену под руку.

Прошлое. Оно формирует фундамент для будущего, что по кирпичикам строит нашу жизнь. Один кирпич – счастье, другой – разочарование. И так постоянно чередуясь, они со- оружают историю взаимоотношений, связей и выбора.

– Выбор – лишь иллюзия, – произнесла однажды Анна, вычитав это в очередной книге. И сейчас Саша с уверенностью мог с ней согласиться. Его сердце предчувствовало глобальные перемены, хотя ничего этого не предвещало: Грейс вернулась из армии, совершенно выструганной, на радость матери, и уже через две недели собиралась взяться за учебу – переменив свою направленность на математику. Жанна была в радостном предвкушении от очередной поездки с ООН, Сакура со всей семьей отправилась где-то месяц погостить у родителей своего мужа.

Саша затушил сигарету и еще немного постоял, для того чтобы не вносить запах этого сигаретного курева в палату. Он нервничал и это становилось привычно – постоянным.

Как Анна живет со всем этим?

– Я сдам тебя сестре, – сказал Виктор наконец-то вернушемуся Саше.

– А я скажу, что ты выполняешь не все предписания врачей, – он кивнул на работающий ингалятор в руках князя – консорта. Виктор хмыкнул и поднес аппарат ко рту. В очередной раз болезнь сумела одолеть его. Прав был Альберт, укорявший в свое время его за разгульный образ жизни. Хотя его почивший друг настаивал, что у него откажут почки с печенью, а не сердце с легкими.

– Давно не видел, чтобы ты курил, – Виктор сделал вдох простого воздуха, от всех этих лекарств из ингалятора он чувствовал себя только слабее.

– Как тут не закуришь? – усмехнулся Александр и посмотрел в окно. В Грепиль снова начались проблемы с религиозным настроением: в конституции была прописана свобода вероисповедания, по негласному согласию страна считалась католической, при восьмидесяти шести процентах верующих. Грепиль стойко оставалась страной, где не особо приветствовалось мусульманство, что и вызывало внешнюю критику власти. Но Анна оставалась приверженкой оплота католицизма в своей стране, на протяжении двадцати семи лет, поддерживаемая духовенской властью и это она передавала сыну. Как бы хорошо и стабильно жилось жителям, всегда будут недовольные.

– У них просто сезонное обострение, – нахмурился Вик-

тор.

– Главное, чтобы так и оставались одиночными протестами.

– Если что, мы покажем им Хикари, и они просто умрут от умиления.

– Или фото лысой Грейс, тогда они сдохнут от смеха, – пошутил Саша, чья дочь назло матери в первую же неделю службы побрилась налысо.

– Ты победил, – улыбнулся Виктор, откашлявшись. Он уже согласился с тем, что ему нужно больше пить витаминов и не пропускать мимо ушей причитания Анны – она наверняка уже проконсультировалась со всеми доступными специалистами. А может быть съездить с ней на курорт? В горы. Подышать свежим воздухом, побыть просто с ней наедине.

31.10.2033

С Днем рождения!

К.

06.11.2033

С Днем Рождения!

А.Р.

25.12.2033

С Рождеством! Счастья и здоровья!

Императорский дом

31.12.2033

С Новым годом! Успеха и отсутствия хлопот!

Полиньяк

Удивительно, но она совершенно не почувствовала, как старая добрая Хезер зашнуровала ей корсет этого длинного черного платья с кружевом. Без дрожи и трепыхания руки были облачены в черные шелковые перчатки, так ненавистные Жанне, но положенные по этикету. Последние штрихи, совершенные такими родными дрожащими руками Хезер, изо всех сил, старающейся не смотреть в зеркало и княгиня будет готова для выхода.

– Кто бы мог подумать, что у Виктора такое специфическое чувство юмора, – на пороге спальни образовалась Мария, облаченная чуть в более современное платье – футляр. – Ему всегда нравилось, когда на тебе длинные женственные платья.

Анна безмолвно подошла к ней и взяла за руку, в последний раз посмотрев в зеркало, что было в полный рост.

Ей всегда шел черный цвет.

А еще белые розы, опоясанные черными лентами, в которых утопал весь дворец. Все было так, как и задумал князь. Точно по пунктам без единого отступления. И возможно именно эта его продуманность спасла семью от полного падения в горе.

Все было как во сне или под сильными лекарствами: смутно, шум словно пытался прорваться через вакуум. Анна опомнилась, когда колесо старинного катафалка, за которым шла вся процессия, наткнулось на неизвестно откуда взявшийся камень. Анне это напомнило какой-то до боли знакомый фильм, и она уже думала поделиться своим мнением, как вдруг осознала, что все остальные идут на пару шагов позади. А по бокам в нескольких метрах, отделенные хрупким забором, стояли люди, все как один со слезами на глазах, опущенными лицами, словно боялись поймать ее рассеянный взгляд.

Женщина, снова уйдя в себя, сама наступила на этот злополучный камешек, служивший Рубиконом, покачнулась и внезапно почувствовала на своей талии прикосновение чьих-то маленьких рук.

Анна удивленно посмотрела налево увидела рядом с собой Сору, в черном прямом платье до икр и без вуали в отличие от Анны. Императрица Упони кивнула, давая понять, что не уйдет и, оставив руку на талии княгини, осторожно взяла правую руку женщины, скрепив этот спасательный круг.

Еще шаг. Еще. Еще...

Она бежит по больнице не разбирая дороги и не обращая внимания на удивленный персонал. Сейчас, как и в двухтысячи тринадцатом ей все равно, что о ней подумают эти незнакомцы. Женщина влетела в палату, в которой уже со-

бралась вся ее семья, включая Марию, что так редко покидала пределы территории Дворца.

– Как он? – Анна опустилась перед койкой, на которой лежал Виктор. Бледный, с синяками под глазами и такими ужасно холодными руками. – Почему он все еще на аппарате?

Женщина со злостью посмотрела на ни в чем неповинного врача, что подумывал спрятаться за спиной Жанны.

– Мы боимся, что приступ повторится, – произнес еще один врач, что только что вошел в палату. Он не боялся княгини, прекрасно помня прошлую госпитализацию Виктора и поэтому уже был готов к худшему.

Наверное, лишь он был готов к худшему. Да и Виктор.

В церкви почему-то было очень холодно, не смотря на такое количество людей в зале и начало апреля по календарю. Тихие, еле слышные переговоры, были заглушены панихидой, тоже режиссированной князем – консортом. По разным сторонам от Анны сидела Мария и Киард с каменным лицом, он как и мать не позволял на публике проявить эмоции. В отличие от Соры, сидевшей позади, как близкий член семьи, и тихо ронявшей слезы, не обращая внимания на этих глупых посторонних людей. Она сама не понимала, почему эти предательские слезы лились из нее, ведь она просто знала Виктора, он ей просто нравился, просто. Просто. Просто она все это время думала. Что они с ним похожи, будто меж их судьбами была связь – они оба страдали от любви к своим

вторым половинкам, они оба победили.

Почему же здесь так холодно?

Анна, обхватив себя руками, осторожно из – за плеча медсестры, наблюдала как ее мужа экстубировали. Мужчина откашлялся и посмотрел по сторонам.

– Сколько вас тут, – хрипло и все же насмешливо произнес он. – Идите домой. Я хочу отдохнуть. Со мной все будет хорошо. Верно, док?

– На кардиограмме ничего нет, – доктор сверился с показателями. – Так что повода для опасений нет.

Уходя семейство, фыркало, обнимало его, хлопало по плечу и обещало принести чего-нибудь запрещенного и вкусенького. Саша сообщил, что часа через два вернется и принесет шахматы, а то тут до смерти скучно.

Виктор устало махнул рукой и попросил принести карты. Однажды она решила, что неделя – это маленькая жизнь, сейчас Анна была убеждена совершенно в другом. Вся жизнь может перемениться за какие-то минуты.

Анна села прямо на пол холла дворца, бесчувственно разглядывая шикарные букеты все еще не завядших белых роз. Никто ее не трогал и не думал поднимать. И лишь новый придворный священник, не звавший Анну так близко, не по глупости, а скорее всего из – за сострадания, подошел к ней и осторожно дотронулся до плеча.

– Дочь моя, – он тоже был стар и мудрен опытом, поэтому его назначили на эту должность после смерти его пред-

шественника. – Ветер имеет свойство меняться. Он унесет твою печаль.

Княгиня подняла голову и сквозь сцепленные зубы зло произнесла:

– Не говорите, чего не знаете. Вы не любили.

Она резко встала и зашагала в свои покои, не обращая внимания на испуганные и удивленные лица окружающих. Да и какое ей было до них дело? Они люди, которым платят за то, чтобы она комфортно жила. А сейчас ей хотелось лишь плакать и чтобы кто-нибудь сидел рядом с ней и успокаивал. А еще ей эгоистично хотелось всеобщей жалости, которую сейчас она путала с любовью.

Виктор нахмурился и дотронулся до руки сидящей рядом Анны. Женщина открыла усталые глаза и посмотрела на мужа: он уже успел поиграть пару партий в карты с Сашей и отправить его за новой газетой, пообщаться с сыном по телефону и передать «привет» невестке.

– Что-то нужно? – решила спросить Анна, не сводя с него глаз. Ей казалось, что все плохое уже произошло и впереди их ждет череда светлых дней. Просто нужно не спускать с него глаз – вдруг исчезнет. Станный страх.

– Нет, – немного скривившись, покачал головой мужчина. – Я просто... Наконец-то решил рассказать тебе...

Эти слова давались ему с трудом и сопровождались легким приступом страха.

– Помнишь в двести тысяч десятом году ты уехала празднично-

вать юбилей с Куроки? Я... – он замолчал будто стараясь подобрать оптимально подходящее слово. – Я напился в баре, в одной из дереvушек и начал ухлестывать за женщиной. Я уже поцеловал ее и собирался вести к себе в номер, как вдруг выскочила охрана паба и меня повязали. Сказали, что я не оплатив выпивку. Я почти тебе изменил.

– Это не была охрана паба. И ты оплатил выпивку, – Анна поцеловала его ладонь и прижала к своей щеке. – Хезер.

Виктор хрипло рассмеялся, но затем его смех переменялся на задыхающийся хрип. Мужчину затрясло, а аппараты стали неистово выть. Анна рванула к двери и открыв ее закричала «врача!».

Медики подоспели через пару секунд, во главе с тем боевым доктором, за которым уже бежал Саша, потерявший где-то газеты.

– Что с ним? Что? – женщина металась за спинами врачей, требуя ответа. Те лишь пару секунд что-то делали, а затем застыли. – Почему вы стоите?

– Ваше Святейшество, – к ней обратился тот самый доктор. – Ваш супруг подписал отказ от любых видов реанимации.

– У него был сердечный приступ и сейчас он уходит от нас, – совершенно по – детски постаралась пояснить поленькая медсестра.

– Я приказываю вам! – закричала Анна не стоим голосом и ударила медбрата, что подошел к ней сзади.

Мир перед ее глазами поплыл, и Анна на секунду обрела надежду, что все это всего лишь сон, сейчас она проснется и ее муж будет рядом с ней.

Но его не стало.

За окном уже давно гостили вечерние сумерки, а женщина все лежала на заправленной постели, так и не переодев платье. Возможно, в нормальном состоянии она даже бы оценила эту гротескность. Драматизм лился через край, ее муж постарался. Княгиня почувствовала, как на кровати прибавился вес и через секунду она увидела устало лицо старушки Хезер, что наверняка все это время провела под дверью, выслушивая все ее тихие всхлипы жалости к себе.

– Я думаю попробовать покончить жизнь самоубийством, – прошептала Анна, глядя прямо в немного поблекшие глаза Хезер. Та взяла ее руки в свои и придвинулась чуть ближе.

– только не в этом чудесном платье, – Хезер на секунду замолчала. – Ты никогда этого не сделаешь. У тебя есть обязательства и семья.

Она впервые так прямолинейно обратилась к Анне на «ты» и обе этого не заметили.

– У него они тоже были, но он же ушел! – княгиня почувствовала, как снова в носу начало щипать от слез. Она придвинулась к Хезер, и обняв ее, уткнулась носом в плечо. Ей так было больно внутри, что хотелось разорвать грудную клетку на части и вынуть сердце. Хотелось свернуться кала-

чиком и долго – долго плакать, чтобы вся эта чертова душа вытекла со слезами.

Анна пыталась ухватиться за время, словно за нить, но она снова и снова ускользала из ее рук, не желая останавливаться. Ей казалось, что с каждым новым вздохом все меньше людей остается рядом с ней. Бессилие и злость, вот что чаще всего испытывала она, вспоминая сколько ей лет, как давно нет Кэмерон Брюс и то, что Хезер, ее вечная опора, уже как пару недель не работает во дворце.

– Не уходи, – прошептала Анна, прижимаясь к старой женщине, словно к родной матери. – Не бросай и ты меня. Пожалуйста.

– Вы всегда.

– Ты, – поправила ее бывшая княгиня. – Давно нужно было откинуть этот бред.

– Хорошо, – Хезер ласково погладила ее по голове. – Ты всегда сможешь меня навестить. Тем более мои внуки давно в университете. Мы всегда сможем спокойно поговорить, выпить чай или что-нибудь покрепче.

Анна слабо усмехнулась, совершенно не представляя свою бывшую наставницу выпившей. Это было словно фантастика.

– Как думаешь, когда перестанет болеть? – спросила Анна, растирая по красному лицу выплаканные слезы.

– Не буду врать, – со вздохом начала пожилая женщина. – Мне кажется никогда.

Она сама до сих пор не могла поверить, что такого чувственного человека больше нет. Он был такой неотделимой частью ее подопечной, что сейчас она словно держала обломок в объятьях. Так не должно быть. Должен был быть хэппи – энд с «умереть в один день» от старости, заснуть, держась за руки и не проснуться. Впрочем, судя по Анне, они и вправду умерли в один день. А как она сама отреагирует, если ее муж умрет раньше ее? Сумеет сохранить свое невозмутимое спокойствие или так же будет обвинять всех вокруг?

– Я должна принести свои извинения врачам за то, что наговорила? – глухо спросила Анна. При всем своем упадке, к ней возвращалась способность ясно мыслить.

– Насколько все плохо? – поинтересовалась Хезер, чуть отодвинулась, чтобы посмотреть налицо бывшей княгини. Та, нахмурившись, кивнула. – Отправь врачам и на медсестринский пост пару корзин с фруктами и цветами. И карточкой. «Прошу прощения за свое постыдное поведение. Благодарю вас за соболезнования». Будет очень мило.

– Ты точно не хочешь вернуться? – спросила Анна. Нужно было лет двадцать назад клонировать Хезер.

– Руководить дворцом я могу и по видеосвязи из дома, – устало ответила Хезер. Ей самой так хотелось вновь стать сорокалетней, навести порядок. А так приходится, словно паук, сидя у себя дома, дергать за нужные ниточки. Благо бывшая княгиня и князь Киард ей это позволяли. Ее же дочь и муж не давали такой возможности.

– Я не смогу без него, – прошептала Анна и выпила таблетки с успокоительным, что чуть дрожащей рукой дала ей Хезер. – Чувствую себя пустой. Никем. А еще надеюсь, что это просто сон. Вот сейчас я немного пострадаю, и Виктор войдет в дверь спальни.

– Я понимаю, милая, – женщина погладила ее по голове, слова приняв в объятья.

– Как жить, если мертв тот, что был твоим сердцем? – засыпая, спросила бывшая княгиня, не желая получать ответ. Ее страшило будущее, она ведь привыкла, к тому, что всегда рядом Хезер и Виктор и вот ей пятьдесят пять, и она осталась совсем одна. Как заснуть и проснуться в прошлом?

Ей хотелось забыться. Уйти в счастливые теплые, вечно солнечные деньки, но те шептали ей, что она уже не будет такой счастливой.

Как можно дальше жить?

Никак. И это понимала Сакура, что сидела за огромным столом переговоров напротив своего мужа. Ее адвокат кореец О Сон Ха, хороший друг Такэо, сидел рядом и каким-то образом устрояюще улыбался своему сопернику. Они выигрывали дело, даже без связей ее брата – императора, но она не могла расслабиться в эти погожие осенние деньки. Сакура посмотрела на своего союзника, оценивая его ум и эту немного устрояющую загадочность и жуткую красоту. А еще он совершенно не понимал шуток, особенно когда она сказал, что если он выиграет дело, она отдаст за него Джин.

Сказала и почувствовала, словно продает душу дьяволу. О Сон Ха лишь вежливо улыбнулся и пообещал подумать. Лучше бы он сразу отказал.

25.12.2034

С Рождеством!

Императорский дом

31.12.2034

С Новым годом!

Полиньяк

Еще один круг чайной ложки в этой кружке, еще, еще, еще. Соре уже хотелось взвыть от этих повторяющихся бессмысленных движений женщины, сидящей напротив.

– Спасибо, что взяла с собой Хикари, – императрица поднесла чашку ко рту, она все еще не привыкла разговаривать с княгиней на «ты», но их дети объединили семьи и что таить, ее-то титул был куда выше, чем титул Анны.

– Не за что, – Анна удивленно посмотрела на нее, словно та появилась из неоткуда. – У нее уже стал заметен живот.

– Да, – мягко улыбнулась Сора, стараясь не рассматривать серое лицо собеседницы. Секунду назад она думала похвалить короткую стрижку гости, сказав, что та напоминает стиль принцессы Дианы. Но потом вспомнила причину кардинальной перемены, шепотом по секрету рассказанной до-

черью: волосы начали выпадать из – за стресса. – Ты заметно похудела.

– А перед этим набрала, – беззлобно усмехнулась Анна, чуть прокашлявшись. Горло второй день першило, и она грешила на специфичную для нее японскую еду. – Я просто вернулась к своим семидесяти килограммам.

– Что тоже неплохо, – подытожила Сора. Приглашая Анну в гости, она надеялась, что Куроки сумеет расшевелить ее, вернуть жизнь, но тот умудрился организовать себе мировое турне. И в глубине души Сора полагала, что ее муж просто не хочет видеть такую поникшую и разбитую княгиню Греспиль. Близкие о ней беспокоились и даже Хикари, в разговорах с матерью, делилась своими страхами. Анна просто жила, выполняла свои обязанности, общалась с семьей, писала статичные письма – заметки Куроки и все. Не кричала, не плакала, смеялась или злилась. Соре казалось, что Анна как тот зверь в клетке, что устал бороться с прутьями, улегся и смотрит на происходящее вокруг.

– Как развод Сакуры? Они наконец-то подписали документы?

– Ему пришлось. Этот адвокат оказался еще тем бульдогом, – усмехнулась императрица, осторожно замечая, съела ли ее гостя хоть что-нибудь. – Его уже пригласили в пару очень крупных фирм.

– Но Куроки не упустил такой ценный кадр? – поинтересовалась женщина напротив.

– Такэо, – поправила Сора. Она была довольна тем, как ее сын ведет дела, еще бы так все хорошо было бы в семейной жизни. – Они с Киардом часто общаются.

– Да, – кивнула Анна. – Я заметила.

Удивительно, но такой холодный, почти светский разговор, приносил Анне куда больше удовлетворения, нежели общение с семьей. Может оттого, что Сора и не думала лезть к ней в душу? Да, скорее всего именно так и это было одним из плюсов этой поездки.

– Я хочу тебя спросить, – спустя некоторое время осторожно начала императрица. Она должна. Она обещала себе и Марии, что лично обратилась к ней с просьбой.

– Если ты о том, что я чувствую, то я злюсь, – протараторила Анна, смотря прямо в карие глаза собеседницы. А та в свою очередь не могла их отвести, заморожено наблюдая как меняется выражение лица гостыи. – Я отдала тридцать лет своей жизни человеку, который не удосужился сдержать своей обещание – умереть со мной в один день. Да, я злюсь.

– И что ты думаешь делать дальше? – быстро спросила Сора, сжав в руках чашку из хрупкого старинного фарфора, совершенно не думая, как это может отразиться на посуде.

– Думаю начать войну с Китаем, но меня никто не поддерживает. Что-то там о численном перевесе, – так же злобно и напористо начала княгиня, затем резко опустив плечи и склонив голову в бок, посмотрела на Сору, что бы в смятении. – Это шутка. Прости. Просто накипело. Я приехала сю-

да, чтобы просто поговорить о мелочах. Боже, я умудрилась приехать к своей... кто ты там?.. Чуть ли не бывшей сопернице, врагу. Давай просто поговорим об общем внуке. Они хотят назвать его Виктором. Виктор Грегори Альберт. И я этого не вынесу. Правда. Поддержи меня.

Сора осторожно опустила чуть треснувшую чашку с так и недопитым чаем и встав, кивнула в сторону закрытой дубовой двери.

– Я тут реконструировала Зимний сад. Посмотришь? И кстати, как тебе имя Роман? Сакура сказала, что оно очень созвучно с роскранским именем. Но мне нравится.

31.10.2035

С Днем рождения!

К.

06.11.2035

С Днем Рождения!

А.Р.

Куроки захлопнул папку с бумагами и устало уставился в окно перед собой. Он давно не был в такой ситуации: в его семье произошло счастье, а в стране горе. И он не знал, какому из чувств он смеет отдаться. Хорошо, что все случилось не в один день. Очередной бессмысленный газовый теракт в метро не должен был ассоциироваться с рождением первого

императорского внука. Благо прошла неделя с того страшного события.

– Ты уже тут? – в кабинет заглянула Сора, несвойственно на ходу застегивая серьги с крупными камнями. – Я никак не могу их одеть.

– Они уже решили, как назовут? – спросил супруг, подходя к жене.

– Я слышала Эмери, предполагала Ромен, был Одрик, Марк, Матис, но наша дочь хочет назвать его Виктором, – вздохнула женщина и вышла в коридор. – Анна давно дала понять, что против.

– Ей кажется, нравилась идея с именем «Кола».

– Это Жанне, Мария «Готье», – поправила его жена и взяла под руку, дабы не спотыкнуться о полы длинного платья, пока они дойдут до комнаты со связью. – Александр предполагал «Анри».

– А Киард?

– Киард хотел девочку, – улыбнулась Сора.

– Мне нравится «Максимилиан» – в их процессию влезла Сакура, в последнее время жившая во дворце.

– Даже не думай предложить это, – сквозь зубы процедил ее брат и открыл дверь, пропуская дам.

– А вот и мы! – как только эта троица разместилась по местам, из Грепиль появилась проекция всего семейства, что заседала библиотеке.

– Милый, вот твои бабушка, дедушка и тетя Сакура, – Хи-

кари чуть приподняла сына, что несмысленно и удивленно рассматривал мир вокруг.

– И что вы решили? – не выдержал Куроки, через секунду заметил, как страдальчески посмотрела на него Анна.

– Гай, – улыбаясь во все тридцать два зуба начала Хикари, видно было, что это нейтральное имя они с Киардом долго выискивали, повезло, что у отца Альберта это было вторым именем, так что не стоило пояснять населению этот выбор.

– Виктор, – чуть понизив голос, продолжил ее муж.

– Максимилиан, – хлопнула в ладоши Сакура, за что получила неодобрительный взгляд брата.

– А я еще думал, что меня ужасно назвали, – подытожил он и все же улыбаясь, посмотрел на дочь с мужем. – Вы молодцы. А Гай такой красавец.

– О, да, – кивнула Жанна. – С таким-то помпезным именем Гай Виктор Максимилиан.

– Мы еще посмотрим, как Грейс назовет своих, – не дал себя в обиду Киард. Его тетушка лишь подозрительно посмотрела в сторону дочери, что картинно отвела свои глаза.

25.12.2035

Поздравляем Гая с его первым Рождеством!

Императорский дом

31.12.2035

С Новым годом!

Время всегда будет оставаться ее злейшим врагом. И это уже никак не изменить. Когда-то она мечтала, чтобы время проносилось быстрее, и они смогут смотреть в прошлое с улыбкой. Сейчас она отчаянно хотела вернуться в прошлое. Сбежать от этого мира, уже не болит сердце или душа, но где прочно поселилось отвратительное чувство страха, что гложет, словно гниль прорастает где-то в районе желудка. А еще она вспомнила отличный совет – никогда не перечитывать старые письма. Благо те слезливые, разочарованные послания, написанные в двадцать два, она сожгла в огне. С каждым новым днем ей становилось тоскливее и тошно от самой себя. Анна полностью передала Киарду бразды правления, думая, что это освободит ее. Но нет. Она даже ничего не почувствовала. Ни – че – го. Женщина просто каждый вечер садилась за один из своих блокнотов и просто смотрела, не зная с чего бы начать. Она уже давно подумывала о вдохновении от наркотиков или выпивки, но ей было банально лень начать поиски поставщика.

– И все – таки они наконец-то назвали эту бедную девочку, – в комнату без стука зашла Грейс, что несла на руках полугодовалого Гая – любимца семьи. Его баловала даже Жанна.

– Наконец-то! – вздохнула Анна, пододвинувшись, дабы племянница села рядом с ней. – Куроки с Сорой уже стали

нервничать. Ей десять дней, как – никак. Так что?

– Анеко, – по слогам произнесла девушка и поцеловала мальчика в пухлую щечку. – Хикари сказала, что это значит «старшая сестра».

– Таким образом, Такэо просто дает себе надежду, что у него родиться сын.

– Мужчины, – закатила глаза Грейс. Она передала ребенка тетке и подошла к окну. – Ты заметила, что Киард стал более нервным?

– Он просто еще не привык, раньше я помогала ему в парламенте. Теперь он одинок, – покачала внука Анна. Даже в нем она видела отражение своего мужа.

– Но он срывается на Хикари, – осторожно начала Грейс. – Я видела однажды, как она плакала.

Женщина внимательно посмотрела на девушку и внезапно поняла, что та уже не десятилетняя девочка, что радовалась пышному желтому платью, привезенному из Венгрии. Нет. Она уже сама готова нянчить своих детей.

– Я поговорю с ним, – кивнула Анна, вновь переводя взгляд на внука. – Спрошу, не нужен ли ему совет. И с ней поговорю. Может ей захочется посмотреть на племянницу. Спасибо, что сообщила. Ты правильно сделала.

– А что со мной? – чуть насмешливо спросила девушка, ее интонация походила на интонацию ее матери.

– Надеюсь, ты ни с кем кроме меня не делилась своими наблюдениями. Нам не нужен еще один скандал.

Анна начала играть с Гаем, дав понять племяннице, что разговор закончен. У нее не было сил лицемерить или лгать, что все хорошо. Их семья переживала очередной трудный момент, но он не имел право свалить все ее усилия, как карточный домик. Если бы Виктор был рядом...

12.06.2036

... До сих пор не могу поверить, что Мори и Джин окончили институт! Ведь еще недавно я держал их на руках, а теперь они держат свою драгоценную племянницу Анеко. Ты бы знала насколько она хорошенькая, а рядом с Гаем смотрится еще краше. Он такой забавный и вдумчиво ее рассматривает, когда их подносят друг к другу. Дети – это чудесно!

Кстати, о детях. Что вы решили делать с этим мальчишкой?...

Он возник со своей матерью из неоткуда, огорошив всю семью своим появлением. Статная женщина, чуть младше Анны, громогласно заявила в приемной дворца, что ее девятнадцатилетний ребенок – сын Виктора. Она, конечно, не желала раздувать скандал и просто хотела, чтобы августейшая семья начислила ей... пенсию. Пожизненную. Жанна в тот момент подавилась чаем, даже забыв свою любимую фразу «тест ДНК – я оплачу сама»; Анна же улыбнулась и предложила гостье привести ее сына. Просто познакомится. Про-

сто бывшая княгиня была уверена, что он не сын почившего князя и просто ей было скучно. Просто.

И вот этот день смотрин настал. Анна с сыном и невесткой, стояли в тени колон балкона, что завершал лестницу из холла наверх. Сама встреча должна была произойти на нулевом этаже в малой гостиной, как раз под ними. Хикари осторожно кивнула, первой увидев юношу, ведомого дворецким. Он пришел один, без матери и в сердце Анны закралось сомнение: а вдруг бедный мальчик и вправду верит, что он сын – князя.

– Нет, ну он симпатичный, – тихо произнесла женщина, продолжая, рассматривая гостя. Высокий, худощавый с темными волосами и орлиным носом, он вызывал в ней какие-то странные смешанные чувства.

– И даже немного похож, – Киард облокотившись чуть подался вперед. – Слушай, а давай мы его женим на Грейс, если он окажется моим братом?

– А давай ты сам сообщишь об этом Жанне? – шикнула на него Хикари, что во все глаза разглядывала гостя. Она не была так уверена в кристальной верности своего почившего свекра, но и не боялась этого юношу, как конкурента. Во – первых, он был младше. Во – вторых, Виктор был консортом. И все же этот юноша не оставил ее равнодушной – в нем была загадка, либо он просто напоминал ей Киарда в его девятнадцать, еще не такого неровного и злого.

– Что ты думаешь с ним делать? – не поворачивая головы,

спросил новый князь.

– Жанна с ним немного поговорит. Узнает, кто зачинщик. И если это его мать, а мальчик лишь пешка, то мы отпустим его просто и проучим мать, – ответила Анна, положив ему руку на плечо. – Скорее всего, так и будет и мне жаль его.

– А мне жаль, что, такие как он, оскверняют память отца, – чуть резко проговорил Киард.

– Я бы на твоём месте относилась к этому спокойнее и с юмором, – покачала головой женщина. – Кто знает? Вдруг Андре все эти годы готовила план мести.

Хикари хмуро посмотрела на свекровь – она терпеть не могла эти её шуточки.

– Прости, милая, – склонив голову, произнесла Анна. – Но даже твоя мать со мной согласна. За врагами нужен глаз да глаз.

31.10.2036

С Днем рождения!

К.

06.11.2036

С Днем Рождения!

А.Р.

25.12.2036

С Рождеством! Счастья и здоровья!

31.12.2036

С Новым годом! Успеха и отсутствия хлопот!

Полиньяк

– И все же? – Сакура со стуком поставила чашку на блюде и посмотрела на Сашу, сидевшего перед ней. Они договорились просто встретиться и поговорить, не омрачая эти милые деньки проблемами. Вот только выбрали неудачное место – Гоа слишком тропическое, слишком влажное, слишком шумное, посему большую часть времени они сидели в одном из номеров и разговаривали друг с другом, пока Александр неосторожно нарушил одно из главных правил – не говорить о семьях. Но в эти первые месяцы нового года слишком его волновали.

– И все же Киард считает иначе, – передернул плечами мужчина и потянулся за новой сигаретой. Анна в последние годы сделала так много для экономической интеграции Греспублики с соседями, а Киард пытается создать новый Железный занавес.

– И что Анна? – Сакура взяла протянутую сигарету и с наслаждением затянулась – дома такой роскоши она не могла себе позволить.

– Она, молча, наблюдает за ним, – хмуро ответил Саша. – Дает советы лишь по внутренней политике. Хикари он тоже

не слушает. «Моя мать никогда не обсуждала с отцом политику.»

Передразнил племянника мужчина и провел пальцами по губам и о чем-то размышляя.

– Очень надеюсь, что он не втянет всех нас войну, но с экономикой ему придется разобраться.

– Все так плохо? – спросила женщина, на которую с некоторым удивлением посмотрел собеседник. – Ты что? Я совершенно не знаю, что происходит в стране. Тем более сейчас.

– Они против твоих отношений?

– Нет, – неуверенно пожала плечами Сакура. – Им все равно. Просто.

Она замолчала на пару секунд, словно собираясь с мыслями, со всем тем, что накопилось у нее на душе, особенно после развода.

– Просто я поняла, что роман с женщиной, – она снова взяла чашку, отложив сигарету. – Я словно переросла это. Как она не была бы хороша.

Сакуре хотелось любви, яркой, незабываемой. И пусть что ей уже чуть больше, чем полвека – возраст это лишь дата в документах. Хотелось куда-нибудь сбежать, подобно в старом американском фильме, поселиться на острове, завести роман. Отрешиться от всего: прошлого и даже от семьи. Она хотела жить для себя. В гармонии с собой. Не быть такой одинокой, как сейчас, даже рядом с Александром.

– Ну, а моя дочь собралась замуж, – усмехнувшись, сообщил Саша. – Луи Моро, друг Киарда и довольно умный молодой человек.

– И твоя жена довольна выбором? – Сакура вновь взяла сигарету. Спустя столько лет она все еще терпеть не могла обсуждать мнение Жанны. Если Куроки и Сора спокойно разговаривали об Анне, а в последнее время женщины вообще часто созванивались, то в Сакуре закипала никому ненужная злоба, лишь только речь заходила о Жанне. Чертова стерва.

– Куда она денется? Грейс счастлива и умудрилась сделать отличный выбор из нашего круга. Лично мне не на что жаловаться. – Саша потушил сигарету. – А что насчет твоих?

– Моя дочь спит с моим адвокатом, – закатила глаза Сакура. – Не то чтобы я была против, но от этого паренька у меня холод по коже. Но адвокат он потрясающий. Таких людей, как О Сон Ха, нужно держать при себе.

– Я смотрю у тебя мурашки от него, – немного злорадно произнес мужчина. – Не знал бы я тебя, подумал, что у тебя есть к нему чувства.

– Что было бы неплохо, заметь, – парировала Сакура.

– Неадекватные же мы люди, – Саша подошел к ней и стал на колени перед ней. – Могла бы ты подумать, что через столько лет мы будем обсуждать наших детей за чашкой кофе?

– Я не могла подумать, – усмехнулась та. – Мы бы давно

занимались немного не тем.

– Не был бы я женат, – покачал головой Саша. Да, наверное, именно так. Если бы обручальное кольцо не сдавливало его морально, он бы давно наплевал на чувства Жанны и просто поцеловал Сакуру. Сначала целомудренно, затем все развязнее и развратнее. Так как на той московской крыше, безбашенно и без границ. Но. Главное «но» сейчас словно светилось на его бледной левой руке. Мужчина поцеловал Сакуру в щеку и, встав, похлопал ее по плечу.

– Я думаю, нам стоит все же поесть, – улыбаясь, он подошел к двери и, обернувшись, замер. Интересно, что сейчас чувствует его сестра? Мучает ли ее то, что она свободна, а Куроки нет? Чувствует ли она ту же привязанность, что и раньше. Или Виктор сумел вытеснить из ее сердца все прошлые увлечения? Ведь Виктор мог, Саша в этом не сомневался. Этот мужчина из безразличия, перешел в интерес, дружбу, а потом и любовь, которую постоянно подкреплял своим доверием и тем, что давал своей жене свободу. Виктор прекрасно понимал, что невозможно запретить все встречи и переписки Анны с Куроки, иначе будет хуже. Сейчас ему, как и много лет назад, его сестре, жизнь казалась, довольно не смешным подобием сериала. Дешевого и довольно глупого, как и их поступки. Вот только деваться уже было некуда – каждый из них в свое время сделал выбор, который привел их в настоящее.

– Полностью согласна, – Сакура легко встала с кресла и,

пройдя мимо Саши, легко ущипнула его за чуть отвисшую щеку. Да, уж, они не такие, как прежде.

16.09.2037

... Недавно мы разговаривали с Сорой о проблемах Киарда и Хикари... Знаешь, в такие минуты мне становится очень стыдно. За сына, за то, как он себя ведет, за то, что это я его воспитала таким, что он не слушает никого и до чего доводит свою собственную жену. Благо к ней снова вернулся Луи Моро, что в скором времени займет место своего отца. И ведь он был голосом разума в их паре.

И все же... Я получается и вправду отвратительная мать. Ведь Киард, основываясь на моем образе, пытается жить по моему подобию. Мне от этого так больно. Получается я испортила и его жизнь, и жизнь вашей дочери.

31.10.2037

С Днем рождения!

К.

06.11.2037

С Днем Рождения!

А.Р.

– Каждую вторую субботу месяца мы с тобой гуляем по этому чертовому парку, – начала бубнить Анна, что поддева-

ла сапогом только что выпавший снег, и вела под руку свою мать. – Мне это, если честно, чертовски надоело.

– А мне нет, – оптимистично ответила старая женщина и лишь покрепче ухватила за руку дочери, что в последнее время прибывала в довольно агрессивном состоянии, нежели как обычно в упадническом. Анна уже давно перестала носить траур и появлялась на развлекательных мероприятиях, разрешая себе улыбаться и немного веселья. Да, она стала оживать, пусть скомкано и путано, но все же возвращаться к прежней жизни, вот только та полностью не могла сделать ее счастливой, как прежде. Все познается в сравнении.

– Я тут прочитала, – начала бывшая княгиня. – Что у меня роман.

– Ммм, – удивленно промычала Мария. Ее дочь до сих пор забавляли эти сплетни иностранной прессы. – И как тебе ухажер?

– Он блондин, – скривилась ее дочка. – И тем более моего возраста. Вот если бы помладше...

– Было время, ты сохла по Киану Ривзу, – напомнила ей мать, с ноткой ностальгии в возрасте.

– Да я все еще сохну по нему, – с улыбкой произнесла Анна. – Всего четырнадцать лет разницы. Эх, я упустила свой шанс.

Они обе засмеялись, хоть в воздухе так и осталась нотка недосказанности.

– Я скучаю по нему, – неожиданно и тихо произнесла Ан-

на. – Возможно, это привычка и она вскоре пройдет, но иногда я чуть ли не врываюсь в нашу спальню сторая от желания сообщить ему какую-нибудь забавную мысль или банальную вещь. И уже на пороге, осознаю, что поделиться и не с кем. Ты чувствовала тоже самое, когда умер Альберт?

Она все еще говорила «наша спальня», все никак не могла разъединить их жизни. Отпустить его.

– Нет, – покачала головой ее мать и, заставляя ее идти дальше. – Похожее я чувствовала, когда нас бросил ваш отец. Ты не думай, я любила Альберта и продолжаю с нежностью вспоминать о нем, каждый день, поверь. Просто мы слишком мало провели время вместе. В отличие от тебя с Виктором. Вы оба знакомы более тридцати лет, постоянно вместе. Я столько лет с родной сестрой в одном городе не прожила. А еще... Еще ты любила Виктора, сильнее чем я Альберта. Ты всегда это прекрасно знала.

– Что ты мне предлагаешь? – просто спросила Анна, наконец-то посмотрев в ее сторону.

– Ничего, – пожала плечами женщина. – Ты можешь, как я найти себе любовное увлечение на пару месяцев, тебе от этого хуже не будет. Может показаться, что жизнь окончена, но это не так. У тебя есть сын, внук, ты должна помогать Хикари справляться с должностью княгини и матери. Может просто быть ее другом. А еще... Еще ты можешь снова начать писать, у тебя же это неплохо получалось.

– Я просто должна занять чем-то время, – словно приго-

вор произнесла Анна, понимая, что ее мать права.

Она спокойно могла выйти замуж еще раз, законы этого ей не запрещали, но разум, вместе с этим проклятым сердцем, шептали ей, что «больше мест нет». Они уже устали: любить, прощать, обожать, терять. Все так банально и просто с этим человеческим сердцем, что оказывается, может принять лишь ограниченное количество людей.

25.12.2037

С Рождеством! Пусть снежной будет эта зима!

Императорский дом

31.12.2037

С Новым годом! Здоровья и удачи вам!

Полиньяк

Время это наш друг и враг. Время это причина и следствие. Лекарство и яд. Оно дарит нам воспоминания и опыт. И их Анна ценила больше всего. Киард, сидящий за своим массивным письменным столом, доставшимся ему от отца, потер устало переносицу, и отложил прочитанный документ в сторону. Его только что называли «спасителем страны», ведь он и вправду умудрился остаться на плаву, пока всю остальную Европу, в очередной раз лихорадило от кризиса.

– Я думаю, – начала Анна, что сидела на диванчике у окна и читала книгу. Точнее просто просматривала, поглощенная

чем-то совершенно другим. – Тебе стоит немного переждать с жилищной реформой. Отдохнуть.

– Мам, – Киард посмотрел на нее с легким укором. – Ты помнишь наш уговор?

– Да, – пожала плечами женщина и захлопнула книгу. – Можешь менять все что хочешь, кроме закона о смертной казни и сдержанной политики в отношении мусульман.

– Ну, вот, – улыбнулся новый князь. – Я еще не трону нашу военную реформу и может быть – таки оставлю католицизм. Я шучу.

– Очень надеюсь, – хмуро произнесла Анна и, подойдя ближе, села рядом с сыном. – Что у вас с Хикари снова?

– Ничего, – отвел взгляд он, но через пару секунд сдался, понимая, что раз уж она завела разговор, то не отстает от него. – Хикари постоянно твердит мне, что я нервный, строит из себя английскую королеву, словно каждую минуту за ней наблюдают.

– В некотором роде она права, – вздохнула женщина и взяла его за руку. – Хикари воспитана в иных традициях, нежели ты. Она хочет походить на свою мать, которая, как ты знаешь, всегда была идеальна, в отличие от меня.

Засмеявшись, Анна похлопала себя по бокам: при домашних она позволяла себе не носить утягивающее белье, что стало ее второй кожей и вызывало кучу шуточек со стороны Виктора. Киард же на это совершенно не обращал внимание. Просто она же его мама.

– Но ты-то у меня самая лучшая, – по – роскрански произнес Киард и обнял ее. Это было невероятно трогательно и приятно, ведь с каждым новым днем и годом, эта маленькая нить, связывающая ее с прошлым и Белкраной становилась все тоньше. Для Киарда и Грейс французский, государственный язык Грепиль, был родным и привычным, хоть и по долгу службы они знали английский и роскранский, а Киард и упонский. Когда-то Грейс начинала учить немецкий, но забросила, как и уроки по фортепиано.

Ее внук Гай еще дальше будет от предков своей прабабки, впитывая в себя совершенно иные ценности и традиции. А еще, конечно же, мощная сила для их княжества – религия, несущая в себе неизгладимый след.

Все изменилось, запуталось и срослось. Создан был новый мир, сменились поколения.

– Мам, – Киард, как в детстве, уткнулся носом ей в плечо и прошептал еле слышно. – Я скучаю по папе.

Нынешний князь Грепиль чуть судорожно вздохнул, чтобы не дать себе пролить хотя бы одну слезинку – он же мужчина.

Но отца все же не хватало. Вспоминая свое детство, он сразу представлял его с собой рядом, а еще где-то вдалеке мать, которую толком он не видел. У Киард были друзья, рядом постоянно отце с бабушкой и Хезер, а еще Жанна и дядя. Отсутствие матери он стал замечать лишь, когда вырос, но это его совершенно не обижало: Киард просто понимал

причину и теперь, уже когда у него самого появился сын, он старался все исправить – как можно больше проводить времени со своим чудесным темноволосым Гай, что так залиvisto и заразительно смеялся.

– Я тоже, – тихо произнесла Анна, закусив губу. Четыре прошедших года смешались в один длинный безрадостный день, с которым она уже смирилась и научилась жить. Все в мире оказалось просто. И все же, иногда она запиралась в своей спальне, доставала коробку с альбомами, в которых хранились газетные вырезки о ней, о Викторе, Куроки с Сорой – в них были воспоминания. Часами женщина просматривала записи об одних из самых счастливых моментах ее жизни. Все эти фото и статьи складывались в ее одну большую историю жизни.

Вот все они за столом: и Альберт, и Патрик Пруст с женой, и Виктор со спутницей да – как – ее – там. Боже, какой же это год? Двухтысячи второй? А вот двухтысячи третий – они с Сашей и Виктором сфотографированы папарацци в каком-то богом забытом районе Нью – Йорка.

Вот и официальное фото на Рождество двухтысячи третьего. Как стучит ее сердце, даже спустя все годы. Она же тогда сделала почти безумный поступок, что превратился в сказку. Анна всегда улыбалась и немного краснела, вспоминая с удовольствием те рождественские каникулы. Робкие поцелуи и объятия, некий бессмысленный и нелепый страх перед тем, что же скажет Альберт с мамой. Ее сердце

неустанно билось в бешеном ритме и казалось, увеличилось в размере. Все было, так же как и с Куроки, разве что реальнее. Она была счастлива и любима. Любима. Как же ей этого не хватало.

12.05.2037

... Ты представляешь Жанна сидела и плакала. Наша стержочка Жанна сидела на свадьбе своей дочери и как достопочтенная матрона рыдала, спрятав лицо в платок. Правда рядом еще плакали от умиления Мария и мать Луи. Твоя покорная слуга и Хикари сидели в стороне и наблюдали за испуганным лицом отца Луи, что не знал, как всех разом утешить.

Этот год – просто год свадеб, с ума сойти. Морио женился! Его невеста, к слову очень симпатичная девушка, как он ее только отхватил, и я была рада, что Сакура сумела себя перебороть и сфотографироваться с Рока Вада для официальной прессы. Мое почтение ей. Или она была под наркотиками и ничего не помнит?

Куроки... Ты только осознай! Тебе шестьдесят, а мне в этом году пятьдесят восемь. Ты в это веришь? Я – нет. Отказываюсь. До сих пор чувствую себя двадцатилетней дуручкой, что только что встретила принцев Уильяма и Гарри. Но вот уже мой сын организовывает торжества и банкеты.

Кто бы мог подумать? ....

А.Р.

– Она не писала, что снова проходила обследование? – спросила Сора, увидев в руках мужа открытое письмо с гербом Греспубли. Иногда ей казалось, что только эти два идиота пользуются услугами почты. – Хикари сказала, что ее в последнее время мучает бессонница.

– Это просто значит, что она снова начала писать книгу и ничего не выходит, – отмахнулся Куроки.

– Ты думаешь? – уже серьезно спросила женщина, подходя к нему. – Она сдала в последнее время, признай. То резко поправилась, то похудела. А теперь у нее точная копия прически принцессы Дианы.

– Она просто ищет новый путь, чтобы жить, – вздохнув, Куроки посмотрел на жену снизу вверх. Он как-то упустил тот момент, когда она перестала ревновать и стала беспокоиться о бывшей княгини Греспубли, как о родном человеке.

Сора скривила рот и отошла, прихватив остальную почту. Она не разделяла уверенности мужа в благополучии Анны, какое-то женское чутье или интуиция нашептывало ей, что возможно грядут перемены. А еще эта очередная дуратская, детская напряженность в отношении Киарда с Хикари. Благо Касуми радовала ее своей покорностью и блестящей выдержкой, оказалось девушка не так плоха, как Сора думала раньше. Та чудесно занималась с Анеко, по – настоящей – любила дочь, хоть и Такэо все еще жаждал сына. Видно

рождение дочери подорвало в нем веру в свою мужественность и теперь он старался доказать себе и остальному миру обратное. Жаль пока ничего не получалось. Но его мать не беспокоилась, при всем своем сложном характере, ее сын умел быть гибким и дипломатичным, когда это было в его интересах, поэтому-то она и не лезла в их отношения. У нее была Сакура с дочерью, и разведенная бывшая Такэо Айко, что подозрительно стала появляться на приемах и деловых встречах. Императрице явно была не нужна новая головная боль, поэтому она потихоньку следила за всеми. И это приносило плоды.

31.10.2038

С Днем рождения!

К.

06.11.2038

С Днем Рождения!

А.Р.

25.12.2038

С Рождеством!

Императорский дом

31.12.2038

С Новым годом!

Она была выжата, устала и просто хотела забиться в какой-нибудь спокойный угол и ждать. Ждать когда солнечный лучик проберется сквозь приоткрытую штору и оставит кусочек пола. Ярким, теплым желтым светом, отраженным на короткошерстном ковре темно – синего цвета. Ей хотелось, чтобы у нее выросли крылья, защитившие ее, убаюкали ее в своем коконе и дали покой.

– Ты снова прячешься? – дверь в эту неосвещенную комнату открыл Саша, что уже успел переодеться после тожественного приема посла США. Чуть пошатываясь, скорее от усталости, нежели от выпитого. А еще, где-то втихаря от жены, он успел выкурить сигарету и посему было немного божно появляться на глаза благоверной.

– Я снова отдыхаю, – язвительно ответила старшая сестра, сидевшая на полу в своем кабинете в полной темноте. Рядом с ней лежал поднос с соком и бутербродом, любовно принесенном Кейти, которую оказывается шесть лет назад наняла Хезер.

– Заметил, – усмехнулся Александр и уселся рядом с ней. Она беспокоила его в последнее время, но наученный в детстве своим опытом брат предпочитал не лезть к ней. Так намного лучше – все свои переживания она с успехом перенесет на страницы книги.

– Сакура познакомилась с мужчиной, – будто невзначай

произнес Саша и взял бутерброд. – Неплохой скажу я тебе. Довольно симпатичный. И мне кажется, она в него влюблена.

– Ты же должен этому радоваться, – вздохнула Анна и положила ему голову на плечо. – Она не будет одинока. И не будет страдать ожидая тебя.

– Знаю, – закусил губу Саша. – Я рад за нее, но что-то в глубине души. Ну, ты знаешь. Это гадкое чувство. Ревность или зависть. Я сам не могу толком разобрать. Когда кто-то подходил к Жанне, я чувствовал злость, а тут.

– Мне этого не знать, – усмехнулась сестра. – Знал бы ты, какие идиотские мысли посещали мою голову за последние сорок лет. Роман о несбывшихся мечтах можно написать. Впрочем, его я и пишу.

– Правда? – восторженно воскликнул мужчина, в голосе его прозвучала настоящая радость. – Это же здорово! Мама очень нервничала, что ты даже перестала делать заметки.

– А к чему они? В ровном счете они будут лишь призраками между строк. Бывает, хочется написать об искренней чистой любви, а получается об эгоистах. И кто такое будет читать? Знаешь, когда я начинала отсылать в редакции свои первые произведения, я чувствовала себя персонажем книги Элизабет Тейлор. Энджел кажется ее звали. Такая я же бесталантливая. Впрочем, сейчас я ее понимаю. Тебе чаще всего стыдно за то, что ты преподнес миру.

– В политике ты чувствовал себя иначе? – чуть задорно спросил Саша, вспоминая как она с испуганными глаза-

ми смотрела на Альберта произносящего конституцию наизусть. Какое это было интересно время: казалось перед нами был весь мир. Открытия, знакомства и восторг, но это было в начале, потом уже пришла ответственность, трудность и тревога.

– Когда я занималась политикой, то точно знала, что за моей спиной всегда стоят люди, готовые дать мне совет и помощь. И даже те на кого я могу свалить всю ответственность, – засмеявшись, женщина, чуть закашлялась.

– Теперь ты стоишь позади, – с грустной улыбкой произнес Саша, отчетливо почувствовал, как сквозь пальцы утекает время. Еще немного и он станет дедом, у Жанны полностью поседеет голова. – Но как я полагаю, это было решение Киарда не вступать в войну?

– Да, – неуверенно пожала плечами Анна и потянулась за стаканом сока. – У него другие взгляды, нежели у меня. Хоть это решение полностью поддерживаю. Сербия нам ничего не сделала, и влезать в ее внутренние конфликты – неразумно. Пусть с армией разбираются.

– Моя сестра, – Саша обнял ее. – Одна из самых мудрых правителей. Я горжусь тобой. И прости, что так редко говорил это.

– И я тебя тоже люблю, – прошептала женщина и потерлась лбом о его плечо. – Помнишь, как в детстве мы смотрели «Том и Джерри» по кассете?

– Конечно! – улыбнулся ее брат. – А «Ну, погоди!» и еще

спорили что лучше.

– Нет, ругались мы из – за того, что более жестокое, – возмутилась Анна и подняла голову.

– точно, – щелкнул пальцами Саша. – И решили, что злее всех заяц.

Они дружно рассмеялись, вспомнив все свои глупые детские разногласия, которые сейчас окрасились в добрые пастельные тона счастливого детства.

06.10.2039

С Днем Рождения!!!

А.Р.

P.S. Я так же как и вы с Сорой обеспокоена отъездом Хикари и ее решением развестись. Я не оправдываю Киарда, что с этой почти войной он стал еще невыносимее. У меня болит сердце от того, что я вижу, как их семья разрушается. Я скучаю по Хикари и понимаю, как больно ей быть вдали от Гая. Им просто нужно дать время – остынуть. Все будет хорошо.

31.11.2039

С Днем Рождения!

К.

P.S. Какой милый подарок сделала ты нашей дочери. Недавно она звонила и была очень довольна, надеюсь, что все продлится относительно долго. Хикари у нас с Сорой

все глаза выплакала от того, что в разлуке с Гаем. На резкие, и довольно весомые слова моей жены «ты думала увезти наследника страны?» она еще сильнее залилась в плаче. Я не мог этого вынести. Благо есть у нас Касуми. Что бы я делал без этой незаменимой помощницы?

P.S.S. И я все же напомним, что нам нужно готовиться к нашему сорокалетнему юбилею.

25.12.2039

С Рождеством!

Императорский дом

31.12.2039

С Новым годом!

Полиньяк

Жизнь – это полотно из эмоций: злости, любви, нежности, счастья и горя. Если в жизни нет чувств и цели – это не жизнь, а существование.

Анна облокотилась на спинку стула, откинула голову и вытянула ноги. Да, время играло уже против нее. Рядом посапывал Куроки, прикрывший свое худощавое лицо соломенной шляпой. Солнце готовилось закатиться за горизонт острова, приобретенного Грепиль в двухтысячи двадцать втором году. Теперь он был одним из самых любимых мест отдыха жителей княжества. И это всегда плюсовалось

к итогам правления Анны.

Женщина посмотрела на дремавшего мужчину и нежно улыбнулась: за несколько дней они успели поругаться, помирились, снова поругаться. И лишь за один момент ей было по – настоящему стыдно.

Он прилетела на остров раньше Куроки и решила расслабиться в баре отеля, затем в своей маленькой резиденции и вот тут-то явился император Упони собственной персоной.

Он никогда не видел ее пьяной и инстинктивно почувствовал страх, напомнивший ему о пьянстве жены. Анна же сидела в плетеном кресле, стоявшем на открытой террасе с видом на океан и просматривала старый альбом с фотографиями. Рядом на полу стояла непонятная бутылка и почти пустой бокал. Мужчина заторможено огляделся по сторонам в поиске прислуги, но та видно была отпущена, либо просто побаивалось княгиню в таком состоянии. А испугаться было чего: ее легкое широкое платье было чистым и опрятным, а волосы лишь взъерошены ветром, синяки под глазами и чуть смазанная помада напоминали ему раскраску злобного клоуна, нежели женщину шестидесяти лет.

– Как я вижу, ты уже начала, – усмехнулся мужчина и, подняв руки вверх, размял затекшую спину за время полета.

– А что же мне еще делать? – наклонив голову, вбок произнесла Анна и резко захлопнула альбом, так что из него выпало несколько фотографий.

– Да что с тобой? – спросил Куроки присев у ее ног. И

начав собрать выпавшие фото. – Чего ты хочешь?

– Чего? – звонко спросила Анна, совершенно не чувствуя контроль над собой. Она лишь ощущала, как дрожит веко правого глаза – верный признак истерики. Женщина глубоко вздохнула, стараясь унять свои нахлынувшие чувства. Спокойно. Вдох.

– Так что? – на свою беду прервал ее Куроки, тяжело вставая с пола. Не стоило вчера с Сорой бежать благотворительный марафон. Возраст-то уже не тот.

– Разведись с Сорой, – прошипела Анна, потеряв последний контроль. Это чувство одиночества, подкреплено алкоголем, заставляло нести ее совершенно возмутимые, для нее вещи. – Я свободна. Такэо вырос. Ты уже никому ничего не обязан. Давай будем вместе!

Куроки на секунду оцепенел: сколько раз в жизни он прокручивал эту сцену, подбирая слова, размышлял, формулировал. Проживал целые жизни в своих сказочных мирах. Но это все было так давно, что казалось нелепым. Им уже по шестьдесят, большая часть жизни прожита, и они прекрасно это понимают. Рубикон уже давно перейден и ничего не вернуть обратно.

– Ты пьяна, – с отеческой улыбкой произнес император и взял ее за руку, готовый увести в спальню, дабы она выпалась, а завтра была самой собой.

– Ну, наркотики в это стране тяжело достать, чертово правительство, остается алкоголь, – монотонно себе под нос

пробормотала женщина и резко вырвав руку, подняла на гостя глаза. – Ты. Меня. Не. Любишь.

– Конечно, – хохотнул мужчина и поправил ее прическу, да в отличие от его жены, она под градусом не была буйной. – За что тебя любить пьяную? Вот завтра я подумаю.

В ту ночь, как и в последующие он не ушел, укладывался рядом с ней и разговаривал, шутил и просто прижимал к себе, целуя макушку поредевших со временем волос. Они снова были счастливы в своем мелком безумном мире, где дальше поцелуев дело не заходило. Однажды он спросил сам себя и так просто ответил: почему-то Анна не возбуждала его, Куроки хотелось лишь ее объятий, а все остальное казалось для него омерзительно пошлым. Анна, при всех своих романах и замужестве, для него умудрялась оставаться девственно чистой и непорочной.

– Куроки, – Анна осторожно потрясла мужчину за плечо. – Пора на ужин.

– А может ну его? – потянул тот, явно не желая расставаться с него сном.

– В нашем возрасте все должно быть по расписанию, – картинно строго произнесла женщина и сняла с него шляпу. Рядом с ним ее сердце задыхалось от нежности, заставляя радоваться жизни. Киард, как и Виктор видел это, скрипя сердцем и под давлением бабушки и дяди, отпуская ее в этот «маленький отпуск». Киард хотел спросить у жены, что она чувствует, зная, что ее свекровь все эти годы, вела личную

переписку с ее отцом, что у них была такая нежная дружба. Роман. Не стоит ей знать, она же так любит отца.

– Еще раз напомнишь, что мне шестьдесят три, обужусь. – Куроки нехотя поднялся и размышлял шею. Он вытянул руки перед собой и оценил приобретенный загар – Сора будет не особо довольна, что он стал похож на бедного крестьянина.

– Даже и не думаю, – Анна взяла его под руку, и они неспешно пошли в сторону дворцовой столовой. – В декабре выйдет книга.

Она произнесла это просто так невзначай, словно надеялась, что он пропустит это мимо ушей, ведь когда она дописывала ее, в ней уже не было такой безумной идеи что этот роман станет настоящим откровением. И все же она дала им шанс и была этим горда.

– Я знаю, – Куроки чуть наклонился и поцеловал ее в плечо. – Я женат на твоей фанатке.

Анна слабо улыбнулась: наверное, это истинное счастье находиться с родственной душой. И все же где-то внизу сердца ей было тяжело, но ведь и она не думала, что все будет так волшебно и заоблачно.

Была книга, рожденная ее потерями и любовью, слезами, которые породили перефразированные воспоминания. Анна гордилась ей, но та ее немного тяготила, словно была неудачным оправданием происходящего сейчас.

«Несколько минут мнимого счастья». И там было всё и

все, лишь с другими именами. И отец с Альбертом, и Сакура с Сашей, мама, Виктор, Жанна, Куроки с Сорой, Киард, Хезер и даже Кейти – служанка. Не было лишь Розы. Эта страница ее жизни была лишь только их с Виктором, и никто не имел права знать о ней. Оплакивать ее, как бы Анне не хотелось жалости. Роза. Ее маленькая девочка была священная и неприкосновенна и окружающие люди были слишком недостойны, чтобы узнать о ней. А еще она не хотела разбить сердце собственного сына, заставить его усомниться в том, что она любит его. Он бы этого не простил ей.

– Знаешь, – решил вернуть ее в реальность Куроки, открывая стеклянную дверь в столовую, уже с накрытым столом. – Что-то правильное есть в наших отношениях. Мы не делаем шагов назад.

– Но и не движемся вперед, – парировала Анна, все еще чувствуя, как расцветает ее сердце. Предавала ли она Виктора?

Она была бесконечно благодарна, что Куроки был с ней и не спрашивал о ее чувствах. Они, как почти четыре десятка лет назад, забирались с ногами на диван и смотрели «Титаник», поедая нездоровую пищу и совершенно не чувствуя возраст и ответственность. Они оба были счастливы и боялись потерять этот маленький потрепанный мирок, в котором красками – эмоциями блестела их жизнь.

25.12.2040

С Рождеством!
Императорский дом

31.12.2040

С Новым годом!
Полиньяк

« Каждый из людей вправе придумать себе сказку и по-стараться ее осуществить. Вся наша жизнь состоит из попыток».

Сора осторожно закрыла книгу, сложив закладку, и посмотрела в окно. Осень во всю уже вступала в свои права: лиственные деревья, посаженные еще императором Акихимом, словно по команде сбросили свой покров, оставив чуть пожелтевшие пихты и ели радовать глаз и защищать дворец от внешнего мира.

Сора не могла поверить в то, как стремительно пролетел этот год, начавшийся с тревожной свадьбы Джин с этим южно – корейским адвокатом, от которого даже у Соры были мурашки. Но ее племянница была счастлива и весела, до то, что им с Куроки банально казалось, что она околдована. Впрочем, их семье такой муж только придаст значимости.

Потом Хикари объявила, что снова ждет ребенка, посему пригласила мать погостить в Грепиль, да и Гаю в этом году исполняется шесть лет. Шесть лет. Почти десять лет ее маленькая дочка замужем, старается быть примером и опорой.

Семь лет как Анна потеряла часть своей души. Признаться, Сора снова ожидала увидеть эту бледную тень, но нет, бывшая княгиня воспаряла духом, шутила и честно пыталась угодить гостю. Ее словно подменили. Нет. Будто Куроки почти год назад на этом острове сумел поменять ей батарейки.

И все же иногда Анна давала слабину – в ее глазах, проskalывала некая обреченность. Сора невольно задумалась, что же она бы чувствовала, если бы потеряла Куроки и осталась одна? Смогла бы как Анна наполовину жить? Не спряталась бы от внешнего мира, упиваясь собственным горем? Или, наоборот, в кои-то веки ощутила себя полностью свободной? Что тогда? У будущего столько вариантов, что мы не можем в полной мере оценить все последствия, чувства. Пока их не испытаем.

А еще недавно у сына Сакуры родился ребенок: мальчик названный Аки. Так мило и забавно, только Такэо не оценил сего в полной мере – у них с Касуми все еще не получалось завести наследника мужского пола, благо, что ее сын винил лишь самого себя. Тем временем Анеко становилась все большей красавицей на радость бабушки с дедушкой и сердобольных жителей страны. Она могла бы быть второй императрицей за долгую историю их страны. Хотя почему могла бы? Будет. Она как – никак старший ребенок в семье и Сора в нужный момент сможет надавить на сына, если тот удумает провернуть какой – либо трюк с престолонаследием. Ну, уж нет. Ее внучка будет императрицей, дочь-то стала

княгиней.

Сора вновь открыла книгу, но не смогла прочесть ни строчки. Она знала всю историю наперед, восторгалась тем как автор сумел прочувствовать всех персонажей, разделила между ними в равной доли свою любовь. Там не было антигероев, лгунов и разлучников, обычные люди, совершавшие обычные глупые поступки. Настоящие. История. История, что со стороны казалась сказкой, женщина слабо усмехнулась: было странно осознавать, как Анна относилась к ней, точнее к ее литературному образу. Она не сочувствовала ей. Она любила ее. В книге Сора совершенно не пила, служив верным голосом разума, а Анна же с Куроки были банальными увлеченными горе влюбленными. Женщина снова усмехнулась: книга продавалась огромным тиражом, в их-то время технологий, эта история любви заставляла рыдать школьниц и домохозяек, а ее же... Ей книга дарила какую-то милую и приятную опустошенность, жаль Куроки так и не решился прочесть роман. Чего же он боялся? Увидеть каким видела его Анна? Как она любила Виктора? Или наконец-то осознать все свои поступки?

Жизнь занимательная штука с кучей загадок.

31.10.2041

С Днем рождения!

К.

06.11.2041

С Днем Рождения!

А.Р.

– Она такая милая! – почти пропищала Грейс, рассматривая свою племянницу, что держал на руках Киард. – Хикари, вся в тебя.

Хикари слабо улыбнулась и осторожно попросила у Жанны попить. Да, уж, эта девочка далась ей с трудом, а еще предстоит сообщить Гаю, почему у него, не обещанный братик, с которым он мог бы поиграть. И еще немного расстраивало отсутствием Анны, у которой разыгралась мигрень, но вдовствующая княгиня Мария пояснила, что это все из – за погоды и что ее свекровь сама огорчена этим.

– Так вы придумали имя? – спросил Луи Моро, муж Грейс, стоявший рядом с тестем у двери. Последний явно отходил выкурить сигарету и теперь старался не подходить к жене.

– Клеменс Соел, – цокнув языком доченьке, произнес за жену Киард. Хикари хотела назвать дочь в честь Анны, но той это, скорее всего не понравилось. – Мать всегда любила оригинальные имена.

– Клеменс? – переспросила Жанна. – Хикари, очень красиво и так по – французски!

– Спасибо, – княгиня украдкой посмотрела на самодовольно улыбающегося мужа. Если суровая Жанна оценила

имя, то значит все хорошо, и оно и вправду подходит.

– Осталась только ты, Грейс, – ехидно заметил Киард, покачивая свое маленькое сокровище, которому он уже уготовал вырасти по образу и подобию свое матери.

– Ну, в отличие от тебя, мы ребенка назовем нормальным адекватным именем, – отмахнулась от него кузина и показала язык. Она уже порядком устала от этих глупых вопросов. Ей и было всего двадцать восемь, а Луи тридцать четыре. Вон мужу Джин уже тридцать восемь, а они только сыграли свадьбу. И вообще на дворе не девятнадцатый век и медицина на достаточном уровне. Тетя Анна всегда ей говорила, что она может усыновить ребенка, ей-то не нужно рожать наследников. А если что, то она защитит ее от матери и общественности, ну или купит дом на другом конце княжества.

Грейс снова улыбнулась малышке. Да, этой девочке очень повезло родиться в такой интересной семье.

25.12.2041

С Рождеством!

Императорский дом

31.12.2041

С Новым годом!

Полиньяк

Анна отложила письмо, в котором Куроки ярко и красоч-

но описывал негодование сына о том, что даже у Джин родился мальчик, которого назвали Нобу. Это веселило императора, что даже не думал уходить от дел, да и Сора, начала активную агитацию среди населения. Эта женщина уперто решила посадить свою внучку на трон и это, признаться, восхищало ее мужа. Его страна требовала перемен и это был один из правильных шагов.

А еще Куроки умалчивал насчет нового романа бывшей княгини и это даже обижало ее. Да, именно обижало. Она вложила в это произведение всю свою душу и надеялась на отклик своих близких. Анна знала, что Сора сразу прочла книгу, как и все предыдущие, как и в старые добрые времена, пририсовывая иллюстрации отдельных сцен: их встреча на одном из балов, самая первая, трогательная и запоминающаяся. Были все, но взгляд Анны прикован лишь к Виктору, да к его книжному прототипу, но такому родному и похожему. От этого у женщины защипало в носу. Сора уважала ее почившего мужа – это было видно. Больше всего она подчеркнула его глаза: карие, отчего-то печальные, настолько реалистичные, что в них хотелось провалиться и не отводить взгляд. Казало, что лишь Сора с Анной понимали, кого больше всего любила главная героиня книги. Может потому что они обе не могли отпустить воспоминание об ушедшем человеке?

Да, в этой книге Анна хотела написать все, что чувствовала по – настоящему. Признаться Куроки, Виктору, Соре и

главное самой себе. В любви? Чего она ожидала? Прощения за то, что мучила окружающих людей? Искупления? Наверное, да. Искупления. Ведь из – за этого слова волны мирового океана легко застилали буквами листы.

Анна усмехнулась: все же большинство так и не поняло ее роман. Читая заметки о ней, она постоянно натыкалась на дифирамбы любви книжных прототипов ее и Куроки. Женщина бросила взгляд на планшет с очередной газетой и ее глупой рецензией, напоминавшей эссе по роману. Там было все так мило и забавно с попытками найти какой-то глубокий смысл, скрытый автором, подсказками и прочей фундаментальной ересью, которая давно не волновала автора. Да и они не поняли того, что главной героиней книги – он же антигерой, разрушивший самого себя. Ее радовало то, что Виктор никогда не прочитает этот отзыв, не скажет правду. Как и она не возразит, что эти строки, вырванные из книги относятся лишь к нему:

« она хотела лишь прикоснуться к нему. Молча ощущать его тепло. Нежно. И едва проводя кончиками пальцев по его руке, чувствовать, как он немного ежится от еле ощутимой щекотки.

И именно тогда ей хотелось дышать мирно. Глубоко. Словно сердце само замедляло свое биение... »

Прав был один роскранский писатель, что заставлял своего персонажа быть таким реальным, что слова, сказанные им через уста героя, Анна вспомнила это даже спустя годы,

потеряв Виктора:

«Находишь только тогда, когда не знаешь, что ищешь. А понимаешь, что нашел, чаще всего, когда уже потерял.»

Жаль, никто не рассказал ей, тогда как быть дальше. Как наблюдать опостыло за жизнью, что ровным и мирным ключом бьет вокруг. Как старится ее мать и подрастает внучка, как внук совершает свои первые осмысленные поступки, пытаясь походить на своего отца. Как брат с женой все меньше спорят и все больше размышляют о маленьком тихом домике, где бы они могли состариться вдвоем. Или о том, что она уже давно перестала замечать новые седые волосы у Куроки, впрочем, как и свои мигрени, не дававшие ей писать роман.

А еще она явно потеряла время и из – за этого с каждым годом событий в ее жизни становится все меньше и меньше. От этого было немного страшно. Или она просто начала бояться старости? Она уж явно не Елизавета Вторая, что в ее годы давала фору тридцатилетним.

Ей шестьдесят два. Шестьдесят два чертовых года. В двадцать лет ей казалось, что это достижимо далеко. Она такой не станет. Время остановится, оставив ее в удобных сорока годах. В двадцать она явно не мечтала о таблетках от головы, тишине той церкви что поближе. И может быть о шоколадном мороженом и, что она попробовала тридцать лет назад в Риме.

Какой же она скучно стала. И Анна и жизнь: одни лишь поздравления с днем рождения и рождеством, да пару звон-

ков. Да, в двадцать она представляла все иначе. И вот сейчас стоя на горе из опыта и ошибок, Анна почему-то почувствовала себя разочарованной. Да что же с ней такое?

31.10.2042

С Днем рождения!

К.

06.11.2042

С Днем Рождения!

А.Р.

25.12.2042

С Рождеством!

Императорский дом

31.12.2042

С Новым годом!

Полиньяк

Какая-то странная, но до боли знакомая музыка раздавалась из гостевой комнаты при родильной палате главного медицинского госпиталя Грепиль. Жанна невольно нахмурилась и решительно направилась туда, хоть и думала вначале заглянуть к своей маленькой сладенькой внучке, спящей с остальными новорожденными в специальном боксе.

– Боже мой, что за ужас? – женщина открыла дверь и остановилась на пороге, разглядывая пританцовывающего мужа и смеющуюся Хикари, сплавившая своих детей Марии и Анне.

– Эта песня была популярна, когда родилась Грейс, – невозмутимо ответил Саша, не прекращая свои глупые скачущие движения. – Представляешь, наша дочь родила дочь.

– Ровно через тридцать лет, – вставила Хикари.

– И один день, – автоматически поправила ее Жанна и, поджав губы, снова посмотрела на мужа. Она вышла замуж за идиота. Раньше она могла бы сказать ему резкое замечание, чтобы он не вел себя как тупица, но то странное рвущее чувство, что постоянно рвалось наружу угасло. Вулкан внутри нее пропал, оставив после себя лишь саркастичность, которая так жалко смотрелась.

Дверь, ведущая в палату, открылась, и показался счастливый Луи, позади которого маячил Киард.

– Мы выбрали имя, – сообщил он родителями жены. В который раз его свекровь прокляла эту традицию окончательно выбирать имя для ребенка, только когда тот родится.

– Я уже боюсь, – не сдержала она комментариев и закатила глаза. На нее уже никто не обижался, принимая такой, какая она есть и, помня, если что, то именно Жанна первой придет на помощь, хоть и сначала даст подзатыльников.

Вчера, перед схватками, во время празднования дня рождения Грейс, Луи заверял всех, что они назовут дочь «Анок-

симетрой», и это было настолько уверено, сказано, что у Анны, сидящей рядом с Жанной ощутимо пробежали мурашки. Да и вообще в последнее время бывшая княгиня довольно часто вздрагивала от происходящего, что Жанне начало напоминать это нервный тик, что был у нее курсе так на третьем университета.

Саша покосился на жену и укоризненно покачал головой, не обращая на ее возмущенное пожатие плечами в ответ.

– Од. Од Моро, – чуть вздернув подбородок, произнес Луи. Конечно же, этот добрый, а главное умный мальчик был счастлив: всего мечты осуществились – любимая работа, жена и дочь. А еще рядом лучший друг и родители, сумевшие воспитать своего младшего сына и дать возможность идти «своим» путем. Не хватало лишь Андре, вспоминая о которой немного холодело в сердце. Он будто бы бросил ее, хоть она сама решила покинуть их общество полное романтизма, золотых всплесков и вспышек. Получив прекрасное образование и порвав с Киардом и дружбой с Моро, Андре просто исчезла с их радаров, чудом растворившись в этой маленькой стране. Иногда Луи думал, что тут не обошлось без помощи старшего поколения правителей Грепиль. Но Андре, наверное, была счастлива, он знал, что она вышла замуж и родила сына, сейчас ему пять лет; она работает в газете и живет в деревеньке у южной границы и не отвечает на рождественские открытки и поздравления с днем рождения, что отправляет ей Моро. Луи не понимал, почему такая яркая и

харизматичная личность, даже после развода, не вернулась в столицу и не стала тем, кем мечтала. Луи даже пару раз звонил ей, но наткнулся на холодное «не стоило звонить»; он часто хотел поговорить об этом с Киардом, но все не решался. Вдруг он был не в курсе того, что произошло на самом деле? Грейс же считала, что Андре просто осознала от чего отказалась и поэтому каждое воспоминание делает ей больно. Но была бы эта жизнь для Андре? Моро никогда не видел ее в роли княгини, то ли дело Хикари, специально росшая для власти. С особым стержнем внутри. Но Андре...

– Мы еще не придумали второе имя, – проморгавшись произнес Луи, словно прогоняя нахлынувшие мысли. – Грейс спрашивает вашего согласия на «Кейтлин». Так зовут вашу матушку?

– Да, – немного смутившись, ответила Жанна, вспоминая о том, что она довольно долго не разговаривала с родителями.

– Мне нравится, – Саша подошел к жене и положил руку на плечо, осознавая, что ей приятен этот порыв. – Од Кейтлин Моро. Необычно. И красиво.

Он чувствовал, как его дочь старается наладить довольно непростые отношения с матерью, и имя был неплохой шаг навстречу.

– Мне тоже очень нравится, – Жанна подошла к дочери и поцеловала его в лоб, аккуратно поправив ее немного спутанные волосы. – Спасибо.

– Ну, а что насчет второго? – сгладил заминку Киард, хлопнул в ладоши.

– Сам рожай, – донесся недовольный голос Грейс, в душе полагая, что поняла, почему у ее матери был один ребенок. Шестнадцать часов. Это была просто пытка, а не традиционные роды, как у всех в семье. Мазохисты! В последние часы схваток Грейс просто хотелось задушить Луи, что болтался за дверьми палаты. Она бы с удовольствием посмотрела, как все эти мужчины у ее койки голосили бы на весь этаж, будучи красными как помидор. Интересно, ругались бы они при этом, как она? Стыдно-то как перед врачами...

Но все же... Ее маленькая розовенькая Од стояла того и даже больше. Ее голубенькие глазки, заспанные и несмышленные; пухленькое младенческое тело вызывало в Грейс бурю до сего неведомых чувств.

28.06.2043

... Все же надеюсь, что ты послушала невропатолога и начала пить лекарства. Ты еще молода для того, что бы с забавным интересом наблюдать за дрожанием руки.

У нас пока все тихо, Сакура решила расписаться со своим мужчиной, но пока это все в планах, но мы с Сорой сделали ставки. Джин окончательно переехала в Южную Корею, где ее мужу предложили партнерство в крупной юридической фирме. Она лично просила их отпустить и я не смог отказать. Морио с Чиз и Аки сейчас в Австралии. Чиз на-

шла работу – преподает английский в университете, а Морио работает в посольстве, судя по звонкам им нравится и, слава богу.

Вот видишь: все птенцы разлетелись. Покинули гнездо. Никогда не думал, что это станет так скоро. Сора все успокаивает меня и говорит, что у нас появятся новые заботы – наследник Такэо...

К.

Вздыхнув Анна залпом выпила таблетки и демонстративно показала матери и Хезер, что приехала погостить на денек, отрытый пустой рот. Хезер, что была на видеосвязи, не одобряюще покачала головой, но ничего не сказала.

– Теперь я могу получить свою почту? – скривив нос, от плохо прошедших через горло таблеток, произнесла Анна. Ее мать, благосклонно кивнув, подошла к дочери и уселась рядом, дабы вместе посмотреть на чудо медицины. Отчаявшись обрести сына Такэо обратился за помощью к врачам и те исполнили его желания, правда, перестаравшись – теперь у него было целых два мальчика.

– Они такие милые, – Мария чуть приблизила фотографию на планшете. – И как их зовут?

– тот, что в золотом, – кивнула дочь и чуть двигаясь ближе к матери, освобождая место для проекции Хезер. – Кин, родился первым. В зеленом Сен.

– Такие односложные имена. – заметила Хезер. – Аки,

Кин, Сен, Нобу, Гай, Од. Будто считалочка на каком-то неизвестном языке.

– Да, – протянула Анна, улыбаясь своей подруге и наставнице, напоминая о том, как зовут ее младшего внука. – Это тебе не Максимилиан Бенедикт.

– А мне нравился Бенедикт, – протянула Мария. – И он сам и имя хорошее.

Вошедшая Кейти тихо зашла и забрала с собой поднос с лекарствами. Бывшая княгиня же, улыбаясь погрузилась в чтение письма. В их жизни наконец-то случились новые события и это невероятно радовало, ибо повседневная дрема все больше старила ее. Даже религиозные войны в княжестве сошли на нет, спустя годы наконец-то осознав свою бесперспективность или более жестокую руку правления Киарда. За границей, точнее за океаном, благополучно считали, что ее сын изменил демократию, которую пошатнула она. Но была ли демократия до них? И какое права другие страны имеют влезать в совершенно не их интересы? Впрочем, это волновало Анну всегда и может быть, поэтому она ни разу за время своего правления не влезала в международные военные конфликты, укрывшись за роскранскими ПВО. Да, было время она с завистью смотрела на Израиль и его оборонительную мощь.

– Может, съездим в ноябре в Кинск? – неожиданно спросила Мария. Она давно уже собиралась это сделать, но ехать одной не хотелось, боялась воспоминания и прошлой жизни,

хоть там ее уже никто не ждет. Дочь внимательно посмотрела на нее, а затем, дернув плечом, снова уставилась в письмо.

– Думаю, это неплохая идея, – четко произнесла она не моргая. – Ностальгия вещь сильная.

31.10.2043

С Днем рождения!

К.

06.11.2043

С Днем Рождения!

А.Р.

25.12.2043

С Рождеством!

Императорский дом

31.12.2043

С Новым годом!

Полиньяк

– Можешь мне объяснить, зачем ты помог перевороту в Африке? – скрестив ногу на ногу, совершенно неподобающе, сидела Сакура, только вчера вернувшаяся со дня рождения Од Моро. На самом деле она ездила туда просто погостить и побыть в обществе любимых и не очень людей. Вернув-

шись, домой она почувствовала себя отдохнувшей и менее одинокой, ведь ее выросшие дети, так и не вернулись в родную страну, решив самостоятельно устраивать свою жизнь. И Сакура была... Горда за них. Зато, что они не держались за дворец, за призрачную надежду на трон и прочие привилегии. Они не она. Они – будущее. Лучше и сильнее ее. Сакура совместно с Сорой стала продвигать «бред» Анеко на национальном уровне. У нее, конечно, было еще куча дел, в том числе и довольно прочные отношения с женщиной, за которого она уже не думала выйти замуж, а просто находиться рядом. Хватит с нее официальных бумаг. Обожглась один раз и даже признала, что они оба были виноваты. Сакура смотрела в прошлое через маленькое окошко и постоянно отталкивала тех, кто хотел закрыть его ставни.

– Мне стало скучно, – неспешно ответил ее брат, рассматривая в зеркале свою залысину. Она его нервировала, но убирать ее он не хотел, фыркая, как и Анна на современную медицину и технологии. Они устали следовать за прогрессом, всем сердцем скучая по двухтысячным и пейджерам.

– А на самом деле? – подняла брови Сакура. Когда же они повзрослеют?

– На самом деле это государственное дело, – вздохнув император, посмотрел на нее. – Это политика, милая моя. Бесчувственная и расчетливая.

– И показывающая силу, – добавила та. Кажется, их отец так говорил.

– Да, – кивнул Куроки. – Мы обсуждали это с Такэо и сообща пришли к этому решению.

– Ты решил научить сына устраивать в тихую госперевоороты? – искренне возмутилась Сакура и подалась вперед. Господи, их отец тоже самое науськивал в свое время?

– Наш отец рассказал мне об этом в десять, – словно против ее мысли, Куроки не стал оправдываться. Впрочем, и в ближайшие пять лет он не собирался отдавать трон Такэо. Может быть Куроки боялся, что после передачи власти он сам останется ни с чем, его жизнь станет бесцельной. О похожем говорила Анна. Но у той то был дар писательства и огромная семья, живущая в одном городе. А он что? Может быть, на самом деле он не мог расстаться с этим пьянящим душу чувством власти. Да, была ответственность, но это ни что с тем, что для большинства он был подобием бога. Он не мог так просто все это отпустить после всех лет и жертв.

– Но как я помню, ты не всегда соглашался с его решениями, – заметила Сакура, чуть скривив губы. Сколько лет прошло, а она до сих пор в обиде на родителей за то, что они не принимали такой как она есть. Благо не сдали в специальную клинику, а ведь могли и никто в то время не воспротивился. В том числе и она. Настолько ли она любила своих родителей или настолько боялась? Боялась чего? Насилия или того уничижающего взгляда, что безмолвно говорил, что она не оправдала надежды. То ли дело Куроки.

Ее брат почал головой и отвел взгляд: он помнил свое

недовольство отцом, бунтарство, но со временем становился таким же и внезапно понял, что все поступки его родителей были естественными и разумными. Они как спираль эволюционировали – менялись лишь время и лица, все остальное остается прежним.

– Вообще я думала ты позвал меня, чтобы расспросить об Анне, – Сакура вновь откинулась на спинку кресла. Отчего вспомнился год, кажется двухтысячи второй, когда она примчалась в Грепиль за спасением. Тогда Сакура не понимала княжну, ни ее поступков, ни того, что можно спокойно любить на расстоянии. Хотя нет. Анна утверждала, что это конец и дальше «все будет хорошо». Говорила одно, а делала другое, прямо, как и Сакура.

– Мы с ней только вчера разговаривали, – отмахнулся император, до сих пор чувствуя некое смущение, когда сестра заговаривала с ним об Анне.

– Да и она о тебе почти не спрашивала, – решила уколоть его сестрица. – Все о Соре, Такэо и остальных. Можно подумать...

– Что мы отделились? – продолжил за Сакуру Куроки, рассматривая обшивку дивана, что стоял около ее кресла. – Возможно это так. Особенно после смерти Виктора. Но... Ведь мы никогда не были особенно близки. Иногда мне казалось, что все чувства, весь наш роман, происходит лишь в наших головах и из – за бунтарства. Но нам обоим это нравилось.

– Главное что нравилось, – подытожила женщина напротив, ощущая, что брат темнит.

– Слишком много изменилось. Может быть, мы повзрослели и осознали ценность того, что находилось рядом, – пожал плечами Куроки, переводя взгляд на книжный шкаф, на бархатные шкоты, цвета шоколада. Сколько им лет? Их покупала Сора, да? Сакура внимательно проследила за его взглядом в надежде наконец-то разгадать своего брата. Но это было невозможно, ведь он и себя полностью не понимал.

– Я все еще люблю ее. Люблю и Сору, – вздохнув, продолжил старый мужчина, спустя тягучие пару секунд молчания. – Но... я жил с Сорой. Рос с ней, изменялся. Рядом, бок обок. А Анна так и осталась в дивном прошлом, на встрече у Уильяма. Я вижу, что она изменилась, но сердце любит ту девушку, что была такой же чужой на том празднике жизни и я не могу стереть это. Забыть.

Мужчина, усмехнувшись, посмотрел на свое обручальное кольцо, немного потускневшего за время. Нужно отдать Соре на чистку.

– Сердце все еще любит и жаждет внимания двадцатилетней девушки с широко распахнутыми глазами, со странным роск... белкранским акцентом.

– А тебе от этого не бывает страшно? – Сакура протянулась к нему и взяла за руку.

– Конечно, страшно, – слабо улыбнулся тот, разглядывая цветочный орнамент платья сестры и избегая ее взгляда. –

Ощущение, что я что-то упускаю.

Вот и ее в это сентябрьское утро мучило чувство утраты. Одевшись, поев и выпив все прописанные витамины, Анна спустилась вниз, кутаясь в связанную Хикари шаль. Прошла сквозь отцветший сад, осторожно открыла калитку, ведущую в пункт назначения, спрятанный за парочкой дубов и сосен, совершенно непригодных для этой местности. Дорожка из гравия привела ее прямо к центральному постаменту с гербом Грепиль – здесь был похоронен отец Альберта, но женщина, не останавливаясь, свернула влево, туда, где ждали ее любимые.

Виктора похоронили рядом с кустом роз, по другую сторону от их ангелочка. Установили маленькую одноместную скамеечку, специально для Анны, что любила разговаривать с мужем. Женщина тяжело опустилась, отметив, что на могилу дочери кто-то положил новые цветы. Скорее всего, Хезер или Жанна.

– Представляешь, – Анна и сама удивилась, как хрипло по – старчески звучал ее голос. – Сегодня нашей Роуз исполнилось тридцать пять.

Женщина закрыла глаза, стараясь успокоить сердце и не смотреть на ту единственную дату на надгробии дочери. Но, прошлое и не думало отпускать, постоянно напоминая о Розе. Женщина видела образ своей дочери в Грейс, в Клеменс и даже Од, в остальных юных девочках, встречавшихся ей на

пути. Это было нелегко. Ведь она даже не видела тельца ее малютки – Виктор запретил. Но он был прав, она бы не пережила. Но сердце. То, что она не могла представить какой Роуз была бы в десять лет, в пятнадцать, какого цвета были бы ее волосы – это сдавливало сердце изнутри.

Женщина открыла глаза, силой воли заставляя себя, перевести взгляд на могилу мужа.

– А ты уже старик, – слеза, внезапно появившаяся в глазах, решила, осталась в уголках. – Семьдесят пять. Мама свои восемьдесят пять праздновала с размахом, видел бы ты салют. Клеменс испугалась и спряталась под стол. Давно я так не смеялась. Представляешь у нас два внука, а еще есть Од. И каждый из них похож на тебя. А Гай-то. Мне всегда казалось, что у твоего отца была капля азиатской крови.

Анна медленно встала и подошла к кусту. Все еще единственному кусту роз, растущему на территории дворца. Женщина протянула руку и потрясла его, скидывая вниз пожелтевшие лепестки отцветшего растения. Она ненавидела это увядание.

– Я скучаю по тебе, – кончиками пальцев Анна дотронулась до холодного черного мраморного надгробия. У Роуз оно было белым, а себе женщина выбрала серый – ей показалось это немного забавным.

Женщина осторожно провела по выгравированным буквам, зачарованно следя за своей рукой, что холодела с каждой секундой. Она, правда, скучала и в такие моменты «еди-

нения с мужем» чувствовала, как сердце разрывается пополам. Почему люди не вечны?

31.10.2044

С Днем рождения!

К.

06.11.2044

С Днем Рождения!

А.Р.

Однажды у всех наступает момент, когда наконец-то начинаешь замечать увядание вокруг: уже не так звонко поют птицы и на деревьях все еще желтые листья, все замедляется, все кроме времени. Она и оглянуться не успела, как княжество отпраздновало ее шестидесятипятилетие, с огромной помпой и признаниями любви; как Виктора нет рядом с ней долгих десять лет, что слились в один год; как ее маленькому ангелу – сыну скоро сорок. Осталось совсем чуть – чуть. В двадцать лет ей казалось, что этот день невысказанно далек, но вот пару мгновений и она со своей восьмидесяти пятилетней матерью с нежностью и очарованием, наблюдают как трехлетняя Клеменс втихаря от старших Гая и Анеко, которую привезли немного погостить, пока у ее младших братьев какая-то инфекция, лезет в банку с печеньем.

– О чем ты задумалась? – спросила Мария, положив руку

на колени сидящей рядом дочери. Временами они походили на старых сплетниц, обсуждающих все и всех.

– О молодости, – ответила Анна с улыбкой. – О том, что много времени проводила впустую.

– И что же нужно было? Бросить княжество и уехать в горы? – ехидно поинтересовалась мать, совершенно точно зная, что ее дочь ни при каких обстоятельствах не отдала бы трон. Даже сейчас, она все еще старается плыть в политической горной реке.

– Было бы неплохо, – пожала плечами Анна. – Лет двадцать назад. Теперь поздно, посмотри, мы с тобой две старые вдовы в курортном городе.

– Было бы смешно, если бы это была бы правда, – усмехнулась Мария, разглядывая свое обручальное кольцо. Она, так же как и ее дочь, не сняла его даже после завершения траура. Даже после того, как на нее вновь начали обращать внимание мужчины. Мужчины. Как же ей хотелось откровенно спросить свою собственную дочь, насчет императора Упии. Если бы тот был свободен: были бы они вместе или снова бы нашли отговорки и противоречия? Первым противоречием были бы наверняка были Хикари и Киард. Знают ли они о той первой любви. Что, кажется до сих пор тлеет? Испугало бы это? Огорчило или они бы посчитали это омерзительным?

– Я все жду от тебя коронную фразу «Все будет хорошо», – подала голос дочь, с улыбкой наблюдая, как Клеменс с

недовольным лицом отодвинула подарок, предназначенный не ей. Эту маленькую занозу определенно будет любить общественность. Надо бы сделать пару официальных фотографий «трех принцесс»: Анеко, Клеменс и Од. Неплохая идея.

– Конечно, все будет хорошо, – Мария похлопала Анну по коленку. – Все плохое уже с нами случилось. Сейчас осталось только ждать мой девяностолетний юбилей.

Анна, усмехнувшись, покачала головой, если бы у нее был такой же оптимизм как у матери. Жаль, что он полностью передался брату.

25.12.2044

С Рождеством!

Императорский дом

31.12.2044

С Новым годом!

Полиньяк

Глава 26

Последняя глава

И лист невозвращения

Прости меня за те слова

И то, что я жестока.

Но милосердие в том,

Что ты живешь во мне.

А счастье мое в том,

Что учишь ты меня.

Она научилась быть открытой, не затаиваться от остальных, наконец-то исполнив свою мечту – больше времени проводить с сыном. Ее умным, красивым, до невозможности сложным, как и она сама, сыном. Они наконец-то научились быть откровенными, без страха ранить в самое сердце, больше не было вопросов без ответов, тем на которые они не говорили. Киард знал о Розе, о писательстве, об «операции охмурить Виктора», которую разработала Хезер, знал и о Куроки. Единственный из всех отпрысков обоих кланов. Он ответил, что другим знать не обязательно, когда его мать поинтересовалась, расскажет ли он хотя бы своей жене.

– Эта информация ни к чему, – Киард опустил чашку с чаем и снисходительно, подобно своему отцу, посмотрел на нее. Знал бы, сколько черт, манер поведения умудрился пе-

рентя от Виктора, просто проводя с ним больше времени. – Ты любила папу, и все это прекрасно знают, так что какое всем дело до твоих страданий о первой любви? Мои дети не будут знать об Андре. Если конечно она не заявится с ребенком, что будет похож на меня.

– Ты все еще любишь ее? – тихо спросила Анна, кутаясь в шаль. В последнее время ныли от холода кости. Мама говорила, что это просто возраст.

– Нет, – отмахнулся нынешний князь Грепиль. – Но я до сих пор на нее обижен. Даже не знаю, как-то по – детски, но иногда я радуюсь газетным статьям, что показывают насколько я счастлив. Пусть завидует.

Анна улыбнулась, и сидя в кресле, рассматривала своего, кажется так и не повзрослевшего внутренне, сына, у которого появились морщины, легкая седина на висках, а его черные волосы теперь коротко подстрижены. Он уже давно не тот мальчик, что играл в оранжерее с Луи Моро.

– Прости меня за то, что я была плохой матерью, – внезапно произнесла Анна, чуть подавшись вперед к сыну. Киард закатил глаза, зная от отца об этой бессмысленной игре матери в муки совести. Может это все же ее хобби?

– Ты была и есть хорошей матерью, – мужчина поднялся со своего места, и, встав на колени перед ней, взял ее за руки. – Просто часто ты была далека. Но это такая глупость. Ты участвовала во всех важных событиях моей жизни. Я помню, как ты звонила мне и ждала, когда же я усну. Это про-

сто наша работа. У меня все также и я понимаю, что ты чувствовала. И я не злюсь и никогда не злился на тебя. Наоборот, именно благодаря тебе я хоть как-то появляюсь в жизни своих собственных детей. Беру с тебя пример, учусь на твоих ошибках. Не сижу с заплаканным лицом и не корю себя попусту. Ну, что ты.

Он вытер слезы, что потекли из ее глаз. С возрастом она стала такой сентиментальной.

– Я никогда не был одинок. Рядом всегда был отец, – продолжил Киард улыбаясь. – Рядом с Гаем и Клеменс Хикари. Все повторяется, потому что ничто не может быть идеальным.

– Ты скучаешь по отцу? – Анна размазала последние слезы по лицу и постаралась улыбнуться.

– Безумно, – ответил сын. – Все жду, когда он войдет в дверь и своим задорным голосом начнет снова меня подкалывать или давать советы насчет Хикари. Мне так же не хватает его, как и тебе. Я до сих пор не верю, что прошло целых одиннадцать лет. Максимум год.

Киард приподнялся и обнял мать, давая ей спрятать свое покрасневшее от переживаний лицо.

– У нас все будет хорошо, – пообещал он, свято в это веря.

Она все еще считала, что прошлое невозможно описать одним словом или парой предложений. Хотя иногда все же ставила дефис между «прошлое» – «было». Ее жизнь была

подобно сказке, сколько бы она не отнекивалась. Сколько бы боли она не испытала, всегда найдутся люди, что с радостью заняли бы ее место.

Анна отодвинула тюль и посмотрела в окно, за которым заканчивался апрель, цвела привезенная Жанной вишня и грело солнце. По коротко стриженному газону бегали Од с Клеменс, а их матери спокойно играли в карты, сидя в беседке. Обычный день, как и сотни других перед ним. Сейчас к ним спустится Мария, с помощью трости и прихрамывающей Хезер, за ними будет идти Жанна с шалью в руках. Их мужчины на работе, а Гай все еще на уроке верховой езды.

Ее замечательная, любимая семья, ради которой она пошла бы на преступление. Раньше она не осознавала всю ценность этого счастья в полной мере. Была глупая и самонадеянная. Впрочем, как и многие другие. Анна заметила скачущего в приплясу Гая, что еле увернулся от поливочной системы и подбежал к матери сзади, закрыв ей глаза, явно играя в «угадай кто». Анна улыбнулась: Киард в детстве обожал эту игру, подкрадываясь к Виктору и визжа «Угадай кто!» А его отец всегда подыгрывал, специально тянул время, долго отгадывая. Виктор был идеальным родителем. Женщина посмотрела на старшего внука: вчера они гуляли по коридорам дворца, держась за руку и разглядывая портреты. Она, как и Альберт в свое время, рассказывала Гаю о его предках, смешила и вспоминала занятные исторические фаты, которые могли быть интересны десятилетнему маль-

чику. Она словно снова старалась искупить то, что Киарда в этом возрасте по коридорам водил Виктор, который всегда был рядом со всеми. Вдруг внук отпустил ее руку и, подбежав к портрету, резко остановился и принял позу, то, что и на картине.

– Бабушка! – воскликнул Гай, горделиво вздрав подбродок, подобно Жанне. – Я, правда, похож на дедушку?

Анна подошла чуть ближе и широко улыбнулась. Она уже давно заметила большее сходство Гая с Виктором, нежели с Киардом. Это было чудесно и эгоистично – смотреть на внука и видеть мужа. И мучительно. Мучительно замечать, как мальчик хмурит брови как дед или потирает переносицу, когда недоволен. Мария однажды сказала, что они слишком возвели Виктора в ранг небожителя, но дочь ее осекла, сказав, что так будет лучше – память о Викторе сохранится, и его не забудут, как отца Альберта.

– Очень, – Анна раскинула руки для объятий и внук, не задумываясь, кинулся к ней. Его бабушка была классная и добрая, не то, что строгая и тихая бабушка Сора. Он был еще ребенком и посему не особо разбирался в людях, деля их на плохих и хороших.

Но это одно из самых счастливых воспоминания согревало ее старое сердце и давало повод жить дальше.

Анна вздохнула и обняла себя руками, продолжив наблюдать за своими подопечными в окно. Она благодарила их за то, что они есть, не разбежались по сторонам света. Благо-

дарила бога и судьбу. Женщина усмехнулась: слишком часто, даже для нее, она стала упоминать бога, а ведь когда-то она приняла католичество лишь для «галочки». Но вот чудо, совершенно старым священником, которого уже давно нет – она верит. Он смог пробудить в ней интерес и принес некоторое спокойствие, стоило ей войти в их придворцовую церквушку восемнадцатого века. Хитрый умный лис. Отца Кристофа тоже не хватало.

Бывшая княгиня пожалала плечами, словно не соглашаясь сама с собой: может быть, ей не стоило быть такой категоричной в жизни и книгах? Наверное, стоило дать своим персонажам открыть свое сердце не только людям, но и чем-то свыше? А церковь ведь дает хороший стимул жить по правилам, как и государство, просто с верой в нечто большее. Что-то она стала снова подолгу размышлять мудреными фразами, достойными места в ее блокноте.

Надо бы осенью вместе с Хикари и детьми съездить в Упопию, давно ведь собирались начать путешествовать с малышкой. Женщина представила лицо Соры, если та заявится к ней без предупреждения с целым нашествием франкоговорящих детей.

Бывшая княгиня чуть нахмурилась и облокотилась о стену у окна: ей стало немного нехорошо, у сердца появилось какой-то тяжелой тягучее чувство. Предчувствием, что появляется вместе с холодным сквозняком. Так уже бывало и ей это очень не нравилось. Женщина ненавидела ожидание.

Анна посмотрела на зеленую траву, что стала немного серее, как и остальной мир вокруг. Она вдруг почувствовала, как погружается в ней вакуум, что давит на грудь и закладывает уши.

Мир стал совсем тусклым. И так до черноты.

Осень в этом году наступила внезапно, окружив старый дворец яркими хрустящими золотыми листьями, которые никто не спешил убирать, зная, как такой пейзаж нравится императору. Очаровательная, теплая красота изменила все вокруг, в том числе и мужчину, что сидел на деревянной скамье в легком пальто, укутав ноги в одеяло и читав книгу. Иногда останавливаясь и пронзительно смотря вдаль, где с вершины холма дворца виднелся город все так же живущий с нескончаемой энергией. Старый немного сторбленный, мужчина поправлял очки и снова начинал читать. Хмурясь, улыбаясь, не понимая.

Он уже давно перестал плакать, но все еще помнил тот животный страх, когда увидел рыдающую жену, что сидела на полу его кабинета. Помнил, как пытался взять себя в руки, но каждый раз, видя в новостях Анну, что-то неведомое перекрывало кислород, заставляя глотать воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Воспоминания душили, заставляя жалеть об упущенном времени, медленно убивали, погружая весь мир в какую-то невероятную пучину отчаянья.

А потом прошло время. И даже стало немного легче. А

ведь она твердила, что исцеляет расстояние. Куроки мог спокойно опровергнуть эту идею. Впервые время ему по – настоящему помогло: смягчились воспоминания, окружили заботы, и дела все это занимало мысли. Ему почудилось, что дышать стало намного легче, даже улыбаться и чуть прихрамывая гулять по парку с Сорой. Жизнь просто возвращалась на круги своя, хоть на их дороге на одну полосу стало меньше. Они это переживут. Так же как и утрату родителей. Станут сильнее. Ведь так считала Сора, что мужественно обнимала его на похоронах?

Наверное, она была права, когда думала что он боится всего, даже самого себя. Когда пути назад не было, Куроки смог зайти в библиотеку, отыскал ту самую книгу и заставил себя начать читать ее, как бы он этого не боялся. Сначала было трудно и тяжело, хотелось захлопнуть ее, словно она была отравлена и больше не открывать. Слишком бы в ней было много личного, пусть и знали об этом немногие.

Мужчину до сих пор мучил вопрос «Зачем?» и ее давний ответ «Чтобы дать нам шанс» его не устраивал. Сора что-то говорила об искуплении, о попытке извиниться. Но перед кем? «S, K и V», которым был посвящен роман? Наверное, он просто чего-то не понимает.

Все еще теплый осенний ветер подул, играя с сухими листьями. Куроки нравилась осень, а вот апрель стал его самым нелюбимым месяцем. Анна, кажется, не любила август, а он так и не знал почему. Значило ли это, то, что он недостаточ-

но ее любил? Или это пустяк, не стоящий внимания, как и то, что Анна наверняка не знала о его любимом цвете?

Они много друг о друге не знали, но это не мешало им тянуться навстречу – вот в чем он был наивно уверен.

Куроки закрыл книгу и посмотрел вдаль. И если когда он начинал читать его, то чувствовал себя на десять лет младше, то сейчас ему стало на двадцать лет больше. Все воспоминания, утраты и поступки, догнали его и дали понять, что никуда не делись. Сидят себе за ширмой «еще не время» и ждут подходящего момента. А еще роман показал ему ту сторону, что видели лишь его близкие, но не он. Нет, он не был чудовищем или чрезмерно эгоистичным принцем, да и добрым и отзывчивым тоже не был. В романе он был самим собой, вплоть до последней строчки. Ожидал ли он иного? Да. Но Куроки никак не мог сформулировать чего именно – слишком много чувств и мыслей. Его интересовало даже то, что думала прочтении Сора, ведь фраза «Хорошая книга. Правда» уж никак не раскрывало ее смысл.

Мужчина закусил губу и посмотрел на обложку. Обычно темно – синего цвета, без иллюстраций и помпезности. Такая с легкостью затеряется среди других книг. Наверное, и они так же в свое время потерялись в своей жизни.

Куроки не заметил, как к нему осторожно подошла жена и села рядом.

- Дочитал? – спросила она, укрывая свои ноги его пледом.
- Да, – чуть вздохнул от неожиданности мужчина и сло-

жил руки на книге, словно защищая ее. Сердцем он был в том вечере октября. Воспоминания, подогретые прочитанной книгой стали яркими, даже трава на газоне у дома британских наследников была зеленее, чем положено. Казалось, и не забывал о той первой решающей встрече, и жил дальше, порождая новые счастливые моменты.

– Спасибо, что были со мной весь вечер, – ее голос еще с акцентом, а щеки краснотой. Они стоят на ступенях, ведущих в дом и дожидаются своих автомобилей, что развезут их по разным частям города. Ему хочется прямо спросить насчет встречи завтра, но он вовремя спохватывается, коря себя за собственную импульсивность. Кто же она такая? Почему его тянет к ней, словно к магниту?

– Не за что, – улыбнувшись, произнес тот еще юный Куроки. – Впервые мне было интересно на подобном собрании.

– Мне тоже. Может тогда не будем разговаривать столь официально? – девушка легко перекатилась с пятки на носок, немного пряча свой смущенный взгляд. А вдруг она слишком откровенна? Да, Хезер говорила, чтобы она была расслабленной, но у всего есть рамки. Сколько же еще ей нужно будет понять и узнать?

– Не будем, – улыбнувшись, упонский принц подал ей руку, дабы отвести к подъехавшей дипломатической машине Грепиль. – Это был чудесный вечер. Надеюсь, не последний.

– Я тоже, – Анна осторожно села на заднее сидение, где уже расположился охранник, прилетевший с ней из княже-

ства. – Доброй ночи, Куроки.

– И тебе, юная княжна, – Куроки аккуратно захлопнул дверцу и, улыбаясь чуть поклонился отъезжающему автомобилю. Его сердце рвалось вслед за ним, а глупая беспомощная улыбка не сходила с лица. Да, что же с ним такое? Почему хочется отменить завтрашний рейс в Акиру и остаться здесь. Созвать какой-нибудь раут в консульстве Упонии и пригласить эту девчонку. Да он знает ее пару часов. Куроки постарался вздохнуть, но ничего не вышло – он просто засмеялся, подняв глаза к ночному небу. Отлично. Он сошел с ума.

– Наконец-то, – упонский принц увидел, как к нему подъехала машина и сел в нее. Ему нужно прочистить голову – поездка по ночному городу самое лучшее. А потом перелет на другой континент. Избавится. Избавится от этой искры, что за пару мгновений сумела стереть его отстраненность и холодность в порошок. Она определенно ведьма. Принц усмехаясь, рассматривал, как за окном меняются дома, парки, редкие пешеходы. А что же чувствовала она? О чем думает? Успела ли выкинуть его из головы?

– И что ты думаешь? – Сора слабо улыбнулась ему и положила голову на плечо. Эта осенняя погода знатно успокаивала ее, вводила в дрему. Замечательное время.

– Думаю, – Куроки взял ее за руку и поцеловал ладонь. – У нас была замечательная, яркая и неоднозначная жизнь и я... Я ничего не хочу менять. Даже если бы у нас бы был шанс.

Слукавил он или он, произнося последнее предложение, он и сам точно не знал. Просто сейчас ему хотелось лишь тепла от присутствия жены и тишины, которую дарил ему пустой дворец. Мужчине казалось, что они в полной мере заслужили это.

А где-то вдалеке, за пеленой времени и воспоминаний шумел летний дождь, что вот – вот должен закончиться. Светило радостно солнце, согревая каждого и обещая, что все будет хорошо.

Впрочем, так оно и было: Куроки осторожно повернул голову и увидел, что Сора задремала. Мужчина поправил одеяло у нее на ногах, осторожно взял вторую руку. Он с улыбкой наблюдал, как ветер все еще играет с листвой, кружа ее в танце, подобно беспомощным марионеткам. У листьев был ветер, у них же они сами. Куроки положил свою голову, на голову Соры, покоящуюся у него на плече, и закрыл глаза. Его сердце, что чинно и размерено отсчитывало удары, заполнялось теплом и нежностью. Ему было спокойно и хорошо.

Разве не это настоящее счастье?

Конец

10.03.2012 – 25.04.2013